

**БЕЛАРУСКІ ДЗЯРЖАЎНЫ ЎНІВЕРСІТЭТ
ЮРЫДЫЧНЫ ФАКУЛЬТЭТ
КАФЕДРА ТЭОРЫІ І ГІСТОРЫІ
ДЗЯРЖАВЫ І ПРАВА**

**ГІСТОРЫКА-ТЭАРЭТЫЧНАЕ АСЭНСАВАННЕ
ДАСЯГНЕННЯЎ ПРАВАВОЙ НАВУКІ:
ПЕРАЕМНАСЦЬ, СТАН І ПЕРСПЕКТЫВЫ**

**Матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі,
прысвечанай 80-годдзю з дня нараджэння
доктара юрыдычных навук, прафесара
Таісіі Іванаўны Доўнар**

Мінск, 17-18 кастрычніка 2024 г.

Мінск
2024

УДК 34(06)
Г 516

Рэкамендавана
Саветам юрыдычнага факультэта
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта
25 лістапада 2024 г.

Рэдакцыйная калегія:

Л. Л. Голубева (гал. рэд.), Т. І. Доўнар (наук. рэд.), А. І. Арлоўская,
В. Ю. Вячорка, Т. У. Іванова, А. М. Фіронаў

Рэцэнзенты:

А. Г. Цікавенка, суддзя Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі Беларусь,
доктар юрыдычных навук, прафесар,
заслужаны юрыст Рэспублікі Беларусь
Н. М. Кандратовіч, дацэнт кафедры канстытуцыйнага права
юрыдычнага факультэта БДУ,
кандыдат юрыдычных навук, дацэнт

**Гісторыка-тэарэтычнае асэнсаванне дасягненняў прававой
навукі: пераемнасць, стан і перспектывы** : матэрыялы Міжнарод.
наук.-практ. канф., Мінск, 17 – 18 кастр. 2024 г. / рэдкал. : Л.Л. Голубева
(гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2024. – 411 с.

У зборнік увайшлі даклады і тэзісы выступленняў вучоных і
практыкуючых юрыстаў Рэспублікі Беларусь і замежных краін на
Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі «Гісторыка-
тэарэтычнае асэнсаванне дасягненняў прававой навукі: пераемнасць,
стан і перспектывы», прысвечанай 80-годдзю з дня нараджэння доктара
юрыдычных навук, прафесара Т. І. Доўнар.

Адрасуецца навукоўцам, выкладчыкам юрыдычных устаноў
вышэйшай адукацыі, аспірантам, магістрантам і студэнтам, а таксама
юрыстам-практыкам.

**ТАІСІЯ ІВАНАЎНА ДОЎНАР – ПРАФЕСАР КАФЕДРЫ
ТЭОРЫІ І ГІСТОРЫІ ДЗЯРЖАВЫ І ПРАВА,
ДОКТАР ЮРЫДЫЧНЫХ НАВУК, ПРАФЕСАР,
ГІСТОРЫК ПРАВА,
ГАНАРОВЫ ПРАФЕСАР ЮРЫДЫЧНАГА ФАКУЛЬТЭТА
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЁНІВЕРСІТЭТА**

Доўнар Таісія Іванаўна нарадзілася 15 кастрычніка 1944 года ў в. Шацк Пухавіцкага раёна Мінскай вобласці.

Пасля заканчэння сярэдняй школы Таісія Іванаўна скончыла медыцынскае вучылішча № 1 г. Мінска (1962 г.) і працавала фельдшарам-лабарантам Раваніцкай участкавай бальніцы, а з 1966 г. – 5-й клінічнай бальніцы г. Мінска

У 1968 г. Таісія Іванаўна паступіла на юрыдычны факультэт БДУ. Пасля заканчэння юрыдычнага факультэта БДУ ў 1973 г. засталася працаваць старшым лабарантам кафедры крыміналістыкі. З 1977 г. – выкладчык, дацэнт, прафесар кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права.

У 1986 г. пад навуковым кіраўніцтвам доктара юрыдычных навук, прафесара Я. А. Юхо у Ленінградскім дзяржаўным універсітэце абараніла кандыдацкую дысертацыю на тэму: «Пераемнасць у канстытуцыйным будаўніцтве Беларускай ССР». У 1997 г. у БДУ пры навуковым кансультаванні прафесара Я. А. Юхо абараніла доктарскую дысертацыю на тэму: «Развіццё агульназемскага права Беларусі ў XV–XVI стагоддзях» (першая з айчынных гісторыкаў права абараніла доктарскую дысертацыю на беларускай мове). Прафесар (1998).

Плённая педагогічная, навуковая, грамадская дзейнасць Таісіі Іванаўны Доўнар, энергія і арганізатарскі талент, высокі прафесіяналізм навукоўцы і педагога, уменне стварыць творчую атмасферу ў калектыве, прынцыповасць і патрабавальнасць да сябе і людзей набылі прызнанне калег і студэнтаў.

Таісія Іванаўна з’яўляецца адным з заснавальнікаў навуковай гісторыка-прававой школы Беларусі. Падрыхтавала аднаго доктара і дзевяць кандыдатаў юрыдычных навук. Усе навуковыя інтарэсы Прафесара Т. І. Доўнар звязаны з гісторыяй дзяржавы і права Беларусі. У сваіх работах навукоўца паказвае характэрныя рысы і асаблівасці развіцця дзяржаўнасці Беларусі на важнейшых гістарычных этапах, раскрывае тэндэнцыі ў развіцці права, падкрэслівае адметнасць і прагрэсіўныя набыткі прававой гісторыі і прававой культуры Беларусі. Асобныя навуковыя працы Таісіі Іванаўны прысвечаны гісторыі канстытуцыйнага, крымінальнага, грамадзянскага права.

Для студэнтаў Таісія Іванаўна – мудры і вопытны навуковы кіраўнік. Прафесар з асаблівай увагай ставіцца да навуковых поглядаў і даследаванняў сваіх вучняў. Студэнтамі асабліва адзначаюцца шматгранныя веды імянінніцы, якія прымушаюць інакш глядзець на гістарычныя і сучасныя працэсы развіцця беларускай дзяржаўнасці. Таісія Іванаўна вельмі ўважліва адносіцца да навуковай падрыхтоўкі студэнтаў, штогод кансультуе адных з лепшых дакладчыкаў на навуковыя канферэнцыі юрыдычнага факультэта БДУ, іншых устаноў вышэйшай адукацыі Рэспублікі Беларусь, ажыццяўляе кіраўніцтва дыпломнымі і магістарскімі работамі, заўсёды гатова выслухаць і дапамагчы студэнтам.

На працягу шэрагу гадоў Таісія Іванаўна з'яўлялася членам Экспертнага савета Беларускага рэспубліканскага фонда фундаментальных даследаванняў НАН Беларусі, прымала ўдзел у рабоце двух доктарскіх саветаў па абароне дысертацый Д.02.01 01 і Д.02.01.04. Зараз з'яўляецца членам доктарскага савета па абране дысертацый Д.02.01.04, членам грамадскага аб'яднання «Беларускі рэспубліканскі Саюз юрыстаў», членам «Беларускага грамадскага аб'яднання «Веды», членам Навукова-метадычнага савета па групе спецыяльнасцей «Права» Вучэбна-метадычнага аб'яднання Рэспублікі Беларусь па гуманітарнай адукацыі, членам Экспертнага савета Міністэрства адукацыі па праэтах НДР «Сацыяльна-гуманітарныя навукі», а таксама членам рэдакцыйных саветаў шэрагу юрыдычных часопісаў («Юстиция Беларусі», «Законность и правопорядок», «Беларускі гістарычны часопіс» і інш.). У якасці сакратара Савета юрыдычнага факультэта прымала ўдзел у перспектывным і цяжкім планаванні вучэбна-метадычнай, ідэалагічнай і выхаваўчай работы на факультэце і кафедры.

Таісія Іванаўна Доўнар апублікавала звыш 400 навуковых прац, у тым ліку 9 манаграфій, каля 20 вучэбных дапаможнікаў і падручнікаў, у тым ліку падручнік «Гісторыя дзяржавы і права Беларусі» з грыфам Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь (2014, 2023) (першы ў Рэспубліцы Беларусь), а таксама звыш 120 навуковых артыкулаў. Акрамя таго, надрукавала больш за 200 навуковых артыкулаў у шэрагу энцыклапедычных выданняў: «Юрыдычны энцыклапедычны слоўнік» (Мінск, 1992), «Мысліцелі і асветнікі Беларусі» (Мінск, 1995), «Энцыклапедыя гісторыі Беларусі». Т. 1–6. (Мінск, 1993–2001) і інш. Т. І. Доўнар з'яўляецца адным з аўтараў і перакладчыкаў энцыклапедычнага выдання «Статут Вялікага княства Літоўскага 1588» (1989). Распрацоўвала шматлікія вучэбныя і вучэбна-метадычныя матэрыялы, у тым ліку тыпавыя праграмы па курсу «Гісторыя дзяржавы

і права Беларусі». Рэцензіравала шэраг манаграфій, вучэбных дапаможнікаў, вучэбных праграм і інш.

Дзейнасць Т. І. Доўнар неаднаразова адзначалася дзяржавай, Беларускім дзяржаўным універсітэтам і юрыдычнай супольнасцю. Таісія Іванаўна ўзнагароджана Ганаровай граматай (2018 г.) і нагрудным знакам Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь «Выдатнік адукацыі» (1999 г.); лаўрэат прэміі БДУ імя У. І. Пічэты за цыкл работ па тэорыі і гісторыі дзяржавы і права (2010 г.); мае падзякі: Міністэрства юстыцыі Рэспублікі Беларусь (2003, 2005, 2010 гг.), Рэктара БДУ (2011, 2015 гг.), Генеральнага пракурора Рэспублікі Беларусь (2015 г.) і інш. У 2014 г. прысвоена званне «Заслужаны работнік БДУ». Узнагароджвалася прызам імя У. Д. Спасовіча Міністэрства юстыцыі Рэспублікі Беларусь (2003, 2014, 2019 гг.). У 2020 г. узнагароджана медаллю Францыска Скарыны. Ганаровы прафесар юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (2024).

Таісію Іванаўну адрозніваюць высокія асабістыя якасці: чалавечнасць, дабрыня, працаздольнасць, добрасумленнасць, ініцыятыўнасць, павага да калег і студэнтаў. Прафесар карыстаецца даверам, павагай і аўтарытэтам у калектыве. Таісія Іванаўна – выдатны навукоўца, вопытны выкладчык, які плённа працуе на карысць Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, юрыдычнага факультэта.

Прафесійны вопыт, шырокія веды і творчы патэнцыял прафесара Т. І. Доўнар будуць і ў далейшым накіраваны на развіццё гісторыка-прававой навукі Беларусі, юрыдычнага факультэта, Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, айчынай вышэйшай школы ў цэлым.

*Дэкан юрыдычнага факультэта
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта,
кандыдат юрыдычных навук, дацэнт А.В.Шыдлоўскі*

*Загадчык кафедры тэорыі і гісторыі
дзяржавы і права, юрыдычнага факультэта
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта,
кандыдат юрыдычных навук, дацэнт Л.Л.Голубева*

ПРЫЎІТАЛЬНЫЯ ВЫСТУПЛЕННІ

Чабуранава Святлана Ягораўна

Дэкан юрыдычнага факультэта
Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы»

Уважаемая Таисия Ивановна!

Сердечно поздравляем Вас по случаю Вашего юбилея.

Для белорусских правоведов Вы являетесь примером талантливого ученого, жизнь которого связана с благородным делом подготовки юридических кадров.

Ваши труды стали золотой страницей историко-правовой науки. Вы являетесь образцом высокой культуры, интеллигентности и толерантности, хранителем духовных ценностей.

Вы даете знания, необходимые для развития и совершенствования, вносите важный вклад в патриотическое воспитание молодежи.

Желаем Вам крепкого здоровья, душевного тепла, неиссякаемой энергии, добрых улыбок и цветов на каждый день!

Бузоўскі Ігар Іванавіч

Рэктар Акадэміі кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь

Уважаемая Таисия Ивановна!

Примите самые искренние поздравления в честь Вашей красивой юбилейной даты от коллектива Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

За многие годы сотрудничества с Академией управления Вами проведена значительная работа по формированию правового сознания студентов, в центре которого — изучение правового наследия нашей страны, обоснование историко-правовых закономерностей общественного и государственного развития и аргументирование тезиса о том, что без объективного и достоверного знания прошлого невозможно построить будущее.

Ваши лекции и семинарские занятия вспоминают выпускники Академии управления как яркие события жизни, во многом определившие их профессиональное и личностное становление.

Ваше участие в подготовке кадров высшей научной квалификации, работе государственных экзаменационных комиссий, подготовке учебной литературы, методическом сопровождении образовательного процесса Академии управления является образцом выполнения своих должностных обязанностей и мастер-классами для профессорско-преподавательского состава.

Будьте здоровы и счастливы! Всегда рады видеть Вас в стенах Академии управления и сотрудничать для решения общей задачи — подготовки высококвалифицированных кадров в области государственного управления и права. Пусть еще много совместных идей и проектов будет реализовано на благо нашей родной Беларуси.

Мальцаў Леанід Сяменавіч

Дырэктар Інстытута дзяржаўнай службы Акадэміі кіравання пры
Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь,
доктар палітычных навук, прафесар,
генерал-палкоўнік у адстаўцы

Князеў Станіслаў Нікіфаравіч

Загадчык кафедры дзяржаўнага кіравання Інстытута дзяржаўнай
службы Акадэміі кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь,
доктар юрыдычных навук, прафесар,
генерал-маёр у адстаўцы

Глубокоуважаемая Таисия Ивановна!

Позвольте нам от имени профессорско-преподавательского
состава Института Государственной службы Академии управления при
Президенте Республики Беларусь сердечно поздравить Вас с юбилеем.

Юная и красивая, очаровательная женщина, известный далеко за
пределами Беларуси ученый, смело и решительно сражающаяся за
интересы Беларуси, почитающая память Великого княжества
Литовского.

Желаем Вам крепкого здоровья, долгих лет жизни, любви,
творческих успехов, семейного благополучия, удачи, радости и счастья!

Матэўскі Андрэй Францавіч

Дырэктар Нацыянальнага цэнтра заканадаўства і
прававой інфармацыі Рэспублікі Беларусь

Паважаная Таісія Іванаўна!

Ад імя калектыву Нацыянальнага цэнтра заканадаўства і
прававой інфармацыі Рэспублікі Беларусь і ад сябе асабіста віншую Вас
з юбілеем!

З Вашым імем, плённай даследчай дзейнасцю звязваюць
развіццё навукі гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Вас шануюць калегі
і студэнты. Педагагічны талент, творчы патэнцыял і жыццёвая мудрасць
дазволілі Вам вырасціць не адно пакаленне высокакваліфікаваных
спецыялістаў-юрыстаў.

Узровень прафесіяналізму і кампетэнтнасць, эрудыцыя і
фундаментальныя веды здабылі Вам высокі аўтарытэт, павагу і шырокую
вядомасць. Вашы навуковыя дасягненні заслужана адзначаны
прэстыжнымі дзяржаўнымі ўзнагародамі.

Упэўнены, што Ваш вопыт таленавітага вучонага і педагога будзе
спрыяць далейшаму развіццю айчынай прававой навукі і юрыдычнай
адукацыі.

Прыміце ад усіх нас, паважаная Таісія Іванаўна, самыя шчырыя
пажаданні моцнага здароўя, шчасця, дабрабыту, натхнення, творчых і
навуковых дасягненняў, ажыццяўлення ўсіх намечаных планаў і
праектаў.

ЭТАПЫ, СУЧАСНЫ СТАН І ПЕРСПЕКТЫВЫ РАЗВІЦЦЯ ГІСТОРЫКА-ПРАВАВОЙ НАВУКІ БЕЛАРУСІ

Т.І.Доўнар

Прафесар кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права,
доктар юрыдычных навук, прафесар,
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, юрыдычны факультэт,
г. Мінск, Рэспубліка Беларусь

У артыкуле даецца кароткая характарыстыка паэтапнага развіцця гісторыка-прававой навукі Беларусі. Адзначаны глыбокія гістарычныя карані, дасягненні і недахопы, становячыя і негатыўныя фактары, якія ўплывалі на яе развіццё. Гаворыцца аб укладзе шэрагу навукоўцаў у яе фарміраванне і перспектывах развіцця.

В статье дается краткая характеристика поэтапного развития историко-правовой науки Беларуси. Отмечены глубокие исторические корни, достижения и недостатки, положительные и негативные факторы, влиявшие на ее развитие. Говорится о вкладе ряда ученых в ее формирование и перспективах развития.

The article gives a brief description of the stage-by-stage development of historical and legal science in Belarus. The deep historical roots, achievements and shortcomings, positive and negative factors that influenced its development are noted. The contribution of a number of scientists to its formation and development prospects are discussed.

Ключавыя словы: Гісторыка-прававая навука; дасягненні; недахопы; перспектывы развіцця.

Ключевые слова: Историко-правовая наука; достижения; недостатки; перспективы развития.

Keywords: Historian-legal science. Achievements. Flaws. Development prospects.

Сярод прававых навук гісторыка-прававая навука Беларусі мае асаблівае значэнне, паколькі на падставе аналізу папярэдняга развіцця дзяржаўнасці і асэнсавання яе ранейшых дасягненняў і недахопаў дае падставы прагнозу яе далейшага функцыянавання. Як і сама беларуская дзяржаўнасць, гісторыка-прававая навука прайшла доўгі і складаны шлях, на працягу якога існавала неафіцыйная забарона яе вывучэння, адбываліся перапынкі ў развіцці (напрыклад, калі беларускія землі знаходзіліся ў складзе Польскай і Расійскай дзяржаў). Уплывалі на

развіцце шматлікія войны, у тым ліку ў XX ст. дзве сусветныя, а таксама змена рэлігіі, у выніку чаго, як пазначаў І.А.Юхо, змяняўся і менталітэт беларускага народа [1]. Так, у раннім сярэдневеччы на змену паганству прыйшла хрысціянская рэлігія візантыйскага кірунку, затым з XIV ст. прымусовым шляхам уведзіцца заходні кірунак хрысціянства – каталіцызм, а з XVI ст. разам з Рэфармацыяй узнікае моцная плынь пратэстантызму. Рэлігійны фактар, разам з шэрагам іншых, увесь час уплывалі на ўсе грамадскія працэсы, у тым ліку і пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі.

Перш за ўсё пазначым, што на развіццё гісторыка-прававой навукі адмоўна ўплывала яе слабае навуковая распрацоўка на працягу папярэдніх стагоддзяў, на што неаднойчы звярталі ўвагу многія гісторыкі права (Юхо І.А., Доўнар Т.І., Вішнеўскі А.Ф. Саракавік І.А. і інш.) [гл.напрыклад: 2]. Асабліва стрымлівалася шэрагам аб'ектыўных і суб'ектыўных фактараў даследаванне айчынай прававой спадчыны, якое з'яўляецца важнейшай задачай гісторыка-прававой навукі. Аднак, нягледзячы на ўсё гэта, паступова, пачынаючы з далёкай старажытнасці, закладваліся падставы для развіцця прававой і гісторыка-прававой навук Беларусі. Так, разам з узнікненнем старажытных дзяржаў з'явілася і цікавасць да гістарычных ведаў. Напрыклад, у Полацкім княстве, якое ў пачатку X ст. было ўжо вядомай ва ўсёй Еўропе дзяржавай, Ефрасіння Полацкая адчыняла пры манастырах школы, дзе вывучаліся не толькі асновы хрысціянскай рэлігіі, але розныя навукі, у тым ліку сусветная гісторыя. Вучоныя сцвярджаюць, што дзейнасць Ефрасінні Полацкай, як і іншых мысліцеляў і дзеячоў Беларусі, мела значны ўплыў на грамадска-палітычнае жыццё многіх дзяржаў [3, с.907-908].

Нельга не пазначыць, што дайшоўшыя да нашага часу летапісы ўтрымлівалі шмат гістарычных звесткаў, а пазнейшыя з іх рабілі ўжо спробы сістэмна выкладзіць айчынную гісторыю. Асабліва гэта тычыцца перыяду Вялікага Княства Літоўскага – дзяржавы, палітыка-эканамічным цэнтрам якой сталі беларускія землі. Менавіта ў XVI ст., калі ў дзяржаве толькі пачыналіся значныя дзяржаўныя рэформы і сістэматызацыя заканадаўства, праявілася тэндэнцыя актывізацыі прававой навукі. У гэты перыяд шэраг знакамітых мысліцеляў (Францыск Скарына, Міхалон Літвін, Сымон Будны, Андрэй Волан, Мікалай Радзівіл Чорны, Астафій Валовіч, Леў Сапега і інш.) даследавалі розныя дзяржаўна-прававыя пытанні і выносілі прапановы па удасканаленню дзяржаўнасці. Так, у творах Фрынцыска Скарыны, які з'яўляўся адным з пачынальнікаў беларускай прававой навукі, выказваліся думкі аб ролі народа ў гістарычным працэсе і праватворчасці, народным суверэнітэце, справядлівасці закона, адпаведнасці яго мясцовым звычаям і

накіраванасці на карысць усяго народа [4, с.337]. Таксама пашырэнне на Беларусі рэнесансных і гуманістычных тэндэнцый садзейнічала развіццю прававой навукі, умацненню свецкай інтэрпрэтацыі палітыка-прававых інстытутаў, што знайшло адлюстраванне ў навуковых працах Андрэя Волана, Аарона Алізароўскага, Пятра Гезкі, Марціна Чаховіца, Лаўрэнція Крышкоўскага, Сымона Буднага, Васіля Цяпінскага і іншых мысліцеляў. Так, толькі А.Воланам было напісана каля 30 навуковых прац палеміка-тэалагічнага, этычнага і палітыка-прававога характару, у якіх ён разглядаў дзяржаву як вынік чалавечай дзейнасці і аб'ект увасаблення рацыянальных пошукаў і мудрасці людзей. Ён вылучыў тры важнейшыя элементы права: справядлівасць, разумнасць, гарантаванасць свабоды і роўнасці людзей. Зусім па-сучаснаму гучаць яго думкі аб тым, што імкненне да свабоды з'яўляецца важнейшай натуральнай уласцівасцю чалавека, абараняць якую і прызначана права; што ніякая грамадская супольнасць, ніякі мір і спакой паміж людзьмі не могуць існаваць без законаў, а "дабрадзейства свабоды" залежыць ад правільнага і ўпарадкаванага заканадаўства [5, с.76-77].

Важным для развіцця прававой навукі было тое, што ў XVI ст. пачалася сістэмная падрыхтоўка юрыдычных кадраў. Так, першай спецыяльнай юрыдычнай навучальнай установай стала Святаянская школа грамадзянскага права, створаная ў Вільні ў 1566 г. Потым даваліся веды ў галіне права у Віленскай акадэміі (1579), шматлікіх іезуіцкіх калегіях, калывінісцкіх і арыянскіх школах, прыватных школах («палестрах»). Пазней у сувязі са спыненнем дзейнасці ордэна езуітаў Віленская акадэмія перайшла пад апеку Адукацыйнай камісіі Рэчы Паспалітай – амаль што першага ў Еўропе міністэрства адукацыі. З 1781 г. акадэмія насіла назву Галоўная школа ВКЛ.

Перыяду знаходжання беларускіх зямель у складзе Рэчы Паспалітай былі характэрны пэўныя дасягненні ў прававым развіцці, у тым ліку было распрацавана шмат нарматыўных актаў больш значнай якасці і прагрэсіўнага зместу. Так, вынікам узаемадзеяння навукі і практыкі стала прыняцце соймам у 1791 г. «Закона аб урадзе», вядомага як Канстытуцыя 3 мая, якая з'явілася фактычна адной з першых канстытуцый у гісторыі чалавецтва.

Пасля далучэння Беларусі да Расіі Галоўная Віленская школа ў 1803 г. была спачатку рэарганізавана ва ўніверсітэт з чатырма факультэтамі, які, аднак, у 1832 г. быў закрыты. Таксама навуковыя даследаванні адносна Беларусі былі прыпынены. Пры гэтым многія расійскія навукоўцы (А. Каравіцкі, Ю. Ярашэвіч, М.Кастамараў, М. Ф. Уладзімірскі-Буданаў, М. П. Дашкевіч, Р. В. Дземчанка, М. В. Каяловіч, І. І. Лапо, Ф. І. Леантовіч, М. К. Любаўскі, М. А. Максімейка, І. А.

Маліноўскі, Т. Чацкі, М. М. Ясінскі, Т. Нарбут і інш.), сярод якіх было нямаła беларусаў (І. Даніловіч, М. В. Доўнар-Запольскі, У. Д. Спасовіч, Л. І. Петражыцкі і інш.), не толькі развівалі ў сваіх творах тэарэтыка-прававыя праблемы, але закраналі гісторыка-прававыя пытанні Беларусі [6, с. 37]. Менавіта творы гэтых навукоўцаў сталі значнай ступенькай у фарміраванні айчынай прававой і гісторыка-прававой навукі, хоць погляды навукоўцаў шмат у чым розніліся і ў большасці знаходзіліся пад уплывам афіцыйнай канцэпцыі расійскай юрыдычнай навукі. Таксама заслугой вучоных стала апублікаванне шматлікага гістарычнага дакументальна-прававога матэрыялу. Асаблівае месца ў даследаванні прававой гісторыі ў той час належыць ўраджэнцам Беларусі І. Даніловічу, Т. Нарбуту, Ю. Ярашэвічу і інш.

Актывізацыя нацыянальна-вызваленчага руху і развіцця нацыянальнай самасвядомасці беларусаў у канцы XIX–пачатку XX стст. суправаджалася з’яўленнем палітыка-прававых ідэй, якія тычыліся ўзнаўлення беларускай дзяржаўнасці. У “Паўночна-заходнім краі”, як афіцыйна называліся беларускія землі, адбываецца значны ўсплеск палітыка-прававой думкі і павелічэнне цікавасці да ўласнай гісторыі. У газетах “Минский листок”, “Виленский вестник” у канцы XIX ст. з’яўляюцца гістарычныя навуковыя працы і рэцэнзіі М. В. Доўнар-Запольскага, іншых навукоўцаў і беларускіх дзеячоў. Менавіта М. В. Доўнар-Запольскі ў даследаванні “Беларускае мінулае” (1888) стварыў асноўнае ядро канцэпцыі гістарычнага развіцця беларускага народа і паставіў праблему неабходнасці нацыянальнага адраджэння Беларусі [7, с. 272-273].

Аднак, толькі ў XX ст. пасля ўтварэння БССР і адкрыцця у 1921 г. Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта пачаліся больш дакладныя даследаванні гісторыі Беларусі, нягледзячы на тое, што ўся тагачасная навука знаходзілася пад уплывам марксісцка-ленінскай ідэалогіі. Так, першы рэктар ўніверсітэта У. І. Пічэта выдаў шмат навуковых прац, прысвечаных сацыяльна-культурнай, эканамічнай і прававой гісторыі Беларусі. Вакол сябе ён аб’яднаў кола даследчыкаў (А. В. Бурдзейка, Д. І. Даўгяла, В. Д. Дружыц, Т. І. Забэлла, К. І. Таўсталес і інш.), якія распрацоўвалі пытанні прававой гісторыі Беларусі. Таксама ў заснаваным у 1922 г. Інстытуце беларускай культуры разам з вывучэннем актуальных праблем дзяржаўна-прававога будаўніцтва БССР даследаваліся пытанні прававой гісторыі, у сувязі з чым пачалося выданне дзяржаўна-прававых актаў XVI-XVII стст. з Літоўскай метрыкі і інш. Напрыклад, быў выдадзены трохтомны “Беларускі архіў” (1927-1930) [8, с. 40].

Патрэбна адзначыць, што ў 1920 гады пачаліся даследаванні беларускай гісторыі ў замежныя былымі дзеячамі нацыянальна-вызваленчага руху (А.Луцкевічам, А.Цвікевічам, Я.Варонкам і інш.). Адначасова зараджаўся і новы кірунак гістарычнай навукі – гісторыя беларускай эміграцыі, аб чым сведчыць выдадзены ў Празе ў 1926 г. зборнік дакументаў і матэрыялаў "Замежная Беларусь" [9, с.28-31]. Пазней іншыя даследчыкі звярталіся да гісторыі Беларусі, яе шматлікім дыскусійным і праблемным пытанням.

Больш значныя зрухі ў сферы распрацоўкі айчынай дзяржаўна-прававой гісторыі пачаліся ў пасляваенны перыяд. Намаганнямі калектыва беларускіх навукоўцаў (Б.Е.Бабіцкі, Ф.І.Гаўзе, І.І.Гарэлік, Г.А.Павецька, Л.А.Рудзіцкі, І.С.Тышкевіч, Ю.П.Смірноў, В.Ф.Чігір) выдаюцца ў 1958 г. у БДУ «Очерки по истории государства и права БССР», у якіх з пазіцый тагачаснай савецкай навукі разглядаліся пытанні развіцця дзяржавы і права БССР з моманта яе ўзнікнення да 1934 года. У 1969 г. была выдадзена другая іх частка, дзе разглядаліся пытанні развіцця дзяржавы і права БССР з 1936 па 1968 гады. Адкажным рэдактарам і сааўтарам гэтай кнігі быў Іосіф (Язэп) Аляксандравіч Юхо, які ў 1963 г. першым пачаў выкладаць на юрыдычным факультэце БДУ новую вучэбную дысцыпліну – гісторыю дзяржавы і права Беларусі. Распрацоўка і ўкараненне ў выкладчыцкую практыку БДУ гэтай вучэбнай дысцыпліны стала не толькі важным вучэбным дасягненнем, але з'явілася значным этапам у развіцці гісторыка-прававой навукі і станаўленні навуковай школы гісторыі дзяржавы і права Беларусі [10, с.79]. Тым больш, што І.А.Юхо ў вучэбнай і навуковай дзейнасці імкнуўся абудзіць у студэнтах і маладых даследчыках самастойнасць мыслення і любоў да роднай Беларусі. Яго працы былі прысвечаны самым актуальным пытанням гісторыі дзяржавы і права Беларусі: паходжанню назвы "Беларусь", станаўленню беларускай дзяржаўнасці і фарміраванню яе тэрыторыі, становішчу насельніцтва, гісторыі заканадаўства, палітыка-прававым поглядам беларускіх мысліцеляў, уплыву Польшчы і Расіі на гісторыю беларускага народа і інш. [10, с. 80].

У 1960-1980-я гады многія правазнаўцы БССР закранаюць пытанні гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Так, былі выдадзены працы: А.С.Фарфеля «Борьба народных масс против контрреволюционной юстиции временного правительства» (1969); А.А. Галаўко «Деятельность Советов Белоруссии по осуществлению экономической политики в деревне в 1927-1936 годах» (1968); Л.А. Прыходзькі «Государственно-правовое руководство коллективизацией сельского хозяйства Белоруссии» (1972); С.П. Маргунскага і Л.І. Кукрэш «Интернациональное и национальное в государственном строительстве

Белоруссии (1917-1920)» (1978); І.І.Марціновіч «История суда в БССР» (1961), «Адвокатура в БССР» (1973); В.А. Крыталевіча «Административно-территориальное устройство БССР» (1966), «Рождение Белорусской Советской Республики» (1975, 1979) М.А. Слабодчыкава «Совет Народных Комиссаров БССР в 1926-1936 гг.» (1977); А.Т. Широкава «ЦК Белорусской ССР в 1919-1936 гг.» (1979); Ю. П. Броўкі «Международная правосубъектность БССР» (1967) і «Белорус-ская ССР – суверенный участник международного общения» (1974) і інш. Усе гэтыя працы і зараз ўяўляюць значную навуковую цікавасць.

Асабліва актывізавалася навуковая дзейнасць з абвясчэннем суверэнітэту Рэспублікі Беларусь. Гісторыкі-правазнаўцы (А.Ф.Вішнеўскі, Т.І.Доўнар, В.А.Круталевіч, Саракавік І.А., М.У.Сільчанка, В.А.Шаўкапляс, І.А.Юхо і інш.) публікавалі шматлікія навуковыя артыкулы і навучальныя дапаможнікі, прыкладвалі намаганні ў перавыданні помнікаў права Беларусі, прынялі ўдзел у падрыхтоўцы шэрага энцыклапедычных выданняў: «Юрыдычны слоўнік» (1989 г.), «Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 г.» (1989), «Энцыклапедыя гісторыі Беларусі» (1993-2003), «Мысліцелі і асветнікі Беларусі (1995), «Асветнікі зямлі Беларускай» (2001) і інш.

У пачатку ХХІ ст. у сферы айчынай гісторыка-прававой навукі пазначылася тэндэнцыя павелічэння колькасці навуковых публікацый і амплітуды навуковай тэматыкі, аб чым сведчыць тэматыка публікацый і абароненых дысертацый. Так, у БДУ пад кіраўніцтвам Т.І.Доўнар былі паспяхова абаронены кандыдацкія дысертацыі: па прававому становішчу маёмасці праваслаўнай царквы (М.Г.Шукан, 2007); гісторыі ваеннага права і ваеннай юстыцыі (В.В.Каляда, 2010; А.І.Адамюк, 2012); гісторыі грамадзянскага права БССР (Ю.І.Кавалеўская, 2011); гісторыі крымінальнага права БССР (С.А.Гур'еў, 2016); гісторыі айчыннага натарыяту (У.М.Ангельскі, 2016); гісторыі адвакатуры Беларусі (А.А.Гур'ева, 2017).

Навукоўцы прынялі ўдзел ў выданні «Беларускай юрыдычнай энцыклапедыі ў 4 т. (2007-2013), перавыданні ў 2003 г. Статута 1566 г. і інш. У межах навуковай гісторыка-прававой школы выпрацоўваліся накірункі далейшых навуковых даследаванняў шляхам абмена вопытам і цеснага ўзаемадзеяння з навукоўцамі ВУН Рэспублікі Беларусь і замежнымі вучонымі. Праводзіліся шматлікія навуковыя і навукова-практычныя міжнародных і рэспубліканскія канферэнцыі, круглыя сталы па актуальных і праблемных гісторыка-прававых пытаннях, а таксама ўшанаванні папярэдніх выдатных навукоўцаў і г.д. У гэты перыяд былі апублікаваны шматлікія навуковыя артыкулы, вучэбныя дапаможнікі,

манаграфіі: Р.А.Васілевіч, Т.І.Доўнар, І.А.Юхо “Гісторыя канстытуцыйнага права Беларусі (2001); А.Ф.Вішнеўскі “Палітыка-прававы рэжым савецкай дзяржавы (1917-1953 гг.)” (2002), “Гісторыя дзяржавы і права Беларусі (2003, 2005) і інш.; І.У.Вішнеўская “Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі” (2004), “Палітычная і правая думка Беларусі на мяжы еўрапейскіх цывілізацый (2007); Голубева Л.Л. “Наследственное право феодальной Беларуси: по законодательству Великого княжества Литовского” (2002); Т.І.Доўнар «Развіццё асноўных інстытутаў грамадзянскага і крымінальнага права Беларусі ў XV-XVI стагоддзях» (2001), “Канстытуцыйнае права Беларусі феадальнага перыяду (па Статутах ВКЛ) (2001), «Гісторыя дзяржавы і права Беларусі» (2007, 2010, 2014) і інш.; Ю.П. Доўнар “Судовая рэформа XVI ст. у Вялікім Княстве Літоўскім” (2007); І.А. Саракавіч “Станаўленне і развіццё юрыдычнай навукі і адукацыі ў Беларусі” (2013), “Міліцыя ў механізме савецкай дзяржавы: 1964-1991: на матэрыялах БССР (2018) і інш. С.Ф.Сокал прысвяціў шэраг публікацый характарыстыцы развіцця палітыка-прававой думкі Беларусі, І.І. Марціновіч – гісторыі судовых устаноў БССР. У 2014 г. Т.І. Доўнар выдала першы падручнік “Гісторыя дзяржавы і права Беларусі” з грыфам Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь, а ў 2018 г. манаграфію “Права Беларусі ў кантэксце гістарычнай эвалюцыі дзяржаўнасці”.

Між тым, нягледзячы на пэўныя дасягненні, у гісторыка-прававой навукі маюць месца значныя недахопы, на што многія навукоўцы пастаянна звярталі ўвагу, падкрэсліваючы, што гэтыя недахопы абумоўлены перш за ўсё малой колькасцю навуковых кадраў, асабліва дактароў навук, адсутнасцю акадэмічнага цэнтра па даследаванні айчынных гісторыі дзяржавы і права, а таксама адсутнасцю спецыяльных кафедраў гісторыі права ў вышэйшых навучальных установах, гісторыка-прававых часопісаў і інш. [6, с.44-45]. Пры гэтым нельга сцвярджаць, што гісторыкам права няма магчымасці публікаваць свае навуковыя артыкулы, аднак, на наш погляд, Рэспубліка Беларусь, якая абвясціла суверэннасць і пабудову прававой дзяржавы, можа сабе дазволіць мець асобны часопіс для публікацый гісторыка-прававых даследаванняў.

Менавіта ў сувязі з пазначанымі недахопамі у гісторыка-прававой навукі застаюцца значныя прабелы і даволі рэдкімі з’яўляюцца новыя ідэі, навуковыя тэмы, манаграфіі. Так, як і раней, мала даследаванымі застаюцца пытанні гісторыяграфіі гісторыка-прававой навукі, эвалюцыі палітычных інстытутаў, гісторыі беларускага канстытуцыяналізму і парламентарызму, развіцця асобных інстытутаў і галін права, органаў улады, судовых устаноў, магдэбургскага права як спецыфікі спалучэння мясцовых і агульнадзяржаўных інтарэсаў, гісторыі прававой думкі,

узаемадзеяння айчынай прававой культуры з заходнеўрапейскай культурай, гісторыі зямельных і іншых рэформаў, укладу асобных дзеячоў і мысліцеляў у развіццё айчынай прававой навукі і інш. [6, с.45]. Напрыклад, неабходна даследаванне зямельных рэформаў XVI, XIX, XX стст. у Беларусі, якія хоць некалькі паляпшалі становішча насельніцтва, але адначасова ўскладнялі яго, што прыводзіла да сацыяльных узрываў і рэвалюцый. Увогуле сялянскае пытанне і звязаныя з ім праблемы застаюцца актуальнымі і сёння. Таксама ў мінулы гістарычны перыяд мала ўвагі звярталася і на такія фактары гістарычнай эвалюцыі, як нацыянальна-вызваленчы і рэлігійны рух, хоць яны разам са складаным характарам іх ідэалогій значна ўплывалі на гістарычнае развіццё, ды і нават зараз моцна ўздзейнічаюць на сусветны гістарычны працэс. Менавіта таму пытанні царкоўна-рэлігійнага жыцця беларускага народу, узаемадзеяння рэлігійных канфесій, узаемаадносін царквы і дзяржавы застаюцца актуальнымі і патрабуюць значнай увагі вучоных [8, с.44]. Акрамя таго, патрабуюць ужо пераасэнсавання многія пытанні савецкага перыяду развіцця дзяржавы і права.

Патрэбна адзначыць, што ў канцы XX ст. значна актывізавалася гістарычная навука Беларусі, а ў сувязі з невялікай колькасцю гісторыкаў права яе прадстаўнікі часам прысвечалі свае творы непасрэдна гісторыка-прававым праблемам. Асноўная праца па асвятленню праблем гістарычнага развіцця Беларусі засяродзілася ў гэты перыяд у Інстытуце гісторыі НАН Беларусі і на гістарычным факультэце БДУ. Асабліва шмат даследаванняў тычылася гісторыі феадальнага перыяду Беларусі, у тым ліку ВКЛ. [11, с.116-117]. Шэраг новых грунтоўных даследаванняў былі прысвечаны палітычнай гісторыі ВКЛ і Рэчы Паспалітай (Ю.Бохан, А.Грыцкевіч, А.Краўцэвіч, П.Лойка, І.Марзалюк і інш.). Акрамя таго, намаганнямі айчынных навукоўцаў у гэты перыяд перадрукоўваецца шматлікі гістарычны дакументальны матэрыял, перавыдаюцца працы знакамітых гісторыкаў (Е.Ахманьскага, Ю.Бардаха, Г.Віснера, Э.Гудавічуса, М.Грушэўскага, М.Космана, Г.Лаўмянскага, М.Любаўскага, І.Лапы, Ф.Леантовіча, А.Праснякова, А.Рахубы, Г.Харашкевіч, М.Ючас, Н.Якавенкі і інш.). Звернем увагу, што ў апошні час гісторыкі Беларусі ўвогуле сталі вельмі актыўна займацца гісторыка-прававымі пытаннямі, аб чым сведчыць выданне шэрагу кніг па гісторыі беларускай дзяржаўнасці, увядзенне ў ВНУ адпаведнай вучэбнай дысцыпліны і інш.

Таксама неабходна адзначыць, што пасля распаду СССР значна актывізаваліся польскія і літоўскія навукоўцы, шэраг якіх з пазіцый павышэння значэння статусу ўласных дзяржаўнасцей па-новаму сталі пераглядаць усходнеўрапейскую гісторыю. У тым ліку многія польскія

навукоўцы, працягваючы традыцыі, закладзеныя папярэднікамі (знакамітым гісторыкам права Ю.Бардахам, а таксама Б.Леснадорскім, Е.Охманьскім, Л.Кіневічам, М.Косманам і інш.), у кантэксце даследаванняў уласнай гісторыі пачалі закранаць пытанні беларускай гісторыі, у тым ліку адносна дзейнасці павятовых соймаў, судовых органаў на Беларусі і інш. (В.Кулісевіч, І.Верхавецка, А.Закрэўскі, В.Кулісевіч, Г.Віснер, А.Рахуба, В.Смаленскі і інш.).

Значна павялічылася колькасць колькасць даследчыкаў гісторыі ў Літоўскай рэспубліцы, у тым ліку тых, хто непасрэдна даследуе гісторыю Вялікага Княства Літоўскага. Так, даследаваннямі палітычнай і сацыяльнай гісторыі ВКЛ XIII-XVIII стст. займаліся А.Тіла, А.Нікжэнтайтис, Э.Гудавічус, М.Ючас, З.Кяўпа, Ю.Кяўпене, С.Ровелл, Э.Мейлус, Г.Слюсарунас, В.Алмонайтис, Р.Трэмонене, В.Далінскас, Д.Вілімас, Р.Шмігельскіте-Стукене, Д.Антанавічюс, Р.Петраускас, Л.Анужыте, Л.Каралюс, Т.Баранаускас і інш. [11, с.227]. Адначасова навукоўцы займаюцца перадрукоўваннем прац папярэдніх даследчыкаў і гістарычных дакументаў, у тым ліку актаў Літоўскай Метрыкі.

На сучасным этапе беларускія гісторыкі права працягваюць пераасэнсоўваюць папярэднія напрацоўкі, высюўваюць новыя ідэі і падыходы ў сферы гісторыі дзяржавы і права. Пашыраецца амплітуда навуковай тэматыкі, адбываецца пошук новых падыходаў у сферы навуковай метадалогіі, прыкладам чаго можа служыць абгрунтаванне ідэі гістарычнай перарыўнасці дзяржаўна-прававога развіцця і т.зв. нелінейнага падыходу да даследавання такога складанага феномена як дзяржава. Пры гэтым, беларуская навука гісторыі дзяржавы і права, як мы неаднойчы звярталі ўвагу, пастаянна знаходзіцца ў стане абароны. Перш за ўсё таму, што замежныя навукоўцы, дзейнасць якіх значна актывізавалася з канца XX ст., усё больш публікуюць уласныя вывады і меркаванні, якія бываюць часам няпэўнымі, слаба аргументаванымі і даволі супярэчлівымі, а беларускія навукоўцы як быццам бы павінны іх абвргаць. Асабліва гэта тычыцца асноўнай праблемы – гісторыі паэтапнага развіцця беларускай дзяржаўнасці. На наш погляд, калі не прыняць неадкладныя меры, то далей будзе усё цяжэй супрацьстаяць шматлікім навуковым і калянавуковым замежным публікацыям на карысць уласных дзяржаў з выкладаннем аднабаковых меркаванняў адносна нашай гісторыі. Менавіта таму беларускім навукоўцам патрэбна смялей выказаць і публікаваць свае вывады, меркаванні, навуковыя пазіцыі і тэорыі, у тым ліку ў сферы існуючых прабелаў у айчыннай гісторыі.

Увогуле больш актыўнае і сістэмнае даследавання ўсіх кірункаў айчыннай гісторыі стане перадумовай для больш дакладных уяўленняў

пра гістарычную эвалюцыю нацыянальнай дзяржаўнасці і перспектывах айчыннага гісторыка-прававога развіцця. Калі зараз мы жывем у суверэннай дзяржаве, да чаго ішлі доўгі час, то павінны ўсялякімі сродкамі клапаціцца аб аўтарытэце нацыянальнай дзяржаўнасці, у тым ліку шляхам павелічэння колькасці і якасці навуковых кадраў самай вышэйшай кваліфікацыі; стварэннем аддзела у НАН Беларусі, які б займаўся стратэгічнымі накірункамі даследаванняў па гісторыі дзяржавы і права Беларусі і кардынаваў навуковую дзейнасць у межах рэспублікі; заснаваннем у ВНУ кафедры гісторыі права і інш. Нездарма знакаміты пісьменнік-фантаст Іван Яфрэмаў, шмат прадбачанняў якога ўжо збылося, яшчэ ў 60-х гадах мінулага стагоддзя ў сваёй знакамітай кнізе “Час быка” пазначаў, што ў будучым гістарычная навука будзе адной з самых галоўных і паважаных. Тым больш гэта тычыцца гісторыка-прававой навукі, якая разам з агульнай прававой навукай прызнана фарміраваць адносіны да права як сродка ўдасканалення і гарманізацыі грамадскіх адносін.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Юхо, Я.А. Гістарыяграфія гісторыі дзяржавы і права феадальнай Беларусі [XII–XX стст.] / Я.А. Юхо / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т філасофіі і права, Беларус.ін-т правазнаўства.–Мінск: Права і эканоміка, 1999.–Ч.1: Дзяржаўнасць і права Беларусі са старажытных часоў да канца XVI ст. – 99 с.
2. Юхо, И.А. История юридической науки Беларуси /И.А. Юхо, С.Ф. Сокол ; Белорус. негос. ин-т правоведения. – Мн. : НО ООО «БИП-С», 2000. – 95 с.
3. Доўнар, Т. І. Асветніца, хрысціянскі дзеяч і мысліцель старажытнай Беларусі / Т.І.Доўнар // Роль жанчыны в развітціі современной науки и образования : сборник материалов Междунар. науч.-практич.конф., 17-18 мая 2016 г., Минск / БГУ; редкол.: И.В.Казакова, А.В.Бутина, И.В. Олюнина. – Минск : БГУ, 2016. – С.904-908. (деп. в БГУ 07.07.2016, № 006307072016).
4. Францыск Скарына і яго час : энцыкл. давед. / рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. сав. энцыкл., 1988. – 608 с.
5. Доўнар, Т. І. Андрэй Волан (Валян) – беларускі філосаф і правазнаўца XVI стагоддзя / Т.І.Доўнар // Юстыцыя Беларусі. 2012, № 8. – С.75-77.
6. Доўнар, Т.І. Навука і навуковая школа гісторыі дзяржавы і права Беларусі / Т.І.Доўнар // Юрыдычная навука і адукацыя ў Беларускім дзяржаўным універсітэце: гісторыя і сучаснасць: да 95-годдзя

юрыдычнага факультэта : зб. навук. прац / рэдкал.: Т. М. Міхалёва (гал. рэд.) [і інш.] ; пад рэд. Т. М. Міхалёвай [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2020. С. 35-44.

7. Ліс, А. Доўнар-Запольскі Мітрафан Віктаравіч / А. Ліс // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Т.3. / Беларус. Энцыкл.; Рэдкал. : Г.П.Пашкоў (гал. рэд.) і інш.; маст. Э.Э Жакевіч. Мінск : БелЭн, 1996. – С.272-273.

8. Доўнар, Т. І. Дасягненні і недахопы ў развіцці гісторыка-прававой навукі Беларусі / Т.І. Доўнар // Право.by. № 2 (34)2015. – С.38-45.

9. Сяргеева, Г. Гісторыя Беларусі ў даследаваннях беларускай эміграцыі / Г.Сяргеева / Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Т .3. – Мінск: БелЭн, 1996 – С.28-31.

10. Доўнар, Т.І. Равеснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта / Т.І. Доўнар // Юстыцыя Беларусі. 2021. № 4. – С.79-80.

11. Вялікае княства Літоўскае: гісторыя вывучэння ў 1991-2003 гг. : матэрыялы круглага стала “Гісторыя вывучэння Вялікага княства Літоўскага ў 1991-2003 гг.”, Гродна (16-18 мая 2003 г.) / рэдкал. : С.Б.Каўн (адказ.рэд.) [і інш.]. – Мінск : Медисонт, 2006. – 540 с.

**ГІСТОРЫКА-ПРАВАВАЯ НАВУКА БЕЛАРУСІ І ЎКЛАД
У ЯЕ РАЗВІЦЦЕ ГІСТОРЫКА ПРАВА, ДОКТАРА
ЮРЫДЫЧНЫХ НАВУК, ПРАФЕСАРА Т.І.ДОЎНАР**

Л.Л. Голубева

Загадчык кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права,
кандыдат юрыдычных навук, дацэнт,
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, юрыдычны факультэт,
г. Мінск, Рэспубліка Беларусь

Паказаны значны ўклад гісторыка права, доктара юрыдычных навук, прафесара Т. І. Доўнар у развіццё гісторыка-прававой навукі Беларусі.

Показан значительный вклад историка права, доктора юридических наук, профессора Т. И. Довнар в развитие историко-правовой науки Беларуси.

The significant contribution of the historian of law, Doctor of Law, Professor T. I. Dovnar to the development of the historical and legal science of Belarus is shown.

Ключавыя словы. Беларуская дзяржаўнасць, гісторыка-прававая навука, навуковая школа.

Ключевые слова. Белорусская государственность, историко-правовая наука, научная школа.

Keywords. Belarusian statehood, historical and legal science, scientific school.

У прэамбуле Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь гаворыцца аб шматвекавой гісторыі развіцця беларускай дзяржаўнасці, культурных і духоўных традыцыях. На наш погляд, якраз пераемнасць айчыннага права з’яўляецца добрым прыкладам узаемасувязі гісторыі і сучаснасці, дапамагае пазбегнуць папярэдніх памылак і выбраць найбольш правільны накірунак далейшага развіцця.

Беларуская дзяржаўнасць, якая ўзнікла ў далекай старажытнасці пад уздзеяннем шматлікіх унутраных і знешніх сацыяльна-эканамічных і палітычных прычын, у сваім станаўленні і развіцці прайшла доўгі і складаны гістарычны шлях (некалькі перыядаў). Кожнаму перыяду станаўлення і развіцця беларускай дзяржаўнасці адпавядае пэўны этап у развіцці гісторыка-прававой навукі.

У сучасны перыяд развіцця беларускай дзяржаўнасці важкі ўклад у гісторыка-прававую навуку ўносіць гісторык права, доктар юрыдычных навук, прафесар Таісія Іванаўна Доўнар.

Таісія Іванаўна Доўнар нарадзілася 15 кастрычніка 1944 года ў в. Шацк Пухавіцкага раёна Мінскай вобласці. Пасля заканчэння сярэдняй школы Таісія Іванаўна паступіла ў медыцынскае вучылішча № 1 г. Мінска, якое скончыла ў 1962 г. Працавала фельдшарам-лабарантам Раваніцкай участкавой бальніцы, а з 1966 г. – 5-й клінічнай бальніцы г. Мінска.

У 1968 г. Т. І. Доўнар паступіла на юрыдычны факультэт Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Пасля заканчэння юрыдычнага факультэта БДУ у 1973 г. засталася працаваць старшым лабарантам кафедры крыміналістыкі юрыдычнага факультэта БДУ. З 1977 г. – выкладчык, дацэнт, прафесар кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права юрыдычнага факультэта БДУ.

У 1986 г. пад навуковым кіраўніцтвам доктара юрыдычных навук, прафесара Я. А. Юхо у Ленінградскім дзяржаўным універсітэце абараніла кандыдацкую дысертацыю на тэму: “Преемственность в конституционном строительстве Белорусской ССР”. У 1987 г. па матэрыялах дысертацыі была выдадзена манаграфія “Теоретические основы преемственности конституционного строительства”.

У 1997 г. Т. І. Доўнар у БДУ абараніла доктарскую дысертацыю на тэму: «Развіццё агульназемскага права Беларусі ў XV–XVI стагоддзях» (навуковы кансультант – доктар юрыдычных навук, прафесар Я. А. Юхо). Т. І. Доўнар – першая з айчынных гісторыкаў права абараніла доктарскую дысертацыю на беларускай мове. У 1998 г. Таісіі Іванаўне было прысвоена навуковае званне “прафесар”.

На працягу ўсяго творчага шляху Т. І. Доўнар даследуе этапы станаўлення і развіцця беларускай дзяржаўнасці, паказвае характэрныя рысы і асаблівасці развіцця дзяржаўнасці Беларусі на важнейшых гістарычных этапах, раскрывае тэндэнцыі ў развіцці права, падкрэслівае адметнасць і прагрэсіўныя набыткі прававой гісторыі і прававой культуры Беларусі. Таісія Іванаўна аналізуе праблемы эвалюцыі палітычных інстытутаў, гісторыю беларускага канстытуцыйналізму і парламентарызму, судовых органаў, магдэбургскага права ў Беларусі, гісторыю дзяржавы і права савецкага перыяду, а таксама гісторыю айчыннай палітычнай і прававой думкі. Асобныя навуковыя працы Таісіі Іванаўны прысвечаны гісторыі канстытуцыйнага, крымінальнага, грамадзянскага права Беларусі.

Прафесар акцэнтует ўвагу на тых прабелах, якія мелі месца ў гісторыі дзяржавы і права Беларусі, закранае многія аспекты і праблемныя пытанні гісторыка-прававой спадчыны беларускага народа.

Некалькі манаграфій прысвечаны праблемам станаўлення і развіцця інстытутаў і галін права (канстытуцыйнага, грамадзянскага, крымінальнага і інш.). Навуковая заслуга Т. І. Доўнар у тым, што даследуючы гісторыю дзяржавы і правы феадальнага перыяду, навукоўца выклала ўласную канцэпцыю фарміравання агульназемскага права Вялікага Княства Літоўскага, справядліва адзначаючы, што палітыка-эканамічным цэнтрам гэтай дзяржавы з’яўляліся беларускія землі. У сваіх даследаваннях Таісія Іванаўна пераканаўча аргументавала ўласныя пазіцыі па пытаннях асноўных і дадатковых крыніц права ВКЛ, накіонт межаў запазычання замежнага права, значэння і ролі статутаў Вялікага Княства Літоўскага 1529, 1566, 1588 гг. і інш.

Важнымі і цікавымі з’яўляюцца публікацыі, прысвечаныя гісторыі развіцця юрыдычнай навукі і адукацыі ў Беларусі, а таксама гісторыі юрыдычнага факультэта і станаўлення навуковых прававых школ у Беларускім дзяржаўным універсітэце.

Многія навуковыя даследаванні Т. І. Доўнар прысвечаны XVI стагоддзю. У манаграфіі “Развіццё асноўных інстытутаў грамадзянскага і крымінальнага права Беларусі ў XV – XVI стагоддзях” (2000) даследуюцца працэс станаўлення і развіцця агульназемскага грамадзянскага і крымінальнага права феадальнай Беларусі пазначанага перыяду. Надаецца ўвага эвалюцыі асноўных інстытутаў грамадзянскага права: рэчаваму праву, сервітутам, абавязацельнаму, залоговаму і спадчыннаму праву, а таксама разглядаюцца праблемы злачынства і пакарання ў іх гістарычным развіцці.

Т. І. Доўнар удзельнічала ў падрыхтоўцы выдання “Гісторыя канстытуцыйнага права Беларусі” (2000), падрыхтаванага калектывам аўтараў. Упершыню была зроблена спроба выкласці ў храналагічным парадку працэс развіцця канстытуцыйнага права ад адасобленых норм, змешчаных у старажытных граматах і да высокаразвітай прававой сістэмы Рэспублікі Беларусь.

Адной з асаблівасцей гісторыка-прававой навукі з’яўляецца тое, што ў савецкі перыяд развіцця беларускай дзяржаўнасці гісторыя дзяржавы і права Беларусі не даследавалася, не друкаваліся крыніцы права. Нават у прэамбуле Канстытуцыі Беларускай ССР 1978 г. памылкова сцвярджалася, што “рабочыя і сяляне Беларусі з дапамогай рускага пралетарыяту ўпершыню ў гісторыі здабылі сваю дзяржаўнасць, утварылі Беларускую Савецкую Сацыялістычную Рэспубліку”.

Многія старажытныя дагаворы і граматы знаходзяцца ў розных сховішчах і часам цяжкадаступныя для тых, хто цікавіцца гісторыяй свайго народа. У 2000 г. па ініцыятыве Т. І. Доўнар калектывам аўтараў быў падрыхтаваны і выдадзены дапаможнік “Дагаворы і граматы як крыніцы беларускага феадальнага права”. У ім разгледжаны звычайнае права Беларусі, міжнародныя і васальныя дагаворныя граматы, агульназемскія, абласныя, валасныя і гарадскія граматы (прывілеі), а таксама змешчаны тэксты гэтых дакументаў. Яны сведчаць аб багацці крыніц беларускага феадальнага права, аб актыўным удзеле нашых продкаў у грамадска-палітычных, эканамічных, культурных падзеях, іх важным уплыве на распрацоўку нацыянальнага права.

У навучальным дапаможніку “Краткий очерк истории государства и права Республики Беларусь” (1997) Т. И. Доўнар разглядае працэс станаўлення і развіцця беларускай дзяржаўнасці ў паслякастрычніцкі перыяд.

Прафесар Я. А. Юхо падкрэсліваў, што стварэнне выдатнейшых помнікаў права стала магчымым у сувязі з актыўным развіццём у Беларусі палітыка-прававой думкі і менавіта прагрэсіўныя прававыя ідэі тагачасных беларускіх мысліцеляў і палітычных дзеячаў знайшлі ў той ці іншай ступені адлюстраванне ў законах. На гэта неаднойчы звяртала ўвагу і Т. І. Доўнар, якая ў сваіх навуковых даследаваннях адзначала, што актывізацыя айчыннай палітыка-прававой думкі ў XV-XVI стагоддзях, з’яўлялася важкай падставай для прагрэсіўнага развіцця заканадаўства.

Прафесар Т. І. Доўнар даследуе ідэі наконт права, палітыкі, заканадаўства, якія выказваліся нацыянальнымі, дзяржаўнымі, культурнымі дзеячамі, правазнаўцамі ў розныя перыяды беларускай дзяржаўнасці. Так, у 2004 г. пад кіраўніцтвам Т. І. Доўнар калектывам аўтараў была выдадзена хрэстаматыя па гісторыі палітычнай і прававой думкі Беларусі XVI-XVIII ст., у якой змешчаны матэрыялы па гісторыка-прававой спадчыне беларускага народа, а таксама вытрымкі з твораў тагачасных беларускіх мысліцеляў, што сведчаць аб тым, якую ролю ў развіцці палітыка-прававой думкі і прававой навукі Беларусі яны адыгралі.

У 2014 г. упершыню ў Беларусі быў апублікаваны падручнік Т. І. Доўнар “Гісторыя дзяржавы і права Беларусі” з грыфам Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь (перавыдадзены ў 2021, 2023 гг.). У падручніку даецца характарыстыка гістарычнага развіцця беларускай дзяржаўнасці, разгледжаны пытанні станаўлення і развіцця дзяржавы і права Беларусі са старажытных часоў да сучаснага перыяду. Вялікая ўвага нададзена эвалюцыі органаў улады і кіравання, судовых органаў, прававому становішчу насельніцтва, узаемаадносінам з іншымі

дзяржавамі, а таксама прававому развіццю, характарыстыцы заканадаўства, асабліва зместу важнейшых помнікаў права. Падручнік Т. І. Доўнар выкарыстоўваюцца ў навучальным працэсе ўсіх юрыдычных устаноў адукацыі Рэспублікі Беларусь.

У 1997 г. быў выдадзены навучальны дапаможнік “Кароткі нарыс гісторыі крымінальнага права Беларусі / Крымінальнае права Беларусі: (закон, злачынства, адказнасць) пад рэдакцыяй А. У. Баркова. У гэтым выданні Таісія Іванаўна напісала главу 14 “Кароткі нарыс гісторыі крымінальнага права Беларусі”, у якой разглядала крымінальнае права феадальнай Беларусі, крымінальнае заканадаўства пасля далучэння Беларусі да Расіі, крымінальнае права Беларускай ССР.

У 2002 г. быў выдадзены падручнік па крымінальнаму праву Беларусі (Агульная частка). Глава 21 “Кароткі нарыс гісторыі крымінальнага права Беларусі” была напісана Т. І. Доўнар. У ёй прааналізаваны крымінальнае права феадальнай Беларусі, крымінальнае заканадаўства пасля далучэння Беларусі да Расіі, крымінальнае права Беларускай ССР.

Т. І. Доўнар прыняла ўдзел у падрыхтоўцы 5-томнага выдання “Курс уголовного права” пад рэдакцыяй доктара юрыдычных навук, прафесара І. А. Грунтова, кандыдата юрыдычных навук, дацэнта А. В. Шыдлоўскага. У першым томе выдання “Учение о преступлении” Т. І. Доўнар прааналізавала гісторыю развіцця крымінальнага заканадаўства Беларусі: станаўленне і развіццё крымінальнага права Беларусі ў перыяд феадалізму, крымінальнае заканадаўства пасля далучэння Беларусі да Расіі, крымінальнае заканадаўства Беларускай ССР.

У другім томе “Учение о наказании и иных мерах уголовной ответственности” Т. І. Доўнар разглядае гісторыю станаўлення і развіцця інстытута пакарання ў крымінальным праве Беларусі: гісторыю станаўлення і развіцця інстытута пакарання ў прававой сістэме беларускай дзяржавы, змяненні ў інстытуце пакарання пасля далучэння беларускіх зямель да Расійскай імперыі, а таксама станаўленне і развіццё інстытута пакарання ў савецкі перыяд.

У трэцім томе (Асаблівая частка) Т. І. Доўнар прааналізавала станаўленне і развіццё заканадаўчай рэгламентацыі злачынстваў супраць чалавека ў Беларусі: гісторыю ўзнікнення і развіцця нарматыўнай рэгламентацыі злачынстваў супраць чалавека ў старажытны перыяд, нарматыўную рэгламентацыю злачынстваў супраць асобы па заканадаўству Расійскай імперыі XIX-пачатку XX ст., станаўленне і развіццё крымінальнага заканадаўства аб злачынствах супраць асобы ў савецкі перыяд.

Развіцце грамадзянскага працэсуальнага права Беларусі Т. І. Доўнар прааналізавала ў манаграфіі “Становление института обеспечения исполнения судебных решений в Беларуси. Исполнительное производство: проблемы правового регулирования” (2022), падрыхтаванай калектывам аўтараў пад рэдакцыяй доктара юрыдычных навук, прафесара Т. С. Таранавай.

Т. І. Доўнар, якая з’яўляецца вучаніцай і паслядоўніцай заснавальніка навуковай школы “Гісторыі дзяржавы і права Беларусі” – прафесара Я. А. Юхо, узначаліла навуковую школу “Гісторыі дзяржавы і права Беларусі” ў самым пачатку XXI ст. Таісія Іванаўна Доўнар з’явілася навуковым кансультантам па доктарскай дысертацыі Тараборына Рамана Сяргеевіча на тэму «Формирование и развитие системы гражданского права Российской империи (XVIII – первая половина XIX вв.)», якая была паспяхова абаронена ў БДУ у 2017 г. Пад яе навуковым кіраўніцтвам падрыхтаваны 9 кандыдатаў юрыдычных навук (Голубева Людміла Леанідаўна «Наследование имущества по законодательству Великого княжества Литовского» (2000); Юрачкін Міхаіл Юр’евіч «Городская реформа и становление самоуправления в Беларуси во второй половине XIX – начале XX вв.» (2002); Шукан Марыя Генадзьеўна «Правовое положение имущества православной церкви в Великом княжестве Литовском в конце XVI – первой половине XVII вв.» (2007); Каляда Віталь Вікенцьевіч «Вайсковае заканадаўства Вялікага Княства Літоўскага ў XVI стагоддзі» (2010); Кавалеўская Юлія Іванаўна «Кодификация гражданского законодательства Белорусской ССР в 60-ые годы XX века» (2011); Адамюк Алёг Іванавіч «Становление и развитие военной юстиции в Беларуси (1917–2010 гг.)» (2012); Гур’еў Сяргей Аляксандравіч «Гісторыя развіцця крымінальнага права Беларускай ССР» (2016); Ангельскі Уладзімір Міхайлавіч «Станаўленне і развіццё натарыята ў Беларусі (1883-2014 гг.)» (2016); Гур’ева Алена Аляксандраўна «Гісторыя інстытута адвакатуры Беларусі (XVI-XVII стст.)» (2016)).

Пад навуковым кіраўніцтвам прафесара Т. І. Доўнар члены навуковай школы праводзяць даследаванні па гісторыі развіцця беларускай дзяржаўнасці: этапы і тэндэнцыі ў развіцці нацыянальнай дзяржаўнасці; асаблівасці дзяржаўна-прававога будаўніцтва беларускай дзяржаўнасці; асаблівасці гістарычнага развіцця судовай сістэмы і судовай рэформы, прававога становішча насельніцтва Беларусі; гісторыя помнікаў права, важнейшых прававых інстытутаў і галін права Беларусі; гісторыя палітыка-прававой думкі і прававой культуры Беларусі; этапы і асаблівасці развіцця айчынных гісторыка-прававой навукі.

У кантэксце развіцця навуковай школы распрацоўваюцца накірункі далейшых навуковых даследаванняў, якія адпавядаюць Прыярытэтным накірункам і Пераліку дзяржаўных праграм навуковых даследаванняў Рэспублікі Беларусь, ажыццяўляецца падрыхтоўка навуковых кадраў, узаемадзеянне з навуковым супольніцтвам Беларусі. Члены навуковай школы (Л. Л. Голубева, А. І. Арлоўская, А. А. Гур'ева, Дз. С. Жук, У. М. Сатолін, Дз. В. Шчэрбік і інш.) прымалі ўдзел у экспертызе праектаў нарматыўных прававых актаў, падрыхтоўцы энцыклапедычных выданняў, удзельнічалі ў шматлікіх навуковых і навукова-практычных канферэнцыях, круглых сталах (звыш 30 за апошнія пяць гадоў), друкавалі манаграфіі (6 за апошнія пяць гадоў), навуковыя артыкулы (больш за 200 навуковых артыкулаў за апошнія пяць гадоў), вучэбныя і вучэбна-метадычныя дапаможнікі, тыпавыя праграмы і інш., а таксама займаюцца перавыданнем помнікаў права Беларусі, прапагандай прававых ведаў і інш.

Прафесар Т. І. Доўнар апублікавала звыш 400 навуковых прац, у тым ліку 11 манаграфій, каля 20 вучэбных дапаможнікаў і падручнікаў. Т. І. Доўнар удзельнічала ў падрыхтоўцы шэрагу энцыклапедычных выданняў: «Юрыдычны слоўнік» (1989), «Мысліцелі і асветнікі Беларусі: энцыклапедычны даведнік» (1995), «Асветнікі зямлі Беларускай» (2001), «Энцыклапедыя гісторыі Беларусі» у 6 т. (1993-2003), «Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя» у 2 т. (2005, 2006). Таісія Іванаўна з'яўляецца адным з аўтараў і перакладчыкаў, каментатарам артыкулаў энцыклапедычнага выдання: «Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Даведнік. Каментарыі» (1989).

Прафесар Т. І. Доўнар паспяхова спалучае вучэбна-метадычную, навукова-даследчую работу з грамадскай. Яна прымае актыўны ўдзел у грамадскай дзейнасці факультэта, універсітэта, у тым ліку ў рабоце шэрагу грамадскіх арганізацый: “Беларускі рэспубліканскі саюз юрыстаў”, “Беларускае грамадскае аб'яднанне “Веды” і інш.

Т. І. Доўнар з'яўляецца членам Савета юрыдычнага факультэта, намеснікам старшыні спецыялізаванага Савета па абароне доктарскіх і кандыдацкіх дысертацый Д 02.01.04. Удзельнічае ў рабоце секцыі па прававых дысцыплінах Вучэбна-метадычнага аб'яднання ВНУ Рэспублікі Беларусь па гуманітарнай адукацыі і інш. Член рэдакцыйных саветаў шэрагу навуковых часопісаў («Юстыцыя Беларусі», «Права і дэмакратыя», «Законность и правопорядок», «Беларускі гістарычны часопіс», «Эканоміка. Право. Общество» пры кафедры грамадзянска-прававых дысцыплін Расійскага Эканамічнага Універсітэта імя Г.В. Плеханава і інш.).

Т. І. Доўнар на працягу многіх гадоў з’яўлялася членам Вучонага савета Інстытута дзяржавы і права, экспертнага Савета Беларускага рэспубліканскага фонду навуковых фундаментальных даследаванняў НАН Рэспублікі Беларусь, вучоным сакратаром Савета юрыдычнага факультэта, намеснікам старшыні Савета па абароне доктарскіх і кандыдацкіх дысертацый Д 02.01.01, членам Савета па абароне доктарскіх і кандыдацкіх дысертацый Д 02.01.20 пры Беларускім дзяржаўным універсітэце.

Т. І. Доўнар не толькі прыклад навуковых дасягненняў, але адказы і мэтанакіраваны прафесіянал – выкладчык высокага ўзроўню! Для студэнтаў Таісія Іванаўна – мудры і вопытны навуковы кіраўнік. Прафесар з асаблівай увагай ставіцца да навуковых поглядаў і даследаванняў сваіх вучняў. Студэнтамі асабліва адзначаюцца шматгранныя веды імянінніцы, якія прымушаюць інакш глядзець на гістарычныя і сучасныя працэсы развіцця беларускай дзяржаўнасці. Таісія Іванаўна вельмі ўважліва ставіцца да навуковай падрыхтоўкі студэнтаў, штогод кансультуе адных з лепшых дакладчыкаў на навуковыя канферэнцыі юрыдычнага факультэта БДУ, іншых устаноў вышэйшай адукацыі Рэспублікі Беларусь, ажыццяўляе кіраўніцтва дыпломнымі і магістарскімі работамі, заўсёды гатова выслухаць і дапамагчы студэнтам.

Дзейнасць Т. І. Доўнар неаднаразова адзначалася дзяржавай, Беларускім дзяржаўным універсітэтам і юрыдычнай супольнасцю. Таісія Іванаўна ўзнагароджана Ганаровай граматай (2018 г.) і нагрудным знакам Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь «Выдатнік адукацыі» (1999 г.); лаўрэат прэміі БДУ імя У. І. Пічэты за цыкл работ па тэорыі і гісторыі дзяржавы і права (2010 г.); мае падзякі: Міністэрства юстыцыі Рэспублікі Беларусь (2003, 2005, 2010 гг.), Рэктара БДУ (2011, 2015 гг.), Генеральнага пракурора Рэспублікі Беларусь (2015 г.) і інш. У 2014 г. ёй прысвоена званне «Заслужаны работнік БДУ». Узнагароджвалася прызам імя У. Д. Спасовіча Міністэрства юстыцыі Рэспублікі Беларусь (2003, 2014, 2019 гг.). У 2020 г. ўзнагароджана медаллю Францыска Скарыны.

Публікацыі прафесара Т. І. Доўнар адрозніваюцца не толькі высокай навуковай каштоўнасцю, але і практычнай значнасцю. У першую чаргу палажэнні і вывады, якія змяшчаюцца ў навуковых даследаваннях, ствараюць аснову для правільнага асэнсавання працэсу гістарычнай эвалюцыі беларускай дзяржаўнасці, яе асаблівасцей, характэрных рыс і тэндэнцый, а таксама перспектывы далейшага развіцця. Навуковыя працы прафесара Т. І. Доўнар садзейнічаюць далейшаму прагрэсіўнаму развіццю беларускай дзяржаўнасці.

ИСТОКИ БЕЛОРУССКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Г.А. Василевич

Заведующий кафедрой конституционного права,
доктор юридических наук, профессор,
член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси,
заслуженный юрист Республики Беларусь,
Белорусский государственный университет, юридический факультет,
г. Минск, Республика Беларусь

У артыкуле ў кароткім выглядзе аўтар акцэнтуюе ўвагу на найважных документах, якія спрыялі развіццю сучаснага беларускага канстытуцыяналізму. Падкрэслена значэнне рашэнне рэспубліканскага рэферэндуму 2022 года на далейшае ўмацаванне прававога статусу чалавека, дасканаленне сістэмы стрыманняў і проціваг.

В статье в кратком виде автор акцентирует внимание на важнейших документах, которые содействовали развитию современного белорусского конституционализма. Подчеркнуто значение решения республиканского референдума 2022 года на дальнейшее укрепление правового статуса человека, совершенствование системы сдержек и противовесов.

In the article the author briefly emphasizes the most important documents that contributed to the development of modern Belarusian constitutionalism. The importance of the decision of the republican referendum of 2022 on further strengthening of the legal status of a person, improvement of the system of checks and balances is emphasized.

Ключавыя словы: канстытуцыяналізм, вытокі канстытуцыяналізму, мадэрнізацыя Канстытуцыі.

Ключевые слова: конституционализм, истоки конституционализма, модернизация Конституции.

Keywords: constitutionalism, origins of constitutionalism, modernization of the Constitution.

Современное состояние теории, учений в области важнейшего научного направления, как конституционализм, в значительной степени обусловлено теми процессами, которые происходили в недавний обозримый и отдаленный периоды.

Конечно, события, имевшие место в последние сто лет нашей истории, более явственно воспринимаются обществом и специалистами в области права в силу обилия фильмов (художественных и документальных), свидетелей тех событий, которые делились своими воспоминаниями для общественности, а также своих близких и родных.

Сохраняются зримые воспоминания от встреч с этими людьми, что усиливает эмоциональное и интеллектуальное влияние на сохранение и формирование правового менталитета. Можно отметить наиболее крупные вехи в развитии общества и государства в 20 и 21 веках нашей белорусской истории: предреволюционный период, включая Первую Мировую войну, которая затронула нашу территорию, февральскую и социалистическую революции, попытки создать независимую Беларусь, что вылилось лишь в провозглашение этого желания, гражданскую войну и ее окончание, переход к мирной созидательной жизни, где были успехи и неоднозначно оцениваемые решения советской власти, тяжелые испытания в годы Второй Мировой войны, героизм советского, в том числе белорусского народа, отстаивавшего свою независимость и мир для европейских стран, динамичное развитие в послевоенные период, огромные успехи в сфере науки и техники. В то же время на этом отрезке истории произошла и геополитическая катастрофа: развал большого государства, имевшего крупный потенциал для развития. Факторов, которые объясняют такое завершение его истории, называется множество. Одними из них являются утрата доверия к власти, ее неспособность осуществлять эффективное управление, решать экономические и социальные проблемы, бюрократизм, оторванность чиновников от людей и др. В последние годы советской власти происходило активное шельмование собственной истории, многие исследователи старались заработать свой авторитет (и деньги от публикаций) на как можно большем числе неприглядных фактов в нашей истории и ее лидеров. Если за рубежом было много схожих ситуаций и там не поощряемые обществом факты давно и регулярно освещались в СМИ, им придавалась публичность, была конкуренция между политическими силами, и таким образом у общественности был выработан своего рода иммунитет, то в период «перестройки» и гласности произошло обвальное информирование людей только о плохих и, действительно, неприглядных сторонах функционирования институтов власти. Одиночные голоса о необходимости трезво оценивать положительное и отрицательное в нашем развитии не были услышаны.

Это, на наш взгляд, тот фон, в котором оказалась Беларусь в конце 20 века. При всех сложностях и различных оценках, которые можно давать этому периоду, в целом конструктивно настроенные силы и, прежде всего, в депутатском корпусе смогли начать поступательное формирование собственной (национальной) правовой, экономической и социальной системы.

За наиболее сложный период деятельности Верховного Совета Беларуси двенадцатого созыва (1990—1995 гг.) он принял около 500

законодательных актов, подготовил и принял 15 марта 1994 года новую Конституцию суверенной Беларуси, обеспечил вместе с Правительством выборы первого Президента Республики Беларусь.

Современный белорусский конституционализм, конечно, также опирается на достижения юридической мысли, которая была воплощена в статутах Великого Княжества Литовского, советских конституциях, а также базируется на юридических актах, принятых в период трансформации политической, экономической и социальной систем, становления и укрепления государственного суверенитета. Помимо названных статут ВКЛ, конечно, следует иметь ввиду конституции Беларуси 1919, 1929, 1937 и 1978 годов, Декларацию о государственном суверенитете, Закон 1991 года Об основных принципах народовластия, принятую 15 марта 1994 года Конституцию Республики Беларусь с последующими изменениями и дополнениями.

Все упомянутые акты отражали процессы общественного развития, некоторые из них сохраняли свое действие длительный период. Конституции советского периода, хотя и были проникнуты идеологическими установками, однако были нацелены на защиту общественных интересов, интересов коллектива с меньшим акцентом на индивидуальные запросы людей. На определение содержания текста Основного Закона 1994 года в значительной степени оказали сложившиеся ранее традиции и подходы в социально-экономической области, а также новые тенденции и зарубежный опыт развития государства как правового демократического социального.

В отличие от других бывших союзных республик, в конституциях которых произошло резкое движение в сторону индивидуализма, как ответ на ранее существовавший патерналистский тип отношений между государством и человеком, в Беларуси на конституционном уровне оптимально обеспечен баланс индивидуальных и общественных интересов. Сохранена социальная защита граждан, государство не остается в стороне от решения вопросов занятости, своевременной выплаты заработной платы всеми организациями, независимо от формы собственности, охраны здоровья населения, жилищного строительства, развития физкультуры и спорта, заботы о молодежи, ветеранах, инвалидах, пожилых людях. Будучи полиэтничным государством, Беларусь обеспечивает равенство всех независимо от национальности, а также вероисповедания, расовой принадлежности. Важно, что не только в юридических текстах это зафиксировано, но и на практике толерантность характерна для белорусского народа. Здесь также кроются исторические истоки. Но еще важно иметь ввиду способность белорусского народа при необходимости встать на защиту своей земли

от захватчиков, как это было в годы Великой Отечественной войны. Патриотизм и ответственность за свое будущее – важные черты белорусских граждан.

Модернизация конституционного текста, которая произошла в результате референдума 27 февраля 2022 года, отразила необходимость решения, по меньшей мере, двух задач: 1) расширить устои народовластия во взаимосвязи с совершенствованием системы государственной власти и 2) придать более высокий (конституционный) уровень правовой регламентации тех сфер, которые и ранее в рамках проводимой государственной политики получали свое разрешение (патриотизм, ответственность каждого за порученное дело, забота о молодежи, пожилых людях и др.) [1].

Одной из важнейших ценностей конституционного текста является указание в ст. 4 Основного Закона на то, что демократия в Республике Беларусь осуществляется на основе идеологии белорусского государства. Ценным является то, что могут выработаны определенные ориентиры для общества (при сохранении многообразия политических институтов и мнений). Основой идеологии белорусского государства является правовая идеология.

Много крупных новелл появилось в части развития правового статуса человека и гражданина.

Ранее закрепленное конституционное положение об обеспечении прав и свобод граждан Республики Беларусь как высшей цели государства получило развитие в части уделения дополнительного внимания молодежи (ст.32-1), заботе об инвалидах и пожилых людях и др. (ст.47).

Ценным для формирования нового характера отношений является указание в Конституции на обязанность государства обеспечивать сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны (ст.15) и проявление каждым своего долга по сохранению исторической памяти о героическом подвиге белорусского народа и патриотизма (ст.54).

Особое значение приобретает норма, появившаяся в Конституции по итогам референдума 27 февраля 2022 года: согласно статье 21 каждый должен проявлять социальную ответственность, вносить посильный вклад в развитие общества и государства. Ранее социальную ответственность чаще рассматривали как этический принцип, содержанием которого является учет интересов всего общества. Отчасти соглашаясь с таким подходом и учитывая, что в вышеназванной статье идет также речь о посильном вкладе каждого в развитие общества и государства, полагаем, что наиболее приемлемым будет на основе учета

частных и публичных интересов шаг за шагом наполнять новым содержанием налоговое законодательство, законодательство о занятости, повышая его эффективность, обеспечивая право на достойный труд, надлежащее выполнение гражданами и организациями, должностными лицами возложенных на них обязанностей и др.

Социальная ответственность предполагает активность и инициативу каждого. Активность подкрепляется стимулами и ограничениями, но инициатива часто выступает в качестве первого импульса для активной реализации правовых норм. Социальная ответственность и долг в ряде случаев могут быть побудительными мотивами для выполнения юридических обязанностей. Для гражданского общества присущи именно эти качества.

Плодотворной является идея о конституционализме как реально функционирующем механизме правового регулирования отношений. В иерархии конституционной аксиологии и таксономии на одно из первых мест, как было отмечено, сейчас выходит социальная ответственность, патриотизм, уважение человека производительного труда, сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей. Важна интеграция правовых принципов и норм с нравственностью и религиозными нормами.

По сути, можно вести речь о формировании доктрины идейно-духовной Конституции. Для этого сейчас имеются конституционные предпосылки, включая и провозглашение идеологии белорусского государства как основы демократии.

Значимость Конституции заключается в том, что она интегрирует национальную правовую систему.

Было бы хорошо, учитывая солидный состав участников подготовки Научно-практического комментария Конституции, изданного в начале 2024 года, полезно проанализировать в 2025–2026 году, как он повоздействовал на наши реалии, менталитет чиновников, должностных лиц и граждан.

Разработка механизмов устойчивого развития экономического, социального, экологического, определение механизмов достижения социальной справедливости, противодействия экономическим кризисам, экологической деградации, определение четких конституционных критериев достойного уровня жизни – это лишь малая часть актуальных проблем, которыми следует продолжать заниматься юридической науке.

Обновление Конституции и в целом законов и иных актов законодательства придает новый импульс развитию правовой доктрины, обсуждению новых положений нормативных правовых актов с целью их адаптации к новым конституционным правоотношениям, оптимизации

правоприменительной практики, выявлению положений, требующих совершенствования.

Библиографические ссылки

1. Василевич, Г.А. Новеллы белорусской Конституции как фактор устойчивого развития государства / Г.А. Василевич // ПРАВО.by. Научно-практический журнал. – 2022. – №2. – С 14–23.

**НАУЧНАЯ ШКОЛА ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА:
ВКЛАД В ЮРИДИЧЕСКУЮ НАУКУ И СОВРЕМЕННУЮ
ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ**

Т.И. Макарова

Заведующий кафедрой экологического и аграрного права,
доктор юридических наук, профессор,
Белорусский государственный университет, юридический факультет,
г. Минск, Республика Беларусь

Аналізуюцца працэсы станаўлення і развіцця навуковай школы экалагічнага і аграрнага права на аснове навуковых даследаванняў, якія праводзяцца на юрыдычным факультэце БДУ. Зроблена выснова аб уплыве навуковых дасягненняў навукі экалагічнага і аграрнага права на стан юрыдычнай навукі ў цэлым і развіццё прававой сістэмы Рэспублікі Беларусь у напрамку дасягнення мэт устойлівага развіцця.

Анализируются процессы становления и развития научной школы экологического и аграрного права на основе проводимых на юридическом факультете БГУ научных исследований. Сделан вывод о влиянии научных достижений науки экологического и аграрного права на состояние юридической науки в целом и развитие правовой системы Республики Беларусь в направлении достижения целей устойчивого развития.

The article analyzes the processes of formation and development of the scientific school of environmental and agrarian law based on scientific research conducted at the Faculty of Law of the Belarusian State University. A conclusion is made about the influence of scientific achievements of the science of environmental and agrarian law on the state of legal science as a whole and the development of the legal system of the Republic of Belarus in the direction of achieving the goals of sustainable development.

Ключавыя словы: Навуковая школа; экалагічнае права; аграрнае права; ахова навакольнага асяроддзя; устойлівае развіццё.

Ключевые слова: Научная школа; экологическое право; аграрное право; охрана окружающей среды; устойчивое развитие.

Keywords: Scientific school; Environmental law; Agrarian law; Environmental protection; Sustainable development.

Научная школа экологического, природоресурсного и аграрного права – одно из сформировавшихся в Белорусском государственном университете научных сообществ, которое совместно с коллегами с юридического факультета обеспечивает эффективное развитие в Республике Беларусь таких важнейших научных направлений, как

правовая охрана окружающей среды, правовое обеспечение рационального использования природных ресурсов и функционирование аграрного сектора экономики. Согласно Положению о научной школе Белорусского государственного университета, утвержденному приказом ректора БГУ от 24 декабря 2021 года № 701-ОД, и реестру действующих научных школ БГУ (Протокол Ученого совета БГУ от 20 июня 2022 года № 3) на юридическом факультете сложилось восемь научных школ, которые в совокупности проводимых ими исследований не только формируют целостную правовую науку (что составляет предназначение научной школы), но и являются неотъемлемой частью системы подготовки научных кадров высшей квалификации [4]. В этом смысле можно смело утверждать, что эколого- и аграрно- правовая научная школа состоялась: за период ее становления и развития с начала 90-х гг. XX века и по настоящее время по темам специальности 12.00.06 (земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право) согласно Номенклатуре специальностей научных работников Республики Беларусь, утвержденной Постановлением Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 1 июля 2019 г. № 1 [6] было защищено четыре докторских и порядка двадцати кандидатских диссертаций.

Научная школа экологического и аграрного права отличается своим «лицом необщим выраженьем» (Е.А.Боратынский), что точно обозначено в труде, одним из авторов которого является доктор юридических наук, профессор Таисия Ивановна Довнар [5]. Наша школа заняла свое место среди юридических научных школ Беларуси и нашла признание среди коллег за рубежом, в том числе в Российской Федерации, Республике Казахстан, Киргизской Республике, Украине. Поступательному движению научной школы способствует определение стратегических путей ее развития. Концепция правовой политики Республики Беларусь, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 года № 196, направлена на достижение цели обеспечения эффективного функционирования и дальнейшее совершенствование правовой системы в интересах белорусского государства, общества и граждан. В этом контексте она понимается как неотъемлемая часть государственной политики, осуществляемой в соответствии с принципами стабильности, эволюционного пути развития правовой системы; целостности и системности правового регулирования; согласованности проводимой правовой, экономической, социальной и других видов государственной политики. Такая системность может быть обеспечена сложившейся научной доктриной [7].

Научная школа экологического и аграрного права сформировала ряд стратегических векторов, которые создали условия ее гармоничного развития в совокупности всех концептуально важных областей. К таковым относятся самостоятельно разработанные кафедрой экологического и аграрного права Белорусского государственного университета, либо получившие творческое развитие существовавшие научные сферы, в том числе: эколого-правовой статус индивида; правовой механизм охраны окружающей среды в совокупности элементов экономического механизма и организационно-правового обеспечения охраны окружающей среды; реализация экологической функции государства; системное взаимодействие эколого-правового и природоресурсного регулирования, где наша доктрина ушла вперед в сравнении с исследованиями наших коллег за рубежом.

Уже из перечисления этих направлений становится очевидным, что наша наука во многом движется благодаря исследованиям уровня подготовки докторских диссертаций. И это верно, ведь научные школы создаются докторами наук, у которых есть ученики, способные в дальнейшем формировать новые научные направления. Все рекомендации по совершенствованию законодательства, предлагаемые нами (услышаны, они законодателем или нет) основаны на определенном доктринальном воззрении, развиваемом представителями научной школы.

Безусловно, мы не одиноки на этом пути. Мы, как и наши зарубежные коллеги, воспринимаем плодотворные научные идеи наших единомышленников. Так, спор вокруг того, составляют ли единое правовое поле «охрана окружающей среды» и «обеспечение экологической безопасности», дискуссии, в которой в свое время принимали участие замечательные российские ученые – М.М. Бринчук [1], О.С. Колбасов [2], А. С. Тимошенко [8], вылился в предложенный кафедрой экологического и аграрного права БГУ концепт «эколого-безопасное пространство», где охрана окружающей среды – процесс, экологическая безопасность – ее результат, но только при условии, когда определен – объект – территория в пространстве которой применяется набор эколого-правового инструментария, приводящей к соответствующему результату, выражаемому посредством соблюдения экологических требований [3].

Концептуально развивающими науку экологического права видятся такие направления, как:

системное взаимодействие эколого-правового и природоресурсного регулирования, позволяющее определить соотношение и соподчинённость положений законодательства об охране окружающей

среды и об использовании природных ресурсов, блестяще защищенное в докторской диссертации И. С. Шахрай [9];

экологическое сопровождение хозяйственной и иной деятельности, позволяющее сформировать структуру будущего Экологического кодекса в логике непрерывного учета экологического фактора в процессе ведения хозяйственной деятельности, разрабатываемое О.В. Морозом;

пространственно-единый и территориально дифференцированный правовой режим национальной экологической сети, исследуемый А. А. Жлоба.

В перспективе видится необходимость определения научных основ взаимодействия законодательства об охране окружающей среды с законодательством о хозяйственной деятельности и в особенности с аграрным законодательством.

Согласно пункту d) статьи 38 Статута Международного Суда Организации Объединенных Наций одним из источников права вспомогательного уровня признаются «доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву». Полагаем, что и нашему законодателю не стоит пренебрегать таким «вспомогательным средством», чтобы избегать коллизий, правовых неопределенностей, всего того, что принято называть дефектами в праве. Современное состояние научной школы экологического, природоресурсного и аграрного права в совокупности проводимых научных исследований демонстрирует весомый вклад белорусских ученых в юридическую науку в целом, что в свою очередь отражается на состоянии нормативного правового обеспечения сферы экологических, природоресурсных и аграрных отношений для достижения устойчивого развития нашего государства.

Библиографические ссылки

1. Бринчук, М.М. Охранять окружающую среду или обеспечивать экологическую безопасность? / М. М. Бринчук // Государство и право. – 1994. – № 8–9. – С. 118–127.
2. Колбасов, О.С. Концепция экологической безопасности (юридический аспект) / О.С.Колбасов // Совет. государство и право. – 1988. – № 12. – С. 47–55.
3. Макарова, Т.И. Концепция формирования правовых основ Евразийского эколого-безопасного пространства. / Т.И.Макарова, Э.С.Навасардова, В.Е.Лизгаро, О.В.Мороз, Н.А.Шингель, М.П.Курилович // Журнал Белорусского государственного университета. Право. — 2022. — №1. — С. 100–111.

4. Научные школы БГУ [Электронный ресурс] // Белорусский государственный университет : официальный сайт : Режим доступа: <https://bsu.by/nauka-i-proizvodstvo/nauchnye-shkoly.php> – Дата доступа 16.10.2024.

5. Научные школы БГУ в воспоминаниях и размышлениях профессоров / под ред. С.В.Абламейко, А.И.Зеленкова. – Минск : БГУ, 2023. – 271 с. : ил.

6. Номенклатура специальностей научных работников Республики Беларусь : Постановление Высшей Аттестационной Комиссии Респ. Беларусь, 1 июля 2019 г., № 1 [Электронный ресурс] // Высшая аттестационная комиссия : официальный сайт : Режим доступа: <https://vak.gov.by/resolution-of-the-higher-attestation-commission-4> – Дата доступа 16.10.2024.

7. О Концепции правовой политики Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 28 июня 2023 г., № 196 (ред. от 14.03.2024) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

8. Тимошенко, А.С. Глобальная экологическая безопасность – международно-правовой аспект / А.С.Тимошенко // Совет. государство и право. – 1989. – № 1. – С. 84–92.

9. Шахрай, И.С. Теоретико-прикладные проблемы реализации субъективного права природопользования : автореф дисс ... д-ра юрид. наук: – Минск : БГУ, 2023. – 53 с.

РЕЦЕПЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В СВОДЕ ЗАКОНОВ ГРАЖДАНСКИХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Р.С. Тараборин

Заведующий кафедрой теории и истории государства и права,
доктор юридических наук, доцент,
Уральский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации,
г. Екатеринбург, Российская Федерация

Гісторыя ўключэння ў Збор законаў грамадзянскіх Расійскай імперыі 1842 г. прававых норм, прызначаных для насельніцтва Чарнігаўскай і Палтаўскай губерняў і запазычаных з артыкулаў Статута Вялікага княства Літоўскага 1588 г. даследуецца як прыклад прыватнай рэцэпцыі рускім грамадзянскім правам беларускага грамадзянскага права.

История включения в Свод законов гражданских Российской империи 1842 г. правовых норм, предназначенных для населения Черниговской и Полтавской губерний и заимствованных из статей Статута Великого княжества Литовского 1588 г. исследуется как пример частной рецепции русским гражданским правом белорусского гражданского права.

The history of the inclusion in the Code of Civil Laws of the Russian Empire of 1842 of legal norms intended for the population of the Chernigov and Poltava provinces and borrowed from the articles of the Statute of the Grand Duchy of Lithuania of 1588 is studied as an example of private reception of Belarusian civil law by Russian civil law.

Ключавыя словы: рэцэпцыя; грамадзянскае права; Збор законаў грамадзянскіх; Статут Вялікага княства Літоўскага.

Ключевые слова: рецепция; гражданское право; Свод законов гражданских; Статут Великого княжества Литовского.

Keywords: reception; civil law; Code of Civil Laws; Statute of the Grand Duchy of Lithuania.

Свод законов Российской империи, впервые изданный в 1832 г., затем дважды переиздававшийся (в 1842 и 1857 гг.) полностью, а позднее в виде отдельных томов, до самого конца империи оставался основным собранием действовавшего законодательства.

В историко-правовой историографии сложилась доминирующая, восходящая к работам дореволюционных правоведов точка зрения, что Свод являлся кодификацией национального русского права. В первые века своего формирования оно испытало некоторые внешние влияния, главным образом приходившие из Византии, но в дальнейшем развивалось исключительно самостоятельным путем. Поэтому в Своде в целом и в его отдельных подразделениях отсутствовали сколько-нибудь существенные заимствования из иных, не русских по своему происхождению правовых источников.

Такая точка зрения представляется верной в общем, но не совсем обоснованной в частности.

В настоящей статье предметом анализа является одна из таких частных – присутствие в гражданском праве Российской империи, конкретно – в Своде законов гражданских в составе всего Свода законов, рецепций из гражданского права Великого княжества Литовского.

История появления этих рецепций восходит к предпринятой в 1830-е гг. попытке в ходе систематизации права, действовавшего в империи, дополнить общий Свод законов Российской империи местным законодательством, ранее действовавшим на территориях других самостоятельных государств, присоединенных к империи в XVIII в.

Так, в результате трех разделов Речи Посполитой (1772-1775) к Российской империи были присоединены территории, получившие обобщенное наименование «Западные губернии». В пяти губерниях с преимущественно белорусским населением (Могилевская, Витебская, Минская, Гродненская, Виленская), земли которых ранее входили в состав Великого княжества Литовского, продолжал действовать Статут 1588 года.

В результате, в период подготовки Свода законов организатор всего процесса кодификации – М.М. Сперанский – предложил и получил в 1830 г. одобрение императора Николая I на дополнение общего свода отдельными сводами местных законов – для Остзейских и Западных губерний [4, с. 184].

По замыслу М.М. Сперанского, проект отдельного свода, получившего рабочее название «Свод местных законов Западных губерний», должен был создаваться как компилятивный документ, соединяющий своеобразие правовых отношений, законодательно оформленных в Статуте, с общеимперскими нормами, которые должны были иметь приоритетное значение.

Реализовать этот опыт на практике оказалось трудной задачей в силу существенных расхождений между законодательствами, в которых

воплотился различных исторический опыт развития белорусского и русского обществ.

Великое княжество Литовское в своем правовом развитии испытало существенное воздействие процессов, происходивших в соседних европейских странах, включая правовое воздействие.

К концу XVI в. в белорусских землях, как отмечал Я. А. Юхо, «сложились необходимые социально-экономические и правовые условия установления начал нового буржуазного права». Поэтому не случайно «через весь статут проходит идея укрепления правового порядка, при котором все государственные органы и должностные лица обязаны действовать только в соответствие с законом» [8, с. 246, 217]. Статут 1588 г., как документ, создававшийся на принципах права, свойственных переходному периоду от средневековья к новому времени, явился, по оценке Т. И. Довнар, «своего рода конституцией, т. к. регламентировал государственный строй, вопросы судебной власти, права разных категорий населения и иные важнейшие сферы общественной жизни» [1, с. 25].

Существенные расхождения правовых норм белорусского и русского права сильно затруднили работу создателей Свода местных законов Западных губерний. Они вынужденно прибегли к разным способам компоновки его содержания: прямо включали нормы из соответствующих томов и книг Свода законов Российской империи 1832 г. или использовали с некоторыми изменениями непринципиального характера нормы Статута 1588 г. В итоге получился неоднородный правовой текст, потенциально трудный для практического использования.

Подготовленный во II Отделении Собственной Е.И.В. Канцелярии к началу 1837 г. проект состоял из трех частей и насчитывал 2068 параграфов. Три части включали соответственно законы о состояниях, гражданские законы и законы о судебных обрядах и судопроизводстве, причем вторая, гражданская часть заняла почти половину Свода – 973 параграфа (§§ 201-1174) или 47% от их общего количества [7]. Но в целом прослеживалась преимущественная ориентация составителей на Свод законов гражданских, то есть на унификацию.

Однако не юридические коллизии, а политические причины предопределили неудачную судьбу этого по-своему уникального правового документа. Польское восстание 1830-1831 гг. значительно усилило у центральной власти подозрения в отношении лояльности польской части населения Западных губерний. В итоге был взят курс на их не только административную, но и правовую унификацию. Императорским указом 25 июня 1840 г. действие Статута 1588 г. было в

Западных губерниях прекращено, на них было полностью распространено общеимперское законодательство [2]. Тем самым была предreshена и судьба проекта Свода местных законов Западных губерний: он был погребен в архивах II Отделения.

Но это, как оказалось, не означало аналогичного «погребения» в Российской империи всего гражданского права Великого княжества Литовского.

На наш взгляд, чрезвычайно важным и значимым в историко-правовом ракурсе представляется то обстоятельство, что ряд правовых норм Статута 1588 г., был в 1842 г. официально включен в состав Свода законов гражданских, составной части всего Свода законов Российской империи.

Это произошло по предложению главноуправляющего II Отделением Д. Н. Блудова, получившему одобрение императора Николая I дополнить Свод законов гражданских некоторыми статьями, содержащими нормы, основанные на соответствующих артикулах (статьях) Литовского статута 1588 г. [3, с. 289].

Нам представляется, что нахождение этих норм (пусть и имевших свое действие только на территории двух российских губерний, Черниговской и Полтавской) именно в составе официального российского законодательства, причем в неизменном виде с 1842 года до самого конца вместе с империей и имперского законодательства, дает достаточные основания для утверждения, зафиксированного в названии настоящей статьи – здесь имела место рецепция российским гражданским правом, по сути, белорусского гражданского права, ограниченная, правда, отдельными нормами.

В общей сложности в Свод законов гражданских 1842 г. (т. X. Ч. I Свода законов Российской империи) были включены 45 статей (2% от состава всего Свода) и одно примечание к статье, нормативное содержание которых относилось к населению Черниговской и Полтавской губерний, но было рецептировано из Литовского статута, то есть из правового источника иного государственного и национального происхождения. Последнее подтверждалось ссылками в каждой статье на соответствующие артикулы Статута Великого княжества Литовского 1588 г. и мнением Государственного Совета, утвержденным императором 15 апреля 1842 г.

Статьи с нормами, заимствованными из Статута, присутствовали во всех четырех книгах Свода законов гражданских издания 1842 г. (в последующих его переизданиях изменялась нумерация, но не содержание статей).

13 статей, содержавших нормы семейного права (ст. 7, 113, 120, 161, 170, 226, 229, 243, 245, 251, 267, 269, 279), были включены в Кн. I «О правах и обязанностях семейственных», еще 2 статьи с нормами такого же содержания (ст. 822, 828) – в Кн. III. «О порядке приобретения и укрепления прав на имущества в особенности» [6, с. 2, 20, 21, 29, 31, 37-38, 40, 41, 41-42, 45, 46, 47-48, 143, 144-145].

10 статей, содержавших нормы вещного права (ст. 368, 434, 439, 458, 474, 547, 561, 599, 655, 659), были включены в Кн. II. «О порядке приобретения и укрепления прав на имущества вообще», а ст. 794 – в Кн. III [6, с. 64, 76-77, 78, 81, 84, 97, 99, 105, 114-115, 139]. Еще одна норма вещного права была включена в примечание к ст. 575 – в Кн. II [6, с. 101].

11 статей, содержавших нормы наследственного права (ст. 866, 876, 952, 958, 962, 974, 1037, 1082, 1087, 1097, 1101), были включены в Кн. III [6, с. 151, 152, 163, 164, 165, 167-169, 178, 186, 187, 189, 189-190].

8 статей, содержавших нормы обязательственного права (ст. 1310, 1334, 1336, 1729, 1743, 1748, 1938, 2017), были включены в Кн. IV. «О обязательствах по договорам», а ст. 1214 такого же нормативного содержания – в Кн. III [6, с. 222, 227, 294, 296, 297, 326, 337, 208].

Следует добавить, что некоторые из статей были просто взяты в готовом виде редакторами т. X из несостоявшегося Западного свода [3, с. 290].

Анализ содержания всех 46 правовых норм позволяет обнаружить некоторые закономерности, присущие произведенным в Своде рецепциям из Литовского статута.

Подавляющее большинство норм регулировало имущественные отношения и свидетельствовало, что, сохраняя соответствующие нормы Статута в Черниговской и Полтавской губерниях, законодатель объективно признавал распространенность и укорененность среди их населения начал буржуазного права.

Например, это можно обнаружить: в праве владельца свободно распоряжаться всеми видами имевшихся имений по своему усмотрению, а именно дарить их целиком или по частям, помимо детей и ближайших наследников, в том числе даже «чужеродцам» (ст. 794); в детальной разработке прав угодий в чужом имуществе, то есть сервитута (ст. 434); в ограничении земской давности по убыткам в чужом имуществе тремя годами (ст. 561); в установлении 10-летнего срока для опровержения временного раздела имения между наследниками, после истечения которого раздел признавался окончательным (ст. 1097).

В статьях обязательственного характера, воспроизводивших правовые нормы Литовского статута, равно прослеживалось движение в

сторону обретения обязательственным правом фактически буржуазного характера.

Так, устанавливалась ответственность поручителя по неисполненным обязательствам должника (ст. 1310), размер неустойки по обязательству не мог превышать сумму неустойки (ст. 1334), ограничивался переход ответственности в платеже неустойки на наследников обязавшегося лица (ст. 1336), были обязательны письменная форма при займе на сумму свыше 10 коп. грошей (ст. 1743), а также использование гербовой бумаги, подпись должника и свидетелей (не менее 2) при заключении займов на дому (ст. 1748), устанавливалась ответственность поверенного за убытки, происшедшие от его нерадения (ст. 2017).

Подробная разработка в ряде статей, заимствовавших нормы из Литовского статута, вопросов разрешения различных правовых коллизий, возникавших в связи с приданым, разделом наследства, правами детей и вдов и т.п. вопросами, возникавшими после смерти владельца имения, также является косвенным свидетельством проникновения в брачно-семейные и наследственные отношения элементов буржуазного права.

В первом случае их, к примеру, можно обнаружить в ограничении права родителей, выступавших в роли опекунов, препятствовать замужеству совершеннолетней дочери (ст. 7), ограничении права жены препятствовать использованию мужем ее приданого, находящегося в общем пользовании (ст. 113), подробном регулировании имущественных взаимоотношений (особенно по части приданого) в случае признания брака (по разным причинам) недействительным (ст. 120), трактовке имущественных коллизий, возникающих при опекунстве (ст. 229, 267, 279), чрезвычайно подробной разработке (14 пунктов) размеров и порядка определения приданого (ст. 828).

Во втором случае – в детальной разработке: прав наследства в движимом и недвижимом имении и приданом после смерти супругов (ст. 974), порядков раздела отцовских имений между потомством, произошедшим от разных его браков (ст. 1087), и раздела наследуемого имущества, происходящего как поголовно, так и поколенно (ст. 1101).

Небезынтересно отметить, что и при разработке проекта Гражданского уложения Российской империи, происходившей в конце XIX – начале XX вв., его создатели сочли оправданным сохранение в его составе всех заимствований из Литовского статута [5, с. 44].

Таким образом, рассмотрение содержания рецепированных в Свод законов гражданских Российской империи 1842 года (и всех последующих его официальных переизданий) правовых норм Статута

Великого княжества Литовского 1588 г., по нашему мнению, является еще одним частным, но убедительным доказательством давно обоснованной в белорусской историко-правовой историографии, в том числе и в исследованиях Т. И. Довнар, точки зрения о самостоятельном развитии белорусского права в рамках системы права Великого княжества Литовского и его выходе по целому ряду параметров (в данном случае в гражданском праве) на уровень, опережавший современный ему уровень российского права.

Библиографические ссылки

1. Довнар, Т. И. Особенности исторической эволюции белорусской государственности / Т. И. Довнар // Теоретико-методологические и конституционные основы развития системы права Республики Беларусь : Сб. статей. – Минск : Право и экономика, 2011. – С. 14-37.

2. Именной, данный Сенату июня 25 указ «О распространении силы и действия Российских гражданских законов на все Западные возвращенные от Польши области // Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. – Собрание второе с 12 декабря 1825 года. – Т. XV. – Отделение I. 1840. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1841. – № 13591. – С. 443-445.

3. Нольде, А. Э. Очерки по истории кодификации местных гражданских законов при графе Сперанском / А. Э. Нольде. – Ч. I. – СПб. : Сенат. тип., 1906. – VI, II, 314 с.

4. Обозрение исторических сведений о Своде законов. – Изд. 2-е. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1837. – 197, VII с.

5. Прибавление к проекту Гражданского уложения. – СПб. : Гос. тип., 1906. – 84 с.

6. Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный. Издание 1842 года. – СПб. : Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1842. – Т. X. – Ч. I. Законы гражданские. – С. 1-338.

7. Свод местных законов Западных губерний : Проект. – СПб. : Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1910. – XII, 446, 35 с., табл.

8. Юхо, Я. А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : Вучэбн. дапам. – У 2 ч. / Я. А. Юхо. – Ч. 1. – Мінск : РІВШ БДУ, 2000. – 352 с.

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ: ПОИСК ОПТИМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ

О.М.Пой

Ведущий научный сотрудник Института философии и права УрО РАН,
доктор социологических наук, профессор,
Уральский федеральный университет им. первого президента России
Б.Н.Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация

У артыкуле прасочваюцца асноўныя стадыі ў правядзенні муніцыпальнай рэформы ў Расіі; вылучаюцца рэалізуемыя ў яе межах мадэлі; прадстаўлена тыпалогія муніцыпальных утварэнняў, заснаваная на крытэрыю самакіравання; вызначаны магчымасці і рызыкі новай мадэлі арганізацыі мясцовай улады.

В статье прослеживаются основные стадии в проведении муниципальной реформы в России; выделяются реализуемые в ее рамках модели; представлена типология муниципальных образований, основанная на критерии самоуправления; определены возможности и риски новой модели организации местной власти.

The article traces the main stages in the implementation of municipal reform in Russia; identifies the models implemented within its framework; presents a typology of municipalities based on the criterion of self-government; identifies the possibilities and risks of a new model of local government organization

Ключавыя словы: мясцовае самакіраванне; муніцыпальнае ўтварэнне; мадэль арганізацыі мясцовай улады; муніцыпальная рэформа; самакіраванне.

Ключевые слова: местное самоуправление; муниципальное образование; модель организации местной власти; муниципальная реформа; самоуправление.

Keywords: local government; municipality; model of local government organization; municipal reform; self-government.

Современный этап в развитии муниципальной реформы характеризуется явно выраженной тенденцией на централизацию. Во многих регионах уже сегодня принимаются законы о переходе на одноуровневую систему организации местной власти, предусматривающую выделение на муниципальном уровне двух видов административно-территориальных единиц – городские и муниципальные округа.

В связи с этим возникает множество вопросов о целесообразности таких решений, о преимуществах организации местной власти в более широком пространственном формате и перспективах развития местного самоуправления в новых геополитических и институциональных условиях.

Весь ход становления муниципальной реформы с 1993 года был связан с поиском оптимальной модели организации местного самоуправления, территориального уровня, на котором формируется система местной власти.

Еще Законом СССР от 9 апреля 1990 г. № 1417-1 "Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР" была установлена модель местного самоуправления, не предусматривавшая чёткого разделения органов государственной и местной власти [2]. Согласно закону органами местного самоуправления, наряду с районными, городскими, поселковыми и сельскими советами народных депутатов, выступали областные и краевые органы власти, которые были наделены полномочиями по организации на договорных началах хозяйственного и социально-культурного обслуживания районов и городов, проведению межтерриториальных мероприятий, финансовому содействию сбалансированности местных бюджетов. Эта модель организации местной власти формировалась в условиях перехода на демократические принципы управления и не предполагала выработки каких-либо четких механизмов взаимодействия между основными территориальными уровнями публичной власти.

Современный период развития местного самоуправления, в первую очередь, связан с вступлением в силу Конституции РФ 1993 г. и сформированного на ее основе федерального закона № 154 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 28.08.1995 года [1, 3]. 12 статья Конституции РФ предусматривала жёсткое разделение органов государственной и местной власти, закрепляя муниципальный статус за субрегиональными административно-территориальными единицами. Однако, неопределенность правового статуса органа местного самоуправления и низкая бюджетная обеспеченность не позволяли самоуправляемым сообществам реально извлекать выгоду от своей самоуправляемости. Кроме того, сложившаяся система межбюджетных отношений, фактически спровоцировала укрупнение формата органов местного самоуправления, вызвав резкое сокращение численности органов местной власти (с 28 тыс. ед. до 12.5 тыс. ед.) и увеличение радиуса муниципального обслуживания населения. Основная часть муниципальных образований была сформирована в формате районов и

городов. В конечном счете, избранная модель организации местной власти привела к тому, что органы местной власти не только не стали ближе населению, но, напротив, лишили значительную часть населения прежнего доступа к получению муниципальных услуг.

Поэтому одной из задач муниципальной реформы 2003 г. стал возврат поселенческого уровня в организации местного самоуправления, создание двухуровневой системы организации местной власти с разведением полномочий между районной и поселенческой органами власти. Вступивший в силу федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» способствовал увеличению количества муниципальных образований, преимущественно на поселенческом уровне, и более широкому разнообразию типов муниципальных образований, среди которых особое значение уделялось городским округам, которые должны были стать локомотивом в проведении муниципальной реформы и вовлечении в нее территорий с меньшим форматом [4].

На волне реформы сформировались муниципалитеты трех видов, в основу разделения которых был положен критерий готовности к самоуправлению.

1. Поместные. В таких муниципалитетах часть местной власти пытается устроить жизнь на своей территории по типу исторически сформированного российского поместья. В таких поселениях вся способная приносить доходы собственность сконцентрирована у глав муниципальных образований, которые выстраивают хорошие отношения с органами государственной власти, но ограничивают деятельность местных предпринимателей, если те находятся вне сферы их влияния. [9].

2. Конкурентные. В этих муниципалитетах за годы реформ сформировался хороший опыт реализации права на самоуправление, позволяющего им увеличивать свои бюджетные возможности и получать дополнительные инвестиционные ресурсы. Власть в таких муниципалитетах представлялась предметом политической борьбы и продуктом достигаемого по ее результатам компромисса, что способствовало повышению качества управления и чувствительности к реальным потребностям местного населения.

3. Спящие. В этих муниципалитетах имеет место низкая политическая активность, не возникает устойчивого интереса к изменениям, к расширению прав на самоуправление. Подавляющее количество этих муниципальных образований имеет низкую бюджетную обеспеченность, лишены устойчивых и самобытных социокультурных ценностей, а также явно выраженных источников для саморазвития.

Безусловно, что сложившейся в стране системе бюджетного федерализма соответствует тип конкурентных муниципалитетов, которые преимущественно представлены в крупных городских агломерациях в формате муниципальных районов и городских округов [5, 11]. Именно в этом формате в условиях проводимой в стране муниципальной реформы муниципальное образование способно решать самостоятельно определенную часть проблем, опираясь на устойчивые бюджетные источники и производственный потенциал территории. Однако, существует реальная опасность, что рычаги управления наиболее преуспевающих конкурентных муниципалитетов с лихвой могут быть переняты местной элитой с превращением районов и округов в поместные образования, которым не нужна конкуренция.

К сожалению, эти процессы значительно сузили социальную базу поддержки местного самоуправления в России, усилив настроения в пользу подчинения органов местной власти государственным структурам. Новый этап развития муниципальной реформы связан с переходом к одноуровневой системе местного самоуправления, что неизбежно приведет к резкому сокращению численности муниципальных образований и укрупнению их территории. Одним из проблемных и малопрогнозируемых вопросов, связанных с таким переходом, становится формирование муниципальных округов, в том случае, если они создаются вне границ сформированного ранее муниципального районов. Однако, такая модель организации местного самоуправления имеет преимущественно административный характер и не предполагает наличия в этом формате сбалансированной экономической системы, способной к саморазвитию [7, 8].

Формирование новой модели организации местного самоуправления в России потребует решение трех основных задач:

- Определение статуса бывших муниципальных поселений и формирование механизма их взаимодействия с вновь образованными муниципальными округами.
- Разграничение полномочий между органами государственной власти и муниципальными образованиями как субъектами местных инициатив и распорядителей муниципальной собственности.
- Формирование механизма ответственности органов местного самоуправления перед населением.

Модель организации местного самоуправления призвана имитировать механизм исполнения органами публичной власти своих функций по решению вопросов местного значения с целью диагностики узких мест в динамике этого механизма и введения в него заданных свойств. Данная модель имеет два контура: внутренний и внешний.

Внутренний контур обращен к населению и включает в себя перечень институтов, трансформирующих волю граждан в решение ими общих вопросов. Внешний – предполагает налаживание системы взаимоотношения органов местной власти с другими субъектами – государством, бизнесом или НКО. Одним из назначений модели является гармонизация отношений между контурами, что требует разработки мер по налаживанию взаимодействия между уровнями публичной власти и консолидации интересов локальных сообществ и государства в целом.

Методологической основой модельного представления взаимодействия государственного и муниципального уровней власти выступает принцип функциональной эквивалентности, выражающий способность элемента модели связывать обе сферы посредством выявления общего системообразующего свойства, присущего обеим сферам. Один из авторов принципа функциональной эквивалентности немецкий социолог Никлас Луман рассматривал способность различных явлений выполнять одну функцию как возможность рассматривать несоразмерные друг другу реальности как независимые, но соотносимые друг с другом области. Действие данного принципа в реализации свойств модели выражается в передаче на муниципальный уровень функций, обеспечивающих способность местного самоуправления к самоорганизации с учетом их функциональности на государственном уровне. Иными словами, на исполнение всех муниципальных функций должны быть предоставлены государственные гарантии, связанные с тем, что их исполнение целесообразно исполнить именно на муниципальном уровне.

К сожалению, организация местного самоуправления в России находится под сильным влиянием политических и социальных процессов, что лишает ее устойчивости и главного предназначения – решать жизненные проблемы локальных сообществ. Зависимость местной власти от государства ослабляет действие внутренних источников развития, снижает роль правовых гарантий для сопровождения и реализации местных инициатив.

В то же время необходимо преодолеть зафиксированный Луманом ключевой парадокс правовой системы, выражающийся в зависимости права как автономной системы от политической власти. Этот парадокс, по мнению многих экспертов, свидетельствует об угрозе утраты внутреннего системообразующего фактора правовой системы [6, 10]. Из этого следует закономерный вывод: необходимо вернуть право обществу в качестве полноценного муниципального права, наделенного способностью защищать интересы граждан по вопросам, имеющим локальное значение. И в этом плане человек становится центральным

субъектом модели организации местного самоуправления, чей правовой статус подтвержден ответственностью государства перед гражданским обществом.

Практическим проявлением такой модели может стать разработка в новой версии закона о местном самоуправлении в России специального раздела о правах гражданина как члена локального сообщества в удовлетворении его потребностей на местном уровне, гарантируемом государством. Наличие такого раздела позволит более четко определить ответственность органов муниципальной власти перед населением, повысить доверие граждан к органам власти, расширить их участие в решении общественно значимых проблем.

Библиографические ссылки

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>

2. Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР [Электронный ресурс]: Закон СССР, 09.04.1990 г., № 1417-1 // Гарант. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/5228211/?ysclid=m15yi95maf365403928>

3. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон, 28.08.1995 г., № 154 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2016.

4. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон, 06.10.2003, № 131-ФЗ: в ред. Федер. закона 08.08.2024 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2024

5. Абдуллаев, А.М. Социально-экономическое положение городских агломераций России в 2015–2021 гг. /А.М. Абдуллаев, Д.Ю. Землянский, Л.В. Калиновский, Д.М. Медведникова // Вестник СПбГУ. Науки о Земле. - 2023. - №3. - С. 443-470

6. Архипов, С.И. Представления о праве Никласа Лумана // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. - 2016. - №1. - С.5-12.

7. Гунина, Т.Г. Переход на одноуровневую систему муниципальных образований: последствия для местного самоуправления // Oeconomia et Jus. - 2022. - №2. - С. 61-72. DOI: 10.47026/2499-9636-2022-2-61-72

8. Иванов О.Б. Актуальные проблемы муниципальной реформы в российской Федерации / О.Б. Иванов, Е.М. Бухвальд // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. - 2022. - №1. - С. 28-41. DOI: 10.24412/2071-6435-2022-1-28-41.

9. Кордонский, С.Г. Как устроена Россия. Статьи и интервью разных лет. / С.Г. Кордонский. - М.: Common Place; Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники», 2021. - 312 с.

10. Слыщенко, В.А. Правовое учение Никласа Лумана и кризис современного общества // Lex Russica. - 2016. - №2 (111). - С.184-205

11. Чистяков, П.А. Центры экономического роста Российской Федерации на муниципальном уровне / П.А. Чистяков, А.А.Ромашина, А.Н. Петросян, Е.И. Шевчук, В.Л. Бабурин // Вестник Московского университета. Серия 5. География. - 2020. - №4. - С.58-68.

КАНДЫЦЫЙНАЕ РЭГУЛЯВАННЕ: ГІСТОРЫЯ І СУЧАСНАСЦЬ

Н.Л. Бандарэнка, Ю.Р. Кананевіч

Загадчык кафедры гаспадарчага права,
доктар юрыдычных навук, прафесар,
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, юрыдычны факультэт,
г. Мінск, Рэспубліка Беларусь

Старшы выкладчык кафедры гаспадарчага права,
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, юрыдычны факультэт,
г. Мінск, Рэспубліка Беларусь

У заканадаўстве Рэспублікі Беларусь выяўляецца значны масіў прававых норм, які аўтары артыкула ідэнтыфікуюць як кандыцыйнае права. Прадметам кандыцыйнага права з'яўляецца кандыцыйнае рэгуляванне. Абгрунтавана, што кандыцыйныя нормы маюць працяглую гісторыю існавання і адлюстраваны ў асноўных помніках права, уключаючы Статуты Вялікага Княства Літоўскага.

В законодательстве Республики Беларусь обнаруживается значительный массив правовых норм, который авторы статьи идентифицируют как кондиционное право. Предметом кондиционного права является кондиционное регулирование. Обосновано, что кондиционные нормы имеют длительную историю существования и отражены в основных памятниках права, включая Статуты Великого Княжества Литовского.

The legislation of the Republic of Belarus reveals a significant array of legal norms, which the authors of the article identify as the conditional law. The subject of conditional law is conditional regulation. It is substantiated that the conditional norms have a long history of existence and are reflected in the main monuments of law, including the Statutes of the Grand Duchy of Lithuania.

Ключавыя словы: кандыцыя, кандыцыйныя праваадносіны, кандыцыйнае права, тэхнічнае нармаванне і стандартызацыя.

Ключевые слова: кондиция, кондиционные правоотношения, кондиционное право, техническое нормирование и стандартизация.

Keywords: condition, conditioned legal relations, conditioned law, technical regulation and standardization.

У заканадаўстве Рэспублікі Беларусь выяўляецца значны масіў прававых норм, якія аўтары артыкула ідэнтыфікуюць як кандыцыйнае права [1; 2]. Аднак у юрыдычнай літаратуры цэласнае ўяўленне аб кандыцыйным праве да гэтага часу не сфармавалася. Існуюць толькі

асобныя навуковыя артыкулы па некаторых сферах кандыцыйных адносін, напрыклад, па пытаннях тэхнічнага нарміравання і стандартызацыі [3] і прававой прыроды тэхнічных нарматыўных прававых актаў [5; 12].

Насамрэч, кандыцыйнасць з'яўляецца ўласцівасцю любога аб'екта ідэальнага або матэрыяльнага свету (іншымі словамі, любых матэрыяльных і нематэрыяльных даброт, незалежна ад іх прыроды і ўласцівых ім сутнасных характарыстык), з нагоды якога складаюцца грамадскія адносіны (напрыклад, такія катэгорыі, як «якасць жыцця», «якасць адносін», «якасць паводзін»). Слова «*conditio*» мае лацінскае паходжанне і азначае «становішча, стан, натуральную ўласцівасць». У тлумачальным слоўніку слова «кандыцыя» характарызуецца як «умова, норма, якой павінна адпавядаць прадукцыя, тавар» [9, с. 289].

Кандыцыйныя нормы, якія ўсталёўваюць патрабаванні да якасці тавараў, работ і паслуг, існуюць у заканадаўстве здаўна. Так, тэхналогіі будаўніцтва і эксплуатацыі дарог былі распрацаваны ў эпохі рымскай Рэспублікі і Імперыі, дзе развітая дарожная сістэма ўплывала на развіццё эканомікі дзяржавы і вядзенне знешняй палітыкі. У помніку старажытнарымскага права V стагоддзя да н.э. «Законах XII Табліц» можна знайсці нормы, якія замацоўваюць патрабаванні да параметраў рымскіх дарог: «шырыня дарогі па прамым кірунку вызначалася ў 8 футаў, а на паваротах – у 16 футаў». Таксама ў Табліцы VII замацоўвалася патрабаванне агароджваць дарогу каменем, накіраванае да ўласнікаў прыдарожных участкаў [8]. Акрамя таго, рымскія дарогі адрозніваліся прамалінейнасцю (яны не адхіляліся ад сваёй восі больш за на 1/2-1/4 мілі на кожныя 20-30 міль даўжыні), а сярэдняя таўшчыня рымскіх дарог складала ад 80 да 130 см, хоць асобныя месцы з іх дасягалі 240 см [4, с. 43].

Што да Статутаў Вялікага Княства Літоўскага (далей – ВКЛ), то ў іх прысутнічалі цэлыя раздзелы, якія змяшчалі кандыцыйныя патрабаванні, у прыватнасці, Раздзел дзявяты «Аб лоўлях, аб пушчах, аб бортным дрэве, аб азёрах, аб бабровых гонах, аб хмельніках, аб сакаліных гнёздах» Статута ВКЛ 1529 г.: «А хто мае борці ў чужой пушчы, то бортнікі, якія павінны хадзіць да сваіх бартоў, не павінны браць з сабой ні сабак, ні рагачін, ні іншай якой-небудзь зброі, чым маглі б прычыніць шкоду зверу. Але бортнікі павінны мець толькі сякеру і пешню, чым робяць борці» [11]. Выбітны беларускі гісторык права Т. І. Доўнар справядліва адзначае, што Раздзел IX уключае нормы адміністрацыйнага (ляснога і паляўнічага) права [7, с. 10], аднак мы выяўляем у ім відавочныя кандыцыйныя патрабаванні, датычныя ўсталявання і забеспячэнні захавання нарматываў, стандартаў і ўмоў ажыццяўлення

эканамічных працэсаў, ляжалых у аснове вытворчасці матэрыяльных выгод у дзяржаве.

У Статуце ВКЛ 1566 г. кандыцыйныя патрабаванні сфармуляваны ў дачыненні да габарытаў дарог: «дороги звечные мають быти водле стародавнего обычаю так широки, абы два возе форманских розминулися, а воз порожній маеть уступити возу наложному, пешій ездному, возовому ездный» (Раздзел IX, арт. 22). Акрамя таго, як адзначае Т. І. Доўнар, ўсталёўваўся абавязак захавання правілаў дарожнага руху і ўтрымання дарог у належным стане» [6].

Яшчэ большую колькасць кандыцыйных патрабаванняў утрымліваў Раздзел X «Пра пушчы, пра лоўлі, пра бортнае дрэва, пра азёры, і лугі» Статута ВКЛ 1588 г. Так, напрыклад, у артыкуле 18 зафіксавана парабаванне да паляўнічых, якія прычынялі вялікую шкоду людзям, вытоптваючы іх хлеб: «пачынальна ад свята Сёмай Суботы, аж да канчаткі ўборкі з палёў усякага хлеба, на чужых землях ніхто не мае права паляваць» [10].

У цяперашні час сфармаваўся цалкам зразумелы і відавочны прадмет кандыцыйнага права, якім з'яўляецца кандыцыйнае рэгуляванне – мэтанакіраванае кіраўніцкае ўздзеянне на гаспадарчую канструкцыю грамадства з дапамогай фарміравання норм і прынцыпаў вытворчасці матэрыяльных і нематэрыяльных даброт, іх размеркавання, пераразмеркавання і спажывання.

Кандыцыйнае рэгуляванне ўяўляе сабой элемент дзяржаўнага кіравання грамадскімі адносінамі, якія складваюцца наконт:

1) устанаўлення і забеспячэння захавання нарматываў, стандартаў і ўмоў вытворчасці матэрыяльных і нематэрыяльных даброт, якое забяспечвае нацыянальную бяспеку праз рэалізацыю нацыянальных інтарэсаў у эканамічнай сферы;

2) устанаўлення і забеспячэння захавання нарматываў, стандартаў і ўмоў ажыццяўлення эканамічных, сацыяльных і палітычных працэсаў, якія ляжаць у аснове вытворчасці матэрыяльных і нематэрыяльных даброт у дзяржаве;

3) размеркавання, пераразмеркавання і ў асобных выпадках – спажывання вырабленых грамадствам матэрыяльных і нематэрыяльных дабротаў;

4) перамяшчэння на тэрыторыю дзяржавы праз мытную і дзяржаўную граніцу матэрыяльных і нематэрыяльных даброт, што вырабляюцца рэзідэнтамі замежных дзяржаў, з захаваннем устаноўленых у Рэспубліцы Беларусь нарматываў, стандартаў і ўмоў іх вытворчасці.

Такім чынам, кандыцыйныя праваадносіны – гэта сукупнасць грамадскіх адносін, якія складваюцца з нагоды ўстанаўлення і

забезпечення захавання нормативаў, стандартаў і ўмоў вытворчасці матэрыяльных і нематэрыяльных даброт у грамадстве, іх размеркавання, пераразмеркавання і ў асобных выпадках – спажывання, а таксама нормативаў, стандартаў і ўмоў ажыццяўлення эканамічных, сацыяльных і палітычных працэсаў, якія забяспечваюць нацыянальную бяспеку.

Сістэма кандыцыйных праваадносін уключае: кваліметрычныя праваадносіны; аўдытарскія праваадносіны; санітарна-эпідэміялагічныя праваадносіны; ветэрынарныя праваадносіны; фітасанітарныя праваадносіны і інш. [2].

Гэта прыкладны пералік кандыцыйных праваадносін, які дазваляе канстатаваць наступнае:

- кандыцыйныя праваадносіны прысутнічаюць практычна ва ўсіх сферах жыццядзейнасці чалавека і з'яўляюцца неад'емным элементам гаспадарчай, працоўнай, гаспадарча-працоўнай і творчай дзейнасці;

- у сваёй разнастайнасці кандыцыйныя праваадносіны аб'яднаны адзінай мэтай – забеспячэнне розных аспектаў нацыянальнай бяспекі праз устанаўленне і забеспячэнне захавання нормативаў, стандартаў і ўмоў;

- спецыфічная прырода кандыцыйных праваадносін робіць іх непадобнымі ні на адну іншую групу грамадскіх адносін. Адзіным выключэннем з'яўляюцца ўліковыя праваадносіны – грамадскія адносіны, якія складаюцца на конт ажыццяўлення гаспадарчага, фінансаванага і статыстычнага ўліку;

- кандыцыйныя праваадносіны з'яўляюцца неад'емнымі элементамі працэсаў міжнароднай эканамічнай інтэграцыі, гарманізацыі нацыянальных сістэм права і уніфікацыі прававога рэгулявання працэсаў вытворчасці матэрыяльных і нематэрыяльных даброт ва ўсім свеце.

У якасці аб'екта кандыцыйных праваадносін выступае публічная цікавасць, звязаная з рэалізацыяй нацыянальных інтарэсаў краіны ў працэсе вытворчасці матэрыяльных і нематэрыяльных даброт з захаваннем нормативаў, стандартаў і ўмоў іх вытворчасці і спажывання, і забеспячэння тым самым нацыянальнай бяспекі. Пры гэтым прыватная цікавасць не прадстаўлена ў аб'екце кандыцыйных праваадносін, паколькі яна ў выпадку з кандыцыйнымі праваадносінамі з'яўляецца неад'емным элементам публічнай цікавасці.

Адпаведна, пад кандыцыйным правам трэба разумець самастойную галіну права, якая ўяўляе сабой сукупнасць прававых прынцыпаў і норм, якія вызначаюць і рэгулююць парадак і ўмовы ажыццяўлення кандыцыйнага рэгулявання.

У цяперашні час кандыцыйнае права не інстытуцыяналізавана і яго месца ў сістэме права не вызначана. Здавалася б, гэта не мае істотнага

значэння, паколькі кандыцыйны механізм працуе дастаткова эфектыўна. Аднак пры дэталёвым вывучэнні дадзенай праблематыкі выяўляецца значны аб'ём праблем тэарэтычнага і практычнага характару, якія могуць быць адносна паспяхова вырашаны ў выпадку трансфармацыі прававой дактрыны ў бок інстытуцыяналізацыі кандыцыйнага права і выпрацоўкі аднастайнага разумення сістэмы кандыцыйных адносін.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Бондаренко, Н. Л. Кондиционное право как самостоятельная отрасль права и как элемент механизма пруденциального регулирования // Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич, Ю. А. Хилинская Российский правовой журнал. – 2021. – № 2 (7). – С. 60-77.

2. Бондаренко, Н. Л. Квалиметрическое право как подотрасль кондиционного права // Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич, Ю. О. Лысаковская // Вестник Пермского университета. – 2023. – № 2. – С. 231–256.

3. Буссель, И. Новое в законодательстве о стандартизации / И. Буссель // Юрист. – 2017. – № 3. – С. 12–18.

4. Грачева А. Д. Римские дороги: технология строительства и использование в регионах в эпоху Республики и ранней империи / А. Д. Грачева // Манускрипт. – 2017. – № 3–2 (77). – С. 43–47. // Режим доступа : URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rimskie-dorogi-tehnologiya-stroitelstva-i-ispolzovanie-v-regionah-v-epohu-respubliki-i-ranney-imperii> – Дата доступа: 29.09.2024.

5. Денисевич, А. Техническое нормирование и оценка соответствия. Новеллы законодательства / А. Денисевич // Государственный контроль : анализ, практика, комментарии. – 2017. – № 2. – С. 46–49.

6. Довнар, Т. И. Значение и место Статута 1566 года в правовом развитии Великого Княжества Литовского / Т. И. Довнар // Режим доступа : <https://elib.bsu.by/handle/123456789/191442> – Дата доступа : 22.09.2024.

7. Доўнар, Т. І. Статут 1529 года як пачатак новага этапу прававога развіцця Вялікага Княства Літоўскага / Т. І. Доўнар // Статут Вялікага Княства Літоўскага 1529 года і яго гісторыка-тэарэтычнае асэнсаванне : матэрыялы міжнар. навуц.-практ. круглага стала, прысвеч. юбілею гісторыка права, д-ра юрыд. навук, праф. Т. І. Доўнар, Мінск, 11 кастр. 2019 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: С. А. Балашэнка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2019. – 395 с. – С. 3–16.

8. Законы XII таблиц // Режим доступа : <https://ancientrome.ru/ius/i.htm?a=1446588975&ysclid=m1ndz5cpnt488837120>

9. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., дополненное. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.

10. Статут Великого княжества Литовского 1588 года // Режим доступа : https://pravo.by/upload/pdf/pamjatniki-prava/Statut_1588_g_perevod_sovrem_rus_str.348-454.pdf – Дата доступа : 29.09.2024.

11. Статут Вялікага княства Літоўскага 1529 г. // Режим доступа : https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/statut_vkl_1529_goda.pdf – Дата доступа : 29.09.2024.

12. Шамич, Ю. В. Технические нормативные правовые акты (НТПА) в области технического нормирования и стандартизации : учеб.-методич. пособие / Ю. В. Шамич, Л. В. Шульга, Т. А. Шаура. – Витебск : ВГАВМ, 2015. – 66 с.

ОБ ОСНОВАХ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СФЕРЕ СИСТЕМАТИЗАЦИИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

С.А. Калинин

Заместитель декана по научной работе,
кандидат юридических наук, доцент,
Белорусский государственный университет, юридический факультет,
г. Минск, Республика Беларусь

У артыкуле ставіцца праблема аб сутнасці і асновах прававой палітыкі ў сферы сістэматызацыі і ўдасканалення заканадаўства Рэспублікі Беларусь. Прапанована ідэя, што паспяховае правядзенне прававой рэформы на сучасным этапе залежыць ад адекватнай прававой палітыкі, на якую ўплываюць пэўныя аб'ектыўныя абмежаванні, якія абумоўліваюць паспяховасць і глыбіню прававой рэформы. У якасці асновы такой палітыкі прапанована планаванне прававой рэформы, фармулююцца яе прынцыпы і інструменты рэалізацыі.

В статье ставится проблема о сущности и основах правовой политики в сфере систематизации и совершенствования законодательства Республики Беларусь. Выдвигается идея, что успешное проведение правовой реформы на современном этапе зависит от адекватной правовой политики, на которую влияют имеющиеся объективные ограничения, обуславливающие успешность и глубину правовой реформы. В качестве основы такой правовой политики предлагается планирование правовой реформы, формулируются ее принципы и инструменты реализации.

The article raises the problem of the essence and fundamentals of legal policy in the field of systematization and improvement of legislation of the Republic of Belarus. The idea is put forward that the successful implementation of legal reform at the present stage depends on an adequate legal policy, which is influenced by the existing objective limitations that determine the success and depth of legal reform. Planning of legal reform is proposed as the basis of such a legal policy, its principles and implementation tools are formulated.

Ключевые слова: правовая реформа в Республике Беларусь, правовая политика, систематизация и совершенствование законодательства.

Ключавыя словы: правая рэформа ў Рэспубліцы Беларусь, правая палітыка, сістэматызацыя і ўдасканаленне заканадаўства.

Keywords: legal reform in the Republic of Belarus, legal policy, systematization and improvement of legislation.

Важнейшей задачей любого государства является обеспечение его устойчивого и успешного функционирования в интересах конституирующего данное государство народа, которое осуществляется в условиях различного рода воздействий и противодействий (хаос). Именно успешное реагирование государства на своевременно выявляемые вызовы и угрозы позволяет такому народу реализовывать свои права, свободы и интересы, а также сохраниться в истории как действующая, а не историческая государственность. Избранный ракурс рассмотрения государства характерен для субъектного подхода в теоретической юриспруденции, согласно которому государство – это открытая, неустойчивая, уникальная (исторически обусловленная), иерархическая, динамическая, сложная самоорганизующаяся система, осуществляющая целеполагающее саморазвитие в условиях внешних и внутренних вызовов (хаоса), в рамках которой право как инструмент самоорганизации одновременно является и саморегулируемой системой, направленной на создание рационального социального нормирования и управления, и регулируемой системой [1, с. 69, 153–231]. Таким образом, право – это саморегулируемый инструмент субъектной (применительно к современности – государственной) самоорганизации. Данный контекст налагает на государство обязанность по своевременному проведению правовых реформ и иных мероприятий, направленных на развитие и совершенствование правовой системы.

Инструментальное осмысление права актуализирует обращение к характеризующей динамическое и целенаправленное развитие правовой системы категории «правовая политика», которая согласно Концепции правовой политики Республики Беларусь, определяется как «научно обоснованная деятельность государства при участии граждан, общественных институтов по формированию и развитию всех элементов правовой системы» [2]. Именно идея правовой политики позволяет комплексно осмысливать процессы реформирования, совершенствования и систематизации законодательства. Так, можно утверждать, что в Республике Беларусь уже проведены конституционная и охранительно-правовая реформы, реформирован цивилистический процесс, а также складываются предпосылки для реформирования правовой системы в целом.

Считаем, что в Республике Беларусь проявляется тенденция отставания научно-концептуального осмысления процессов совершенствования законодательства от реальной деятельности в данной

области. Считаем, что данная тенденция должна быть преодолена, однако в условиях соответствующих ограничений, детерминант и условий.

Правовая реформа – это обобщающий феномен, характеризующий качественное развитие правовой системы и включающий в себя совокупность взаимосвязанных направлений и форм реализации.

Отдельные направления правовой реформы могут развиваться в обычном порядке, но некоторые – формулируются в виде программно-концептуальных задач. В частности, очередной этап реформирования национального законодательства (масштабная ревизия национального законодательства) провозглашен Президентом Республики Беларусь 18.07.2024 на встрече с Конституционным Судом Республики Беларусь. Целью такой ревизии, организуемой Администрацией Президента Республики Беларусь, должно стать сокращение правового массива, устранение противоречий в правовом регулировании, выявление подзаконных актов, не соответствующих Конституции, законам и указам Президента [3]. Такое решение объективно назрело, так как кроме необходимости приведения законодательства в соответствие с обновленным Основным Законом, согласно Эталонному банку данных правовой информации Республики Беларусь его объем на 28.09.2024 составляет 47 754 нормативных правовых акта.

При проведении правовой реформы необходимо учитывать и существующие объективные ограничения, которые объективно будут влиять на качество и глубину совершенствования нормативного массива. К таким ограничениям, на наш взгляд, в первую очередь следует относить:

1. Недостаточность всестороннего научного и иного анализа многих проблем в правовой системе, тогда как качество кодификации (систематизации) прямо зависит от предварительной научной проработки объекта реформирования. В частности, любая кодификация в СССР начиналась научной дискуссией о структуре и системе права.

2. Недостаточность квалифицированных кадров, ориентированных не на текущее обеспечение правовой деятельности конкретного государственного органа либо развитие конкретной отрасли законодательства, но на комплексное развитие нормативного массива. В частности, в 2008 году в рамках оптимизации государственного аппарата в Национальном центре законодательства и правовых исследований Республики Беларусь было сокращено подразделение, осуществляющее систематизацию законодательства. При этом в ходе создания Национального центра законодательства и правовой информации

Республики Беларусь в рамках Главного управления конституционного и международного права образован отдел методологии нормотворческой деятельности.

Проведение правовой реформы в таких условиях, осложненных непрогнозируемой трансформацией глобальных отношений, в первую очередь требует планирования мероприятий в области правовой реформы, которое целесообразно осуществлять на основе следующих принципов:

1. Выявление наиболее «массивных» отраслей и институтов законодательства и установление причин их «разбухания», что возможно при активном использовании Единого правового классификатора Республики Беларусь.

2. Определение наиболее проблемных с точки зрения систематизации нормативных массивов, то есть определение приоритетных для совершенствования отраслей и институтов, включая установление акцента в проведении соответствующей правовой реформе (совершенствование формы изложения актов и последующее укрупнение без кардинального изменения содержания, либо приоритетное изменение содержания при второстепенном значении формы изложения нормы). На наш взгляд, в настоящее время приоритет следует отдавать массивам с устоявшимся содержанием, это позволит «механически» сократить массив путем укрепления и консолидации, а также параллельно выработать необходимые подходы для систематизации и совершенствования иных массивов законодательства.

3. Установление оптимальных форм совершенствования и систематизации для таких массивов.

4. Выявление оптимальной структуры реформируемого массива, включая определение базового отрасле- или институтообразующего акта, а также актов, требуемых в его развитие, включая установление необходимых отсылочных и бланкетных норм. На данном уровне, в частности, следует учитывать компетенцию государственных органов, ответственных за управление в избранной сфере.

5. Определение иерархии проблем, требующих первоочередного научного осмысления, и возможное формулирование заданий в рамках планируемой Государственной программы научных исследований на 2026–2030 гг. с включением ученых в состав рабочих групп по проведению систематизации нормативных массивов.

6. Установление необходимой «скорости» изменения и корректировки конкретных нормативных массивов. Например, отношения в сфере экономики, особенно цифровой, требуют максимально быстрого реагирования, в то время как отношения в

охранительной и процессуальной сфере являются более стабильными. В таком случае целесообразно установить для каждого массива наиболее предпочтительный вид базового нормативного правового акта, возглавляющего такой массив (закон, указ Президента Республики Беларусь, постановление Совета Министров Республики Беларусь и т.д.);

7. Проведение ревизии законодательства по критерию времени действия базового нормативного правового акта и выбор конкретных нормативных массивов для совершенствования и систематизации. Согласно сложившейся практике, пересмотр законов в Республике Беларусь осуществляется примерно в 10-15 лет. Для Конституции таким сроком стало 25 лет. Это означает, что любой даже самый совершенный акт объективно начинает устаревать и перестает соответствовать изменившимся требованиям. В таком случае целесообразно начинать работу по подготовке нового закона (иного акта) и параллельному пересмотру всего возглавляемого им нормативного массива заранее и на плановой основе, предварительно формулируя тематику научных исследований как одной из форм предсистематизационных работ.

При выработке правовой политики в области правовой реформы считаем целесообразным использование всего спектра инструментов совершенствования и систематизации при понимании того, что формы систематизации законодательства могут быть классифицированы на учетные (классификационные) и нормотворческие, на содержательные и формальные (инструментальные), отраслевые и системно-правовые.

К учетным формам систематизации следует относить те формы, которые улучшают доступ к нормативному массиву и совершенствуют его структуру путем создания новых форм учета, доступа, классификации и т.д. В рамках учетной систематизации важную роль играет и ревизия, проводимая при подготовке тематических банков данных правовой информации, в рамках которой выявляются пробелы и коллизии, устаревшая юридическая терминология и т.д.

К нормотворческим формам систематизации, в первую очередь, следует относить консолидацию и кодификацию, в рамках которых пересматривается комплекс нормативных правовых актов. При этом различие кодификации и консолидации в настоящее время минимально, так как многие кодексы представляют собой укрупненные консолидированные законы и готовятся без должной предкодификационной деятельности. Считаем, что именно консолидация с элементами кодификации в настоящее время является наиболее приоритетной и приемлемой формой систематизации. Она позволяет, с одной стороны, укрупнить акты, довести их до оптимального объема, а с другой стороны, позволяет в условиях недостаточных

предкодификационных исследований совершенствовать содержание законодательства. Так, создание Свода законов либо Собрания законодательства в настоящее время одновременно и целесообразно, и нецелесообразно. С одной стороны, роль Собрания законодательства формально выполняет Эталонный банк данных правовой информации Республики Беларусь. Но, с другой стороны, работа над отдельными элементами Собрания / Свода позволяет укрупнять и развивать соответствующий нормативный массив, усиливать (поддерживать в надлежащем состоянии) его структурные свойства.

Содержательная систематизация направлена на развитие содержания права, которое может быть опережающим, адекватным и догоняющим в зависимости от соответствия социальным потребностям. При этом «опережение» («отставание») является оценочной категорией. Например, является ли опережающим развитие правового регулирования в области суррогатного материнства, смены пола, эвтаназии, развития средств наблюдения и контроля и т.д. На наш взгляд, опережающим следует считать те нормы, которые усиливают субъектность и суверенность белорусского государства.

Формальная (инструментальная) систематизация направлена на развитие структуры и формы нормативных правовых актов и может касаться введения новых правовых категорий, формулирования принципов, устранения правовых неопределённостей и т.д. Важным направлением данной формы систематизации следует считать создание и развитие инструментов управления правовой системой, которыми, на наш взгляд, следует считать выполняющие различные функции: Единый правовой классификатор Республики Беларусь, Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, Национальный интернет-портал, Закон Республики Беларусь «О национальных правовых актах», Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь и т.д.

Отраслевая систематизация касается избранной отрасли (нормативного массива) и обычно завершается принятием базового акта, в том время как системно-правовая систематизация (реформа системы права) направлена на установление оптимального объема нормативного массива, установление его статуса (отрасль права / законодательства, институт права / законодательства), формирование базовых отрасле- и институтообразующих параметров (предмет, метод правового регулирования, определение иных критериев), а также формирование правил отнесения отношений к конкретному нормативному массиву (трудовое право, корпоративное право, служебное право, договоры подряда; гражданское право и хозяйственное право и т.д.)

Таким образом, при определении правовой политики в области правовой реформы целесообразно сформулировать иерархию целей, выработать качественные и количественные параметры их достижения, учитывать имеющиеся ограничения и формулировать стратегические задачи в области правовых исследований для опережающего изучения нормативных массивов, планируемых к будущему совершенствованию.

Вышеизложенное позволяет утверждать, что в Республике Беларусь назрела насущная необходимость в скорейшем проведении правовой реформы, что требует в первую очередь выработки соответствующей правовой политики, учитывающей вызовы и угрозы, стоящие перед государством и обществом, позитивные и негативные характеристики правовой системы, условия и факторы, влияющие на успешность реализации правотворческой функции государства.

Библиографические ссылки

1. Калинин, С. А. Концептуально-методологические проблемы современной юриспруденции / С. А. Калинин. – Минск : БГУ, 2024. – 311 с.

2. О Концепции правовой политики Республики Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь, 28 июня 2023 г., № 196 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 23.10.2024).

3. Встреча с судьями Конституционного Суда, 18.07.2024: Официальный портал Президента Республики Беларусь [сайт] – URL: <https://president.gov.by/ru/events/vstreca-s-sud-ami-konstitucionnogo-suda> (дата обращения: 19.09.2024).

**ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ
ТРАДИЦИИ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В КОНТЕКСТЕ
ПРАВОВОГО И РЕЛИГИОЗНОГО ВЛИЯНИЯ ВИЗАНТИИ (НА
ПРИМЕРЕ ПОСТАВЛЕНИЯ КИЕВСКИХ МИТРОПОЛИТОВ
ВСЕЛЕНСКИМ ПАТРИАРХАТОМ)**

В.И. Павлов

Профессор кафедры конституционного и международного права,
кандидат юридических наук, доцент, полковник милиции,
Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь,
г. Минск, Республика Беларусь

Артыкул прысвечаны аналізу ўплыву візантыйскай прававой ідэалогіі на беларускіх землях у эпоху ранняга Сярэднявечча. Разглядаецца практыка пастаўлення Усяленскім Патрыярхатам рускіх мітрапалітаў ва ўмовах падзелу Русі на літоўскую Русь (Вялікае Княства Літоўскае, Рускае і Жамойцкае) і Маскоўскую Русь. Робіцца выснова, што Усяленскі Патрыярхат разглядаў дзве часткі Русі ў якасці адзінай духоўнай Айкумены ва ўмовах фактычнага палітычнага падзелу, пры гэтым заўсёды імкнучыся зрабіць цэнтрам тую дзяржаву, у якой кіраваў праваслаўны васпан і свабодна рэалізавалася праваслаўная дзяржаўна-канфесійная палітыка.

Стать посвящена анализу влияния византийской правовой идеологии на белорусских землях в эпоху раннего Средневековья. Рассматривается практика поставления Вселенским Патриархатом русских митрополитов в условиях разделения Руси на Литовскую Русь (Великое княжество Литовское, Русское и Жемайтское) и Московскую Русь. Делается вывод, что Вселенский Патриархат рассматривал две части Руси в качестве единой духовной ойкумены в условиях фактического политического разделения, при этом всегда стремясь сделать центром то государство, в котором правил православный государь и свободно реализовывалась православная государственно-конфессиональная политика.

The article is devoted to the analysis of the influence of the Byzantine legal ideology on the Belarusian lands in the Early Middle Ages. Russian metropolitans are considered to be the practice of the Ecumenical Patriarchate in the conditions of the division of Russia into Lithuanian Rus (Grand Duchy of Lithuania, Russian and Maytian) and Moscow Rus. It is concluded that the Ecumenical Patriarchate viewed the two parts of Russia as a single spiritual ecumenical community in conditions of actual political division, while always striving to make the center the state in which the

Orthodox sovereign ruled and the Orthodox state-confessional policy was freely implemented.

Ключавыя словы: Візантыя, Русь, мітрапаліт, Вялікае Княства Літоўскае, Рускае і Жамойцкае.

Ключевые слова: Византия, Русь, митрополит, Великое княжество Литовское, Русское и Жемайтское.

Keywords: Byzantium, Rus, Metropolitan, Grand Duchy of Lithuania, Russian and Zhemait.

Введение. Одним из сложных и малоисследованных вопросов отечественной историко-правовой науки является вопрос о рецепции византийского светско-канонического права на белорусских землях в период раннего Средневековья. В связи с недостаточным количеством источников и акцентом в проводимых учеными исследованиях на анализе эпохи Великого княжества Литовского, Русского и Жемайтского (далее – ВКЛ), нередко на второй план уходит начало формирования правовой системы и правовой традиции на белорусских землях в эпоху древнебелорусских государств-княжеств, имевших высокую степень политической автономии, а также в период единого централизованного Древнерусского государства.

Общеизвестно, что, начиная с Крещения Руси, формирование государственности и права восточных славян в значительной степени зависело от византийского государственно-правового влияния. В условиях начального становления цивилизационно-культурного организма, связанного с принятием веры, письменности, литературы, культуры, представления о собственной письменной истории и иных составляющих цивилизационного развития, огромную роль всегда играет цивилизация-митрополия, рассматриваемая в качестве культурного образца. В эпоху Средневековья (которое применительно к государственности восточных славян рассматривается как ранний его этап) осевым элементом, который оказывал влияние на все составляющие государственного и правового развития, выступала вера. Православие как досконально разработанный религиозный комплекс и практика составляло ядро государственно-правового организма Византии, в особенности периода X–XII вв.: именно в этот период Русь начинает активные контакты с империей. К X веку Византия преодолела основные теоретические и практические проблемы исповедания Православия (постсоборная эпоха), а также сумела полностью адаптировать классические и постклассическое римское право в собственную уникальную систему светско-церковного синтеза с важнейшей ролью в правопорядке такого источника византийского

права, как Номоканон (на Руси именовался «Кормчей книгой»). К 900 г., когда в юридическую силу вступил законодательный свод «Василики», или, Царские Законы («τὰ Βασιλικὰ νόμια»), классический Свод римского права «Corpus Iuris Civilis» должен был утратить силу, однако ввиду своего авторитета на практике он продолжал применяться юристами, судьями вплоть до падения империи (1453 г.). К началу X в. византийские юристы окончательно адаптировали римское право к условиям христианской государственности, сформировав соответствующий тип юридического мышления, органично включающего в себя светские и церковные элементы. В этой связи Е. В. Сильвестрова верно отмечает, что «Василики можно считать заключительным этапом процесса официальной систематизации права, который берет начало в программе императора Феодосия 429 г. И именно Василики знаменуют собой завершение многовекового процесса унификации источников права. Уникальность этого источника римского права постклассического периода заключается в том, что в нем нашел завершение синтез «iura» – доктрины, сочинений классических юристов и «leges» – императорских конституций» [14, с. 145; 18]. В контексте программы «очищения» права Юстиниана, предпринятого в Василиках, показательное раскрытие смысла понятия права и закона, которое дает законодатель в этом источнике права: «Закон получает наименование от правды, т.к. есть искусство прекрасного и равного. Правда же есть твердая и постоянная воля. Свойство правды – честно жить, другому не вредить и каждому воздавать свое. Мудрость правды заключается в познании дел Божественных и человеческих, справедливого и несправедливого» [3, с. 43].

1. Разносторонние контакты восточных славян с таким развитым государством-цивилизацией представляло собой сложный процесс, включающий в себя не только рецепцию, но и отказ от восприятия тех или иных элементов византийской государственно-правовой действительности ввиду невозможности либо нежелания их принятия. Например, на Руси, в том числе и на белорусских землях, применялось только каноническое законодательство Византии, в то время как гражданские нормативные правовые акты не заимствовались, не говоря уже о юридической доктрине. Вместе с тем главным элементом, являющимся ядром рецепции, выступала Православная вера, непосредственно влиявшая в том числе на формирование древнерусского права и государства и выступавшая правовой идеологией эпохи Средних веков [6, с. 29–30]. Передача и восприятие веры рассматривалась всеми акторами международно-правового общения того времени в качестве одного из главных условий развития государства-реципиента. Согласно

византийской идеологии, сохранение Православия в государстве является одновременно и залогом успешного развития его политико-правовой формы. Разумеется, империя-митрополия имела свои интересы относительно государств ее сферы влияния, однако в вопросе поддержания православного курса развития она старалась строго следовать принципам православной традиции в той степени, в которой это было возможно исходя из конкретной ситуации и особенностей византийской дипломатии. В данной связи представляет интерес политика византийского государства и Вселенского Патриархата относительно практики поставления митрополитов Киевских в условиях разделения Руси.

2. Рассмотрение процесса формирования государственности на бело-русских землях в части господствующей идеологии, выступающей в форме религии как основания государственно-правового развития, с момента геополитической дифференциации двух частей Руси (XIII–XIV вв.) – Московской (Московское княжество) и Литовской (ВКЛ), – показательно в свете византийской политики по вопросу поставления русских митрополитов (Киевских митрополитов). Общий подход византийской дипломатии по данному вопросу был таков: максимально возможно придерживаться принципа юстиниановской симфонии, или, диархии по византийскому образцу: «православный правитель и православный архиепископ». Как показывает практика поставления отдельных митрополитов для Литовской (и Галицкой) Руси по запросу литовских князей, в большинстве случаев имперская администрация и Вселенский патриархат в своей политике стремились к духовному объединению древнерусских земель под властью тех княжеских центров, которые возглавлял православный государь. Понимая это, Константинополь старался избегать политического конфликта между двумя частями Руси. Эти процессы, связанные с межконфессиональной полемикой и геополитической конкуренцией за местонахождение центра византийской (православной) ойкумены в восточнославянском регионе, безусловно, отражались и на рецепции византийского права на белорусских землях. Кратко проанализируем практику поставления митрополитов в контексте правовой идеологии византийского двора и Патриаршего престола.

3. После принятия Иваном IV Грозным в 1547 г. титула царя по образцу византийских василевсов – «Царь и Великий князь Всея Руси Самодержец», Константинопольский патриарх Иоасаф II от имени духовенства православного Востока в 1561 г. принял соборную грамоту [15] о благословении московского князя на царство [см.: 13]. Но в грамоте царская титулатура не включала в себя земель ВКЛ, или, Литовской Руси:

«Βασιλεὺς Μοσχοβίου, Νοβογράδου, Αστραχάνιου, Καζανίου, Νογαί και πάσης της μεγάλης Ρωσίας» («Царь Московский, Новгородский, Астраханский, Казанский, Нагайский и вся земли Великия Руси») [15]. Не указывая в титулатуре Ивана Грозного земель ВКЛ, Вселенский Патриарх, разумеется, понимал, что великий князь Литовский и одновременно король Польский не мог претендовать на подобный титул вследствие другого типа легитимации его государственной власти – через римский престол.

Не только с точки зрения управления Вселенской церкви, но и с позиции органичности трансляции византийской культуры, такая политика была совершенно логична и обоснована. Это было наиболее верное разрешение ситуации для обеспечения единства православной ойкумены в восточнославянском регионе. Лишь изредка под давлением политических обстоятельств Константинополь соглашался на некоторое время создавать отдельные митрополичьи кафедры для тех земель, которые управлялись неправославными – языческими или римско-католическими государями. Прецеденты имели место в Галицком княжестве и в ВКЛ.

В 1315 г. по запросу великого князя Гедимина, язычника по вероисповеданию, поставляется Литовский («ο Λιτβάδων») митрополит с резиденцией в Новогрудке, однако в 1330 г. эта кафедра упраздняется [11, с. 485–486]. При попытке литовского князя Ольгерда самочинно в обход Константинополя поставить своего митрополита Феодорита посредством болгарского патриарха Тырновского (после отказа Вселенского патриарха), в Константинополе и одновременно в Москве это поставление сразу же признали антиканоничным, а Феодорита объявили раскольником. Великий князь смирился с этим решением.

В 1355–1362 гг. снова под давлением Ольгерда на Вселенский патриархат митрополитом Литовским поставляется княжеский кандидат Роман, а затем и ученый афонский монах болгарского происхождения – митрополит Киприан. Последний, однако, согласно замыслу Вселенской патриархии, был поставлен в митрополиты Литвы при условии: после смерти митрополита Киевского и всея Руси Алексия, находящегося в Москве, Киприан должен был наследовать ему и занять кафедру, находящуюся в столице Московского государства. Это было сделано для того, чтобы Киприан снова смог объединить под своим омофором Киевскую митрополию в единое образование, что в итоге окончательно и произошло в 1389 г. [11, с. 493].

В 1415 г. князь Витовт, римо-католик по вероисповеданию, предпринял попытку поставить для своих территорий в митрополиты Литвы епископа полоцкого Феодосия, однако Константинополь отказал

князю. Тогда Витовт посредством давления на православных епископов ВКЛ («аще не поставите ми митрополита в моей земли на Кіевѣ, то злѣ умре-те» [8, с. 227]), которые, естественно, находились в политической и эконо-мической зависимости от князя, предпринял попытку низложения со-бором епископов ВКЛ нового канонического митрополита Киевского и всея Руси Фотия, грека, поставленного в Константинополе в 1408 г. Собор епископов ВКЛ под давлением князя самочинно провозгласил митрополитом своего претендента ученого болгарина Григория Цамблака – почитателя, а, возможно, и ученика почившего митрополита Киприана [12; 16; см. также по вопросу: 2]. Но Григорий Цамбак также не был признан Константинопольской церковью и не поддержан византийским императором Мануилом II Палеологом: Вселенский патриарх Евфимий (1410–1416 гг.) изверг его из сана, отлучил и проклял [9, с. 105; 10; обзор позиций см.: 1]. Документы собора в Полоцке указывают на то, что соборные решения, которые принимались духовенством ВКЛ с участием представителей князя, были направлены не только против самого митрополита Фотия, но и против византийского императора и патриарха, которых обвинили в цезарепапизме, стяжательстве и симонии [16, Стб. 311, 313–314]. Однако в 1419 г. тот же Витовт, как и ранее Ольгерд, все же смирился с ситуацией канонического поставления митрополита Фотия и уже в 1420 г. принимал его в Новогрудке как законного главу Киевской митрополии и, одновременно, представителя Константинопольского патриархата [9, с. 107].

Удачная попытка поставления митрополита Киевского и всея Руси была предпринята Свидригайло после смерти в 1431 г. митрополита Фотия. Свидригайло направил в доживающую последние годы византийскую столицу смоленского епископа Герасима, который опередил кандидатуру московского князя Василия II Рязанского епископа Иону своим прибытием в Константинополь и в 1433 г. был утвержден греками (османы захватили Константинополь в мае 1453 г.). Отец Иоанн Мейендорф отмечает, что «греческие власти посчитали, что “западный” русский митрополит лучше подходит для участия в предстоящем объединении церквей» [цит. по: 11, с. 506–507], ведь на кону стояла судьба православной империи и шла спешная подготовка к объединительному Ферраро-Флорентийскому собору с Римской католической церковью. Но вскоре новопоставленный митрополит Герасим сам оказался втянутым в конфликт между Свидригайло и Сигизмундом Кейстуовичем и по указанию своего же покровителя Свидригайло был арестован в Смоленске с обвинением в сотрудничестве с Сигизмундом. В 1435 г. по решению Свидригайло митрополит Герасим был публично сожжен на костре.

Публичное сожжение предстоятеля церкви князем, воспринимавшимся, кроме всего прочего, вождем русской православной партии в ВКЛ, не могло не вызвать у Вселенского патриархата сомнений о дальнейшем местопребывании киевского митрополита и само по себе свидетельствует о верности основной линии Вселенской церкви на приоритет в политическом отношении модели византийской симфонии.

В 1458 г., т.е. уже после падения Константинополя, в Риме изгнанным из Константинополя униатским патриархом, а фактически титулярным латинским патриархом Константинополя Григорием III Маммой по благословению римского папы Каллиста III и его преемника Пия II на Киевскую митрополицию кафедру был поставлен Григорий Болгарин. Последний являлся бывшим диаконом киевского митрополита Исидора, подписавшего акт Ферраро-Флорентийского собора, и смещенного с кафедры как еретика.

Король польский и великий князь литовский Казимир IV Ягеллончик, несмотря на признание им ранее прав митрополита Ионы, после просьбы римского папы быстро отказался от собственного решения и признал юрисдикцию Григория Болгарина, пообещав не допускать в свои земли православного митрополита Иону, находившегося в Москве. Следует учитывать, что митрополит Григорий Болгарин был поставлен на кафедру неканонически, униатским патриархом, поскольку в завоеванном османами Константинополе уже в 1454 г. с согласия сул-тана Мехмеда II православным Константинопольским патриархом был избран известный византийский богослов Геннадий II Схолярый (1454–1456; 1463–1465), ученик Марка Евгеника (Эфесского) [см.: 4]. Геннадий Схолярый еще до взятия турками Константинополя являлся принципиальным противником Флорентийской унии, и уже в 1454 г. фактически отменил ее в патриархате, хотя формальное упразднение унии произошло только на Константинопольском соборе в 1472 г.

Эти и другие факты политики Вселенского патриархата относительно поставления Киевских митрополитов подтверждают, что рецепция и дальнейшее развитие византийской культурной традиции в государстве с неправославным монархом, а, тем более, с римско-католическим королем, является проблематичным.

4. Следует отметить, что аналогичной политики относительно вопроса о единстве русского, киевского православия в Литовской и Московской Руси под омофором Вселенского патриарха и византийского василевса в рамках «Византийского содружества наций» Константинополь придерживался и относительно политики Москвы.

Так, константинопольский патриарх Антоний IV, узнав, что в Москве при Василии I Дмитриевиче прекратили поминание византийского императора, написал послание князю, в котором, между прочим, указал следующее: «нет ничего хорошего, сын мой, если ты говоришь: “мы имеем церковь, а не царя”. Невозможно христианам иметь церковь, но не иметь царя. Ибо царство и церковь находятся в тесном союзе и в общении между собою, и невозможно отделить их друг от друга... <...> ...на всяком месте, где только именуются христиане, имя царя поминает-ся всеми патриархами, митрополитами и епископами, и этого преимуще-ства не имеет никто из прочих местных князей или властителей... <...> ...и если язычники окружили землю царя, то христианам не следует презирать его за это; напротив, это самое да послужит для них уроком смирения...» [5, Стб. 270, 272, 274]. Позиция Вселенского патриархата заключалась в том, что если византийский василевс не еретик, то его универсализм и вселенская значимость в христианском мире неоспоримы. Как отмечает отец Иоанн Мейендорф, «русские хорошо усвоили этот урок и применили его, когда император и патриарх «предали веру» на Флорентийском соборе» [11, с. 501].

Заключение. Таким образом, относительно притязаний Литовской и Московской Руси на роль центров-преемников древнего киевского православия идея Вселенского патриархата состояла в том, чтобы две митрополии объединить в одной духовной власти на политической платформе «симфонии», т.е. православного государства. Позиция Византийской империи и Вселенского патриархата заключалась в том, что «русская митрополия едина и является частью византийской православной ойкумены с центром в Константинополе» [11, с. 502]. Кривская уния 1385 г. только подтвердила верность такой политики Константинополя, навсегда упразднив претензии князей ВКЛ на наследие киевского православия.

Библиографические ссылки

1. Афанасенко, Ю. Ю. Новогрудский собор 1415 г. в церковной политике великого князя Витовта / Ю. Ю. Афанасенко // Исследования по истории Восточной Европы = Studia Historica Europae Orientalis : науч. сб. / Респ. ин-т высш. шк. – Минск, 2015. – Вып. 8. – С. 91–122.

2. Афанасенко, Ю. Ю. Митрополит Григорий Цамблак в общественно-политической и церковной жизни Восточной Европы: дис. ... канд. истор. наук : 07.00.03 / Ю. Ю. Афанасенко. – Минск, 2017. – 213 л.

3. Величко, А. М. Исихазм как политическое явление / А. М. Величко // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2019. – Том 6. – № 1. – С. 35–45.

4. Властос, Каллист Агиорит. Марк Эфесский и Флорентийский Собор / Пер. с греч. А. В. Маркова. Под ред. Е. С. Полищука / К. А. Властос. – М. : ООО «Смирение», 2009. – 216 с.

5. Грамота патриарха Антония к великому князю Василию Дмитриевичу, с известием о мерах, принятых против непокорных митрополиту новгородцев и с укоризною за неуважение к патриарху и царю // РИБ. Том 6. Памятники древне-русского канонического права: ч. 1 (памятники XI–XV вв.) / Под ред. А.С. Павлова. Изд. 2-е. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. – Стб. 265–276.

6. Доўнар, Т. І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі / Т.І. Доўнар. – Мінск : Амалфея, 2007. – 400 с.

7. Занемонец, А. В. В чём значение Иерусалимского собора 1443 г. / А. В. Занемонец // Византийский Временник. – 2009. – Т. 68 (93). – С. 165–169.

8. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей / под. ред. С. Ф. Платонова. – СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1897. – Т. XI. – 262 с.

9. Ломизе, Е. М. Константинопольская патриархия и церковная политика императоров с конца XIV в. до Ферраро-Флорентийского собора (1438–1439 гг.) / Е. М. Ломизе // Византийский временник. – 1994. – Т. 55. – С. 104–110.

10. Окружное послание митрополита Фотия о незаконном поставлении литовскими епископами Григория Цамблака на киевскую митрополию // РИБ. Том 6. Памятники древне-русского канонического права: ч. 1 (памятники XI–XV вв.) / Под ред. А. С. Павлова. Изд. 2-е. – СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1908. – Стб. 315–356.

11. Пападакис, А. Христианский Восток и возвышение папства / А. Пападакис, И. Меендорф.; Пер. с англ. А. В. Левитского, У. С. Рахновской, А. А. Чеха. – М. : ПСТУ, 2010. – 630 с.

12. Послание литовских епископов митрополиту Фотию, о вменении ему какой-то тайной вины, по которой они отрекаются признавать над собою власть его, от 1415 г. // РИБ. Том 6. Памятники древне-русского канонического права: часть 1 (памятники XI–XV вв.) / Под ред. А. С. Павлова. Изд. 2-е. – СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1908. – Стб. 307–310.

13. Серегин, А. В. Византийские корни государственно-территориального устройства Московского Царства в XVI–XVII вв. / А.

В. Серегин // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2019. – Том 6. – № 1. – С. 52–56.

14. Сильвестрова, Е. В. *Lex generalis*. Императорская конституция в системе источников греко-римского права V X вв. н.э. – М. : Индрик, 2007. – 248 с.

15. Соборная грамота духовенства православной восточной церкви, утверждающая сан царя за великим князем Иоанном IV Васильевичем 1561 года / изд. к. М. А. Оболенским. – М.: Синодальная тип., 1850. – 50 с.

16. Соборная грамота литовских епископов об избрании и поставлении на киевскую митрополию Григория Цамблака от 15 ноября 1415 г. // РИБ. Том 6. Памятники древне-русского канонического права: часть 1 (памятники XI–XV вв.) / Под ред. А. С. Павлова. Изд. 2-е. – СПб. : Тип. М.А. Александрова, 1908. – Стб. 309–314.

**ПРАВОВОЙ СТАТУС ОПЕРАТОРА ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВОЙ
ПЛОЩАДКИ И СОДЕРЖАНИЕ ЕГО РЕГЛАМЕНТА ДЛЯ ЦЕЛЕЙ
РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК**

Ю.А. Амельчя

Ведущий научный сотрудник отдела исследований в области
гражданского, экологического и социального права,
кандидат юридических наук, доцент,
Национальный центр законодательства и правовой информации
Республики Беларусь, Институт правовых исследований,
г. Минск, Республика Беларусь

У артыкуле разгледжаны пытанні прававога статусу аператара электроннай гандлёвай пляцоўкі і прымаемага ім з улікам потрабаванняў заканадаўства аб дзяржаўных закупках рэгламента і ўнесены шэраг канкрэтных прапанов, якія ўдакладняюць прававы статус аператара электроннай гандлёвай пляцоўкі і змест яго рэгламента.

В статье рассмотрены вопросы правового статуса оператора электронной торговой площадки и принимаемого им с учетом требований законодательства о государственных закупках регламента и внесены ряд конкретных предложений, уточняющих правовой статус оператора электронной торговой площадки и содержание его регламента.

The article covers some issues concerning legal status of the operator of the electronic trade platform and its regulations in public procurement sphere, and certain ideas are suggested clarifying legal status of the operator of the electronic trade platform and its regulation.

Ключавыя словы: дзяржаўныя закупкі; аператар электроннай гандлёвай пляцоўкі; рэгламент аператара электроннай гандлёвай пляцоўкі.

Ключевые слова: государственные закупки; оператор электронной торговой площадки; регламент оператора электронной торговой площадки.

Keywords: public procurement; operator of the electronic trade platform; regulation of the operator of the electronic trade platform.

В числе субъектов, задействованных в сфере государственных закупок, можно выделить оператора электронной торговой площадки (далее – ЭТП).

Появление оператора ЭТП и регламентация его правового статуса обусловлены электронным форматом процедур государственных закупок – открытого конкурса, электронного аукциона, процедуры запроса ценовых предложений, которые проводятся на ЭТП. Это означает, что документы по процедуре, предложения участников, протоколы заседаний комиссии по государственным закупкам и иные документы размещаются на ЭТП в открытом доступе на сайте оператора ЭТП.

Можно согласиться с утверждением о том, что оператор ЭТП является «юридическим и техническим посредником (своего рода провайдером) между заказчиком и участниками ..., поскольку, в частности, оказывает им технические услуги доступа к сайту» электронной площадки [1, С. 15].

Законодательство о государственных закупках содержит дефиницию оператора ЭТП, определяя его как юридическое лицо, владеющее электронной торговой площадкой и обеспечивающее ее функционирование (ст. 1 Закона Республики Беларусь от 13.07.2012 г. № 419-З «О государственных закупках товаров (работ, услуг)», далее – Закон), а также ряд полномочий, которые оператор ЭТП реализует в связи с организацией и проведением государственных закупок на ЭТП. При этом отдельные действия оператор ЭТП осуществляет в порядке, установленном своим регламентом.

Регламентам операторов ЭТП придается особое значение для регулирования отношений в сфере государственных закупок в соответствии с Законом, поскольку они с технической точки зрения регулируют порядок взаимодействия всех субъектов, так или иначе задействованных в процедурах, проводимых в электронном формате, в разных статусах и представляют собой механизм непосредственной практической реализации правовых норм, закрепленных в законодательстве о государственных закупках.

Исследователи справедливо отмечают, что «регламент ЭП выступает особым комплексным нормативно-правовым документом, определяющим правовые и технические действия оператора электронной площадки (ЭП), участников электронного аукциона и заказчика» [1, С. 11].

В свою очередь, регламент оператора ЭТП как локальный правовой акт организации (п. 14, 15 Инструкции по делопроизводству в государственных органах, иных организациях, утвержденной постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 19.01.2009 г. № 4) этимологически не должен выходить за пределы [2] самой организации и быть ограничен применением в ней самой. Тем не

менее им руководствуется не только сам оператор ЭТП, но и потенциальные участники и участники процедур государственных закупок, заказчики, организаторы как внешние пользователи функционала ЭТП. В связи с чем усматривается регулирующее воздействие таких регламентов операторов ЭТП на отношения, связанные с организацией и проведением процедур государственных закупок на ЭТП, в том числе договорные отношения.

Так, в регламенте оператора ЭТП устанавливаются правила: для уведомления заказчика, организатора, участников о совершаемых на ЭТП действиях (п. 4 ст. 24, п. 2, 5 ст. 25, п. 4 ст. 33, п. 5 ст. 34, п. 5 ст. 41, п. 5 ст. 47 Закона), для предложений участников (п. 1 ст. 32, п. 2, 7 ст. 34, п. 1 ст. 39, п. 2, 7 ст. 41, п. 1 ст. 46, п. 2, 7 ст. 47 Закона), для конкурсного, аукционного обеспечения и его возврата (п. 4, 5 ст. 33, п. 4, 5 ст. 40 Закона), для составления протокола о признании процедуры несостоявшейся, протокола торгов при проведении электронного аукциона (такие протоколы составляет оператор ЭТП) (п. 6 ст. 35, п. 6 ст. 42, п. 7, 8 ст. 43, п. 7 ст. 48 Закона), определения даты и времени проведения торгов, наблюдения заказчиком (организатором) за ходом торгов, совершения ставок в ходе торгов (п. 5 ст. 42, п. 4, 5 ст. 43 Закона).

Между тем анализ положений регламентов двух существующих в Республике Беларусь операторов ЭТП демонстрирует, что их содержание значительно шире тех обязательных правил, которые должны в них содержаться в соответствии с нормами законодательства о государственных закупках.

Так, например, в регламенте одного из операторов ЭТП установлены правовые последствия на случай возникновения обстоятельств технического характера, влекущих за собой невозможность дальнейшего участия в торгах. В частности, от участника требуется обратиться в колл-центр и направить заявление по ст. 51 Закона. Далее предусмотрено, что по результатам рассмотрения такого заявления, если невозможность участия в торгах была вызвана сбоями в работе программно-аппаратного комплекса ЭТП, оператор ЭТП принимает решение о переносе даты и времени начала торгов. При этом предыдущие торги считаются недействительными, а вновь назначенные торги начинаются с первоначально установленной начальной цены аукциона (подп. 17.2 п. 17 Регламента электронной торговой площадки Информационного республиканского унитарного предприятия «Национальный центр маркетинга и конъюнктуры цен», утвержденного приказом от 23.06.2021 г. № 21/О). Между тем подобные действия, связанные с квалификацией проведенных торгов недействительными, а также переносов даты торгов (согласно п. 5 ст. 42 Закона дата и время торгов определяется только

комиссией по государственным закупкам и отражаются в протоколе открытия, рассмотрения предложений и допуска к торгам) не предусмотрены Законом, также отсутствуют соответствующие полномочия у оператора ЭТП.

Как следствие, подобные правила могут создать ситуацию нарушения прав и законных интересов участников вследствие нарушения Закона. Что наглядно себя проявило при обжаловании действий оператора ЭТП [3]. Так, последним по результатам торгов был сформирован протокол торгов с определением в нем участника-победителя, однако по причине того, что участники на каком-то этапе торгов не смогли сделать ставки, протокол впоследствии был «скрыт», поскольку оператор ЭТП посчитал торги недействительными, и назначил новое время торгов. Победителем был признан другой участник, с чем не согласился участник, признанный победителем в «скрытом» протоколе, и пожал жалобу в Министерство антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь (далее – МАРТ). И хотя комиссией по рассмотрению жалобы данные действия оператора ЭТП признаны правомерными (протокол от 18.07.2024 г. № 3 [4]), тем не менее данная ситуация наглядно демонстрирует правовые последствия совершения оператором ЭТП действий, не предусмотренных, не санкционированных Законом и другим законодательством о государственных закупках.

Действительно, ст. 51 Закона позволяет субъекту, в отношении которого подана заявка о нарушении прав, в решении по результатам рассмотрения такого заявления при необходимости предусмотреть меры, которые должны быть приняты (п. 2 ст. 51 Закона). Между тем ее контекстное толкование не позволяет в качестве мер принимать оператору ЭТП такие, которые бы не предусматривались Законом. Признание недействительной может быть только в отношении процедуры государственной закупки, проведенной с нарушением законодательства (п. 3 ст. 56 Закона), и только судом, а не оператором ЭТП, причем речь о недействительной процедуре, а не торгах как ее этапе.

Одновременно следует констатировать отсутствие в Законе компетенции оператора ЭТП в регламенте устанавливать особые правила на случай сбоя. Можно согласиться с тем, что особенность функционирования ЭТП предполагает возможность технических сбоев, но для целей правомерного совершения действий оператором ЭТП для их преодоления и с учетом прав и законных интересов всех участников требуется корректировка Закона в части предоставления оператору ЭТП полномочий по определению того, что следует признавать техническим

сбоем, порядок действий в случае его возникновения, а также правовые последствия.

В связи с этим предлагается нормативно закрепить, во-первых, функции оператора ЭТП, исключая фрагментарность определения его правового статуса, требования к содержанию регламента оператора ЭТП, в том числе порядок действий на случай технического сбоя, а также необходимость согласования операторами ЭТП своих регламентов с МАРТ для обеспечения их соответствия законодательству о государственных закупках. Согласование необходимо несмотря на то, что действия (бездействие) и (или) решения оператора ЭТП могут быть предметом обращения с заявлением о нарушении прав, обжалования в МАРТ, оспаривания в судебном порядке (ст. 51-53, 56 Закона).

В частности, Закон необходимо дополнить статьей следующего содержания:

«Статья 151. Оператор электронной торговой площадки

1. Оператор электронной торговой площадки осуществляет аккредитацию на электронной торговой площадке заказчика, организатора, юридических или физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей для участия в процедурах государственных закупок.

2. Оператор электронной торговой площадки обеспечивает организацию и проведение процедур государственных закупок на электронной торговой площадке в соответствии с настоящим Законом, иным законодательством о государственных закупках и своим регламентом, согласованным с уполномоченным государственным органом по государственным закупкам.

Регламент оператора электронной торговой площадки должен содержать правила на случай возникновения технического сбоя и события, определяемые как технический сбой.»

Предлагаемые изменения действующего законодательства позволят комплексно определить функции, компетенцию оператора электронной торговой площадки, требования к его регламенту с последующим контролем содержания такого регламента со стороны МАРТ и будут способствовать реализации прав и законных интересов участников, заказчика, организатора в соответствии с требованиями законодательства и в отсутствие усмотрения со стороны оператора ЭТП.

Библиографические ссылки

1. Титова, Г.Н. Гражданско-правовой механизм заключения публичного контракта по итогам электронного аукциона в сфере закупок товаров, работ и услуг: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.3 / Г.Н. Титова. – М.: 2018. – 100 с.

Титова; Пермский государственный национальный исследовательский университет; Ульяновск.госуд. ун-т. – Ульяновск, 2023. – 29 с.

2. Толковый словарь Дмитриева // Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/2161/%D0%BB%D0%BE%D0%BA%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9?ysclid=luv6g4dpk733335334>. – Дата доступа: 11.09.2024.

3. Жалоба на действия (бездействие), решение оператора электронной торговой площадки // Режим доступа: <https://gias.by/gias/#/appeal/registry/view/879e839f-5117-4ab4-b5cb-3d5556b54cad>. – Дата доступа: 23.09.2024.

4. Протокол заседания комиссии по рассмотрению жалоб на действия (бездействие) и (или) решения заказчика (организатора), комиссии по государственным закупкам и (или) ее членов, товарной биржи, оператора электронной торговой площадки при осуществлении государственных закупок от 18.07.2024 г. № 3 // Режим доступа: <https://gias.by/gias/#/appeal/registry/view/879e839f-5117-4ab4-b5cb-3d5556b54cad>. – Дата доступа: 23.09.2024.

БИЛИНГВИЗМ В ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ ¹

Н.А. Антанович

Заведующий кафедрой политологии,
доктор политических наук, профессор,
Белорусский государственный университет, юридический факультет,
г. Минск, Республика Беларусь

У артыкуле даследаваны падыходы да трактоўкі моўнай палітыкі. Дадзены кароткі аналіз даследаванасці білінгвізму, які склаўся ў Рэспубліцы Беларусь. Разгледжаны палітыка-прававыя аспекты даследавання моўнай палітыкі і практыкі рэалізацыі беларуска-рускага білінгвізму.

В статье изучены подходы к трактовке языковой политики. Дан краткий анализ исследованности билингвизма, сложившегося в Республике Беларусь. Рассмотрены политико-правовые аспекты

¹ Данная статья подготовлена в рамках НИР «2.04 «Этнокультурные отношения в контексте социально-политических процессов и политики идентичности», № ГР 20211919 (ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021-2025 гг.).

исследования языковой политики и практики реализации белорусского-русского билингвизма.

The article examines approaches to interpreting language policy. A brief analysis of the research of bilingualism that has developed in the Republic of Belarus is given. Political and legal aspects of the study of language policy and the practice of implementing Belarusian-Russian bilingualism are studied.

Ключавыя словы: моўная палітыка; заканадаўства аб мовах; білінгвізм; беларуска-рускі білінгвізм; палітычная навука.

Ключевые слова: языковая политика; законодательство о языках; билингвизм; белорусско-русский билингвизм; политическая наука.

Keywords: language policy; language legislation; bilingualism; Belarusian-Russian bilingualism; political science.

Билингвизм – практика владения двумя языками, умение ими пользоваться для закрепления и передачи информации, реального общения. Полилингвизм – владение тремя и более языками. Язык – компонент наследия предыдущих поколений, инструмент культурного самовыражения народа. Язык – неотъемлемая часть жизненного мира каждого человека, а языковая политика влияет как на непосредственную коммуникацию, так и на общественно-политическую жизнь. Язык выступает инструментом передачи социокультурного кода нации. Приведем высказывания белорусских ученых о роли языка: «Язык – путь, по которому мы проникаем в ментальность нации...» (В. А. Маслова) [8, с.15]; язык – «пространство бытия нации», национальный язык – «объективация национального самосознания» (М. А. Можейко) [9, с.125]; язык «как культурный объект язык воплощается в виде национального символа и носителя этнокультурных знаний» (А. А. Лавицкий) [6, с.81].

Билингвизм в Беларуси – важная проблема для междисциплинарного исследования. Вклад в исследование билингвизма внесли представители языкознания, такие как Лукашанец А. А., Волянец Т.Н., Гринберг С. А., Демьянович А. А., Лавицкий А. А., Маслова В. А., Мечковская Н. Б., Пригодич Н. Г., Ровдо И. С., Уланович О.И. и др.; известные белорусские историки: Коваленя А. А., Лыч Л. М., Гигин В. Ф.; представители философской, политической, юридической, социологической наук: Буденис О. Г., Буховец О.Г., Буев А. Л., Василевич Г. А., Можейко М. А., Николаенко С. В. и др. Так или иначе, все указанные выше авторы связывают языковую ситуацию с социально-политическими процессами в Беларуси. Исторический период после распада СССР для постсоветских государств стал временем формирования своей суверенной субъектности. Успех данного процесса

зависел от успешности государственного строительства («нациестроительства», см., к примеру, публикации Буховца О.Г., Бучева А. Л.) [3]. Попытки выстроить белорусскую государственность на моноязычии, ускоренная белорусизация не были реализованы. При этом следует помнить об особенностях языковой ситуации в Республике Беларусь. Так, согласно переписи населения 2019 г., в национальном составе страны белорусы составляют 84,9%, русскими себя назвали 7,5% граждан, 3,1% – поляками, 1,7% – украинцами [14]. В этом свете вопрос билингвизма в значительной степени касается языкового самоопределения белорусов без ущемления интересов иных этнических групп. Белорусский билингвизм является близкородственным, что также стало основанием для формирования «трасянки» как формы смешанной речи (или народно-диалектного языка). Становление государственно закрепленного билингвизма в Республике Беларусь напрямую связано с выбором модели государство- и нации- строительства – становлением государственно-политической нации.

Довнар Таисия Ивановна, доктор юридических наук, профессор вносит существенный вклад в развитие сбалансированного билингвизма в Республике Беларусь. Результат анализа сайта Национальной библиотеки Республики Беларусь – поиск по автору Довнар Т.И. – выдал 168 результатов, включающих монографии, учебники, учебные пособия, избранные статьи на белорусском и русском языках. Безусловно, общее количество публикаций Довнар Т.И. значительно превосходит указанное выше число. Вклад профессора Довнар Т. И. в развитие белорусского государства и права отмечен Премиями Министерства юстиции Республики Беларусь имени У. Д. Спасовича (2003, 2019); Благодарностями Министерства юстиции Республики Беларусь (2003, 2005, 2010 и др.) и Генерального прокурора Республики Беларусь (2015); Знаком Министерства образования «Отличник образования» (2009); благодарностями ректора БГУ (2011, 2015 и др.), Почетными грамотами БГУ; званием «Заслуженный работник БГУ» (2014). Профессор Довнар Т. И. – лауреат премии имени У.И. Пичеты за цикл работ по теории и истории государства и права (2010). В 2020 г. Довнар Т.И. награждена медалью Франциска Скорины.

Развитие языковой ситуации в том или ином государстве определяется языковой политикой. Термин «языковая политика» употребляется наряду с понятиями «политика языка», «языковое планирование», «языковое строительство», «государственная языковая политика». Релевантность употребления указанных понятий зависит от указания на доминирующих субъектов в реализации данного направления политики. В узком смысле языковая политика –

разновидность политики государства по закреплению государственного языка/языков, языковых норм, языка/языков делопроизводства и межнационального общения. А. А. Каневский определил языковую политику как «деятельность государственных учреждений публичной власти, направленную на трансформацию языковой ситуации» [4, с.50]; Н. М. Мухарямов – как «курс властей применительно к языковому разнообразию социума, к языковым ситуациям или к социально-коммуникативным системам» [10, с.11].

Существуют различные модели реализации языковой политики. Можно разграничить моно-, би- и полилингвальные модели языковой политики. Выделяют также интегративную, исключаящую и полиномиальную модели языковой политики. Интегративную модель применяют для достижения языковой однородности: устанавливается один официальный язык при толерантном отношении к языкам этнических меньшинств. Исключаящая модель соответствует государственной политике языковой гомогенизации общества. Полиномиальная модель допускает языковой плюрализм и использование языков меньшинств в публичной сфере [4, с.49].

Модели реализации языковой политики в государствах-участниках СНГ осмыслены А. А. Лавицким. Им выделены, во-первых, государства, которые «законодательно закрепили или разработали и приняли программы би- или полилингвальной языковой политики» (Беларусь, Казахстан, Кыргызстан). Во-вторых, государства, где «юридически закреплено моноязычие, но в силу исторических, социокультурных, экономических и иных обстоятельств достаточно активно используется другой язык» (Молдова, Таджикистан, Узбекистан). В-третьих, государства, которые «в вопросах языковой политики... стремятся к наращиванию языковой монополии» (Азербайджан, Армения, Грузия) [7, с.20–21].

Языковая политика закрепляется в законодательстве о языках. В Республике Беларусь в 2023 г. в Закон от 26.01.1990 г. № 3094-XI «Аб мовах у Рэспубліцы Беларусь» были внесены изменения. В России действуют Закон «О языках народов Российской Федерации» от 25.10.1991 г., Концепция государственной языковой политики Российской Федерации, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 12.06.2024 г. №1481-р.

Согласно статье 17 Конституции Республики Беларусь, государственными языками являются белорусский и русский языки. Закон Республики Беларусь «О языках» был принят в 1990 г., а новейшие изменения в него внесены в 2023 г. Первоначально в качестве государственного языка был закреплён белорусский язык, а русский

признавался языком межнационального общения. По результатам республиканского референдума 14 мая 1995 г. русскому был придан статус государственного языка. За это проголосовали 83,3 % граждан, принявших участие в референдуме.

Закон Республики Беларусь «О языках» направлен на регулирование использования государственных (белорусского и русского) и других языков, используемых гражданами Беларуси, а также иностранными гражданами и лицами без гражданства. В ряду целей Закона – воспитание уважительного отношения к национальному достоинству, языку и культуре граждан, укрепление дружбы и сотрудничества между народами (статья 1 Закона). Республика Беларусь обеспечивает всестороннее развитие и функционирование белорусского и русского языков во всех сферах общественной жизни. Закон не регулирует использование языков в неформальном общении, в общении между членами рабочих коллективов (статья 2) [12].

Согласно изменениям в Закон Республики Беларусь «О языках» от 2023 г., статья 21 гласит, что каждому жителю Беларуси гарантируется право на получение образования на белорусском и (или) русском языках, что обеспечивается развитием систем дошкольного, общего среднего, профессионального, среднего специального, высшего образования и систем научного ориентированного и специального образования. Педагогические работники системы образования должны владеть белорусским и русским языками. В статье 12 Закона «О языках» указывается, что бюллетени для голосования на выборах и референдумах выдаются на одном из государственных языков. Судебное разбирательство, производство по административным делам возможно на белорусском и русском языках [12].

Особое внимание уделяется языковой политике в России. Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом, утвержденная Указом Президента Российской Федерации № 611 от 05.09.2022 г., в качестве задачи закрепила «усиление роли, значения и конкурентоспособности русского языка в современном мире», а в п. 23 Концепции указывается: «поддержка и продвижение русского языка являются ключевыми элементами гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом и способствуют формированию положительного отношения к нашей стране в мире, ускорению ее научно-технологического и социально-экономического развития, привлечению высококвалифицированных специалистов, созданию условий для обеспечения межнационального согласия...» [13].

В Концепции государственной языковой политики Российской Федерации (2024) закреплено: «в Российской Федерации как

многонациональной стране государственная языковая политика основывается на признании государственным языком Российской Федерации на всей ее территории русского языка как языка государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации, сохранении и равноправном развитии языков народов Российской Федерации» [5]. Как мы видим, указанная Концепция закрепляет роль русского языка как государственного и как языка государствообразующего народа, а также признает полилингвизм в развитии языков народов России.

Исторически на белорусских землях существовали различные государственные образования, формировавшие полилингвальную языковую ситуацию. Полиязычие и двуязычие существовали на белорусских землях на разных этапах истории в силу особого географического и политического положения. Однако белорусский язык формировался и оставался этнокультурным и политическим признаком белорусов. Билингвизм также стал фактором социокультурного развития. Белорусский исследователь О. Г. Буденис считает: «Законодательное закрепление билингвизма на конституционном уровне позволило белорусам сохранить свою самобытность и в то же время остаться приобщенными к русской культуре, частью которой мы долгое время являлись и в развитие которой также внесли свой весомый вклад...» [2, с.2]. Белорусские ученые обращают внимание на несбалансированность билингвизма в Беларуси, преобладание русского языка в значимых сферах жизнедеятельности. Приводятся данные Атласа языков под угрозой исчезновения (ЮНЕСКО, 2001), в который внесен белорусский язык. По итогам переписи населения 2019 г. 61,2% граждан Беларуси указали белорусский язык как родной. Однако 5 670 330 белорусов в ходе переписи указали, что дома разговаривают в основном на русском языке. На белорусском – 2 275 243 человек [14].

Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко на заседании-совещании с Национальной академией наук Беларуси 25 января 2022 г. отметил: «Нельзя забывать свой язык. Если мы не будем знать белорусского языка, – мы не белорусы. И русский язык, и беларуская мова – это наше...» [11].

Выводы. Языковая политика – неотъемлемый элемент системы политико-идеологических приоритетов государства. Белорусские исследователи отмечают, что билингвизм влияет на формирование гражданских основ национально-государственного строительства. В современных условиях в Беларуси билингвизм рассматривается как фактор социокультурной динамики. Белорусский язык выполняет не

только коммуникативную, но и символическую функцию, способствуя и этнической, и гражданской идентичности белорусов.

Библиографические ссылки

1. Белстат: для 61,2% белорусов родной язык – белорусский. [Электронный ресурс]. Белта. 10 сент. 2020. Режим доступа: <https://belta.by/society/view/belstat-dlja-612-belorusov-rodnoj-jazyk-belorusskij-406281-2020/>– Дата доступа: 30.09.2024.
2. Буденис, О. Г. Билингвизм как фактор социокультурной динамики белорусского общества. / Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филос наук: 24.00.01. Гродно, 2022. – 24 с.
3. Буховец, О.Г. Государственный билингвизм. Положение русских и русскоязычие в Республике Беларусь/ О.Г. Буховец, А.Л. Буй // Современная Европа. 2018. № 3. с. 71–82.
4. Каневский, А. А. Языковая политика как вид национальной политики государства // Философия права. 2015. № 4 (71). С.47–51.
5. Концепция государственной языковой политики Российской Федерации / Распоряжение Правительства РФ от 12 июня 2024 г. N 1481-р. [Электронный ресурс]. Гарант.ру. Информационно-правой портал. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409100008/> – Дата доступа: 30.09.2024.
6. Лавицкий, А. А. Генезис языковой политики Республики Беларусь // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. Т.19. № 1. С. 77–85.
7. Лавицкий, А. А. Языковая политика стран СНГ: актуальное состояние и перспективы // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 4. С.16–27.
8. Маслова, В. А. Философия языка: конспект лекций / В. А. Маслова. – Витебск : УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2012. – 50 с.
9. Можейко, М. А. Билингвизм в социально-политической проекции: язык как способ бытия нации // Философские науки. – 2022. – № 65(3). – С.112-137.
10. Мухарямов, Н. М. Языковая политика и политика языка: к вопросу о «действующих лицах» // Вестн. Пермского ун-та. Политология / Bulletin of Perm University. Political Science, 15(4). Том 15. № 4. 2021. С.5-15.
11. О духовности и культуре [Электронный ресурс]. Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/quotes/category/o-duhovnosti-i-kulture> – Дата доступа: 30.09.2024.

12. Об изменении законов. Аб мовах у Рэспубліцы Беларусь. Закон Рэспублікі Беларусь ад 26 студзеня 1990 г. № 3094-XI с изменениями от 17 июля 2023 г. № 300-3 [Электронный ресурс]. Национальн. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12300300> – Дата доступа: 30.09.2024.

13. Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом. Указ Президента Российской Федерации от 05.09.2022 № 611. // Официальное опубликование правовых актов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209050019> – Дата доступа: 30.09.2024.

14. Подведены итоги переписи населения Республики Беларусь 2019 года [Электронный ресурс]. Национальн. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. Режим доступа: <https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2020/september/54414/> – Дата доступа: 30.09.2024.

**ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ПРАВОВОЙ МЫСЛИ
Г. КОНИССКОГО НА ИДЕИ Г.С. СКОВОРОДЫ И С.БОГУШ-
СЕСТРЕНЦЕВИЧА**
С.Б. Антоненко

Ведущий специалист отдела криминологического мониторинга
законодательства и совершенствования правоприменительной практики
Государственного учреждения «Научно-практический центр проблем
укрепления законности и правопорядка
Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»,
аспирант кафедры теории и истории государства и права,
Белорусский государственный университет, юридический факультет,
г. Минск, Республика Беларусь

У артыкуле разглядаюцца пытанні ўплыву палітычнай і прававой думкі Г. Каніскага на ідэі Г. С. Патэльні і С. Богуш-Сестранцэвіча. Аўтар прыходзіць да высновы, што погляды Г. Каніскага былі дастаткова блізка ўспрыняты такімі рознымі мыслярамі, як Г.С. Патэльня і С. Богуш-Сестранцэвіч.

В статье рассматриваются вопросы влияния политической и правовой мысли Г. Конисского на идеи Г. С. Сковороды и С. Богуш-Сестренцевича. Автор приходит к выводу, что взгляды Г. Конисского были достаточно близко восприняты такими разными мыслителями, как Г.С. Сковорода и С. Богуш-Сестренцевич.

The article examines the influence of G. Konissky's political and legal thought on the ideas of G. S. Skovoroda and S. Bogush-Sestrencevich. The author concludes that G. Konissky's views were quite closely perceived by such different thinkers as G. S. Skovoroda and S. Bogush-Sestrencevich.

Ключавыя словы: права, палітыка, Г. Каніскі, светапогляд, філасофія.

Ключевые слова: право, политика, Г. Конисский, мировоззрение, философия.

Keywords: law, politics, G. Konissky, worldview, philosophy.

В период, когда Г. Конисский учился, преподавал и был ректором Киево-Могилянской Академии (1728-1755) (далее- Академический период) там с перерывами (1734-1741, 1744-1745, 1751-1753) учился Григорий Саввич Сковорода (1722-1794), ставший впоследствии известным как странствующий мыслитель, в поэтической форме представляющий свои ответы на главные философские вопросы современности.

Исследователь Н.И. Петров считает, что Г. С. Сковорода «был духовным сыном» Г. Конисского [2, с.605]. Данный тезис, возникший еще в начале XX века, был подтвержден авторами монографии «Философская мысль в Киеве» (1982 год), которые утверждают, что как у Г. Конисского, так и у Г.С. Сковороды обнаруживается акцентированный интерес к этико-гуманистической проблематике.

Действительно, философско-правовая мысль Г.С. Сковороды, как и Г. Конисского базируется главным образом на этических взглядах. Как и Г. Конисский, Г.С. Сковорода рассматривал теорию естественного права сквозь призму духовности, где исходные принципы правового мировоззрения - идея нравственной автономии личности и идея справедливости.

Свою концепцию понимания права Г.С. Сковорода называл «сродностью». «Сродность» — это закон Божий, он же естественный и человеческий, который заключается в том, что должно быть достигнуто органическое соответствие между внутренней и внешней натурами в человеке, природе, обществе. Если данный закон выполняется, то в мире устанавливается гармония, а в индивидуальном плане – счастье. В случае же нарушения идеи «сродности» возникают зло и несправедливость, что в свою очередь ведет к социальному неравенству.

Симпатии Г.С. Сковороды на стороне тех, кто трудится в соответствии со своими возможностями для собственного счастья и на пользу всему обществу [5, с.232-233]. Как и в понимании Г. Конисского,

счастье и благополучие общества складывается из счастья и благополучия каждого из его членов.

Правовые идеи этих двух мыслителей имеют нравственно-духовное основание, и несмотря на авторское изложение Г. С. Сковородой своей концепции, конечная ее цель, по мнению обоих мыслителей, – счастье человека.

Схожесть взглядов Г.Конисского и Г.С.Сковороды связано, на наш взгляд, со следующими аспектами:

1. Происхождение и детство Г. Конисского и Г.С. Сковороды прошли примерно в одинаковых условиях. Подчинение жизни религиозному циклу, тяжелые условия труда на Гетманщине, обучение в Киево-Могилянской академии отложили определенный отпечаток на политико-правовые идеи мыслителей.

2. Обучение Г.С. Сковороды в Академии происходило преимущественно в те годы, когда Г. Конисский там преподавал и был ректором. Лекции Г. Конисского были не только услышаны, но и восприняты Г.С. Сковородой, а с учетом авторской переработки идеи Г. Конисского – стали фундаментом идей «сродности» Г.С. Сковороды;

3. Универсальность и простота идей Г. Конисского были положительно восприняты Г.С. Сковородой. Привлекали простота изложения с обширными примерами из реальной жизни. Кроме того, как отмечалось выше, в основании правовых идей и Г. Конисского, и Г.С. Сковороды, лежат этически-духовный фундамент и религиозное образование.

Если в Академический период учение Г. Конисского в основном формулировалось на теоретическом уровне, то в период его служения в качестве епископа в Речи Посполитой, а затем и в Российской империи развитие его политико-правовых идей было связано с непосредственным участием в общественно-политических процессах. Именно с практической деятельностью Г. Конисского связано его влияние на развитие политико-правовой мысли во второй половине XVIII – XIX веках. Испытавшими такое влияние были в первую очередь те люди, которые служили вместе с Г. Конисским или близко общались с ним. Среди этих людей особо выделяется личность Архиепископа-митрополита Могилёвского Станислава Богуш-Сестренцевича (1731-1826).

В целом политические взгляды С. Богуш-Сестренцевича начали формироваться еще до его совместной службы в Могилеве с Г. Конисским. В 1771 году, в разгар гражданской войны в Речи Посполитой, он произносит проповедь, в которой дает оценку внутривосточного состояния Речи Посполитой: «буйство и

ненаказанная злоба человеческая – междоусобная брань влечет за собой целый ряд бедствий: насилий, хищений, грабежей, разбоев». В своей речи он осуждает участников Барской конфедерации, посягнувших на жизнь короля, а значит и на благополучие Речи Посполитой [5, с.239].

На сегодняшний день нет точных свидетельств о личном знакомстве С. Богуш-Сестренцевича и Г. Конисского до первого раздела Речи Посполитой, однако ввиду довольно большой известности и общественной активности Г. Конисского можно предположить, что они были знакомы лично [4, с.37].

Кроме религиозной деятельности, С. Богуш-Сестренцевич интересовался происхождением славян и писал на данную тематику исторические работы (в духе господствующего в то время в Российской империи нарратива об общерусском народе). Причем выводы С. Богуш-Сестренцевича про происхождение и развитие восточных славян очень перекликаются с выводами Г. Конисского.

В 1793 году С. Богуш-Сестренцевич публикует труд «О Западной России». Среди причин отстранения территории Беларуси от остальной Руси он называет татаро-монгольское иго, а основное намерение автора – показать, что вся Западная Русь от самого основания государства была под владычеством князей Руси. И.А. Марзалюк считает, что «Беларусь» в трудах С. Богуш-Сестренцевича это и есть Западная Русь [1, с.54].

В 1812 году (через 17 лет после смерти Г. Конисского) он публикует «Исторические исследования о происхождении славян или эскавоннов и сарматов и эпох принятия ими христианства». Одновременно с изучением проблемы этногенеза славян митрополит Станислав Богуш-Сестренцевич приходит к выводу о существовании некогда единого восточнославянского государства – Руси. Для Могилевского митрополита термины «Русь» и «Россия» были синонимичны [4, с.143].

Характерно, что подобные идеи Г. Конисский высказывал еще в 60-е года XVIII века, как в отношении белорусских земель, так и в отношении русских владений. Как и Г. Конисский С. Богуш-Сестренцевич перечисляет земли, входившие в «Русь». Кроме тех городов, которые всегда были под властью России, к Руси С. Богуш-Сестренцевич относит такие белорусские города как Туров, Брест, Дрогичин, Гродно, Клецк, Мир, Мозырь, Несвиж, Пинск и Слуцк.

Однако в отличие от Г. Конисского, который искал в первую очередь правовые и религиозные основания единства Беларуси и России, С. Богуш-Сестренцевич давал политико-исторические обоснования своим предположениям.

Несмотря на различные подходы к исследованию, выводы у обоих авторов одинаковые: Беларусь — это составная часть «Руси», которая по

определённым причинам откололась и теперь должна «вернуться» благодаря силе Российской империи.

В последнем своем произведении 1818 года «Исследовании о происхождении русского народа» С. Богуш-Сестренцевич обобщает имперский образ России, веками складывающийся на фундаменте той древней Руси [5, с.247].

М.А. Попов так характеризует попытки С. Богуш-Сестренцевича найти доказательства нахождения белорусских земель в составе Руси, а значит и законности их вхождения в состав России: «Беларусь для него является только составной частью России, которая входила в ее состав с начала формирования у славян государственности и только благодаря татарскому игу на некоторое время оказавшейся оторванной от нее» [3 с. 50].

В целом можно утверждать, что Г.С. Сковорода и С. Богуш-Сестренцевич во многом восприняли ряд идей Г. Конисского. В частности, идеи Г. Конисского о справедливости, общественном благополучии и счастье были восприняты и интерпретированы Г. С. Сковородой в его теории «сродности», во многом став фундаментом его философии. В свою очередь, С. Богуш-Сестренцевич почерпнул для себя идею о единстве белорусского и русского народов в составе Российской империи – то, о чем писал в своих исторических трудах Г. Конисский.

Библиографические ссылки

1. Марзалюк, І. А. Вытокі беларускага заходнерусізму і літвінізму / І. А. Марзалюк // Беларуская думка. – 2012. – № 8. – С. 53–59.

2. Петров, Н. И. Первый (малороссийский) период жизни и научно-философского развития Г.С.Сковороды /Н.И. Петров// ТКДА. - 1902. - № 12. - С. 588 – 618.

3. Попов, М.А. Литературная и научная деятельность митрополита Станислава Богуш-Сестренцевича /М.А. Попов// Веснік МДУ імя А.А.Куляшова. - 2011. - № 1. - С. 42-51.

4. Попов, М.А. Митрополит С. Богуш-Сестренцевич: формированиеправительственной политики по отношению к Римскокатолической церкви на белорусских землях (конец XVIII – первая четверть XIX в.) : монография / М.А. Попов, А.И. Ганчар. – Гродно : ГГАУ, 2012. – 278 с.

5. Щавинская, Л.Л. «Белорусское» прошлое, настоящее и будущее в представлениях католического митрополита Станислава Богуш-Сестренцевича /Л.Л. Щавинская // Славянский альманах. 2019. № 1. - С. 237-253.

ЧАЛАВЕК ЯК СУБ'ЕКТ ПРАВОЎ І ЧАЛАВЕЧЫ КАПІТАЛ ЯК АБ'ЕКТ ПРАВОЎ

М.С. Бандарэнка

Аспірант кафедры гаспадарчага права,
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, юрыдычны факультэт,
г. Мінск, Рэспубліка Беларусь

Чалавек з'яўляецца суб'ектам правоў, а чалавечы капітал – унікальным аб'ектам палітычных правоў дзяржавы. Аўтар выяўляе ўзаемаабумоўленасць і ўзаемазалежнасць паміж надзяленнем чалавека правамі і фарміраваннем чалавечага капіталу як найважнейшага фактару вытворчасці ў сучасным свеце.

Человек является субъектом прав, а человеческий капитал – уникальным объектом политических прав государства. Автор обнаруживает взаимообусловленность и взаимозависимость между наделением человека правами и формированием человеческого капитала как важнейшего фактора производства в современном мире.

The human is a subject of rights, and human capital is a unique object of political rights of the state. The author reveals the interdependence between the granting of human rights and the formation of human capital as the most important factor of production in the modern world.

Ключавыя словы: чалавек; суб'ект правоў; чалавечы капітал; аб'ект правоў; аб'ект палітычных правоў; аб'ект кіраўніцкага ўздзеяння.

Ключевые слова: человек; субъект прав; человеческий капитал; объект прав; объект политических прав; объект управленческого воздействия.

Keywords: human being; subject of rights; human capital; object of rights; object of political rights; object of managerial influence.

Беларускімі навукоўцамі гісторыкамі і тэарэтыкамі права традыцыйна значная ўвага надаецца вывучэнню чалавека як асобы і суб'екта правоў. І прычынай гэтаму з'яўляецца «багатая гісторыя прававой культуры беларускага народа» [5]. На розных этапах развіцця беларускай дзяржаўнасці правы чалавека становіліся аб'ектам палітычнай, прававой, філасофскай і рэлігійнай думкі [4]. Так, аналізуючы этапы і асаблівасці ў развіцці заканадаўства Вялікага Княства Літоўскага, і ў прыватнасці, характарызуючы Статут ВКЛ 1588 г., выбітны беларускі вучоны, прызнаны спецыяліст у галіне гісторыі права Т. І. Доўнар справядліва звяртае ўвагу на тое, што «палажэнні Статута сведчаць і аб яго гуманістычнай накіраванасці», а тэкст яго «прасякнуты ідэяй прававой дзяржавы» [5].

На думку прафесара Г. А. Васілевіча, «Ідэя правоў і свабод чалавека адносіцца да ідэй, якія прайшоўшы шматвяковую гісторыю, набылі асабліваю актуальнасць у сучасных умовах, выйшаўшы на першы план адносін паміж дзяржавай і асобай» [8, С. 42]. Заканадаўства Рэспубліка Беларусь захоўвае прыхільнасць да гэтай ідэі. У артыкуле 1 Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь 1994 года (са змяненнямі і дапаўненнямі, прынятымі на рэспубліканскіх рэферэндумах 24 лістапада 1996 г., 17 кастрычніка 2004 г. і 27 лютага 2022 г.) наша краіна абвешчана ўнітарнай дэмакратычнай сацыяльнай прававой дзяржавай, а ў артыкуле 2 замацавана: «Чалавек, яго правы, свабоды і гарантыі іх рэалізацыі з'яўляюцца найвышэйшай каштоўнасцю і мэтай грамадства і дзяржавы.

Дзяржава адказная перад грамадзянінам за стварэнне ўмоў для свабоднага і дастойнага развіцця асобы. Грамадзянін адказны перад дзяржавай за няўхільнае выкананне абавязкаў, ускладзеных на яго Канстытуцыяй».

Як адзначаў беларускі тэарэтык права С. Г. Драбязка, спецыфіка новага тыпу права заключаецца ў тым, што яно «замацоўвае, адлюстроўвае і развівае новыя прынцыпы і тэндэнцыі, уласцівыя сацыяльнай прававой дзяржаве і прававой грамадзянскай супольнасці з арыентацыяй на забеспячэнне гармоніі балансу інтарэсаў усіх сацыяльных груп, асобы і грамадства ў ходзе пашырэння і ўзмацнення гарантый правоў і свабод чалавека як вышэйшай каштоўнасці ў адпаведнасці з патрабаваннем асноўнага аб'ектыўнага закона функцыянавання права – стымуляваць сацыяльна-карысную актыўнасць суб'екта права – з акцэнтам на павышэнне матэрыяльнага дабрабыту і духоўнага ўзроўню кожнага члена грамадства ...» [6].

У прыведзенай тэзе вучонага заключана важная думка, якая дазваляе нам высунуць гіпотэзу аб тым, што дзяржава, ствараючы такія ўмовы, пры якіх чалавек, рэалізуючы закладзены ў ім патэнцыял, назапашвае свой персанальны (асобасны) капітал (тэрмін прапанаваны А. Маршалам), тым самым, забяспечвае інтарэсы грамадства і дзяржавы, і забяспечвае нацыянальную бяспеку.

Персанальны (асобасны) капітал чалавека фарміруецца на аснове сукупнасці грамадска карысных уласцівасцей асобы (праз прадастаўленую ёй магчымасць рэалізоўваць працоўную функцыю або прадпрымальніцкую ініцыятыву), памножанай на яе персанальны (асобасны) патэнцыял (які залежыць ад фізіялагічных і псіхалагічных якасцей асобы, а таксама яе ведаў, уменняў і навыкаў). Затым на аснове ўсёй сукупнасці персанальных (асобасных) капіталаў, фармуецца грамадскі рэсурс, своеасаблівы публічны тавар, які вырабляецца грамадствам, названы «чалавечы капітал». Такім чынам, чалавечы

капітал – гэта сукупнасць ведаў, уменняў і навыкаў усіх членаў грамадства, якая выкарыстоўваецца для рэалізацыі публічнага і прыватнага інтарэсу ў мэтах забеспячэння нацыянальнай эканамічнай бяспекі дзяржавы.

Значэнне чалавечага капіталу пераканаўча даказана эканамістамі і заключаецца ў тым, што:

па-першае, адрозненні краін у якасці чалавечага капіталу з'яўляюцца адным з фундаментальных фактараў эканамічнага развіцця, якія ўплываюць на разрыў ва ўзроўні УВП на душу насельніцтва;

па-другое, чалавечы капітал з'яўляецца ключавым фактарам вытворчасці ў сучасным свеце, які складае каля паловы нацыянальнага багацця кожнай з краін, якія развіваюцца, і звыш 70-80% развітых краін свету [1];

па-трэцяе, чалавечы капітал выступае фактарам забеспячэння нацыянальнай эканамічнай бяспекі (а таксама дэмаграфічнай, сацыяльнай і навукова-тэхналагічнай);

па-чацвёртае, чалавечы капітал з'яўляецца аб'ектам кіраўніцкага ўздзеяння, які дазваляе дзяржаве і грамадству забяспечваць фарміраванне і выкананне самых высокіх стандартаў у працэсе «вытворчасці» фізічнага здароўя асобы і ментальнага здароўя асобнага чалавека і грамадства ў цэлым [10, с. 304].

Чалавечы капітал з'яўляецца формай увасаблення духоўных, маральных і фізічных якасцей усёй сукупнасці індывідаў, уласцівых канкрэтнаму грамадству. І гэтая сукупнасць якасцяў – абагульненая абязлічаная характарыстыка ўсяго грамадства, якая належыць грамадству, а вось выключныя правы (дзяржаўная манополія) на чалавечы капітал, як на аб'ект палітычных маёмасных правоў, належыць дзяржаве. Чалавечы капітал з'яўляецца аб'ектам, які належыць дзяржаве і «абслугоўваецца» дзяржавай [2–3].

Трэба адзначыць, што ў аснове адносін па вытворчасці чалавечага капіталу знаходзіцца трохбаковае публічна-прыватнае пагадненне, удзельнікамі якога з'яўляюцца:

1) дзяржава, якая валодае манополіяй на чалавечы капітал і працэс яго вытворчасці;

2) інстытуты грамадзянскай супольнасці, якія патрабуюць ад дзяржавы забяспечваць адначасова працэс стварэння і выкарыстання чалавечага капіталу;

3) фізічная асоба (чалавек), якая валодае ўласным фізічным станам і элементам ментальнага здароўя грамадства і распараджаецца дадзенымі дабротамі ў межах сваёй правасуб'ектнасці і ўласнага волевыяўлення на карысць грамадства і дзяржавы [10, с.303].

Аднак галоўным элементам пры фарміраванні прававой канструкцыі грамадскіх адносін па вытворчасці чалавечага капіталу, на нашу думку, з'яўляецца менавіта ўсвядомленае свабоднае волевыўленне фізічнай асобы (чалавека) на ўдзел у працэсе вытворчасці чалавечага капіталу. Як цалкам справядліва адзначаў С. Г. Драбязка, «Грамадства складаецца з індывідаў і ад прававога становішча асобы вырашальным чынам залежыць яе сацыяльна-карысная актыўнасць, рэальная праява закладзеных у чалавеку здольнасцяў, дараванняў, а значыць, і поспех соцыума ў яго прагрэсіўным развіцці.» [6].

Мы цалкам падтрымліваем сцвярджэнне, што правы чалавека не існуюць у адрыве ад яго абавязкаў. Як справядліва адзначае прафесар А. У. Ягораў, «правам беларускіх грамадзян адпавядаюць пэўныя абавязкі дзяржавы, якія складаюць яе сацыяльную адказнасць перад грамадствам. Але ў сацыяльнай дзяржаве такая адказнасць не павінна мець аднабаковы характар.» [9, С. 91]. Прафесар Г. А. Васілевіч таксама акцэнтуюе ўвагу на тым, што «правы чалавека рэалізуюцца ў кантэксце грамадскіх адносін». Вучоны называе правы чалавека «нарматыўнай формай узаемадзеяння людзей», падкрэсліваючы, што «па сваёй сутнасці яны нарматыўна фармулююць тыя ўмовы і спосабы жыццядзейнасці людзей, якія аб'ектыўна неабходны для забеспячэння нармальнага функцыянавання індывіда, грамадства, дзяржавы» [8, С. 43].

Трэба адзначыць, што прадстаўнікі эканамічнай навукі пераканаўча даказалі, што эфектыўнасць эканомікі ў максімальнай ступені залежыць ад рэалізацыі карыснага патэнцыялу чалавека, яго здольнасцей, ведаў, уменняў, навыкаў [7]. Аднак для рэалізацыі гэтага патэнцыялу неабходны, як мінімум, дзве асноўныя ўмовы: па-першае, павінны быць створаны адпаведныя ўмовы, інакш кажучы, чалавек павінен быць надзелены максімальна шырокімі правамі каб яго рэалізаваць; а, па-другое, чалавек павінен скарыстацца гэтымі правамі, у сілу вышэйназванага трохбаковага публічна-прыватнага пагаднення.

Паколькі ў сферы грамадскіх адносін усё занадта ўзаемазлучана і ўзаемазалежна, пастолькі ўдзел чалавека (асобы) у фармаванні чалавечага капіталу мы разглядаем не толькі як права, але і як абавязак асобы, які вынікае з палажэнняў артыкула 2 Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь.

Библиографические ссылки

1. Бектенова, М. Развитие человеческого капитала в Казахстане / М. Бектенов // Режим доступа: <https://strategy2050.kz/ru/news/razvitie-chelovecheskogo-kapitala-v-kazakhstane/> – Дата доступа : 20.09.2024.

2. Бондаренко М. С. Фискалистика как наука о функционировании казны и управления объектами, составляющими казну / М. С. Бондаренко, Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич, Д. С. Кришталь // Вестник БГУ. Право. – 2023. – № 3. – С. 49–56.

3. Бондаренко М. С. Человеческий капитал: понятие и отграничение от смежных правовых категорий / М. С. Бондаренко // Право.by. – 2022. – № 4 (78). – С. 52–59.

4. Довнар, Т. И. Белорусская государственность и историко-правовая наука / Т.И. Довнар // «Беларусь-Китай» : сб. науч тр. «Государство и право». – 2009. – Вып. 5. – С. 7–44.

5. Довнар, Т. И. Этапы и особенности в развитии законодательства Великого Княжества Литовского // Режим доступа : <https://elib.bsu.by/handle/123456789/191442> – Дата доступа : 22.09.2024.

6. Дробязко С. Г. Личность в праве // Режим доступа : https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/19925/1/1_%D0%B4%D1%80%D0%BE%D0%B1%D1%8F%D0%B7%D0%BA%D0%BE.pdf?ysclid=m1dq2nzhzn848083637 – Дата доступа : 22.09.2024.

7. Дятлов, С. А. Основы теории человеческого капитала / С. А. Дятлов. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбУЭФ, 1994. – 160 с.

8. Конституционное право Республики Беларусь : пособие для студ. юрид. фак. спец. 1–24 01 02 «Правоведение» / Г. А. Василевич. – Минск: БГУ, 2006. –125 с.

9. Права человека : учеб. пособие / С. А. Балашенко [и др.] ; научн. ред.: С. А. Балашенко, Е. А. Дейкало. – Минск : Юнипак, 2015. – 200 с.

10. Страновой маркетинг : монография / Н. Л. Бондаренко [и др.] ; под ред. Н. Л. Бондаренко. – Минск : Ковчег, 2022. – 652 с. – Раздел 14. – С. 506–530.

ДЕФЕКТЫ ПРАВОВЫХ НОРМ КАК ПРИЧИНА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА

С.Г. Василевич

Доцент кафедры конституционного права,
кандидат юридических наук, доцент,
Белорусский государственный университет, юридический факультет,
г. Минск, Республика Беларусь

У артыкуле аналізуецца пазіцыя навукоўцаў адносна вызначэння паняцця «юрыдычны канфлікт». Аўтарам прапануецца вызначаць юрыдычны канфлікт як узнікшае на грунце апеляцыі да юрыдычных нормаў супрацьстаянне паміж яго бакамі і якія імкнучца з дапамогай ужывання юрыдычных механізмаў і формаў іх вырашэння. Важнымі

сродкамі вырашэння канфлікту з'яўляецца тлумачэнне нормаў, пераадоленне ў адпаведнасці з усталяванымі правіламі калізій, а таксама ўжыванне аналогіі закона і аналогіі права.

В статье анализируются позиции ученых относительно определения понятия «юридический конфликт». Автор предлагает определять юридический конфликт как возникшее на основе апелляции к юридическим нормам противостояние между его сторонами и стремящимися посредством применения юридических механизмов и форм их разрешения. Важными средствами разрешения конфликта является толкование норм, преодоление в соответствии с установленными правилами коллизий, а также применение аналогии закона и аналогии права.

The article analyzes the positions of scientists regarding the definition of the concept of “legal conflict”. The author proposes to define a legal conflict as a confrontation between its parties arising on the basis of appeal to legal norms and seeking through the application of legal mechanisms and forms of their resolution. Important means of conflict resolution are the interpretation of norms, overcoming in accordance with the established rules of conflicts, as well as the application of analogy of law and analogy of law.

Ключавыя словы: юрыдычны канфлікт, дэфекты ў праве, пераадоленне дэфектаў.

Ключевые слова: юридический конфликт, дефекты в праве, преодоление дефектов.

Keywords: legal conflict, defects in law, overcoming defects.

В литературе даются различные определения юридического конфликта, отражается его соотношение с социальным конфликтом как более широким понятием. Конфликт чаще определяется как противоборство сторон по поводу защиты собственных интересов. На наш взгляд, слово «противоборство», которое обычно сопровождает определение конфликта, не вполне удачное. Более приемлемым для юридического конфликта является использование слов «спор», «разногласие».

Юридические конфликты происходят в различных сферах жизнедеятельности человека, в связи с чем они изучаются не только в теории права, но и различными отраслями права. Категория «конфликт» широко используется в законодательстве Республики Беларусь: по состоянию на 30 сентября 2024 года в 72 законах, в 21 кодексе, в 63 указах Президента, более чем в 817 постановлениях министерств и ведомств, в том числе 130 инструкциях. Однако этот термин не используется в Конституции.

Некоторые авторы утверждают, что конфликт является «совершенно нормальным явлением для общественной жизни», что человек по своей природе вступает в противоборство [1, с. 1057]. Указание на «нормальность» такого явления, как конфликт, конечно, может несколько снижать накал профилактики и предупредительных мер. Действительно, юридические конфликты в обозримом будущем исключить не представляется возможным, но стремиться к их уменьшению и предотвращению в целом необходимо.

А. Я. Анцупов характеризует конфликт как наиболее острый способ преодоления противоречий в результате взаимодействия, в том числе противодействия со стороны участников и выход за пределы допустимых правил и норм [2, с. 198, 202–206].

Более широкое и, на наш взгляд, точное понимание юридического конфликта заключается в признании такой его формы, как юридическая дискуссия, столкновение различных точек зрения и аргументов [3, с. 1].

В этой связи, на наш взгляд, юридический конфликт можно определить как возникшее на основе апелляции к юридическим нормам противостояние между его сторонами и стремящимися посредством применения юридических механизмов и форм их разрешения.

Продуктивным является рассмотрение юридических конфликтов во взаимосвязи с функционирующими правовыми механизмами [4, с. 1035]

Если обратиться к даваемым в юридической литературе определениям дефектов в праве, то чаще подчеркиваются в связи с этим дефекты в правовом регулировании, что приводит к снижению качества правоприменения. Понятие «дефекты в праве» охватывает как нормотворческую составляющую, так и правоприменительную сторону. Кроме того, дефект правоприменения не обязательно может быть обусловлен дефектом правовой регламентации. Возможна ситуация, когда акт законодательства отличается высоким качеством, но в силу, например, неверного понимания нормы или умышленных действий допускаются ошибки в правоприменительном процессе.

Как отмечается в литературе категория «дефект» может быть составной частью таких словосочетаний как «дефекты права, юридические дефекты, дефекты системы права, дефекты законодательства, дефекты правотворчества, дефекты закона, дефекты правового регулирования, дефекты судебных актов, дефекты правового сознания, дефекты правовой идеологии, дефекты правовой социализации и др.». В качестве синонима могут использоваться слова «недостатки», «недочеты», «изъяны», «несовершенство права, закона, законодательства» [5, с. 559].

Акты законодательства приводятся в действие не механически, а благодаря их реализации субъектами правоотношений, в том числе обладающими властными полномочиями.

Предлагаются различные способы преодоления неясности правовых норм, а, следовательно, и разрешения конфликта (спора) по поводу содержания или применения акта законодательства.

1. толкование юридических норм;
2. преодоление коллизии;
3. использование аналогии закона или аналогии права.

Указанные способы подчиняются своим стандартам. Если к аналогии вынуждены прибегать, когда отсутствует конкретная норма, позволяющая разрешить данный спор, то толкование осуществляется при наличии соответствующей нормы, но требуется уяснение ее истинного смысла.

Аналогия закона и аналогия права преследуют единую цель – преодолеть правовой пробел. Вместе с тем, полагаем, что принцип аналогии закона и аналогии права применим не только при наличии пробелов, хотя в ст.71 Закона «О нормативных правовых актах» необходимость применения принципа аналогии сводится к пробелу. Однако потребность в аналогии может возникнуть и при наличии коллизии между нормами одного акта, когда возникает неопределенность, какой нормой следует руководствоваться. Ведь неопределенность может выражаться таким образом, что невозможно дать однозначный ответ даже при «обилии» правовых норм, но содержание которых исключает возможность сделать однозначный вывод.

Чем более совершеннее законодательство. правоприменительная практика, основательнее разъяснительная работа в правовой сфере, тем меньше юридических конфликтов.

Библиографические ссылки

1. Брежинская Г. В. Технология прогнозирования юридического конфликта / Г. В. Брежинская, Т. С. Мускатиньева // Молодой ученый. 2015. № 11 (91). – С. 1056 – 1057.
2. Анцулов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология: Учебник для вузов. 6-е изд. – СПб.: Питер, 2015. – 528 с.
3. Сенина В. А. Юридический конфликт: понятие и методы разрешения / В. А. Сенина // Юридические науки. Проблемы и перспективы: материалы VII междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2018 г.). – Казань: молодой учёный. 2018. С. 1 – 4
4. Родионова А. С. Понятие юридического конфликта / А. С.

Родионова // Молодой ученый. 2016. № 10 (114). – С. 1035 – 1036.

5. Кожокаръ И.П. О правовых дефектах и правовой дефектологии. Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Выпуск 42. – С. 558–586.

СУДОВАЯ ўЛАДА ў РЭСПУБЛІЦЫ БЕЛАРУСЬ: СТАНАЎЛЕННЕ І РАЗВІЦЦЕ

У. А. Волкаў

Старшы выкладчык кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і правы,
Акадэмія Міністэрства ўнутраных спраў Рэспублікі Беларусь,
г. Мінск, Рэспубліка Беларусь

Даследуюцца станаўленне і развіццё судовай улады ў Рэспубліцы Беларусь. Аргументуецца выснова аб тым, што судовая сістэма, якая сфармавалася ў Рэспубліцы Беларусь больш чым за тры дзесяцігоддзі, дазваляе цяпер эфектыўна спраўляцца з задачамі, якія стаяць перад судовай уладай. Адзначаецца, што заканадаўчае вызначэнне судовай улады адсутнічае.

Исследуются становление и развитие судебной власти в Республике Беларусь. Аргументируется вывод о том, что сформировавшаяся в Республике Беларусь более чем за три десятилетия судебная система позволяет в настоящее время эффективно справляться со стоящими перед судебной властью задачами. Отмечается, что законодательное определение судебной власти отсутствует.

The formation and development of the judiciary in the Republic of Belarus is studied. The conclusion is argued that the judicial system that has been formed in the Republic of Belarus over more than three decades now allows it to effectively cope with the tasks facing the judiciary. It is noted that there is no legislative definition of the judiciary.

Ключавыя словы: дзяржава; канцэпцыя; падзел уладаў; судовая ўлада.

Ключевые слова: государство; концепция; разделение властей; судебная власть.

Keywords: state; concept; separation of powers; judicial power.

Са змяненнем дзяржаўнага ладу і ўяўленняў аб тым, як неабходна кіраваць грамадствам, судовая сістэма, якая заўсёды адыгрывае важную ролю ў жыццядзейнасці грамадства, таксама падвяргалася пераўладкаванню. У гісторыі вядомы неаднаразовыя выпадкі рэфармавання судовай сістэмы, а часам нават яе карэннай трансфармацыі.

Пасля распаду СССР у 1991 г. і набыцця дзяржаўнага суверэнітэту Рэспубліка Беларусь выбрала ў якасці арыенціра ў развіцці пабудову дэмакратычнай прававой дзяржавы, у сувязі з чым узнікла неабходнасць вызначэння выбару напрамкаў фарміравання інстытутаў улады, у тым ліку судовай, – важнага і неад'емнага элемента любой прававой дзяржавы.

Першым дакументам праграмнага характару, які вызначыў кірункі развіцця судовай сістэмы краіны, стала Канцэпцыя судова-прававой рэформы, зацверджаная пастановай Вярхоўнай Рады Рэспублікі Беларусь ад 23 красавіка 1992 г. № 1611-ХІІ.

У Канцэпцыі судова-прававой рэформы (далей – Канцэпцыя), у прыватнасці, было прадугледжана стварэнне сістэмы гарантый незалежнасці суддзяў пры ажыццяўленні правасуддзя, вызваленне суда ад шэрагу неўласцівых яму функцый, кардынальнае рэфармаванне сістэмы судовага ладу і судоводства на аснове канстытуцыйных прынцыпаў тэрытарыяльнасці і спецыялізацыі пабудовы судовай сістэмы.

У Канстытуцыі 1994 г. было дакладна вызначана, што дзяржаўная ўлада ў Рэспубліцы Беларусь ажыццяўляецца на аснове яе падзелу на заканадаўчую, выканаўчую і судовую; дзяржаўныя органы ў межах сваіх паўнамоцтваў самастойныя: яны ўзаемадзейнічаюць паміж сабой, стрымліваюць і ўраўнаважваюць адзін аднаго (арт. 6) [1].

Варта адзначыць, што паняцці «судовая ўлада» і «суд» не сінанімічныя. Акрамя таго, яны знаходзяцца ў рознай сувязі з паняццем «дзяржава». Нягледзячы на тое, што суд з цягам часу падвяргаўся пэўнаму рэфармаванню, ён існаваў у любой дзяржаве з моманту яго ўтварэння. Што да інстытута судовай улады, то ён быў не заўсёды. Судовая ўлада можа існаваць толькі пры наяўнасці падзелу ўладаў як спосабу дзяржаўнага ладу. Такім чынам, наяўнасць у дзяржаве суда не азначае аўтаматычнай наяўнасці судовай улады, а можа служыць толькі перадумовай утварэння судовай улады як функцыі дзяржавы. Аб наяўнасці судовай улады можна казаць у выпадку, калі не толькі заканадаўча замацавана наяўнасць гэтай улады, але і калі яна сапраўды з'яўляецца цалкам незалежнай.

Незалежнасць судовай улады – адзін з асноўных прынцыпаў прававой дэмакратычнай дзяржавы, які замацаваны ў нацыянальным заканадаўстве большасці дзяржаў і міжнародна-прававых актах. Так, у Заўвагах агульнага парадку № 32 (прыняты 23 жніўня 2007 г. на 90-й сесіі Камітэта ААН па правах чалавека) указана, што патрабаванне ў дачыненні да кампетэнтнасці, незалежнасці і бесстароннасці суда згодна з п. 1 арт. 14 Міжнароднага пакта аб грамадзянскіх і палітычных правах з'яўляецца абсалютным правам, якое не падлягае ніякім канфіскацыям.

У студзені 1995 года быў прыняты Закон Рэспублікі Беларусь «Аб судовым ладзе і статусе суддзяў у Рэспубліцы Беларусь», які ў асноўным быў арыентаваны на Канцэпцыю. У 1996 годзе ў новай рэдакцыі Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь, прынятай на агульнарэспубліканскім рэферэн-думе, былі прынцыпова зменены падыходы да пабудовы судовай сістэмы. У склад органаў судовай улады быў уключаны Канстытуцыйны Суд, скарэктраваны яго паўнамоцтвы, удакладнены кампетэнцыя і падыходы да пабудовы сістэмы гаспадарчых судаў. Такім чынам, было забяспечана адзінства судовай улады.

Неабходна адзначыць, што Канстытуцыйны Суд і суды агульнай юрысдыкцыі пры ўсіх адрозненнях паміж імі з'яўляюцца органамі судовай улады і маюць агульныя задачы, што дазваляе весці размову аб арганічнай сістэме судовай улады, у аснове якой ляжаць адзіныя пачаткі.

З 13 студзеня 2007 г. уступіў у дзеянне Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб судаўладкаванні і статусе суддзяў. У ім былі замацаваны задачы і кампетэнцыя ўсіх судаў краіны, а таксама асноўныя кірункі ўдасканалення іх дзейнасці.

Указам ад 10 кастрычніка 2011 г. № 454 Кіраўнік дзяржавы зацвердзіў Пасланне аб перспектывах развіцця сістэмы агульных судаў Рэспублікі Беларусь. Гэтым нарматыўным прававым актам быў адкрыты чарговы этап судова-прававой рэформы і развіцця інстытутаў судовай улады.

Дэкрэт Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь ад 29 лістапада 2013 г. № 6 «Аб удасканаленні судовай сістэмы Рэспублікі Беларусь» стаў наступным значным дакументам для дзейнасці судовай сістэмы. У адпаведнасці з яго палажэннямі ў Рэспубліцы Беларусь з 1 студзеня 2014 г. агульныя і гаспадарчыя суды былі аб'яднаны ў адзіную сістэму судаў агульнай юрысдыкцыі на чале з Вярхоўным Судом Рэспублікі Беларусь. Пры гэтым з арганізацыйнай структуры судаў былі выведзены судовыя выкананні з утварэннем цэнтралізаванай службы прымусовага выканання судовых рашэнняў у сістэме Міністэрства юстыцыі.

У выніку пераўтварэнняў у Вярхоўным Судзе Рэспублікі Беларусь была створана судовая калегія па эканамічных справах, аснову якой склалі кіраўніцтва і суддзі былога Вышэйшага Гаспадарчага Суда. У якасці спецыялізаваных судаў былі захаваны гаспадарчыя суды абласцей і г. Мінска. Яны былі перайменаваны ў эканамічныя суды.

Акрамя таго, з 1 ліпеня 2014 г. былі ліквідаваны Беларускі ваенны суд і міжгарнізонныя ваенныя суды, а таксама скасавана Ваенная калегія Вярхоўнага Суда. Пасля ліквідацыі ваенных судаў паўнамоцтвы па разглядзе крымінальных спраў па ваенскіх злачынствах перайшлі да судаў агульнай юрысдыкцыі. Падвергнулася рэфармаванню і сістэма органаў

судзейскай супольнасці. У адпаведнасці з палажэннямі Дэкрэта № 6 былі створаны Вышэйшая кваліфікацыйная калегія суддзяў Вярхоўнага Суда і кваліфікацыйныя калегіі суддзяў абласных і Мінскага гарадскога судаў, а таксама эканамічных судаў абласцей і г. Мінска.

У Рэспубліцы Беларусь у адпаведнасці з арт. 109 Канстытуцыі судовая ўлада ажыццяўляецца толькі судамі, а сістэма судаў будзе на прынцыпах тэрытарыяльнасці і спецыялізацыі. Так, у арт. 2 Кодэкса аб судаўладкаванні і статусе суддзяў [2] канкрэтызуецца, што судовая ўлада ажыццяўляецца толькі судамі ў асобе суддзяў і прыцягнутых ва ўстаноўленых дадзеным Кодэксам і іншымі заканадаўчымі актамі парадку і выпадках да ўдзелу ў дзейнасці суда па ажыццяўленні правосуддзя народных засядацеляў.

У навуковай літаратуры справядліва звернута ўвага на тое, што ў ранейшай рэдакцыі часткі першай арт. 109 Канстытуцыі змяшчалася палажэнне, згодна з якім судовая ўлада ў Рэспубліцы Беларусь належыць судам. Разам з тым у частцы першай арт. 3 Канстытуцыі замацавана норма, якая прадугледжвае, што адзінай крыніцай дзяржаўнай улады з'яўляецца народ. На аснове аналізу прыведзеных канстытуцыйных палажэнняў абгрунтаваным уяўляецца выснова, што паколькі дзяржаўная ўлада належыць выключна народу, то адна з яе галін – судовая ўлада не можа належаць судам, а можа імі толькі ажыццяўляцца на падставе народнага мандата. Таму частка першай ст. 109 абноўленай Канстытуцыі, у адпаведнасці з якой судовая ўлада ў Рэспубліцы Беларусь ажыццяўляецца судамі, у большай ступені адпавядае іншым нормам Асноўнага Закона і ў поўнай меры адпавядае палітыка-прававым рэаліям [5].

Такім чынам, можна прыйсці да высновы, што сфарміраваная ў Рэспубліцы Беларусь больш чым за тры дзесяцігоддзі судовая сістэма дазваляе ў цяперашні час эфектыўна спраўляцца з задачамі, якія стаяць перад судовай уладай.

Варта адзначыць, што нягледзячы на незалежнасць і самастойнасць судовай улады як галіны дзяржаўнай улады, заканадаўчае вызначэнне дадзенага паняцця адсутнічае, таму ўразуменне яго сэнсу мае асаблівае тэарэтычнае і практычнае значэнне [6].

Улічваючы складаную прыроду судовай улады, яе шматаспектнасць, якая прадвызначаецца сінтэтычнай прыродай судовай улады, якая мае сацыяльнае, палітычнае і прававое вымярэнні, мяркуем лагічна апраўданым для выпрацоўкі вызначэння паняцця «судовая ўлада» выкарыстоўваць інтэгратыўны падыход [4, с. 90].

У сувязі з гэтым падзяляем меркаванне расійскага тэарэтыка права В. В. Лазарава, які адзначае, што інтэгратыўны падыход завяршае пошук

агульнага знаходжаннем змястоўнага і сутнаснага ў прававой матэрыі, таго, што служыць глыбокаму разуменню права па-за прасторай і часам [3, с. 128].

У дачыненні да судовай улады інтэгратыўны падыход дазваляе на аснове комплекснага аналізу яе інстытуцыйнага, функцыянальнага і субстантыўнага аспектаў выявіць такія сутнасныя характарыстыкі, якія ў сваёй сукупнасці раскрываюць праўдзівы сэнс паняцця «судовая ўлада» і спрыяюць фармуляванню лагічна несупярэчлівага вызначэння судовай улады, які адрозніваецца змястоўнай поўнаасцю.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

2. Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей [Электронный ресурс] : 29 июня 2006 г., № 139-З : принят Палатой представителей 31 мая 2006 г. : одобр. Советом Респ. 16 июня 2006 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

3. Лазарев, В. В. Истоки интегративного понимания права / В. В. Лазарев // Наш трудный путь к праву : материалы философ.-правовых чтений памяти акад. В. С. Нерсисянца / сост. В. Г. Графский. – М. : Норма, 2006. – С. 122–139.

4. Петров, А. В. Интегративный подход в современных юридических исследованиях / А. В. Петров, А. В. Зырянов // Вестн. ЮУрГУ. Сер. «Право». – 2017. – Т. 17. – № 3. – С. 90–95.

5. Тиковенко, О. А. Судебная власть в Республике Беларусь в свете конституционных новелл 2022 года [Электронный ресурс] / О. А. Тиковенко // Конституц. и муницип. право. – 2023. – № 4 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2024.

6. Чигринов, С. П. Судебная власть: понятие, генезис, социальное назначение и правовая природа / С. П. Чигринов, В. А. Волков // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. – 2023. – № 4. – С. 79–105.

ПРАДМЕТ І МЕТАД ПРАВАВОГА РЭГУЛЯВАННЯ ЯК КРЫТЭРЫІ ВЫЛУЧЭННЯ ГАЛІНЫ ПРАВА

В.Ю. Вячорка

Старшы выкладчык кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права,
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, юрыдычны факультэт,
г. Мінск, Рэспубліка Беларусь

Даследуюцца проблемныя аспекты прадмета і метаду прававога рэгулявання. Паказана ключавая роля прадмета і метаду прававога рэгулявання ў працэсах, якія абумоўліваюць выдзяленне галіны права. Указваецца на значнасць забеспячэння прадмета і метаду прававога рэгулявання ў прававой сістэмнасці ў дзяржаве. Зроблена выснова, што даследаванне прадмета і метаду прававога рэгулявання сістэмна ў найбольш агульнай пастаноўцы ў плане іх ролі ў выдзяленні галіны права.

Исследуются проблемные аспекты предмета и метода правового регулирования. Показана ключевая роль предмета и метода правового регулирования в процессах, которые обуславливают выделение отрасли права. Указывается на значимость обеспечения предмета и метода правового регулирования в правовой системности в государстве. Сделан вывод, что исследование предмета и метода правового регулирования системно в наиболее общей постановке в плане их роли в выделении отрасли права.

The article examines the problematic aspects of the subject and method of legal regulation. It shows the key role of the subject and method of legal regulation in the processes that determine the allocation of a branch of law. It points out the importance of ensuring the subject and method of legal regulation in the legal systemicity in the state. It is concluded that the study of the subject and method of legal regulation is systematic in the most general formulation in terms of their role in identifying a branch of law.

Ключевые слова: метад прававога рэгулявання; прадмет прававога рэгулявання; сістэма права; прававая сістэма.

Ключевые слова: метод правового регулирования; предмет правового регулирования; система права; правовая система.

Keywords: method of legal regulation; subject of legal regulation; legal system; legal system.

На сёння існуе шмат меркаванняў з нагоды прадмета і метаду прававога рэгулявання як класіфікацыйных крытэрыяў сістэмы права, але з дапамогай абагульнення можна вылучыць наступныя асноўныя напрамкі:

1. Предмет правового регулювання з'являється адзіным [12, с. 26; 6, с. 51] або асноўным крытэрам, а метада з'являецца другасным, вытворным, дапаможным [17, с. 104; 5, с. 9], фактарам.

2. Метада правового регулювання побач з прадметам мае самастойнае значэнне для размежавання галін права, хоць гэтыя катэгорыі з'являюцца ўзаемазлучанымі і ўзаемаабумоўленымі крытэрамі [14, с. 217; 13, с. 116-117; 11, с. 90-121].

3. Недастатковасць ці нават безгрунтоўнасць прадмета і метаду высту-паць у якасці крытэрыяў сістэмы права [9, с. 35; 7, с. 94].

Бачацца лагічнымі ўсе названыя напрамкі навуковай думкі, хаця аўтар не лічыць магчымым абсалютызаваць нейкае адно становішча, усе яны маюць месца ў залежнасці ад канкрэтнай сітуацыі. Пры гэтым неабходна ўлічваць мэту прымянення крытэрыяў, тое, што менавіта неабходна высветліць у сістэме права. Так відавочна, што ў некаторых выпадках дастаткова прымяніць толькі метада правового регулювання (напрыклад, калі задачай было размежаваць фінансавое і падатковае права), у некаторых – толькі прадмет, але часам вынік можа быць толькі пры ўмове адначасовага прымянення прадмета і метаду правового регулювання. Таксама існуюць выпадкі, калі і гэтых крытэрыяў недастаткова.

Аўтар цалкам падтрымлівае меркаванне большасці навукоўцаў аб неаддзельнасці прадмета і метаду правового регулювання як асноў пабудовы сістэмы права, а таксама як крытэрыяў выяўлення структуры сістэмы права, хоць цалкам апісаць усю сістэму права толькі з дапамогай гэтых крытэрыяў немагчыма. Таму аўтар лічыць патрэбным пазначыць сваё бачанне прадмета і метаду правового регулювання.

Сярод уласцівасцей прадмета правового регулювання называюць: валявы характар грамадскіх адносін; здольнасць грамадскіх адносін быць аб'ектам знешняга кантролю; істотнае значэнне грамадскіх адносін функцыянавання і развіцця дзяржавы.

Таксама сярод уласцівасцяў прадмета правового регулювання вылучаюць яго адпаведную сацыяльную значнасць, знаходжанне гэтага прадмета на скрыжаванні інтарэсаў большасці суб'ектаў, у прыватнасці, дзяржавы, асобы і грамадства.

3-за складанасці і шматаспектнасці грамадскіх адносін, якія рэгулююцца правам, прадмет правового регулювання таксама з'являецца складанай катэгорыяй. Таму пры ўжыванні прадмета правового регулювання для высвятлення структуры сістэмы права неабходна акрамя вызначэння, межаў і прававой прыроды ўлічваць і іншыя яго аспекты: разглядаць не толькі круг, але і характар адносін, улічваць структуру і віды прадмета правового регулювання.

Прадмет прававога рэгулявання прававой нормы, інстытута і галіны правы і правы ў цэлым – не тоесныя паняцці. У сувязі з гэтым адрозніваюць агульныя, радавыя, краявідныя і непасрэдныя прадметы прававога рэгулявання [1, с. 4].

Агульным прадметам прававога рэгулявання з'яўляецца ўся сукупнасць грамадскіх адносін, якія атрымалі адлюстраванне ў дзейным праве, гэта значыць усе ўрэгуляваны правам адносіны.

Радавым, краявідным і непасрэдным прадметам прававога рэгулявання варта лічыць адпаведна адносіны, якія рэгулююцца галіной права, прававым інстытутам і асобнай прававой нормай.

Структуру прадмета прававога рэгулявання не заўсёды вызначаюць адназначна. Аднак аўтар схіляецца да чатырохэлементнага складу прадмета прававога рэгулявання, які сёння пераважае сярод іншых навуковых думак і паводле якога ў структуру гэтага прадмета ўваходзяць наступныя элементы:

- 1) суб'екты (індывідуальныя і калектыўныя);
- 2) змест праваадносін – паводзіны, учынкi, дзеянні суб'ектаў;
- 3) аб'екты (прадметы, з'явы) навакольнага свету, з нагоды якіх людзі ўступаюць у адносіны і да якіх праяўляюць свой інтарэс;
- 4) сацыяльныя факты (падзеі, абставіны), якія з'яўляюцца непасрэднымі прычынамі ўзнікнення і спынення адпаведных адносін [15, с. 262].

На думку аўтара, улік структуры прадмета прававога рэгулявання дапаможа пры размежаванні галін, пры высвятленні галіновай прыналежнасці канкрэтнай нормы права, а таксама пры вызначэнні, нормамаі якой галіны рэгулююцца пэўныя канкрэтныя праваадносіны.

Разглядаючы прадмет прававога рэгулявання, неабходна звярнуць увагу на тое, што ў некаторых крыніцах прадмет прававога рэгулявання вызначаецца як сфера грамадскіх адносін [4, с. 158], а ў іншых – як сфера прававога рэгулявання пэўных грамадскіх адносін. Часам яго характарызуюць як сферу адзінага агульнага поля прававога рэгулявання і кола грамадскіх адносін адначасова [3, с. 30].

На першы погляд такія фармулёўкі мала чым адрозніваюцца, але, на думку аўтара, існуе пэўная розніца. Яна выяўляецца перш за ўсё ў тым, што адзін і тое ж круг (сфера) грамадскіх адносін можа быць урэгуляваны рознымі галінамі, а прадмет прававога рэгулявання не павінен супадаць з прадметам іншай галіны. Таму прадмет прававога рэгулявання – гэта не проста круг адносін, а круг адносін, урэгуляваных канкрэтнай аднастайнай сукупнасцю норм права. Прычым, што пры фарміраванні галіны права якая аднастайнасць роду тых адносін, якія рэгулююцца правам, пераходзіць у якую аднастайнасць самога рэгулявання з

дапамогай прававога рэгулявання - як выніку кампрамісу дзяржаўных, грамадскіх і асабістых інтарэсаў. Такім чынам, праяўляе сваё дзеянне рэгулятыўна-дынамічная функцыя права.

Размеркаванне розных відаў грамадскіх адносін па радавым прадмеце прававога рэгулявання ўяўляе сабой, па справядлівай заўвазе С. С. Аляксеева, асаблівую класіфікацыю, што мае значэнне толькі для права [2, с. 24]. У гэтым сэнсе спецыфіка грамадскіх адносін азначае, што яны рэгулююцца ме-навіта гэтай, а не якой-небудзь іншай галіной права. Гэтая спецыфіка выяўляецца не толькі ў тым, што яны рэгулююцца спецыфічна галіновым метадам прававога рэгулявання, але і на аснове пэўных спецыфічных галіновых прынцыпаў, якія выконваюць пэўныя функцыі ў прававым рэгуляванні. Зыходзячы з гэтага і «павінны быць знойдзены такія ўласцівасці грамадскіх адносін, якія вызначаюць асаблівасці іх прававога рэгулявання» [2, с. 15-16]. Прычым гэтыя асаблівасці павінны быць не проста спецыфічнымі, але мець агульную спецыфіку для рэгулявання менавіта гэтага роду адносін.

Радавы прадмет прававога рэгулявання ўтвараюць адносіны, не абавязкова ўзятыя ў поўным аб'ёме і ва ўсіх магчымых формах іх праявы. Існуюць розныя бакі тых жа грамадскіх адносін, кожны з якіх рэгулюецца дакладна вызначанай галіной права [17, с. 104-105]. Такім бокам грамадскіх адносін выступае той ці іншы варыянт юрыдычна значных паводзін аднаго або некалькіх яго суб'ектаў.

З гэтым звязана яшчэ адна істотная праблема, якую ўзнямае ў сваёй працы прафесар Н. В. Сільчанка: ці адпавядае размеркаванне грамадскіх адносін, якія ўваходзяць у прадмет прававога рэгулявання, на пэўныя таксанамічныя адзінкі і размеркаванне сістэмы норм права на вядомыя структурныя адзінкі? [16, с. 61]. М. В. Сільчанка пры гэтым прыходзіць да высновы – няма поўнай карэляцыі паміж таксанамічнымі адзінкамі ў грамадскіх адносінах (род, выгляд, падвід, асобныя грамадскія адносіны) і структурнымі падраздзяленнямі ў сістэме права (галіна, падгаліна, інстытут, норма) [16, с. 64]. Так, адна норма не ў стане ўрэгуляваць (забяспечыць паўнату рэгулявання) асобныя грамадскія адносіны, як адзначае Н. В. Сільчанка, яна толькі рэгламентуе іх асобныя бакі (элементы) [16, с. 64].

Д. Лук'янец, даследуючы праблемы вызначэння структуры сістэмы права, таксама прыходзіць да высновы, што «адзінкавая норма не можа рэгуляваць грамадскія адносіны» [8, с. 7]. Д. А. Керымаў адзначае, што «той ці іншы від грамадскіх адносін можа быць урэгуляваны па-рознаму» [5, с. 10]. Правое рэгуляванне адносін вызначанага роду таксама не абмяжоўваецца нормамі дадзенай галіны права.

Такім чынам, праяма сувязь сапраўды мае месца, гэта значыць галіна фармуецца на аснове грамадскіх адносін вызначанага роду, але таму, што прадмет галіны акрамя саміх грамадскіх адносін абумоўлены асаблівасцямі іх прававога рэгулявання, галіновы прадмет прававога рэгулявання не будзе мець карэлятыўнай сувязі з родам грамадскіх адносін. Гэта значыць недапушчальна заключэнне аб сістэме грамадскіх адносін і сістэме права як карэлюючых па сваіх элементах сістэм. Галіна абумоўлена грамадскімі адносінамі вызначанага роду, а род грамадскіх адносін, рэгулюецца адной галіной права з'яўляецца вузкім чым агульны род грамадскіх адносін. Для карэляцыі ж патрэбна ўзаема сувязь і ўзаемазалежнасць.

Улічваючы вышэй сказанае, прадмет прававога рэгулявання галіны права – гэта якасна аднародная сфера прававога рэгулявання грамадскіх адносін пэўнага роду.

Зыходзячы з гэтага, прадмет прававога рэгулявання адной галіны права не можа супадаць з прадметам іншай. Кожная галіна права мае ўласцівы толькі ёй прадмет, ад якога залежаць своеасаблівасць і асаблівасць прававога рэгулявання грамадскіх адносін. Адасобленасць і пэўная самастойнасць галіны права выяўляецца ў тым, што нормы іншых галін права не падпадаюць пад дзеянне прадмета яе рэгулявання.

Такім чынам, адзіная якасна аднастайная сфера прававога рэгулявання мяркуе ўзаемаабумоўленасць і ўзаемадзеянне прадмета з іншымі характарыстыкамі галіны права, у прыватнасці з метадам. Такім чынам, нараўне з прадметам прававога рэгулявання важным фактарам, па якім можна высветліць пабудову права, з'яўляецца метада прававога рэгулявання.

Вывучэнні катэгорыі метаду прававога рэгулявання прысвечаны працы многіх навукоўцаў. Катэгорыя метаду прававога рэгулявання прымяняецца для характарыстыкі рэгулюючага ўздзеяння на грамадскія адносіны розных структурных утварэнняў сістэмы права. У залежнасці ад віду адрозніваюць: агульнаправавыя метады (імператыўны і дыспозітывны) галіновы метады, які раскрывае спецыфіку рэгулявання грамадскіх адносін пэўнага роду; інстытуцыянальны метады, метады рэгулявання, уласцівы асобнай норме права [11, с. 105].

Норма права не можа змяшчаць усе асаблівасці і элементы галіновага метаду прававога рэгулявання, таму не заўсёды можна скарыстаўшыся адным толькі метадам высветліць галіновую прыналежнасць канкрэтнай нормы. Так, С. С. Аляксееў справядліва заўважыў, што ў нормах права можна выявіць толькі пэўныя формы праявы метаду [2, с. 64].

Даследаванне галіновага метаду прававога рэгулявання паказваюць, што гэта не проста спецыфічны спосаб уздзеяння пэўнай сукупнасці юрыдычных норм на грамадскія адносіны, а пэўны выраз асноўных юрыдычных асаблівасцяў галіны права [2, с. 54].

У галіновым метадзе прававога рэгулявання неабходна выдзяляць такія групы характарыстык, па якіх можна ў далейшым праводзіць параўнанне метадаў асобных галін. Варта адзначыць, што канчатковага адзінства навуковых поглядаў па такіх характарыстыках не існуе. Так, часам метадаў разумеюцца як досыць вузкая катэгорыя, якая вызначае становішча бакоў або прыёмы абароны правоў і забеспячэння абавязкаў, у іншых выпадках наадварот - досыць шырока, аж да ўключэння ў метады галіновых прынцыпаў і функцый прававога рэгулявання.

Тым не менш аўтар больш прытрымліваецца пазіцыі, паводле якой да характарыстык метаду прававога рэгулявання адносяць наступныя:

1. Прававое становішча ўдзельнікаў праваадносін.
2. Характар і размеркаванне суб'ектыўных правоў і юрыдычных абавязкаў у праваадносінах, якія змяшчаюцца ў дыспазіцыях норм.
3. Юрыдычны факт, з дапамогай якога вызначаюцца асновы ўзнікнення, змены і спынення праваадносін.
4. Прыёмы забеспячэння і абароны суб'ектыўных правоў і выканання юрыдычных абавязкаў, характар юрыдычных наступстваў.

Такі набор складнікаў метаду прававога рэгулявання ў кожнай галіне з'яўляецца своеасаблівым, але, трэба адзначыць, што на практыцы не заўсёды існуе магчымасць па характарыстыках аднаго толькі метаду прававога рэгулявання высвятляць пэўныя структурныя асаблівасці сістэмы права.

Структура метаду прававога рэгулявання складаецца з першасных сродкаў уплыву на паводзіны суб'ектаў. Такія сродкі звычайна называюць прыёмамі ці спосабамі прававога рэгулявання. Сярод іх вылучаюць: дазвол, забарону, абавязанні. Вылучаюць таксама і дапаможныя спосабы: заахвочванне, рэкамендацыі, пакаранні, ільготы.

Метад прававога рэгулявання вызначаецца як сукупнасць сродкаў, прыёмаў і спосабаў прававога рэгулявання грамадскіх адносін. Але гэта не значыць, што метадаў уяўляе сабой простую сукупнасць такіх прыёмаў, метадаў з'яўляецца выразнай сістэмай прававых сродкаў, прыёмаў і спосабаў, які, акрамя таго, вызначае своеасаблівасць пэўнай галіны права ў адносінах да іншых галін.

Выкладзенае вышэй сведчыць аб тым, што нельга пагадзіцца з тымі вучонымі, якія адмаўляюць або недаацэньваюць значнасць прадмета і метаду прававога рэгулявання для высвятлення структуры сістэмы права. Асаблівасці адносін вызначанага выгляду і асаблівасці рэгулявання

гэтых адносін адначасова, кожныя па-свойму ўплываюць на галіновую дыферэнцыяцыю права. Калі ўлічваць усё вышэйпададзенае, то ўзаемаабумоўленасць і істотная значнасць абодвух фактараў для высвятлення структуры сістэмы права з'яўляецца нагляднай.

Прычым, як справядліва заўважае Д. Я. Пятроў [11, с. 109], прадмет і метады прававога рэгулявання нельга супрацьпастаўляць. Па сваёй унутранай сутнасці – гэта розныя бакі адной з'явы. Прававы метады мае адносную самастойнасць у адносінах да прадмета прававога рэгулявання, хоць яны ўзаемазвязаны з апошнім. Вядома, грамадскія адносіны, у прыватнасці іх канкрэтны род, уплываюць на фарміраванне метаду, таму можна сказаць, што прадмет прававога рэгулявання абумоўлівае адпаведны метады, а метады у сваю чаргу праводзіць межы прадмета прававога рэгулявання галіны – адкідае тыя адносіны, якія ўрэгуляваны іншымі галінамі права. Нельга і прымяняць ролі метаду прававога рэгулявання, матывуючы гэта залежнасцю яго ад прадмета, бо характар і змест метаду залежыць і ад іншых умоў (напрыклад, ад гістарычных традыцый прававога рэгулявання пэўнай дзяржавы, прынцыпаў права, ад ступені развіцця дэмакратыі і г.д.).

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Азми, Д. М. Об основаниях и системах правового строения / Д. М. Азми // Современное право. – 2009. – № 11. – С. 3-6.
2. Алексеев, С. С. Общие теоретические проблемы системы советского права / С. С. Алексеев. – М. : Госюриздат, 1961. – 187 с.
3. Байтин, М. И. Система права: к продолжению дискуссии / М. И. Байтин, Д. Е. Петров // Государство и право. – 2003. – № 1. – С. 25-34.
4. Власенко, Н. А. Теория государства и права. Научно-практическое пособие для самостоятельной подготовки студентов всех форм обучения / М. ИЗиСП – М. : ИД «Юриспруденция», 2009. – 424 с.
5. Керимов, Д. А. Система права и систематизация законодательства / Д. А. Керимов // Право и образование. – 2003. – № 1. – С. 7-28.
6. Круглый стол журнала «Советское государство и право». Система советского права и перспективы ее развития // Советское государство и право. – 1982. – № 8. – С. 49-70.
7. Круглый стол журнала «Советское государство и право». Система советского права и перспективы ее развития // Советское государство и право. – 1982. – № 6. – С. 80-111.
8. Лук'янец, Д. Методологічны аспекты вызначэння структуры сістэмы права / Д. Лук'янец // Підприємництво, господарство і право. – 2006. – № 3 (123). – С. 7-10.

9. Морозова, Л. А. К вопросу об отраслях права / Л. А. Морозова // Труды МГЮА. Сб. статей: научное издание. – М. : ООО «Профобразование», 2002. – № 9. – 240 с. – С. 35-38.
10. Петров, Д. Е. Отрасль права: дисс. ... канд. юр. наук : 12.00.01 / Д. Е. Петров / Саратовская государственная академия права. – Саратов. – 2001. – 205 с.
11. Пешков, А. Б. О методе правового регулирования / А. Б. Пешков // Правоведение. – 1971. – № 2. – С. 26-29.
12. Плахотина, Н. А. Особенности метода правового регулирования трудовых процессуальных правоотношений / Н. А. Плахотина // Право і безпека. – 2006. – Т. 5. – № 2. – С. 116-119.
13. Рукавишникова, И. В. Метод в системе правового регулирования общественных отношений / И. В. Рукавишникова // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2003. – № 1. – С. 217-222.
14. Скаун, О. Ф. Теория государства и права : учебник / О. Ф. Скаун. – Харьков : Консум; Ун-т внутр. дел, 2000. – 704 с.
15. Сильченко, Н. В. Проблемы предмета правового регулирования / Н. В. Сильченко // Государство и право. – 2004. – № 12. – С. 61-64.
16. Шаргородский, М. Д. О системе советского права / М. Д. Шаргородский, О. С. Йоффе // Советское государство и право. – 1957. – № 6. – С. 101-110.
17. Шебанов, А. Ф. Система советского социалистического права / А. Ф. Шебанов. – М. : Издательство МГУ, 1961. – 42 с.

**ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧРЕЖДЕНИЯ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ
СОТРУДНИЧЕСТВА С КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ
РЕСПУБЛИКОЙ (НА ПРИМЕРЕ ЮРИДИЧЕСКОГО
ФАКУЛЬТЕТА БГУ)**

А. В. Гавриленко

Старший преподаватель кафедры хозяйственного права,
Белорусский государственный университет, юридический факультет,
г. Минск, Республика Беларусь

У артыкуле на аснове вопыту юрыдычнага факультэта БДУ праводзіцца аналіз асобных напрамкаў адукацыйнай дзейнасці ўстанова вышэйшай адукацыі для мэт далейшага развіцця супрацоўніцтва з Кітайскай Народнай Рэспублікай.

В статье на основе опыта юридического факультета БГУ проводится анализ отдельных направлений образовательной

деятельности учреждения высшего образования для целей дальнейшего развития сотрудничества с Китайской Народной Республикой.

The article analyzes individual areas of educational activities of the higher education institution for the purposes of further development of cooperation with the People's Republic of China based on the experience of the Faculty of Law of BSU.

Ключавыя словы: установа вышэйшай адукацыі, універсітэт, юрыдычная адукацыя, міжнароднае супрацоўніцтва, заканадаўства аб адукацыі.

Ключевые слова: учреждение высшего образования, университет, юридическое образование, международное сотрудничество, законодательство об образовании.

Keywords: institution of higher education, university, legal education, international cooperation, education legislation.

В настоящее время отношения между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой активно развиваются в различных сферах. Например, в последние годы заметно усилилось политическое взаимодействие между странами. Подтверждением данному тезису служат многочисленные визиты высших должностных лиц обоих государств, активное взаимодействие между органами всех ветвей власти и т.д. [5].

Важнейшую роль в отношениях играет активизация торгово-экономического сотрудничества между партнерами. Так, в 2023 г. товарооборот между странами составил 7,7 млрд долларов (8,4 млрд долларов) в зависимости от источника статической информации [7]. Белорусская сторона стремится принимать активное участие в реализации мероприятий в рамках инициативы «Пояс и путь», а также предпринимает усилия по развитию индустриального парка «Великий камень».

Безусловно, не могла остаться в стороне от процессов интенсификации взаимодействия между странами и сфера образования. Так, сотрудничество между нашими государствами в сфере образования осуществляется на основе следующих межправительственных и межведомственных соглашений:

Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о взаимном признании документов об образовании (1998 г.);

Соглашения между Министерством образования Республики Беларусь и Государственной канцелярией Китайской Народной

Республики по международному распространению китайского языка о сотрудничестве в области преподавания китайского языка (2006 г.);

Соглашение о сотрудничестве в области профессиональной подготовки, повышения квалификации, стажировки и переподготовки кадров, обмена специалистами, подписанное между Министерством образования Республики Беларусь и Государственным управлением по делам иностранных специалистов КНР (2009 г.);

Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в сфере образования (вступило в силу в 2016 г.);

Меморандум о сотрудничестве между Министерством образования Республики Беларусь и Министерством образования Китайской Народной Республики в области совместной подготовки кадров (подписан в 2016 г.) [1].

Кроме того, вопросы межгосударственного сотрудничества в сфере образования между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой упоминаются и в стратегических документах. Так, основополагающим документом в двусторонних связях является Договор о дружбе и сотрудничестве между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой от 10 мая 2015 г. [2]. В соответствии со ст. 11 указанного Договора договаривающиеся Стороны принимают необходимые меры по развитию обменов и сотрудничества в области образования, культуры, здравоохранения, соцобеспечения, охраны окружающей среды, спорта, туризма, межрегиональных связей и в других сферах, представляющих взаимный интерес, укрепляют дружественные контакты между средствами массовой информации, научными и образовательными учреждениями, художественными коллективами.

В целях дальнейшего развития нормативно-правовой основы двусторонних отношений между странами в 2021 г. была принята Директива Президента Республики Беларусь от 3 декабря 2021 г. № 9 «О развитии двусторонних отношений Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой» [6]. В соответствии с п. 6.3 Директивы № 9 Министерство образования Республики Беларусь и Министерство иностранных дел Республики Беларусь являются ответственными за развитие взаимодействия по созданию совместных образовательных программ и структур, в том числе с использованием технологий дистанционного обучения в период 2021–2025 гг.

Безусловно, Белорусский государственный университет, как ведущее учреждение высшего образования в стране, не мог остаться в стороне от происходящих процессов. Так, в настоящее время БГУ

сотрудничает с 30 вузами Китая, среди которых – Пекинский университет, Шанхайский университет. Белорусский государственный университет получил почетное право на размещение в своих стенах института Конфуция, китайским партнером в этом деле является Далянский политехнический университет [3].

Следует также упомянуть, что при Республиканском институте китаеведения имени Конфуция Белорусского государственного университета работают 4 кабинета Конфуция, 6 Центров китайского языка и культуры в учебных заведениях Беларуси, а также функционирует подготовительный Центр БГУ в КНР (г. Санья) [4].

Юридический факультет БГУ принимает активное участие в реализации образовательных программ, нацеленных на привлечение студентов из числа граждан Китайской Народной Республики. Так, для них, как и для любых других абитуриентов, доступны образовательные программы бакалавриата по специальностям «Экономическое право», «Правоведение», «Политология» сроком на 4 года на русском языке обучения. Аналогично, отдельные абитуриенты из числа граждан Китайской Народной Республики могут присоединиться к магистерским программам по специальностям «Юриспруденция» или «Политология» сроком обучения на 1 год, где в качестве языка обучения также используется русский язык.

Следует подчеркнуть, что в настоящее время особой популярностью среди абитуриентов из числа граждан Китайской Народной Республики пользуется магистерская программа по специальности «Юриспруденция», образовательный процесс в которой реализуется на английском языке. В качестве первой была апробирована образовательная программа по профилизации «Международное коммерческое право» (International Commercial Law). Впоследствии иностранным абитуриентам были предложены две дополнительные профилизации: «Правовое регулирование безопасности и устойчивого развития общества» (Legal Regulation of Security and Sustainable Development of Society) и «Правовое регулирование цифровизации современного общества» (Legal Regulation of Modern Society Digitalization). В зависимости от профилизации упор в содержании образовательной программы делается на:

- вопросы правового регулирования международной торговли, защиты интеллектуальной собственности, правового регулирования лоббизма (профилизация International Commercial Law);
- вопросы странового маркетинга и предпринимательства, правового регулирования обеспечения безопасности на национальном

и международном уровнях, правовых основ обеспечения устойчивого развития (профилизация Legal Regulation of Security and Sustainable Development of Society);

- вопросы влияния цифровизации на интеллектуальную собственность и гражданское право, борьбу с преступностью, трансформацию общественных отношений (профилизация Legal Regulation of Modern Society Digitalization).

Анализ содержания указанных образовательных программ, а также практики их реализации на юридическом факультете БГУ, позволяет сделать вывод о целесообразности сохранения и дальнейшего развития компонента учреждения образования в учебных планах по специальности «Юриспруденция» с учетом заявленных профилизаций, поскольку именно данный фактор в значимой степени влияет на выбор иностранными студентами БГУ как университета для получения углубленного высшего образования на английском языке.

При этом упор следует делать на преподавании учебных дисциплин, содержащих международный или сравнительно-правовой элемент, а также широко применять междисциплинарный подход при формировании учебных планов и содержания учебных дисциплин. Аналогичной методики следует придерживаться и при формировании примерного перечня тем для написания магистерских диссертаций.

Также считаем целесообразным использовать в рамках реализации указанных образовательных программ возможности таких субъектов, как Индустриальный парк «Великий камень», ООО «БЕЛ ХУАВЭЙ ТЕХНОЛОДЖИС», ООО «ЗАВОД ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОГО ОБОРУДОВАНИЯ (ЗТЕ)» и пр., например, при организации практики обучающихся. Перспективным видится также использование потенциала Белорусской торгово-промышленной палаты в указанной сфере.

Как представляется, дальнейшее развитие сотрудничества между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой в сфере образования будет способствовать укреплению культурных связей, популяризации и продвижению положительного имиджа нашей страны в Юго-Восточной Азии в целом.

Для учреждений высшего образования развитие образовательных программ, ориентированных на абитуриентов из числа граждан Китайской Народной Республикой, активизация образовательной деятельности в искомом направлении будет способствовать:

- улучшению позиций в международных рейтингах;
- обеспечению выполнения показателей по экспорту образовательных услуг;

- повышению квалификации и совершенствованию компетенций профессорско-преподавательского состава, в т.ч. связанные с возможностью в перспективе использовать их как экспертов.

Библиографические ссылки

1 Двусторонние соглашения в области образования [Электронный ресурс] // Белорусско-Китайский межправительственный комитет по сотрудничеству. – Режим доступа: https://www.belaruschina.by/ru/science_education/education/agreement.html. – Дата доступа: 7.10.2024.

2 Договор о дружбе и сотрудничестве между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой [Электронный ресурс] : [подписано в г. Минске 10.05.2015 г.] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

3 Международное сотрудничество [Электронный ресурс] // Белорусский государственный университет. – Режим доступа: <https://bsu.by/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/> – Дата доступа: 7.10.2024.

4 Международные центры в БГУ [Электронный ресурс] // Управление международных связей Белорусского государственного университета. – Режим доступа: <https://ums.bsu.by/ru/international-partnership/ic>– Дата доступа: 7.10.2024.

5 О политических отношениях Беларуси и Китая [Электронный ресурс] // Посольство Республики Беларусь в Китайской Народной Республике. – Режим доступа: <https://china.mfa.gov.by/ru/bilateral/political/>. – Дата доступа: 7.10.2024.

6 О развитии двусторонних отношений Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой [Электронный ресурс] : Директива Президента Респ. Беларусь, 3 дек. 2021 г., № 9 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

7 Червяков: в 2023 году Беларусь и Китай установили рекордный товарооборот между странами [Электронный ресурс] // Издательский дом «Беларусь сегодня». – Режим доступа: <https://news.sb.by/articles/chervyakov-v-2023-godu-belarus-i-kitay-ustanovili-rekordnyy-tovarooborot-mezhdu-stranami.html>. – Дата доступа: 7.10.2024.

ПЕРВЫЕ НОРМАТИВНЫЕ АКТЫ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА, РЕГУЛИРУЮЩИЕ ВОЗДУШНЫЕ ПОЛЕТЫ И ИХ БЕЗОПАСНОСТЬ

И.В. Гринев

Соискатель кафедры теории и истории государства и права,
Белорусский государственный университет, юридический факультет,
г. Минск, Республика Беларусь

У артыкуле разглядаюцца пытанні эвалюцыі і развіцця паветранага права і гарантавання бяспекі паветраных палётаў у першыя гады станаўлення авіяцыі, прыёмнасці міжнароднаму працэсу развіцця прававога рэгулявання названай сферы.

В статье рассматриваются вопросы эволюции и развития воздушного права и обеспечения безопасности воздушных полетов в первые годы становления авиации, приемственности международному процессу развития правового регулирования указанной сферы.

The article deals with the issues of the evolution and development of air law and ensuring the safety of air flights in the early years of the formation of aviation, the continuity of the international process of development of legal regulation of this sphere.

Ключавыя словы: паветранае права, бяспека палётаў, гісторыя прававога рэгулявання, эвалюцыя права.

Ключевые слова: воздушное право, безопасность полетов, история правового регулирования, эволюция права.

Keywords: air law, flight safety, history of legal regulation, evolution of law.

Появление авиации в мире вызвало и необходимость становления нормативной регламентации движения воздушных судов. При этом отдельные правовые нормы, регулирующие полеты летательных аппаратов и носящие главным образом запретительный характер, появились значительно раньше, на заре воздухоплавания. Так, еще в 1784 г. в России Екатерина II издала указ о запрещении пускать воздушные шары с 1 марта по 1 декабря из-за опасности возникновения пожаров. Аналогичные акты принимались в ряде других государств (Франция, Голландия и др.).

В начале XX века в связи с развитием авиации возникла идея создания системы воздушного права. В связи с этим Международный юридический комитет авиации в 1913 г. опубликовал проект международного воздушного кодекса, который включал три книги и содержал более 70 статей. Первая книга (часть) регулировала вопросы

международного публичного права: право на воздушное пространство; национальности и регистрации воздушных судов; посадки на сушу и на воду; применения законов при воздушных передвижениях; режима воздушных судов за границей. Вторая книга посвящалась вопросам международного частного воздушного права: возмещения убытков, причиненных воздушными судами; воздушной ипотеки (залога); страхования. Третья книга регламентировала вопросы регулирования таможенных правил при международных воздушных перевозках. Проект международного воздушного кодекса предусматривал положения о свободе воздушных передвижений и по существу содержал призыв к отказу от суверенитета государств на воздушное пространство. Однако это положение проекта было отвергнуто.

В 1910 г. по предложению правительства Франции в Париже была созвана конференция для изучения международно-правовых вопросов, связанных с воздушными передвижениями. В работе конференции приняло участие 18 государств (в том числе Россия). В связи с тем, что участники конференции не пришли к соглашению по основным вопросам, положительного решения принято не было. Неудача конференции была обусловлена такими причинами как отсутствие национального законодательства о воздушных передвижениях, соображения военного характера и др.

В России в 1912 г. принимается закон, дающий военному и морскому министру право определять районы, в которых запрещались полеты воздушных судов. В этом же году принимается другой закон, запрещающий перелетать русскую границу под угрозой открытия огня. Однако разразившаяся Первая мировая война приостановила развитие воздушного законодательства.

По окончании войны воздушное законодательство начало развиваться более интенсивно. Так, 13 октября 1919 г. в Париже была подписана Международная конвенция о воздушных передвижениях, которую первоначально подписали 32 государства. Конвенция вступила в силу 10 июля 1922 г. Парижская конвенция 1919 г., состоящая из 9 глав и 43 статей, устанавливала общие принципы правового регулирования международных воздушных передвижений, постановления о национальности воздушных судов, об удостоверениях о годности к полетам воздушных судов, о пилотских свидетельствах, о полетах над иностранной территорией, о правилах взлетов, полетов и посадок о запрещенных грузах, о государственных воздушных судах, а также ряд организационных правил.

В 1925 г. в Париже была созвана конференция для выработки проекта конвенции об ответственности предприятий воздушного

транспорта перед пассажирами и грузовладельцами. Конвенция должна была унифицировать некоторые правила международных воздушных перевозок пассажиров и грузов, а также установить ограниченную ответственность перевозчика за вред, причиненный пассажиру и грузу. Однако Парижская конвенция 1925 г. так и не была подписана. При этом необходимо подчеркнуть, что она была первой международной конференцией по вопросам гражданской авиации, в которой принимал участие Советский Союз [2, с. 16-19].

Молодое советское государство с начала его возникновения стремилось к развитию воздушного флота и воздушного сообщения. Так, в 1918 г. первый начальник Главной инспекции Военного Воздушного флота, известный советский юрист, профессор И. С. Перетерский писал: «В главном Управлении Военного Воздушного флота в настоящее время приступлено к работам по выработке законопроектов, касающихся воздушного права, и если работы не встретят каких-либо внешних препятствий то, будущее дело воздушных передвижений в России с юридической стороны, будет поставлено на прочную базу» [1, с.28].

После окончания гражданской войны и переходу к мирному строительству, советское государства уделяло особое внимание развитию воздушного сообщения, а также использованию авиации в народном хозяйстве. Начали совершаться первые перелеты с пассажирами по маршрутам: Москва-Петроград; Москва-Харьков; Смоленск-Гжатск – Москва и др. В 1922 г. была открыта первая международная воздушная линия Москва – Ковно – Кенигсберг. Уже к 1923 г. протяженность внутренних воздушных линий составляла 420 км. [2, с. 20]. Одновременно начинает развиваться воздушное законодательство РСФСР.

В 1920 г. научно-технический отдел Главвоенвоздух флота разработал и опубликовал проект Декрета о воздушных передвижениях. Этот проект был рассмотрен Советом Народных Комиссаров РСФСР. 17 января 1921 г. за подписью В. И. Ленина СНК утвердил Правила о воздушных передвижениях в воздушном пространстве над территориями РСФСР и ее территориальными водами [3].

Декрет о воздушных передвижениях 1921 г. состоял из 4 разделов и 26 статей. Несмотря на небольшой объем Декрет в систематизированном виде давал правовое регулирование основным сторонам гражданского применения авиации. Так, в первом разделе устанавливалось, что пилоты, совершающие полеты, подлежат обязательной регистрации и приписке к аэродрому: регистрации и приписке к аэродрому подлежат также воздушные суда; эксплуатация аэродромов допускается при наличии свидетельств об их регистрации. Порядок и условия

регистрации пилотов, воздушных судов и аэродромов определялся Начальником Рабоче-Крестьянского Красного Воздушного Флота.

Второй раздел регламентировал правила полетов в воздушном пространстве РСФСР, уделяя особое внимание профессионализму пилотов. Так, ст. 6 Декрета определяла требования к лицам, пилотирующим воздушные суда. Все пилоты в установленном порядке должны были пройти испытания. Если же в течение года пилот не совершал полетов, он лишался права пилотирования до нового испытания.

Устанавливалось, что воздушные суда должны были иметь опознавательные знаки и соответствующие судовые документы. Запрещалось иметь на воздушных судах фотоаппаратуру, радиоаппаратуру, взрывчатые вещества и почтовых голубей. Специальные правила были установлены в запретных зонах. Пилот, оказавшийся в запретной зоне, совершал посадку по первому сигналу компетентных органов.

Третий раздел декрета определял правила полетов иностранных воздушных судов в воздушном пространстве РСФСР. Так, ст. 15 устанавливала разрешительную систему международных полетов. Для совершения полета иностранного воздушного судна требовалось разрешение НКВД (НКВТ) и согласование с Главвоенвоздухфлотом. Получив разрешение, иностранное воздушное судно могло совершить полет не ранее 3 суток и не позднее 14 суток. Полеты иностранных воздушных судов могли осуществляться только с таможенных аэродромов по заранее определенному маршруту. В случае нарушения действующих правил пилоты иностранных воздушных судов несли ответственность по законам РСФСР в установленном порядке.

Четвертый раздел рассматривал вопрос об ответственности владельцев воздушных судов и пилотов за причиненные убытки. Согласно ст. 22 Декрета все убытки, причиненные воздушным судном при взлете, полете или посадке, подлежали возмещению за исключением случаев, когда причинение убытков являлось следствием грубой вины самого потерпевшего.

Таким образом, декрет о воздушных передвижениях 1921 г. заложил основы советского воздушного законодательства. На его основе развернулось правотворчество в области применения гражданской авиации для нужд народного хозяйства.

В последующие годы, чему способствовали активная индустриализация и страны и коллективизации сельского хозяйства, была выдвинута задача ускоренного развития гражданской авиации, совершенствования ее организационных форм и правового

регулирования. При составлении второго пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР на 1933 – 1937 гг. советское государство установило: «воздушное сообщение развить по всем основным направлениям, как одно из важнейших средств связи с отдаленными районами и с крупными промышленными центрами» [2, с. 22].

27 апреля 1932 г. ЦИК и СНК СССР утвердили Воздушный кодекс СССР [4]. Воздушный кодекс включал 9 глав (68 статей): общие положения (ст. 1 – 6); гражданские воздушные суда (ст. 6 – 16); экипаж гражданских воздушных судов (ст. 17 – 24); земное оборудование для полетов (ст. 25 – 32); условия труда работников ГВФ (ст. 33 – 34), полеты (ст. 35 – 38), международные полеты (ст. 39 – 52), имущественная ответственность перевозчика и порядок, рассмотрения споров (ст. 53 – 63), правила и обязательные постановления, издаваемые ГУГВФ (ст. 64 – 68).

Воздушный кодекс СССР 1932 г. действовал всего три года. 7 августа 1935 г. постановлением ЦИК и СНК СССР утверждается новый Воздушный кодекс СССР [5]. Принятие нового ВК СССР через сравнительно короткий срок было обусловлено тем, что продолжавшийся бурный рост гражданской авиации требовал более детального, более четкого регулирования деятельности Гражданского Воздушного Флота, особенно 12 вопросов, связанных с обеспечением безопасности полетов и воздушных перевозок пассажиров, багажа, грузов и почты. ВК СССР 1935 г. включал 10 глав, 96 статей и Приложения. Воздушный кодекс СССР 1935 г. действовал 25 лет.

Однако в послевоенный период в связи активным развитием в СССР авиации, появлением самолетов с реактивными и газотурбинными двигателями, гигантски возросших воздушных перевозках как на внутренних, так и на международных воздушных линиях, произошедших изменениях в организации полетов, ВК СССР 1935 г, не мог уже в полной мере регламентировать многообразную деятельность гражданской авиации в принципиально новых условиях. Назрела настоятельная необходимость принятия нового кодекса и в середине 1959 г. Главное управление Гражданского воздушного флота и Юридическая комиссия при Совете Министров СССР разработали и опубликовали для обсуждения проект нового Воздушного кодекса СССР [6].

Библиографические ссылки

1. Вестник Воздушного Флота, № 2. – М.: Вестник Воздушного Флота, 1918—1961, 1995.

2. Волков, М. М. Советское воздушное право [Часть 1 общая]: Учеб. пособие Ч. 1: Общая / М. М. Волков / Высш. авиац. училище гражд. авиации. – Л., 1969. – 50 с.

3. Декрет СНК РСФСР от 17 января 1921 г «О воздушных передвижениях».

4. Постановление ЦИК СССР № 36, СНК СССР N 460 от 27.04.1932 г. «Об утверждении Воздушного кодекса Союза ССР».

5. Постановление ЦИК СССР № 14, СНК СССР № 1713 от 07.08.1935 «Об утверждении Воздушного кодекса Союза ССР».

6. Указ Президиума ВС СССР от 26.12.1961 «Об утверждении Воздушного кодекса Союза ССР».

**НАРМАТЫЎНАЯ РЭГЛАМЕНТАЦЫЯ АДВАКАЦКАЙ
ДЗЕЙНАСЦІ ПАСЛЯ ПРЫНЯЦЦЯ СТАТУТА 1529 ГОДА**
А.А. Гур'ева

Намеснік старшыні суда Мінскага раена,
дацэнт кафедры гаспадарчага права,
кандыдат юрыдычных навук,
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, юрыдычны факультэт,
г. Мінск, Рэспубліка Беларусь

Адвакатура ў тым выглядзе, у якім яна існуе ў наш час, дазваляе гаварыць пра яе як аб самастойным інстытуце, уасабляючым закон і абарону правоў і свабод чалавека. Аднак такое прызнанне грамадствам ролі адвакатуры, як адзінага незалежнага прафесійнага праваабарончага інстытута, прызначанага абараняць правы і свабоды, прадстаўляць законныя інтарэсы асобы, стала магчымым у выніку складанага гісторыка-прававога працэсу.

Адвакатура в том виде, в котором она существует в наше время, позволяет говорить о ней как о самостоятельном институте, воплощающем закон и защиту прав и свобод человека. Однако такое признание обществом роли адвокатуры, как единственного независимого профессионального правозащитного института, призванного защищать права и свободы, представлять законные интересы личности, стало возможным в результате сложного историко-правового процесса.

The legal profession in the form it exists in our time allows us to talk about it as an independent institution embodying the law and the protection of human rights and freedoms. However, such recognition by society of the role of the bar as the only independent professional human rights institution

designed to protect rights and freedoms and represent the legitimate interests of the individual became possible as a result of a complex historical and legal process.

Ключавыя словы: Статут 1529 года; пракуратар; адвакатура; абарона правоў; суд.

Ключевые слова: Статут 1529 года; прокуратор; адвокатура; защита прав; суд.

Keywords: Statute of 1529; procurator; bar; protection of rights; court.

На пачатку XVI стагоддзя развіццё сацыяльна-эканамічных і грамадскіх адносін у ВКЛ выклікала неабходнасць прыняцця нарматыўных актаў, якія былі б агульнымі для ўсіх зямель, на што неаднойчы звярталі ўвагу не толькі шляхта, але і кіраўніцтва дзяржавы. Напрыклад, вялікі князь Аляксандр у пацвярдзальнай грамаце Валынскай зямлі ў 1501 годзе пісаў: “... коли права Статуты в отчизне нашей уставим, тогда вси земли наши одного ся права держати мають и одним правом сужоны будутъ паводле Статуту”.

Развіццё першапачатковых формаў прафесійнай адвакатуры, якая з’явілася ў сувязі з шырокім распаўсюджваннем Магдэбургскага права, у XVI ст. набыло на Беларусі такі значны характар, што дазволіла сфарміраваць уласны істотны масіў заканадаўства ў гэтай сферы і замацаваць яго ў выглядзе асобных артыкулаў у Статутах 1529, 1566, 1588 гг., прыняцце якіх з’явілася вяршыняй прававой думкі і свядомасці беларускага народа. Гэта сведчыць аб тым, што побач з Магдэбургскім правам уласнае заканадаўства таксама “дарасло” да таго ўзроўню, калі пачало рэгуляваць узгаданы інстытут.

Упершыню заканадаўчае замацаванне магчымасці ўдзелу адваката ў судовым працэсе было аформлена ў Статуце 1529 года, адзіны артыкул якога быў непасрэдна прысвечаны пракуратарам. Так, у артыкуле [10]9 раздзела VI “О судях” гаворыцца: “О имения, о шкоды, о гвалты не маєт жаден чужоземец прокуратором бытии ани о том мовити перед нами, господаром, ани у земском праве, одно который бы был у Великом князьстве оселый”. З гэтага вынікае, што артыкул заканадаўча замацаваў забарону іншаземцам на займанне адвакацкай дзейнасцю на тэрыторыі ВКЛ. Па ўсёй верагоднасці, гэта было зроблена, каб абараніць інтарэсы дзяржавы і грамадзян, бо фактычна адвакатура была прыраўнена да дзяржаўнай службы, дзе іншаземцы таксама не маглі займаць пасады, што гаворыць аб вялікай увазе, якую заканадаўца надаваў гэтай прафесіі і яе асаблівай значнасці ў дзяржаве. Літоўская метрыка сведчыць аб тым, што гэтае правіла не было проста фармальнасцю, бо, напрыклад, праверка аседласці была адным з пацвярджэнняў правамоцнасці адваката і ўмовай

яго допуску да суда. Прыкладам дзеяння гэтай нормы на практыцы служыць справа 1533 года аб гвалтах і наездах пана Гайка: "... Пан виленский на то поведил и за то просил ижбы был захован водле Статута, абы прокуратур чужоземець не был. Его м(и)л(о)сть, г(о)с(по)д(а)л(и)рь, велел право отворыти и, выслушавшы Статута, его м(и)л(о)сть рачыл росказати о таковыи речи мети прокуратора оселого, который бы мел оселость в том панстве его м(и)л(о)сти, Великомъ князстве Литовскомъ".

Пры гэтым неабходна адзначыць, што суд не занадта ўдаваўся ў падрабязнасці аб тым, ці даўно была набыта аседласць, ці была яна набыта спецыяльна, каб выступаць у судзе, калі той ці іншы бок імкнуўся мець за пракуратара менавіта гэтую асобу і г.д.

Нягледзячы на тое, што Статут ВКЛ 1529 г. ўтрымліваў толькі адзін артыкул, прысвечаны пракуратарам, яго прыняцце было значным крокам наперад у бок развіцця прафесійнай адвакатуры. Ён сведчыў, што адвакаты ўжо дзейнічалі ў ВКЛ.

З прыняццем Статута 1529 г. бакі, пачынаючы судовы працэс, мусілі клапаціцца пра тое, каб выканаць патрабаванні пісанага закона, тым больш, што адначасова ўзніклі і пытанні адносна яго тлумачэння: аб падсуднасці спраў, тэрмінах даўнасці, наступствах няўжытку на суд і г.д. Спрыяльнае завяршэнне судовай справы стала ў значнай ступені залежыць не толькі ад наяўнасці доказаў, абавязак пошуку якіх ускладаўся на бакі, але і ад здольнасці прадставіць іх з пункту гледжання закону.

Судовыя дакументы пасля прыняцця Статута 1529 г. сведчаць аб неабходнасці заяўлення на судзе бакоў пра сваю гатоўнасць "отповедати", што азначала не толькі наяўнасць належных доказаў, але і веданне іх працэсуальна-прававога значэння, для чаго патрэбна была юрыдычная кансультацыя свядомага ў праве чалавека. У сувязі з гэтым бакі па справе нярэдка прасілі суд адкласці справу, каб атрымаць парад: "и Михайло, стоячи подле матки, просиль року на пораду"

Неабходна адзначыць, што гэтыя просьбы суд даволі ахвотна задавальняў. Статут 1529 г., уласна кажучы, не прадугледжваў менавіта такой прычыны адтэрміноўкі судовага пасяджэння, але ж суддзі, разумеючы, што працэс стаў даволі складаным, не супярэчылі бакам у іх жаданні звярнуцца за юрыдычнай парадай.

Між тым, у судовым працэсе папярэдняй парады пракуратара, сваяка, або каго-небудзь іншага не заўсёды было дастаткова, бо далёка не кожны ўдзельнік працэсу (бок па справе) меў здольнасць належным чынам яе выкарыстаць. Прававая дапамога была патрэбна і на самім судзе, дзе супрацьлеглы бок мог быць юрыдычна больш узброеным і,

адпаведна, меў большыя шансы на перамогу. Менавіта таму бакі прасілі адкласці справу не толькі каб параіцца, але і каб узяць з сабой памагатага на суд. Так было ў справе ад 1533 года Пятра Белага і пісара замка кракаўскага Адама з Даротаю Храберскай аб доўгу на шэсць злотых: “Хроберская упросила собе на прокуратора до зовирея”.

Сярод асоб, якія часцей за ўсё выконвалі функцыі такіх памагатых у вялікакняжацкім судзе, былі гаспадарскія дваране. На службу пры двары ішла ў асноўным шляхецкая ды магнацкая моладзь, пры гэтым даручэнні, якія яны выконвалі, мелі самы разнастайны характар. Сярод іх былі і розныя працэсуальныя дзеі, як: “месяца марта у 13 день (1542 р.) ... посланъ дворянинъ королевое ее милости и великое княгини Боны Григорей Андреевичъ за листы господарскими знайдовати тыхъ шкодниковъ, которыи товаръ купцовъ цара Турецкого покрали у Веницы”.

Адпаведна служба гаспадарскіх дваран у галіне правапрымяняльнай дзейнасці прывучала некаторых з іх да практычнай юрыспрудэнцыі, знаёміла іх з матэрыяльным правам і працэсам. Такім чынам, у XVI ст. праявілася тэндэнцыя вылучаць з ліку дваран прафесійных адвакатаў, якія праз свае юрыдычныя веды рабілі выдатную кар’еру. Пры гэтым лепшых з іх нават дапускалі “до таемницъ” гаспадарскай рады, іншыя мелі годнае месца і голас у радзе. Часам з ліку былых адвакатаў вылучаліся асобы на пасады суддзяў. Напрыклад, гаспадарскі дваранін пан Калачкоўскі, які праводзіў судовыя справы на пачатку 30-х гадоў XVI стагоддзя, у 1537 годзе ўжо ўзгадваецца як земскі суддзя.

Акрамя таго, сярод пракуратараў, якія выступалі ў вялікакняжацкім судзе, трапляліся і пісары, доўгай практыкай прыдбаўшыя дасведчанасць у праве. Сутнасць аказваемай імі дапамогі выяўлялася не толькі ў дачы юрыдычных парад і складанні юрыдычных актаў, але нават і ў вядзенні чужых спраў, аб чым сведчаць гістарычныя дакументы. Напрыклад, у справе князя Юрыя Слуцкага з панам Мікалаем Пацовічам “ино отъ пана Паца именемъ его перед г(о)с(по)д(а)ремъ его м(и)л(о)стью поведил писар алектъгы виленьского князя Павъловъ Матей Добратицкии, бакаляр, ижъ панъ Паць князю Слуцкому часу теперешнего отъповедати не повинень”.

Шматлікасць кола асоб, якія выконвалі функцыі пракуратараў, абумоўлена неўрэгульванасцю законаў па гэтым пытанні. Як адзначалася вышэй, у Статуце 1529 г. прафесіі быў прысвечаны толькі адзін артыкул, які ў большай ступені закрануў дзяржаўна-палітычны момант – недапушчэнне да адвакацкай дзейнасці іншаземцаў. У сувязі з гэтым трэба падкрэсліць, што гэты артыкул, уласна кажучы, падмацаваў

тагачасную тэндэнцыю палітычнай незалежнасці ВКЛ ад Польшчы ў мэтах недапушчэння пранікнення ў дзяржаву польскага элементу.

Безумоўна, Статут 1529 г. не меў мэтай адлюстравач усе бакі адвакацкай дзейнасці, бо ўтрымліваў толькі найбольш важныя для дзяржавы палажэнні. Пры гэтым аб працы тагачасных адвакатаў можна даведацца са шматлікіх апісанняў судовых працэсаў, змешчаных у Літоўскіх метрыках. Так, справа Мікалая Шымковіча, гаспадарскага двараніна, да Нікелемя аб скрадзеных срэбраных кубках ад 1541 г. сведчыць аб тым, што пракуратар мог быць прыцягнуты да ўдзелу ў судовым пасяджэнні нават на завяршаючай яго стадыі, а таксама мог выступаць побач са сваім кліентам.

Трэба адзначыць, што пракуратары выступалі ва ўсіх справах, як у крымінальных, так і ў грамадзянскіх. Прычым па цяжкіх крымінальных справах суддзя часам сам раіў наняць пракуратара для прадстаўлення інтарэсаў абвінавачанага і нават даваў час для таго, каб абвінавачаны знайшоў сабе адваката. Напрыклад, гаварылася: “Ино г(о)с(по)д(а)рь, его м(и)л(о)сть, рачыл, з радами его м(и)л(о)сти на томъ розмыслившись, вырокъ вчинити: а то тымъ обычаемъ, иж Лубъницкий обвинен есть такими речами, яко бы наехати мель на двор королевое, ее м(и)л(о)сти, и естли бы ся такъ нашъло, тогда бы Лубъницкий мел горло тратити. А для таковых причым рачыл его м(и)л(о)сть допустить Лубъницкому также прокуратора мети и дал то его м(и)л(о)сть Лубънипкому рокъ – от сего дня за чотыри недели маеть вжо Лубъницкого в чотырох неделях поставити пан виленский. Будет(ь) ли мети прокуратора, будетъ через него отказовати, пакъ ли не будетъ его мети, мусит(ь) самъ на тотъ часъ зложеным отповедати”.

Разам з тым, тагачасная практыка сведчыць, што паслугамі пракуратараў карысталіся не толькі абвінавачаныя, але і пацярпелыя ад злачынства. Так, у 1540 годзе па крымінальнай справе супраць Нохіма і Шломы, якія выкралі скрынку з грашыма, прадстаўніцтва інтарэсаў пацярпелага было даручана пракуратару Пятру Шаматуле: “ма тот Петр прокураторъ реч от него всю мовити и зыскъ и страту черезъ того прокуратора приняти” [2, с. 56].

Такім чынам, пасля прыняцця Статута 1529 г. усё больш узрастае попыт на людзей, прафесія якіх – тлумачэнне і дапамога прыватным асобам у практычнай рэалізацыі права. Пры гэтым неабходна звярнуць увагу і на тое, што паралельна з тэндэнцыяй фарміравання адвакатуры праяўляюцца і фактары стрымлівання яе развіцця. Так, тармазіў гэты працэс прыныцп асабістай яўкі ў суд, тым больш што Статут 1529 г. не рэгламентаваў гэтага пытання, хоць і гаварыў аб тым, што асоба, запрошаная на суд два разы “позвамі”, магла быць прымусова

прыведзена на яго дзецкімі, інакш суд меў права вырашыць справу без яе ўдзелу. З аналізу судовай практыкі таго часу бачна перавага прынцыпу асабістай яўкі, а не судовага прадстаўніцтва. Так, у справах, змешчаных у 6-й кнізе судовых спраў Літоўскай метрыкі, слуханне ў асноўным вочнае і толькі ў нешматлікіх выпадках замест бакоў (як правіла, істцоў) выступаюць па іх даручэнні давераныя асобы.

У судовай практыцы былі выпадкі, калі ўдзел у разглядзе судовай справы пракуратара замест свайго даверніка не заўсёды задавальняў суд. Так, у 1546 па справе княгіні Саф’іі Фёдаравай, ад імя якой выступаў намеснік Якаў Юпін, які “лісьць кнегининъ, тую речь ему мовити полецаный зыскати и стратити, перед нами указывал”, супраць Ждана Грыневіча, апошні адмовіўся “отповедати” прадстаўніку, па-першае, таму, што той яму невядомы, па-другое, таму, што “кнегиня, ее м(и)л(о)сть, мене сама позвала перед господаря, его м(и)л(о)сть, на рокъ, на светого Шымона и Юды день, а не он. А такъ, я тутъ у Вильни вжо то осмь недель мешкаю и травлю ся, ждучи поки кнегиня, ее м(и)л(о)сть, со мною ся расправит” [3]. Суд прызнаў гэты довад абгрунтаваным, хоць з фармальнага боку павераны княгіні меў усе падставы не быць адведзеным.

Між тым, названыя вышэй прыклады не сведчаць аб тым, што нельга было паслаць замест сабе на суд пракуратара. Як і перад выданнем Статута 1529 г., ініцыятыва выкарыстання судовага прадстаўніцтва калінікалі выходзіла і ад судоў. Так, у справе ад 1533 года пана Міколы Глібавіча супраць пана Юрыя Неміровіча маецца наступны запіс: “Ино онъ присылал служебника, отповедаючи ся, иж на тот час хор. Ино г(о)с(по)д(а)рь, его м(и)л(о)сть, на томъ реч тую оставил, велел ему зася п(а)на Юря позвати, а пан Юрей будетъ ли самъ хор, тогда маеть прислати прокуратора со всеми правы, которые будутъ(ь) мети, и зуполную моць зыскати и стратити”

Адным з важных момантаў у фарміраванні прадстаўніцкай дзейнасці пракуратараў стала афармленне судовай даверанасці, калі судовая практыка ішла ў накірунку дазволу ўдзелу у судовым працэсе паверанага. Так, князь Юрый Сямёнавіч Слуцкі, “стоячи очевисто перед правом уставил прокураторы от себе противъ пана старосты Жемойского” 16, р. 8. Часам бок сам спачатку ўчыняў пэўныя судовыя дзеянні і толькі потым заяўляў, што справу сваю даручае весці пракуратару. У 1540 годзе гаспадарскі дваранін пан Богдан Юрага, як папярэдне, так і пасля “становиль ся ку праву” перад панамі раднымі. Далей “панъ Богданъ Юрага на тые дела ку жалобе своей и ку отъказу на жалобу стороны противное уставил отъ себе речникомъ Павла Осторовского, даючи ему моць зупольну на зыскъ и на страту водлугъ права”.

Іншы парадок меў месца ў выпадку, калі павераны адразу выступаў пры адсутнасці свайго даверніка. Сваё права на вядзенне справы ён мусіў пацвердзіць фармальнай даверанасцю, якая часцей за ўсё мела назву “листъ порученый”. Напрыклад, “и панъ Миколай указалъ листъ отца своего поручонный и поведиль, “иж то естъ листъ, в которомъ отецъ мой мне реч перед правомъ о томъ мовити поручил и суполную моц далъ, самъ своею рукою написавшы, ...””.

Першае, што павінен быў зрабіць прадстаўнік на судзе – паведаміць, што яму даручана праводзіць справу ад імя даверніка: “На то отъ пана подкоморого (М. Паца) стануль панъ Юрьи Сирутевичъ и на первой указалъ листъ его подъ печатью его, в которомъ пишеть панъ подкоморый, даючи ему моц зуполную стати за себе в праве и отказывати... А за тымъ панъ Юрьи, яко речникъ пана подкоморого в отъказе на тую их жалобу поведил” [1, с. 65]. У 1542 годзе павераны Станіслаў Яновіч, выступаючы на гаспадарскім судзе ў якасці прадстаўніка, “вказал перед нами лист мещанина ковенского Балѣтроея Нешукойга и жоны ег(о) Магдалены, в которомъ они пишутъ, ижъ поручили тому Станиславу Яновичу реч свою и дали ему зуполную моцъ зыскъ и страту на противьку боярына г(о)с(по)д(а)рьского Якуба Юревича. И маючи поручен(ь)е и моц, тот Станиславъ жаловалъ на того боярына Якуба Юревича”.

Адсутнасць даверанасці давала супраціўнаму боку падставу адмовіцца ад суда з неправамоцнай асобай. У гэтым выпадку суд не дапускаў разгляду справы. Так, у 1539 годзе па справе пана Віленскага, ад імя якога на суд прыйшоў яго ўраднік Ян Гайка, супраць князя Івана Масальскага аб захопленых сенажацях апошні мовіў: “а тежъ твоя милость, пане Гайку, моци и порученья отъ пана своего, его милости пана виленского, со мною въ право о тые сенажати вступовати не маешъ, кгды будетъ панъ Виленский его милость рачиль и его милость нехай мя правомъ уживаеъ, а я его милости въ тотъ часъ хочу отказать”. На гэта суддзя запытаў пана Гайка, ці мае той даручэнне ад пана Віленскага пра сенажаці з князем Масальскім “вступовати въ право”. Калі выявілася, што такога даручэння няма, суддзя не разглядаў справу: “жодного конца в речи межи ими не чиниль”. Такім чынам, суд адмовіўся разглядаць справу.

Пры гэтым пракуратары ў ВКЛ не падлягалі адказнасці за з’яўленне на суд без належна аформленай даверанасці, у адрозненне ад суседняй Польшчы, дзе паводле звычайнага права кракаўскай зямлі прадстаўнік у такім выпадку павінен быў плаціць грашовы штраф.

Такім чынам у перыяд паміж прыняццем Першага і Другога Статутаў ВКЛ назіралася з’ява павольнай трансфармацыі права ў сферы

адвакатуры, што выявілася ва ўзаемадзеянні Магдэбургскага права са звычайным і пісаным агульнадзяржаўным правам і выпрацоўкай агульных правілаў і падыходаў. У гэты перыяд адбываецца росквіт юрыдычнай практыкі адвакатаў, Літоўскія метрыкі змяшчаюць значна больш апісанняў юрыдычных спраў у параўнанні з ранейшымі перыядамі, дзе бачны механізмы пошуку найбольш удалых формаў удзелу ў судовым працэсе пракуратараў. Адбываецца ўзаемапранікненне розных формаў права, што разам з праватворчасцю судоў і праватворчасцю суддзяў нарэшце прыводзіць да ўвасаблення ў Статуце 1566 г. адносна адзінага і даволі дакладнага прававога інстытуту, які рэгуляваў дзейнасць адвакатаў. Звычайнае права паступова выводзіцца з арсеналу сродкаў прававога рэгулявання, аднак папярэдне ўзбагаціўшы пры гэтым заканадаўства і аддаўшы яму свае лепшыя набыткі.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией: [в 39 т.]. – Вильна: Тип. Губерн. правления, 1865–1915. – Т. 3: Акты Брестского гродского суда, [1401–1664 гг. / предисл. Я. Головацкого]. – 1870. – XX, 416 с.
2. Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов: [в 39 т.]. – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1865–1915. – Т. 32: Акты Вилкомирского гродского суда [предисл. И.Я. Спрогиса]. – 1907. – XXVI, 506, [2] с.
3. Статут Великого княжества Литовского 1529 года / под ред. К.И. Яблонского. – Минск : Акад. наук Беларус. ССР, 1960. – 253 с.
4. Ясинский, М. Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства / М. Ясинский. – Киев: Унив. тип. (В. И. Завадского), 1889. – VI, 207 с.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ БРАКА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Н.В. Денисенко

Аспирант кафедры теории и истории государства и права,
Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины,
юридический факультет,
г. Гомель, Республика Беларусь

У артыкуле даследуецца паняцце шлюбу ў Расійскай імперыі. Разглядаюцца пункты гледжання дарэвалюцыйных вучоных адносна прававой прыроды, прызначэння і сутнасці шлюбнага саюза. Робіцца выснова аб тым, што грамадзянскае заканадаўства Расійскай імперыі не

зм'яшчала паняцця шлюбу і імплементавала царкоўныя нормы аб шлюбным саюзе.

В статье исследуется понятие брака в Российской империи. Рассматриваются точки зрения дореволюционных ученых относительно правовой природы, назначения и сущности брачного союза. Делается вывод о том, что гражданское законодательство Российской империи не содержало понятия брака и имплементировало церковные нормы о брачном союзе.

The article examines the concept of marriage in the Russian Empire. The points of view of pre-revolutionary scientists regarding the legal nature, purpose and essence of the marriage union are considered. It is concluded that the civil legislation of the Russian Empire did not contain the concept of marriage and implemented church norms on marriage.

Ключевые слова: брак; семья; Российская империя; Кормчая книга; законодательство.

Ключавыя словы: шлюб; сям'я; Расійская імперыя; Кормчая кніга; заканадаўства.

Keywords: marriage; family; Russian Empire; The Pilot book; legislation.

С принятием христианства брак стал пониматься через призму православной духовной традиции. Дела о заключении и расторжении брачного союза были отнесены к компетенции церкви. Форма и условия заключения брака получили каноническое содержание.

Наиболее полно христианское представление о браке раскрыто в труде дореволюционного философа Н.Н. Стрехова «Брак, рассматриваемый в своей природе и со стороны формы его заключения» [2]. Философ отмечал, что христианство как религия, имеющая своей задачей поставить человека на высшую ступень нравственного совершенства, сообщило браку и высшее освящение. Только христианское откровение внесло в жизнь и утвердило чистую идеальность любви и брака, он был признан таинством [2, с. 62]. Рассуждая о значении брака с христианской точки зрения, философ указывал: «брак есть полное и цельное общение двух личностей – как по телу, так и по душе, – общение, основанное на действительной личной взаимной любви» [2, с. 62-63].

Важно отметить, что после принятия христианства происходила рецепция византийского брачно-семейного законодательства, основанного на канонических представлениях о браке [8, с. 15]. Одним из основных источников брачно-семейного права православных подданных Российской империи являлась Кормчая книга, которая

представляла собой собрание церковных норм и постановлений византийских императоров и являлась руководством для духовенства при решении различных задач, в том числе вопросов о браке. В 49-й главе Кормчей книги, содержится следующее определение брака: «Брак есть мужеви и жене сочетание, сбытие во всей жизни, божественныя и человеческия правды общение» [6, с. 318]. В 50-й главе Кормчей книги, в статье «О тайне супружества» было сказано: «Супружества или законного брака тайна от Христа Бога уставлена есть, во умножение рода человеческого, и в воспитание чад во славе Божией, в неразрешимый союз любви и дружества, и в взаимную помощь и в еже огребатися греха любодеяния» [1, с. 128-129].

Из указанного определения можно вывести несколько составных элементов брака: физический, этический, юридический и религиозный [6, с. 321]. Физический элемент состоит в том, что брак представляет собой союз лиц разного пола. Этический момент воплощается в полном соединении всех жизненных отношений мужа и жены [6, с. 318]. Юридическая составляющая проявляется в установлении прав и обязанностей между супругами, между родителями и детьми, а также в установлении формы заключения брака [6, с. 322]. Религиозный момент, как указывал А.С. Павлов, «присущ самому существу христианского брака», который, по учению Православной церкви, представляет собой таинство [6, с. 323]. А.И. Загоровский выделял в браке также экономический элемент, «порождающий хозяйственную связь, в силу которой возникает общее хозяйство мужа и жены» [5, с. 5].

Законодательство Российской империи не содержало понятия брака. Однако при составлении «Свода законов гражданских» в его проект было внесено следующее определение: «Брак есть тайна, совершаемая законным союзом двух лиц обоего пола, которые приобретают тем взаимное право на исключительное сожитие» [4, с. 307]. Указанное определение отражало взгляды на существо брака в рассматриваемый период.

В российской юридической науке исследования в области семейного права как части гражданского получили свое развитие в начале XIX века [3, с. 16]. Ученые давали определения, выделяли признаки и особенности таких понятий, как «семья» и «брак». Так, русский цивилист Г.Ф. Шершеневич отмечал, что «семья есть постоянное сожитие мужа, жены и детей, то есть представляет собой союз лиц, связанных браком, и лиц, от них происходящих» [16, с. 668]. Российский юрист В.И. Синайский, в свою очередь, отмечал, что в российском праве понятие семьи было лишено «всякой определенности и ясности» [11, с. 259].

В дореволюционной юридической литературе не было единого подхода к пониманию брака. Так, Г.Ф. Шершеневич давал следующее определение указанному понятию: «брак есть союз мужчины и женщины с целью сожительства, основанный на взаимном соглашении и заключенный в установленной форме» [16, с. 671]. Специалист в области гражданского права Д.И. Мейер, в свою очередь, отмечал, что «в области права нет возможности дать полное определение брачному союзу, а понятие о нем устанавливается вне области права, в области религии и нравственности» [7, с. 557]. Русский правовед Б.Н. Чичерин в своем труде «Философия права» указывал, что святость брака – это «начало в высшей степени важное для нравственного сознания людей и для прочности семейной жизни». Важным условием для существования брака ученый считал единобрачие, содержание брачного союза он видел в «общении всей жизни» и по своей идее считал брак неразрывным союзом [15, с. 240-242].

Профессор церковного права Н.С. Суворов определял брак с религиозной точки зрения: «Брак как образ таинственного союза Христа с Его Церковью, есть таинство, соединяющее мужа и жену для полного неделимого общения жизни и низводящее на них дары Божией благодати» [12, с. 349]. Таким образом, ученые с разных подходов характеризовали понятие «брака» и выделяли его признаки.

Дискуссионным в юридической литературе являлся вопрос о правовой природе брака. Основные концепции сводились к понятию брака как таинства, как договора и как института особого рода [13, с. 64]. В.И. Синайский подчеркивал, что о договорной природе брака свидетельствует его возникновение, поскольку в основе брачного союза лежит свободное соглашение, которое строго охраняется законом [11, с. 263]. Однако ученый отмечал, что содержание и прекращение брака не основываются на соглашении сторон, а правоотношения в браке возникают не в виде отдельных прав и обязанностей, а представляют собой особый союз, состояние. Более того, по учению Православной церкви, брак представляет собой таинство. Все это, по мнению В.И. Синайского, «подрывает» договорную природу брака [11, с. 264]. На это же указывал и А.И. Загоровский, причисляя брак к институтам особого рода [5, с. 6].

Указывая на наличие в браке договорного элемента, Н.С. Суворов в то же время отмечал, что «брачный договор отличается от всех других договоров, во-первых тем, что содержание его не зависит от определения индивидуальной воли, а дается природой, как необходимое выражение неизменного естественного влечения к продолжению и сохранению рода, – во-вторых тем, что брачный договор направляется не на совершение

отдельных каких-либо действий, исполнением которых он прекращался бы, подобно другим договорным обязательствам, а на взаимное восполнение двух личностей по всем сторонам человеческой жизни и на всю жизнь» [12, с. 349]. Созвучно с этим мнение К. Победоносцева: «соединение двух волей требует соглашения и сделки; но этой идеей договора далеко не исчерпывается содержание брачного союза. Побуждение к нему и цель его – исполнение коренного закона природы, в силу коего живая и цельная личность человека стремится дополнить себя, ищет себе дополнения и усовершеншения в такой же личности другого пола» [9, с. 19]. А. С. Павлов, в свою очередь, обращал внимание на то, что брак, по своему началу, «имеет общий характер с другими юридическими отношениями, основанными на взаимно выраженной воле, то есть договоре. Но по своему предмету и цели брак вполне отличается от всех других договоров: он направлен не на действия и права, имеющие вещную или денежную стоимость, а на жизненное отношение высшего порядка, которое хотя и устанавливается договором, но таким, что сюда нельзя включить действительным образом ни конечного срока, ни разрешающего (так называемого резолютивного) условия» [6, с. 322-323]. Таким образом, большинство дореволюционных ученых-цивилистов причисляли брак к институтам особого рода.

В 1832 г. был издан Свод законов Российской империи, который являлся результатом систематизации действующих законодательных актов. Свод вступал в силу с 1 января 1835 года. Нормы о браке и семье получили закрепление в книге первой «О правах и обязанностях семейственных» части первой тома X Свода законов Российской империи, который назывался «Свод законов гражданских».

По законодательству Российской империи брак рассматривался как таинство и заключался в религиозной форме [10, ст. 23]. Однако Православная и Католическая церковь расходились в вопросе о том, что понимать под таинством. Канонические источники Православной церкви таинством считали сам брак. Однако в XIX в. догматические источники и каноническая практика стали рассматривать в качестве таинства обряд венчания [14, с. 97].

По католическому учению, как отмечал Н.С. Суворов, «таинство имеет материю и форму, и что касается таинства брака в особенности, материю его составляет взаимная передача двух лиц разного пола друг другу, а форму таинства составляют те слова, действия и знаки, которыми в момент передачи выражается взаимное согласие на вступление в брак» [12, с. 350]. Таким образом, «совершителями» таинства Католическая церковь признавала самих супругов.

Лютеранская и реформатская церковь не считали брак таинством. Брак, не освященный церковью, был действителен только в отношении нехристиан и язычников [16, с. 673].

Поскольку брак заключался в церкви, то и регулирование его было неодинаковым для представителей различных вероисповеданий. «Свод законов гражданских» отдельно регламентировал брак православных лиц между собой, брак лиц других христианских исповеданий между собой и с православными, а также брак нехристиан между собой и с христианами [7, с. 558].

В законодательстве Российской империи указывалось, что брачный союз представителей различных христианских конфессий должен совершаться по правилам и обрядам соответствующего вероисповедания. Так, «Свод законов гражданских» устанавливал следующее: «Лицам всех вообще христианских исповеданий невозбранно дозволяется вступать в России между собою в браки по правилам и обрядам их церквей, не испрашивая на то от гражданского правительства особого разрешения...» [10, ст. 48]. Кроме того, в статье 70 указанного акта закреплялось следующее положение: «Каждому племени и народу, не выключая и язычников, дозволяется вступать в брак по правилам их закона, или по принятым обычаям...» [10, ст. 70]. Статья 25 «Свода законов гражданских» закрепляла, что «все отступления от правил, Церковью постановленных о совершении браков», а также все «дела брачные» находились в компетенции духовного суда [10, ст. 25].

Таким образом, брак в Российской империи рассматривался как религиозно-нравственный институт. Это было связано с тем, что по законодательству России брак являлся таинством и имел церковную форму заключения. Гражданское законодательство Российской империи, в свою очередь, не содержало понятия брака и имплементировало церковные нормы о брачном союзе.

Библиографические ссылки

1. Белякова Е.В., Белякова Н.А., Емченко Е.Б. Женщина в православии: церковное право и российская практика. – М.: Кучково поле, 2011. – 704 с.
2. Брак, рассматриваемый в своей природе и со стороны формы его заключения / Страхов Н. – Харьков: Тип. Губ. правл., 1893. – 336 с.
3. Бурданова, Н.А. Правовое регулирование отношений в сфере семьи и брака как предмет исследований ученых Российской империи в XVIII-XIX вв / Н.А. Бурданова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2011. – № 4. – 15–19.

4. Горчаков, М. О тайне супружества. Происхождение, историко-юридическое значение и каноническое достоинство 50-й (по спискам патриархов Иосифа и Никона 51-й) главы печатной Кормчей книги / М. Горчаков. – Санкт-Петербург : Тип. В.С. Балашева и К^о, 1880. – 445 с.

5. Загоровский, А. И. Курс семейного права / А. И. Загоровский. – 2-е изд., доп. – Одесса : Тип. Акционерного Южно-Русского О-ва Печатного Дела, 1909. – 564 с.

6. Курс церковного права. Посмертное издание, выполненное под наблюдением доцента Московской духовной академии П. М. Громогласова / Павлов А.С., заслуж. проф. – Сергиев Посад: Богосл. вестн., 1902. – 552 с.

7. Мейер, Д.И. Русское гражданское право / Д. И. Мейер ; ред. А. И. Вицын. – Санкт-Петербург : Тип. М. Меркушева, 1910. – 720 с.

8. Нижник, Н.С. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. – 272 с.

9. Победоносцев, К.П. Курс гражданского права : в трёх частях – М.: «Статут», 2003. – Часть 2: Права семейственные, наследственные и завещательные. – 639 с.

10. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. – Санкт-Петербург : Печатано в типографии II-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1832. – [Т. 10]: Свод законов гражданских и межевых. Ч. 1 и 2. – 1832. – 1187 с.

11. Синайский, В.И. Русское гражданское право / В. И. Синайский. – Киев : Типография Р. К. Лубковского, 1915. – Выпуск 2. Обязательственное, семейное и наследственное право. – 460 с.

12. Суворов, Н. Учебник церковного права / Н. Суворов. – М. : Печ. А.И. Снегирёвой, 1912. – 531 с.

13. Тарусина, Н.Н. Брак по российскому семейному праву : учеб. пособие / Н.Н. Тарусина ; Яросл. гос. ун-т. – Ярославль : ЯрГУ, 2007. – 255 с.

14. Ференс-Сороцкий, А.А. Проблемы брачного права Православной церкви / А. А. Ференс-Сороцкий // Известия вузов. Правоведение. – 2017. – № 1. – С. 94-117.

15. Чичерин, Б.Н. Философия права / [соч.] Б. Чичерина. – М. : Типолит. Т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1900. – 336 с.

16. Шершеневич, Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданиям 1912 и 1914 – 1915 гг.) : в 2 томах. – Том 2. Учебник русского гражданского права (по 11-му изданию, 1914 – 1915 гг.) / Г. Ф. Шершеневич ; А. Л. Маковский, В. С. Ем. – М. : Статут, 2021. – 896 с.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБРАЗОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТА ИЗ АКТА КАЗУАЛЬНОГО ТОЛКОВАНИЯ И ПРЕДЕЛЫ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Г.Н. Дудко

Адвокат, управляющий партнер бюро «Дудко и партнеры»,
аспирант,
Саратовская государственная юридическая академия,
г. Саратов, Российская Федерация

У артыкуле разглядаюцца пытанні трансфармацыі акта казуальнага тлумачэння ў прававы прэцэдэнт. Аналізуюцца прычыны такіх пераўтварэнняў і іх спецыфіка. Адзначаецца наяўнасць трох стадый фарміравання прэцэдэнта з акта казуальнага тлумачэння. Устанаўліваецца, што рэалізацыя акта казуальнага тлумачэння павінна выконвацца з улікам прававых межаў.

В статье рассматриваются вопросы трансформации акта казуального толкования в правовой прецедент. Анализируются причины таких преобразований и их специфика. Отмечается наличие трех стадий формирования прецедента из акта казуального толкования. Устанавливается, что реализация акта казуального толкования должна соблюдаться с учётом правовых пределов.

The article discusses the issues of transforming the act of casual interpretation into a legal precedent. The reasons for such transformations and their specificity are analyzed. The presence of three stages in the formation of a precedent from an act of casual interpretation is noted. It is established that the implementation of the act of casual interpretation must be respected taking into account legal limits.

Ключавыя словы: казуальнае тлумачэнне; прэцэдэнт тлумачэння; акт тлумачэння; казус; правапалажэнне.

Ключевые слова: казуальное толкование; прецедент толкования; акт толкования; казус; правоположение.

Keywords: casual interpretation; precedent interpretation; act of interpretation; incident; legal status.

В юридической литературе при анализе вопросов реализации актов казуального толкования нередко акцентируют внимание на возможности образования из них правовых прецедентов, своеобразных образцов для юридической практики [2; 4; 9].

Логично предположить, что при проведении казуального толкования возникают типичные ситуации, которые допускают использование аналогии при разрешении дел в рамках

правоприменительной деятельности [13, с. 459-460]. В этом случае акты казуального толкования должны играть вспомогательное значение (к примеру акт казуального судебного толкования для вынесения мотивировочного заключения) [15, с. 7-8].

Конечно, наличие подобных прецедентов является редкостью, так как в большинстве случаев акты применения права не несут разъяснений и обобщенных доводов, которыми руководствуются уполномоченные лица при использовании нормативных положений к произошедшим жизненным случаям (казусам) [16, с. 15-21]. Однако, как думается, существует определенный алгоритм, согласно которому акт казуального толкования может быть преобразован в правовой прецедент. Заранее отметим, что в настоящей работе рассматриваем данный феномен только в контексте общего обыденного смысла и не придаём ему формальное значение [17, с. 143-144].

Для того, чтобы сформировался прецедент из акта казуального толкования он должен пройти несколько этапов трансформации. Первый из них заключается в образовании правоположения. Как указывает С.С. Алексеев «правоположения – это еще не нормы. Они лишены строгой определенности по содержанию, не закреплены формально. Но они уже выходят за пределы правосознания и в определенной степени внешне объективируются в актах правоприменительных органов. Правоположения могут быть охарактеризованы в качестве объективированных «сгустков» правосознания, т.е. специфических правовых явлений, находящихся на грани правосознания и норм» [1, с. 478].

Второй этап состоит в признании акта казуального толкования в качестве официально значимого. В теории права такие акты казуального толкования именуются актами толкования «по принципиальным делам». Как правило подобные акты характеризуются длительным периодом применения, наличием высокого уровня объективации, ясной передачи воли законодателя, аргументированным и авторитетным решением по делу [7, с. 18-19].

Третий этап связан с развитием акта казуального толкования в феномен прецедента толкования [14, с. 210]. Здесь важное значение приобретает не только само юридическое предписание казуального характера, но и его закрепление в правовой доктрине в качестве образца, примера разрешения жизненной ситуации. Тем самым образуется связь между динамикой права и его статической составляющей [5, с. 284].

В результате следует резюмировать, что образование прецедента из акта казуального толкования возможно в рамках прохождения им трех этапов преобразования, перечисленных выше.

Обратим внимание на то обстоятельство, что акт казуального толкования может не только эволюционировать до прецедента толкования, но и наоборот пройти процесс нуллификации. Его смысл заключается в том, что аннулируется само предписание либо осуществляется отказ уполномоченных органов в обращении к данному акту [18, с. 9-16].

В этом аспекте стоит обратить внимание на пределы применения казуального толкования в правоинтерпретационной деятельности и обозначить границы его использования. Формирование прецедента толкования и издание акта казуального толкования должно проходить в рамках очерченных демаркационных линий указанной процедуры. Иначе результаты такой интерпретации будут ошибочны. Для того, чтобы избежать этого следует соблюдать данные пределы не только в процессе применения субъектом права казуального толкования, но и после, при трансформации акта казуального толкования в прецедент толкования.

Пределы применения казуального толкования тесно коррелируют с пределами судебного толкования и индивидуального правового регулирования. Однако и здесь процедура казуального толкования обладает собственной спецификой. Как думается она состоит в следующем.

Пределы казуального толкования содержат в себе субъективную и объективную составляющую. Объективные пределы казуального толкования коррелируют с общими аспектами развития общества и права в целом. Предположительно к ним можно отнести субъектный состав отношений, урегулируемой правовой нормой, ее действие во времени, пространстве и по кругу лиц [12, с. 18].

Субъективные пределы, связаны с действиями уполномоченного лица (органа власти), осуществляющего интерпретационную деятельность [11, с. 9-21]. Здесь следует репрезентовать характерный ряд ключевых субъективных пределов для казуального толкования.

Одним из них является установление лимитов абстрагирования и конкретизации в рамках казуальной интерпретации. Указанные пределы необходимы для нивелирования избыточности нормы права. Они основываются на парных философских категориях абстрактного и конкретного, а также на установлении детерминантов произошедшего казуса [6, с. 16].

Другой субъективный предел казуального толкования обусловлен соблюдением уполномоченным лицом правил правового рассуждения в процессе казуального толкования юридических норм [8, с. 160-169]. В контексте анализа произошедшего казуса и установления в нем

юридически важным обстоятельством следование этому пределу напрямую влияет на правильное разрешение дела.

Следующий субъективный предел направлен на интеграцию базовых правовых принципов в интерпретационную казуальную деятельность. В частности Е.В. Березовская определяет следующие принципы, которые необходимо соблюдать в ходе толкования: «объективность, всесторонность, законность, обоснованность и единообразие толкования» [3, с. 12, 16]. Указанные юридические начала для казуального толкования выступают тем самым «мостом» между абстрактностью и казуистичностью правового регулирования, тем самым создавая ориентир для осуществления правовой регуляции [10, с. 133].

Таким образом, по итогам исследовательского анализа процедуры образования прецедента посредством казуального толкования и правовых пределов казуального толкования можно резюмировать следующее. Формирование прецедента проходит три этапа преобразования акта казуального толкования: правоположение, признание акта в качестве официально значимого, образование прецедента толкования. Однако следует обратить внимание на то обстоятельство, что акт казуального толкования может пройти и обратную трансформацию, а именно пройти процедуру нуллификации. Для того, чтобы избежать этого следует соблюдать пределы казуального толкования в процессе применения субъектом права казуального толкования и при трансформации акта казуального толкования в прецедент толкования.

Библиографические ссылки

1. Алексеев, С.С. Собрание сочинений: в 10 т. / С.С.Алексеев. – Т. 3. – М., 2010. – 779 с.
2. Алиев, Т.Т. Механизмы прецедентного правового регулирования в Российской Федерации / Т.Т.Алиев // Современное право. 2018. – № 1–. С. 75-80.
3. Березовская, Е.В. Правотолкование и индивидуальное правовое регулирование: дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2005. – 293 с.
4. Богдановская, И.Ю. Прецедентное право / И.Ю Богдановская. – М., 2020. – 240 с.
5. Ван Хук М. Право как коммуникация / М. Ван Хук – СПб, 2012. – 287 с.
6. Вележев, С.С. Правовая норма и юридический казус: соотношение и взаимообусловленность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб, 2007. – 22 с.

7. Гермашев, А.Н. Юридическая герменевтика как теория о способах изложения воли в юридическом тексте и ее толковании: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – 26 с.

8. Иванова, А.П. Правовая аргументация: основные характеристики и стратегии рассуждения / А.П. Иванова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2021. . – № 4. . – С. 160-169.

9. Лозовская, С.В. Правовой прецедент: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2005. – 241 с.

10. Малиновская, Н.В. Интерпретация в праве / Н.В. Малиновская –М., 2011. – 184 с.

11. Минникес, И.А. Пределы индивидуального правового регулирования: новые аспекты проблемы / И.А Минникес // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. – № 2 (105). – С. 9-21.

12. Пирмаев, Е.В. Судебное толкование: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Иркутск, 2019. – 30 с.

13. Проблемы общей теории права и государства / Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. – М., 2023. – 816 с.

14. Ромашов, Р.А., Ветютнев Ю.Ю., Тонков Е.Н. Право – язык и масштаб свободы / Р.А Ромашов, Ю.Ю Ветютнев, Е.Н. Тонков – СПб., 2015. – 445 с.

15. Рулев, А.И. Судебное толкование права в механизме защиты прав и свобод человека: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2009. – 26 с.

16. Суменков, С.Ю., Плахтий, Н.А. Правовая действительность как совокупность юридических казусов / С.Ю. Суменков, Н.А. Плахтий // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. – № 4 (147). –С. 15-21.

17. Черданцев, А.Ф. Толкование советского права. Теория и практика / А.Ф. Черданцев – М., 1979. – С. 143-144.

18. Шмельёв, А.Н. Судебная нуллификация нормативно-правового акта: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2018. – 353 с.

ВИДЫ ОСОБОГО ПРАВОВОГО ПОРЯДКА: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КРИТЕРИЕВ КЛАССИФИКАЦИИ

С.И. Ежикова

Аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин ФГБОУ,
Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Российская Федерация

У артыкуле разглядаюцца асноўныя агульнатэарэтычныя падыходы да класіфікацыі асаблівага прававага парадку. Вывучэнне адбываецца на падставе аналізу нормаў дзеючага заканадаўства. Адзначаецца як тэарэтычная, так і практычна значнасць дыферэнцыяцыі, якая дазваляе раскрыць змест даследуемага інстытута, вызначыць яго месца і значэнне ў механізму прававага рэгулявання.

В статье исследуются основные общетеоретические подходы к классификации особого правового порядка. Изучение проводится на основе анализа норм действующего законодательства. Отмечается как теоретическая, так и практическая значимость дифференциации, позволяющая раскрыть содержание исследуемого института, определить его место и назначение в механизме правового регулирования.

The article examines the main general theoretical approaches to the classification of a special legal order. The study is conducted on the basis of an analysis of the norms of current legislation. Both the theoretical and practical significance of differentiation is noted, which makes it possible to reveal the content of the institution under study, to determine its place and purpose in the mechanism of legal regulation.

Ключавыя словы: прававы парадак; асаблівы прававы парадак; класіфікацыя; падыходы да класіфікацыі.

Ключевые слова: правовой порядок; особый правовой порядок; классификация; подходы к классификации.

Keywords: legal order; special legal order; classification; approaches to classification.

Имеющиеся особые правовые порядки многоплановы и многоаспектны, что обусловлено характером регулируемых при помощи них общественных отношений. Наиболее полному выявлению сущности и специфики особого правового порядка способствует его классификация, при которой важно, чтобы каждое основание имело реальное обоснование и научно-практическое значение.

Как отмечает О.Э. Лейст «классификация – способ обнаружения существенных качеств подразделений системы, от которых (качеств) зависят другие, производные от них признаки каждого из элементов

подразделения» [8, с. 61]. Вопросам классификации особого правового порядка, равно как и вопросам познания его природы, в отечественной юридической литературе уделяется недостаточное внимание. Чаще его видовые аспекты исследовались лишь на уровне отраслевого регулирования, что подтверждает исключительную значимость и интерес систематизации в общетеоретическом плане. Вместе с тем, нельзя не отметить сложность определения критериев классификации особого правового порядка. Разграничивая его на виды, следует помнить, что специфические черты, характеризующие содержание, рассматривать в отрыве один от другого недопустимо.

Полнота и правильность классификации особого правового порядка зависит от выбора её основания, которыми выступают наиболее существенные признаки.

Многообразие примеров особого правового порядка свидетельствует о том, что, как и любое другое полиэдральное правовое явление, он классифицируется в зависимости от различных аспектов.

Так, по аналогии с правовым порядком в общем смысле, особый правовой порядок делится по отраслевому признаку на порядок в уголовно-процессуальном, гражданско-процессуальном, семейном праве и т.д.

Раздел X Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации «Особый порядок судебного разбирательства» содержит две главы, регламентирующие особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением (глава 40 УПК РФ) и особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ) [1]. В юридической литературе эти формы принято называть упрощенными.

В противовес усложненному специальному правовому порядку можно привести особый порядок судебного разбирательства, который значительным образом упрощен по сравнению с общим порядком. Достоинства, выделяющие данную разновидность особого правового порядка, многочисленны: как для судебных органов из-за уменьшения нагрузки на них, так и для подсудимых (зачастую назначается менее строгое наказание, освобождение от оплаты процессуальных издержек и т.д.).

Особый характер приобрело не только уголовное судопроизводство, но и гражданское. Гражданским процессуальным законодательством регламентирован «особый порядок процессуально-правового регулирования, обусловленный спецификой объекта судебного познания, субъектного состава, функций суда, состоящих не в разрешении спора сторон как в исковом производстве, а в

осуществлении, к примеру, как в случае с производством по делам, возникающим из публичных правоотношений, судебного контроля за законностью действий органов управления» [2].

По форме выражения, особый правовой порядок фигурирует в законах, подзаконных актах, судебных актах. Так, Федеральным законом «Об Особой экономической зоне в Магаданской области и на территориях Южно-Курильского, Курильского и Северо-Курильского городских округов Сахалинской области» установлен особый порядок вывоза товаров и транспортных средств с территории Магаданской области или Курильских островов на остальную часть территории Евразийского экономического союза отдельными категориями лиц [3].

Федеральным законом «О международных договорах Российской Федерации» регламентирован особый порядок выражения согласия на обязательность для Российской Федерации международных договоров [4].

Нередко нормы, устанавливающие особый правовой порядок, содержатся в и подзаконных нормативных актах. Так, Указом Президента РФ от 08 августа 2023 года № 589 устанавливается специальный порядок проведения расчетов по внешнеторговым контрактам на поставку из России сельхоз продукции [5]. Необходимость введения такого порядка обоснована спецификой внешних экономических отношений, в особенности в ракурсе текущей напряженности внешнеполитических отношений. В тексте рассматриваемого указа фигурируют термины «специальные рублевый счета», «специальные валютные счета». Это свидетельствует об уникальном, неповторимом характере правоотношений, которые уже существующие правовые порядки (общий, особый) регулировать не могут.

Министерством просвещения Российской Федерации был определен особый порядок заполнения и выдачи в 2022-2026 учебных годах аттестатов об основном и среднем общем образовании, но только для отдельных категорий выпускников, таких как обучающихся в школах, расположенных в ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областях и обучавшихся в школах этих регионов и принятым начиная с 2021/22 учебного года на обучение в образовательные организации, расположенные в Российской Федерации, за исключением новообразованных регионов [6].

Встречается особый правовой порядок и в правоприменительных актах. Например, в Протокольном определении Арбитражного суда Астраханской области указывается: «Федеральным законом может быть установлен особый порядок определения размера подлежащего

возмещению ущерба, причиненного работодателю хищением, умышленной порчей, недостатчей или утратой отдельных видов имущества и других ценностей, а также в тех случаях, когда фактический размер причиненного ущерба превышает его номинальный размер» [9]. То есть указываются лишь условия применения особого порядка.

Приведем иной пример. В Определении Свердловского областного суда отмечается, что уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации устанавливается особый порядок посещения мест лишения свободы разными категориями лиц (родственники, адвокаты, нотариусы, представители общественных организаций). Согласно ст. 38 Закона Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», право посещать без специального разрешения учреждения, исполняющие наказания, следственные изоляторы для осуществления контроля распространяется только на членов общественных наблюдательных комиссий [7].

Как предполагается, под особым порядком подразумевается вариативность порядков посещения мест лишения свободы разными субъектами. Например, порядок проведения свиданий осужденных с родственниками отличается от свиданий с защитником. В свою очередь, особая категория лиц, такие как Президент РФ, Председатель Правительства РФ, Генеральный прокурор и прочие высокопоставленные лица, имеют право посещать места лишения и ограничения свободы без какого-либо специального разрешения.

Можно ли сказать, что последний пример соответствует природе понятия «особый порядок»? Это утверждение было бы довольно спорным, так как перед нами стоит совершенно различный субъектный состав, что свидетельствует о том, что вышеуказанные порядки разнятся, являясь общими – отсутствует альтернативность, что является главной отличительной чертой особого правового порядка. Существование последнего возможно лишь при условии наличия основного порядка.

Очень важным основанием классификации особого правового порядка является степень конкретизации, в соответствии с которым выделяют особый порядок, прямо названный и особый правовой порядок, который не назван таковым, но подразумевается. Например, порядок регистрации юридических лиц отличается от обычного тем, что регистрация происходит не только лишь через налоговые органы, а посредством первоначального обращения в территориальные органы Министерства юстиции Российской Федерации. Лишь после принятия Минюстом России или его территориальным органом решения о государственной регистрации и вынесения соответствующего

распоряжения, не позднее рабочего дня, следующего за днем принятия такого решения, соответствующие документы направляются в ФНС России для внесения записи в Единый государственный реестр юридических лиц (ЕГРЮЛ). Очевидно, что приведенный выше специальный порядок значительным образом меняется путем введения дополнительных этапов рассмотрения заявления о регистрации. В то же время, срок осуществления данного порядка остается прежним, не отличается от сроков регистрации коммерческих юридических лиц. Обращаем внимание на то, что государственная регистрация некоммерческих организаций в ряде новостных источников определяется как «специальный», в иных – «особый», однако по своей правовой природе является особым правовым порядком.

Исследование видовой специфики особого правового порядка позволяет полнее понять его сущность и содержание, оказывает позитивное влияние на правотворческую и правоприменительную практику, определяет место и назначение его в механизме правового регулирования.

Классификационные критерии дифференциации особого правового порядка на множественные, отличные по содержанию виды, позволяют его систематизировать. Среди них особое место отводится критериям градации по отраслевой принадлежности, по форме выражения, в зависимости от степени конкретизации. Все они относятся к наиболее значимым, определяющим природу особого правового порядка, но не замыкающим их перечень. Главное в данном случае заключается не в констатации бесконечного многообразия классификационных критериев, а в возможности их раскрытия, осмысления и грамотного использования в определении природы рассматриваемого правового феномена.

Библиографические ссылки

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г. № 267-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (часть I) ст. 4921; 2024. № 33 (часть I) ст. 4963.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г. № 255-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. ст. 4532; 2024. – № 33 (часть I). ст. 4951.

3. Федеральный закон от 31 мая 1999 г. № 104-ФЗ «Об Особой экономической зоне в Магаданской области и на территориях Южно-

Курильского, Курильского и Северо-Курильского городских округов Сахалинской области» (ред. от 23 марта 2024 г. № 56-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. –1999. – № 23. ст. 2807; 2024. – № 13. ст. 1679.

4. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» (ред. от 8 декабря 2020 г. № 429-ФЗ) // Собрание законодательства РФ – 1995. – № 29. ст. 2757; 2020. – № 50 (часть III). ст. 8074.

5. Указ Президента РФ от 8 августа 2023 г. № 589 «О специальном порядке проведения расчетов по внешнеторговым контрактам на поставку российской сельскохозяйственной продукции» // Собрание Законодательства РФ. –2023–. № 33. ст. 6471.

6. Приказ Минпросвещения России от 22 февраля 2023 г. № 130 «О внесении изменения в Порядок заполнения, учета и выдачи аттестатов об основном общем и среднем общем образовании и их дубликатов, утвержденный приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 5 октября 2020 г № 546» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/0001202303240029> (дата обращения: 29.09.2024).

7. Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-І «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (ред. от 29 мая 2024 г. № 126-ФЗ) // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 33. ст. 1316; Собрание законодательства РФ. –2024. – № 23 (часть І). ст. 3064.

8. Лейст, О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву / О.Э. Лейст. – М.: Изд-во МГУ, 1981. – 239 с.

9. Энциклопедия решений. Трудовые отношения. Кадры. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <https://base.garant.ru/58072376/> (дата обращения: 02.10.2024).

УЧАСТИЕ РОССИЙСКИХ И БЕЛОРУССКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ В ИЗУЧЕНИИ ПРАВА СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕРБИИ

В.И. Ермолович

Доцент кафедры международного экономического права,
кандидат исторических наук, доцент,
Белорусский государственный экономический университет
г. Минск, Республика Беларусь

У дадзеным навуковым дакладзе разгледжаны пытанні гісторыі права сярэднявечнай Сербіі, якія знайшлі адлюстраванне ў юрыдычнай гістарыяграфіі Расіі і Беларусі ў XIX – пачатку XXI стст. Праведзены аналіз навуковых прац А. А. Майкова, У. У. Макушава, Ф. Ф. Зігеля, Т. Д. Флорынскага, В. І. Ермаловіча і А. В. Сярогіна, дзе даследаваны шырокі спектр пытанняў гісторыі права. У працы таксама дадзены адказ на пытанне, чаму ў савецкай юрыдычнай гістарыяграфіі адсутнічалі працы па гісторыі дзяржавы і права сярэднявечнай Сербіі. Праведзены аналіз даследаванняў сучасных аўтараў па названай навуковай праблеме.

В данном научном докладе рассмотрены вопросы истории права средневековой Сербии, которые нашли отражение в юридической историографии России и Беларуси в XIX – начале XXI вв. Проведен анализ научных работ А.А. Майкова, В.В. Макушева, Ф.Ф. Зигеля, Т.Д. Флоринского, В.И. Ермоловича и А.В. Серегина, где исследован широкий спектр вопросов истории права. В работе также дан ответ на вопрос, почему в советской юридической историографии отсутствовали работы по истории государства и права средневековой Сербии. Проведен анализ исследований современных авторов по указанной научной проблеме.

This scientific report examines the issues of the history of the law of medieval Serbia, which were reflected in the legal historiography of Russia and Belarus in the XIX – early XXI centuries. The analysis of the scientific works of A.A. Maikov, V.V. Makushev, F.F. Siegel, T.D. Florinsky, V.I. Yermalovich and A.V. Seregin, where a wide range of issues of the history of law are studied, is carried out. The paper also answers the question of why there were no works on the history of the state and law of medieval Serbia in Soviet legal historiography. The analysis of the research of modern authors on this scientific problem is carried out.

Ключавыя словы: Сярэднявечная Сербія, права, крыніцы права, інстытуты грамадзянскага права, інстытуты крымінальнага права, уплыў рымскага прыватнага права.

Ключевые слова: Средневековая Сербия, право, источники права, институты гражданского права, институты уголовного права, влияние римского частного права.

Keywords: Medieval Serbia, state, law, sources of law, institutions of civil law, institutions of criminal law, influence of Roman private law.

Значительный вклад в дело становления сербской историографии средневекового права внесли российские исследователи в XIX веке. В частности, А.А. Майков в 1860 г. опубликовал свою научную работу «О земельной собственности в древней Сербии», где рассмотрел основные формы земельной собственности господствующего класса в средневековом сербском государстве, т.к. баштина и прония [1, с.1 – 47]. В 1868 г. он же опубликовал свой научный доклад «О пронии в древней Сербии» [2, с. 227 – 232], который был посвящен вопросам формирования феодальной земельной собственности в средневековой Сербии. Научные изыскания А.А. Майкова вызвали интерес не только у российской научной общественности, но и у сербской. Так, его работа «О земельной собственности в древней Сербии» была переведена Милорадом Шапчаниным на сербский язык и опубликована в 1868 г. в «Вестнике сербского научного общества» под названием «Баштина у древних сербов» [3].

Вопросу исследования пронии посвятил так же свое исследование В.В. Макушев «О пронии в древней Сербии», которое было издано в 1874 г. [4]. В работе детально изучен вопрос получения и эксплуатации условного земельного владения представителями господствующего класса феодалов [4, с. 1 – 20].

Комплексный анализ средневекового права Сербии предпринял российский профессор Ф.Ф. Зигель в 1872 г. в своей фундаментальной работе «Законник Стефана Душана» [5], которая по многим своим аспектам остается актуальной и в наше время спустя 150 лет. В указанной работе были детально рассмотрены понятия движимой и недвижимой собственности в средневековом праве Сербии, механизм функционирования родовой и благоприобретенной собственности, процесс приобретения и использования выслуженного имущества в средневековой Сербии X-XV вв. [5, с. 171 – 211]. Кроме того, Ф.Ф. Зигель в данной работе впервые в юридической историографии показал, что законодатель средневековой Сербии знал и различал понятия «физическое лицо» и «юридическое лицо».

Детальный источниковедческий анализ средневекового права Сербии осуществил русский профессор Т.Д. Флоринский, результаты его научной деятельности изложены в работе «Памятники законодательной

деятельности Душана царя Сербов и Греков. Хрисовулы. Сербский законник. Сборники византийских законов», которые увидела жизнь в 1888 г. [6]. Т.Д. Флоринский проанализировал не только основные источники средневекового права Сербии, такие как Хрисовулы королей и «Законник Стефана Душана», но и рецепированные источники восточноримского права, в частности славянский период «Синтагмы М. Властаря», который со II пол. XIV в. стал составной частью гражданского законодательства сербского государства. Профессор Т.Д. Флоринский был первым русским исследователем права средневековой Сербии, который признал влияние восточноримского права на становление правовой системы средневекового сербского государства. Его точка зрения по данному вопросу была близка с позицией профессора Белградского университета, академика Стояна Новаковича, которую тот изложил в работе «Римско-византийское право и народные правовые обычаи: право первенства родственника или соседа при покупке земли (*Jus protimiseos*)» [7]. В предшествующий период господствовала точка зрения, что основу права средневековой Сербии составляли правовые обычаи южных славян. Работы Т.Д. Флоринского и С. Новаковича положили начало научной дискуссии, которую поддержал доктор права Драгиш Мияшкович опубликовавший в 1895 г. свое научное сочинение «Система Душанового законника», где высказал свою точку зрения по данной проблеме исследования [8 – 10].

Полимизируя с Т.Д. Флоринским и С. Новаковичем, доктор права Д. Мияшкович констатировал следующее: «Законник Стефана Душана» продолжает оставаться» в полной мере неосвоенной «целиной», не исследованным должным образом системным источником нашего средневекового государства. После падения царства поддержанием порядка и справедливости у сербского народа занималась церковь, которая использовала нормы византийских церковных источников права. Таким образом, «Синтагма Властаря», Юстинианов закон, Прохирон, Эклога и Намоканон по инициативе церкви стали обычным дополнением «Законника Душана»... Из некогда самостоятельного и единого законодательного акта, «Законник Душана» стал частью сербско-византийской компиляции, составной частью общего сборника писаного и не писаного сербско-византийского права» [10, с.180].

Результатом данной дискуссии было то, что уже на рубеже XIX-XX вв. в сербской историко-правовой науке возобладал взвешенный подход по проблеме развития средневекового права Сербии. В частности, в 1898 г. вышло в свет новое издание монографии С. Новаковича «Законник Стефана Душана царя сербов: 1349 и 1354 годов», где ее автор согласился с основными доводами Д. Мияшковича и признал, что он не может даже

представить «Законник Стефана Душана» приложением к греческим собраниям законов, где синтагма, Юстинианов закон и Законник Душанов составляют единое целое. «Ибо, царь Стефан, - по мнению С. Новаковича, - не считал, что Законы святых отцов (= византийское право) следует узаконить. Они начали уступать важность со времен святого Саввы» [11, с. 40]. При этом С. Новакович остался приверженцем точки зрения, что «Синтагма Матвея Властаря» была изначально приложением «Законника Стефана Душана», которое использовалось при решении гражданско-правовых вопросов в средневековом сербском государстве.

После Октябрьской революции 1917 г. в советской и российской историографии почти целое столетие значительных научных работ по истории средневекового государства и права Сербии не появлялось. Это было связано с тем, что многие российские ученые после революции покинули страну. Например, Тарановский Ф.В. и Соловьев А.В. эмигрировали в начале 20-х гг. в Югославию. Они преподавали на юридическом факультете Белградского университета, где создали кафедру истории права и стали классиками юридической науки Югославии.

И только в начале XXI века на постсоветском пространстве произошло возрождение интереса к проблеме изучения истории государства и права средневековой Сербии. Белорусский исследователь средневекового права Сербии, докторант профессора Т.И. Довнар, Ермолович В.И. провел анализ правовой системы средневековой Сербии. Он исследовал процесс становления институтов гражданского, уголовного и процессуального права средневековой Сербии на основе норм обычного права славянских народов, законодательных актов средневекового сербского государства, а также римского и восточноримского частного права [12 – 14]. По данной научной проблеме им опубликовано более 100 научных работ, в т.ч. 2 монографии «Право средневековой Сербии (XII – XV вв.)» (Минск, 2003) и «Основные институты гражданского права средневековой Сербии и стран континентальной Европы (X – XV вв.)» (Минск, 2021).

В.И. Ермолович пришел к выводу, что право средневековой Сербии являлось одной из наиболее передовых и совершенных правовых систем в странах средневековой Европы в X – XV вв. [14, с.259]. Кроме того, он в своих работах значительное внимание уделил вопросу влияния римского и восточноримского частного права на формирование правовой системы средневековой Сербии периода раннего средневековья. При этом отмечая, что с XIII в. основными источниками законодательства сербского государства стали отечественные источники права Сербии, т.к.

«Законник Святого Саввы Неманича» (1219 г.) и «Законник Стефана Душана» (1349 г.) [12, с.73 – 74].

Значительный вклад в процесс современного изучения средневекового права Сербии внес российский исследователь А.В. Серёгин. Данный вопрос исследован указанным автором в ряде его монографий и научных статей [15 – 17]. В монографии «Государство и право южных и западных славян в средневековой Европе», посвященной проблемам становления и развития средневекового права Сербии, А.В. Серегин согласился с мнением В.И. Ермоловича, что древнее сербское право «представляло собой не только типичную, но и одну из наиболее передовых правовых систем средневековой Европы» [15, с.181]. Вместе с тем, он считал, что законодательство средневековой Сербии базировалось на нормах обычного права и актах центральной власти страны [15, с.167], не учитывая при этом влияния норм римского частного права. Данную точку зрения он пересмотрел несколько лет спустя, когда работал над написанием коллективной монографии «Эволюция семейного права славянских народов (сравнительно-правовой анализ)» (М., 2017). Анализируя брачно-семейное право средневековой Сербии в указанной работе, им было выявлено множество заимствований из римского частного права и восточно-римского права [16, с.17 – 32].

Уже в последующих его научных работах основным положением стал вывод, о том, что сербское средневековое право развивалось под влиянием двух юридических начал: славянского обычая и древнеримского закона в поздней византийской трактовке. Это положение впервые нашло свое отражение в монографии Серегина А.В. «Эволюция древнеславянского права» [17, с.127]. Кроме того, Серегин А.В. в указанной монографии провел сравнительно-правовой анализ не только средневекового сербского права, но и древнеславянского законодательства, которое, по его мнению, превосходит западноевропейские аналоги по уровню юридической техники, гуманности и соответственно – правосознания народа.

Таким образом, в российской и белорусской юридической историографии в XIX – XXI вв. проведен комплексный анализ истории становления и развития права средневековой Сербии. Исследованы общие и особенные черты средневекового права Сербии в X – XV вв., которые позволяют сделать вывод, что ряд норм права средневековой Сербии были реципированы в юридическую практику многих славянских стран эпохи Средневековья, в том числе Великой Моравии, Киевской Руси, Великого княжества Литовского и Русского, Московского и Болгарского государств.

Библиографические ссылки

1. Майковъ, А.А. О земельной собственности въ древней Сербіи / А.А. Майковъ. – М.: Московскій университетъ, 1860. – 30 с.
2. Майковъ, А.А. О пронии в древней Сербіи / А.А. Майковъ // Чтенія въ Императорском обществѣ истории и древностей российских при Московском университете. – Вып.1. – М.: Московскій университетъ, 1868. – С. 227 – 232.
3. Мајков, А.А. Баштина у старих Срба / А.А. Мајков; с руског превео М.П. Шапчанин // Гласник Српског друштва. – Бр.23. – 1868. – С. 1 – 47.
4. Макушевъ, В.В. О прониі въ древней Сербіи / В.В. Макушевъ // Журнал Министерства народнаго просвещенія. – 1874. – №175. – С. 1 – 20.
5. Зигель, Ф. Законник Стефана Душана / Ф. Зигель. – СПб. : Тип. Т-ва «Обществ. польза», 1872. – Вып. 1. – VI, 220, 152 с.
6. Флоринский, Т.Д. Памятники законодательной деятельности Душана, царя сербов и греков: Хрисовулы. Сербский законник. Сборники византийских законов / Т. Д. Флоринский. – Киев : Тип. Императ. ун-та св. Владимира, 1888. – 767 с.
7. Новаковић, С. Римско-византијско право и народни правни обичаји: право првенства рођака или суседа при куповини земље (jus protimiseos) / С. Новаковић // Годишњица Николе Чупића. – 1887. – № 9. – С. 214–234.
8. Мијушковић, Д. Систем Душанова законика / Д. Мијушковић // Српски преглед. – 1895. - №4. – С. 115 – 122.
9. Мијушковић, Д. Систем Душанова законика / Д. Мијушковић // Српски преглед. – 1895. - №5. – С. 145 – 151.
10. Мијушковић, Д. Систем Душанова законика / Д. Мијушковић // Српски преглед. – 1895. - №6. – С. 176 – 181.
11. Новаковић, С. Законик Стефана Душана цара српског: 1349 и 1354 / С. Новаковић. – Изд. ново и објаснио. – Београд: Државна штампариј, 1898. – 312 с.
12. Ермолович, В.И. Право средневековой Сербии (XII – XV вв.): монография / В.И. Ермолович. – Минск: БГЭУ, 2003. – 120 с.
13. Ермолович, В.И. Основные институты уголовного права средневековой Сербии и Киевской Руси / В.И. Ермолович // Веснік БДЭУ. – 2019. – № 2. – С. 61 – 69.
14. Ермолович, В.И. Основные институты гражданского права средневековой Сербии и стран континентальной Европы (X – XV вв.): монография / В.И. Ермолович. – Минск: БГЭУ, 2021. – 301 с.

15. Серегин, А.В. Государство и право южных и западных славян в средневековой Европе: монография / А.В. Серегин. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 320 с.

16. Серегин, А.В. Эволюция семейного права славянских народов (сравнительно-правовой анализ) / А.В. Серегин, Е.И. Гончаров, М.Е. Родина. – М.: ВГУЮ, 2017. – 169 с.

17. Серегин, А.В. Эволюция древнеславянского права (эпоха Средневековья): монография / А.В. Серегин. – М.: ИНФРА – М, 2018. – 324 с.

НОВЫЙ СУБЪЕКТ ПРАВООБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Т.В. Иванова

Старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права,
Белорусский государственный университет, юридический факультет,
г. Минск, Республика Беларусь

У артыкуле аналізуецца роля Усебеларускага народнага сходу ў праваўтварэнні і праватворчасці. Вызначаюцца паняцці “праваўтварэнне” і “праватворчасць”. Адзначаецца, што Усебеларускі народны сход стаў не толькі найважнейшым прававым інстытутам і стержневым механізмам народаўладдзя, але і важным суб’ектам праватворчасці.

В статье анализируется роль Всебелорусского народного собрания в правообразовании и правотворчестве. Определяется значение понятий «правообразование» и «правотворчество». Отмечается, что Всебелорусское народное собрание стало не только важнейшим правовым институтом и стержневым механизмом народовластия, но и важным субъектом правотворчества.

The article analyzes the role of the All-Belarusian National Assembly in lawformation and lawmaking. The meaning of the concepts of "lawformation" and "lawmaking" is determined. It is noted that the All-Belarusian People's Assembly has become not only the most important legal institution and the core mechanism of democracy, but also an important subject of law-making.

Ключавыя словы: Усебеларускі народны сход, праваўтварэнне, праватворчасць.

Ключевые слова: Всебелорусское народное собрание, правообразование, правотворчество.

Keywords: All-Belarusian National Assembly, lawformation, lawmaking.

Проблема правообразования постоянно была в поле зрения ученых, однако в настоящее время с целью развития национальной правовой доктрины требуется переосмысливание ряда вопросов и уточнения теоретических формулировок в этой сфере. На наш взгляд, правообразование – это постоянный процесс, в котором участвуют различные факторы (источники права) – субъективные и объективные явления (потребности общества в нормативном регулировании, условия жизни, неупорядоченность определенных сфер общественных отношений, идеи субъектов правообразования) и в ходе которого создаются предпосылки и условия для возникновения норм права.

Правообразование непосредственно связано и взаимозависимо от типа правопонимания, господствующего в той или иной правовой семье. При всем многообразии научных школ и подходов к правопониманию в Республике Беларусь характерен позитивистский, и даже нормотивистский, подход, о чем свидетельствует в первую очередь Закон о нормативных правовых актах. При этом, несмотря на множество концепций правопонимания, для нас право представляется как многогранное явление, характеризующееся в нескольких измерениях: нормативном, ценностном и фактическом. Право необходимо воспринимать не только как инструмент, чисто нормативную систему, но и как ценность. Важна и его нравственная составляющая [4].

В целом поддерживая позицию белорусских ученых, мы ставим в основу современного правопонимания как научной категории процесс и результат целенаправленной деятельности человека, включающий в себя познание права, его восприятие (оценку) и отношение к нему как к целостному социальному явлению.

Подчеркнем, что в ходе правообразования создаются предпосылки и условия для возникновения норм права, правотворчества, процесса толкования законодательства как деятельности уполномоченных субъектов по разъяснению или уточнению юридического смысла актов законодательства, раскрытию содержания нормативных правовых предписаний, определению места толкуемого акта в системе нормативных правовых актов, выявлению функциональных и иных связей этих предписаний с другими нормативными правовыми предписаниями, регулирующими различные стороны одного и того же вида общественных отношений, нормотворчества как государственно-властной деятельности, касающейся такой формы права как нормативный правовой акт, по

планированию, реализации нормотворческой инициативы, подготовке, проведению экспертиз, принятию (изданию), официальному опубликованию, изменению, официальному толкованию, приостановлению, возобновлению, продлению и прекращению действия нормативных правовых актов, нормотворческого процесса как процедуры осуществления нормотворческой деятельности [4].

В конце XX ст. Указом Президента Республики Беларусь «О созыве Всебелорусского народного собрания» от 29 августа 1996 г. в нашей республике появился новый политико-правовой институт. Проходившее 19-20 октября 1996 года Всебелорусское народное собрание (далее - Собрание, ВНС) одобрило в целом основные направления социально-экономического развития Беларуси на 1996-2000 годы и предложенные Президентом изменения и дополнения в Конституцию.

На первом Собрание приняло участие около пяти тысяч делегатов, во втором их число составило около 2500 делегатов и в последующем оно практически не изменялась. При этом отметим, что в первых двух указах Президента Республики Беларусь говорилось только о численности участников собрания, а в последующих – предусматривалась процедура выборов делегатов. На первых двух собраниях делегаты избирались открытым голосованием от рабочих коллективов, по месту учебы, по месту жительства. В последующем Всебелорусское народное собрание формировалось в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь.

В связи с возникновением и деятельностью Всебелорусского народного собрания ученые обратили внимание на схожесть этого нового для Республики Беларусь политико-правового института с древним народным вече, подчеркивая, что истоки этой новой формы народовластия идут из глубины веков, со времен славянского народного вече, когда гласно и открыто обсуждались, решались важнейшие государственные дела. Еще в VI в. византийский историк Прокопий Кессарийский (490-565 гг.) отмечал в своих трудах о существовании у славян такой формы управления как общие собрания [2, с.73].

Собираясь на эти народные собрания (вече, соймы, купы и т.д.) свободные люди согласно обычаев определяли направления жизни всего социума.

Ученые подчеркивают, что вечевые собрания свободных людей как наиболее древние органы государственной власти, существовавшие почти во всех славянских государствах, в том числе в новгородцев, смолян, киевлян, полочан и др., сосредоточивали в себе правотворческую, административную и судебную власти [5, с.64].

С возникновением древних государств в Восточной Европе вместе с институтом народоправства формируются органы власти. Ученые отмечали, что в своем большинстве эти княжества не приобрели завершенного монархического устройства и на протяжении своего существования имели склонность к народовластию. На основе обычного права и общинного способа хозяйствования у них сложилась довольно устойчивая система публичной власти, основными элементами которой выступали институты непосредственной демократии и общинно-вечевого самоуправления в городах и сельской местности. По-прежнему основным субъектом правотворчества оставался народ, который собирался на вече для решения важных государственных дел (вопросов войны и мира, избрания князей, установления налогов и др.) [3, с. 19-24].

В современный период Всебелорусское народное собрание, восприняв традиции народного вече, стало уже традиционным демократическим институтом активизации общественного мнения и одной из важнейших и особых форм народовластия в Республике Беларусь. Ученые подчеркивают, что ВНС – это оптимальное сочетание практического опыта и современных принципов народовластия, ибо любые перемены в политической системе Республики Беларусь как демократического государства производиться только по воле народа [2, с.73].

ВНС позволяет гражданам страны на практике реализовывать свое право участия в делах государства. Такая уникальная форма народовластия органично вписывается в политическую систему Белорусского государства, так как главное предназначение собраний – обсуждение важнейших вопросов государственной и общественной жизни, выработка планов социально-экономического развития страны на перспективу [2, с.73].

В настоящее время в Республике Беларусь был проведен уже ряд таких собраний, правовой основой которых явились установления статьи 3 Конституции Республики Беларусь (во всех редакциях), которая гласит: «Единственным источником государственной власти в Республике Беларусь является народ» (Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 1999. – № 1. – 1/0; 2004. – № 188. – 1/6032; Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 14.10.2021. – 2/2844; 04.03.2022. – 1/ 20213). На каждом из них определялись Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на ближайшие пять лет, подводились итоги развития государства за предыдущие пятилетие, а также обсуждались наиболее актуальные в тот период политические и социально-экономические вопросы и определялись стратегические задачи на будущее. Так, на Всебелорусском народном собрании, которое

состоялось 11-12 февраля 2021 г., подводя итоги предыдущей программы социально-экономического развития, была принята новая программа с определением главной цели на текущие пять лет – повышение качества жизни людей на основе роста конкурентоспособности экономики и инновационного развития. Собрание прошло под лозунгом «Вместе – за сильную и процветающую Беларусь!».

Особо важным для данного Собрания стала высказанная идея о придании Всебелорусскому народному собранию статуса конституционного органа. В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 20 января 2022 г. № 14 на 27 февраля 2022 г. был назначен республиканский референдум, на который был вынесен следующий вопрос: «Принимаете ли Вы изменения и дополнения Конституции Республики Беларусь?» (Нац. правовой Интернетпортал Респ. Беларусь. – 21.01. 2022. – 1/20125). В результате проведенного референдума за принятие решения о внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь проголосовало 65, 16 % избирателей, внесенных в списки для голосования. В тексте Конституции Республики Беларусь в редакции республиканского референдума от 27 февраля 2022 г. появилась новая глава «Всебелорусское народное собрание», которая устанавливает компетенцию данного органа. В статье 89¹ указанной главы Основного Закона сформулировано определение ВНС: «Всебелорусское народное собрание – высший представительный орган народовластия Республики Беларусь, определяющий стратегические направления развития общества и государства, обеспечивающий незыблемость конституционного строя, преемственность поколений и гражданское согласие».

Таким образом, соответственно Конституции Республики Беларусь некоторые права и полномочия, ранее принадлежавшие Президенту и палатам Национального Собрания, были переданы новому государственному органу — Всебелорусскому народному собранию. В новой редакции Конституции Республики Беларусь от 2022 года можно заметить, что Всебелорусское народное собрание, как представительный орган народовластия, стоит выше Национального Собрания, но ниже Президента Республики Беларусь в иерархии власти. В результате появления нового конституционного органа власти основная функция Национального Собрания в государственном управлении Республики Беларусь заключается в создании и одобрении законов, а также в даче согласия и проведении заслушиваний отчетов некоторых лиц, назначенных на государственные должности. Новые поправки также привели к потере Советом Республики Национального Собрания права самостоятельно назначать судей Конституционного Суда и членов

Центральной избирательной комиссии, а также лишилась права давать согласие на назначение Президентом Председателей Конституционного Суда и Верховного Суда, поскольку эти полномочия передались Всебелорусскому народному собранию.

Одним из важных изменений в связи с принятием новых поправок к действующей Конституции явилась утрата палатами Национального Собрания возможности выдвижения обвинений против Президента Республики Беларусь и рассмотрения его смещения с занимаемой им должности, так как право инициирования и проведения импичмента было передано Всебелорусскому народному собранию [1]. В целом новые поправки в Конституцию Республики Беларусь значительно повлияли на конституционно-правовой статус Президента: возвращение ограничения на занятие должности Президента более двух сроков, которое не будет применяться к действующему Президенту Республики Беларусь по причине его действия до внесения поправок [1]; изменения в полномочиях Президента Республики Беларусь, особенно в отношении его кадровых полномочий и др.

При всей дискуссионности некоторых вопросов, касаемых компетенции Всебелорусского народного собрания, мы поддерживаем позицию тех ученых (например, Г.А. Василевича) которые писали о Всебелорусском народном собрании как о высшем нормотворческом органе: «Оно является не только высшим коллегиальным представительным, но и высшим нормотворческим органом, так как его акты по юридической силе выше даже законов. Данное суждение следует из того, что решения Всебелорусского народного собрания являются обязательными для исполнения и могут отменять правовые акты, иные решения государственных органов и должностных лиц, противоречащие интересам национальной безопасности, за исключением актов судебной власти» [1].

В целом, Всебелорусское народное собрание стало не только важнейшим правовым институтом в структуре белорусской модели демократии и стержневым механизмом народовласти, но и фактически, согласно изменениям и дополнениям Конституции Республики Беларусь по итогам Решения республиканского референдума 27.02.2022 года, в системе государственных органов Республики Беларусь появился еще один, особо важный субъект правотворчества.

Библиографические ссылки

1. Василевич, Г.А. О некоторых предложениях к проекту закона о Всебелорусском народном собрании/ Г.А. Василевич // Конституционное право в условиях цифровизации: проблемы науки и образования (к 30-

летию образования кафедры конституционного и международного права) : тез. докл. респ. науч.-практ. конф. (Минск, 27 мая 2022 г.) / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; [редкол.: П. В. Грідюшко (отв. ред.) и др.]. – Минск, 2022. – С. 13–16.

2. Демичев, Д.М. Всебелорусское народное собрание — новый конституционный орган Республики Беларусь / Д.М. Демичев // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – № 10. – С. 73–77.

3. Доўнар, Т. І. Праватворчасць у Беларусі ў старажытны перыяд / Т.І.Доўнар // Юридическая наука и практика: наследие, состояние и перспективы развития : сб. науч.ст.: в 2 ч. Ч. 1 / ГрГУ им. Я.Купалы; редкол.: С.Е. Чебуранова (гл.ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2018. – С. 19–24.

4. Иванова, Т.В. Степан Григорьевич Дробязко о закономерностях и детерминантах в праве / Т.В. Иванова // Закономерности развития государства и права в контексте современного правопонимания : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ.100-летию со дня рождения заслуж. юриста Респ. Беларусь, д-ра юрид.наук, проф. С. Г. Дробязко, Минск, 23–24 сент. 2022 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: А. В. Шидловский (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2022. – С.115–121.

5. Юхо, Я.А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі / Я.А. Юхо. – Мінск: “Універсітэцкае”. – 270 с.

ЗАЩИТА ПРАВ ЖЕНЩИН: ИСТОРИЯ ВОПРОСА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЧАСТНОГО ПРАВА БЕЛАРУСИ

Т.П. Иванова

Доцент кафедры правоведения и социально-гуманитарных дисциплин,
кандидат исторических наук, доцент,
Витебский филиал Международного университета «МИТСО»,
г. Витебск, Республика Беларусь

А.В. Метелица

Магистрант кафедры правоведения и
социально-гуманитарных дисциплин
Витебский филиал Международного университета «МИТСО»,
г. Витебск, Республика Беларусь

Разглядаецца эвалюцыя сямейных адносін на беларускіх землях, пачынаючы са старажытнарускага перыяду да сучаснасці, прававая рэгламентацыя адносін. Звернута ўвага на прававыя нормы, якія абараняюць інтарэсы жанчын.

Рассматривается эволюция семейных отношений на белорусских землях, начиная с древнерусского периода до современности, правовая регламентация отношений. Обращено внимание на правовые нормы, защищающие интересы женщин.

The evolution of family relations in the Belarusian lands from the ancient Russian period to the present and the legal regulation of relations are considered. Attention is drawn to legal norms that protect women's interests.

Ключавыя словы: абарона правоў жанчын; абарона ад гвалту; шлюбна-сямейнае рэгуляванне; заканадаўства аб шлюбе і сям'і.

Ключевые слова: защита прав женщин; защита от насилия; брачно-семейное регулирование; законодательство о браке и семье.

Keywords: protection of women's rights; protection from violence; marriage and family regulation; legislation on marriage and family.

История государства и права Беларуси как наука позволяет проследить историю становления гендерных отношений на белорусских землях, защиту статуса и прав женщины.

В период древних белорусских княжеств личные отношения в семье строились на подчинении жены мужу. Муж считался главой семьи; в соответствии с нормами древнего права женщины пользовались определенными правами и уважением. Так, за преступления, совершенные против женщины, виновный нес наказание в двойном размере. Жестоко наказывались аморальные проступки. Принятие христианства отразилось на всех сторонах жизни общества, в том числе и на семейном праве. Члены семьи, в первую очередь женщины, пользовались покровительством Церкви. Обручение считалось нерасторжимым [2, с. 28]. Так, «Мстиславская правда» (или торговый договор 1229 года) содержала ряд статей (статьи 12, 13), защищавших женщин от насилия, в частности, приезжих немецких купцов [3, с. 16].

Также «Русская правда», нормы которой распространялись и на белорусские земли, содержала перечень уголовных преступлений против личности, к которым относились убийство, телесные повреждения, поби.

Как и во всех других феодальных государствах, правоспособность жителей на белорусских землях в составе Великого Княжества Литовского (далее - ВКЛ) не была одинаковой. Она определялась сословной, национальной, религиозной принадлежностью, не была одинаковой у представителей одного и того же сословия. Преступления против личности влекли за собой возникновение обязательственных правоотношений: лицо, виновное в лишении жизни, причинении вреда здоровью, оскорблении чести и достоинства другого лица, обязано было

за это заплатить. Предусматривалась выплата компенсаций за совершение преступлений против здоровья и чести женщины. В феодальном обществе было распространено мнение, что материальная обеспеченность женщины зависит в большей степени от замужества, а тень на ее репутации от совершения надругательства над нею, похищения и тому подобного, значительно мешает удачному замужеству. Женщина не имела права выступать в суде, за нее это делал муж или опекун.

На основе анализа норм Статутов ВКЛ 1529, 1566 и 1588 годов можно утверждать, что права субъектов брачно-семейных отношений расширялись, а роль светского права и светской власти в регулировании этих отношений возрастала. Именно Статут 1588 года принято считать краеугольным камнем белорусского законодательства и законодательства близлежащих европейских государств [16]. Параллельно развивалось брачно-семейное право, которое охватывало большое количество институтов (собственность, наследство, имущественные права женщин) [5; 7; 8].

Отличительной особенностью Статута ВКЛ 1529 года была конституционная направленность не только в области закрепления основ государственно-политического строя державы, ее суверенитета, но и в области прав и свобод ее граждан. Артикул 31 третьего раздела Статута ВКЛ 1566 года закреплял право женщин «всякого иного стану» выходить замуж по собственному желанию, без принуждения выбирать свой личный круг общения. Исследователи указывают на формирование принципа неприкосновенности личности [12]. Согласно статье 13 раздела 11 Статута 1588 года запрещалось насильно брать в жены «девки, вдовы и невесты» [3, с. 148]. Право ВКЛ предоставляло возможность развода [4, с. 100].

В системе гражданского и брачно-семейного регулирования значительное место отводилось опекунскому праву. Опека осуществлялась над несовершеннолетними и их имуществом. По закону опекуном могли быть ближайшие родственники, но по завещанию родителей или решению суда и посторонние лица могли быть назначены опекунами. Женщина, независимо от своего возраста и семейного статуса, согласно нормам Статутов, должна была иметь опекуна. Была распространена практика, когда умирающий шляхтич «завещал» остающуюся в одиночестве жену, дочь или сестру кому-либо из своих родственников или даже другу или соседу. Подчас между опекунами разворачивалась настоящая борьба за подопечную, вплоть до ее похищения [1, с. 136].

Основной обязанностью опекуна было представление и защита интересов шляхтянки, а также распоряжение ее имуществом. Институт опеки рассматривают и как фактор, ограничивающий шляхтянок в правах. Целый ряд таких источников, как судебные иски, акты записей имущества, завещания, показывают, что женщины зачастую вступали в борьбу со своими опекунами. Известны случаи обращения их к властям с заявлениями против тех или иных действий опекунов.

На протяжении XVI-XVIII вв. значительно меняется статус женщин-шляхтянок, которые получают определенную свободу в семейных и хозяйственных отношениях. Некоторые из них выступают истцами в судебных делах, особенно с целью защиты собственной чести [7, с. 51].

На белорусских землях в составе Российской империи объем правоспособности граждан определялся в «Законах о состояниях» (т. IX Свода Законов Российской империи)). Понятие «прав состояния» определяло правовой статус подданного, зависевший, в том числе, и от сословной принадлежности. До 14 лет лицо считалось малолетним, с 14 до 16 – несовершеннолетним. До 16 лет девушка не могла выйти замуж, полная дееспособность наступала только в 21 год. Определялись также права женщин в браке, после развода, при объявлении брака недействительным. В соответствии с личными правами мужа, жена должна была следовать за ним при перемене места жительства, например, при переводе мужа по службе в другую губернию.

Соответственно российского законодательства начала XX ст. женщина была частично защищена в гражданских правах, могла получить отдельный вид на жительство (с 1914 г.), приобрести, владеть и пользоваться имуществом [15].

В советский период Декрет от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и ведении книг актов гражданского состояния» устанавливал гражданский брак, регистрируемый в соответствующих государственных органах. Запрещались только браки между родителями и детьми, братьями и сестрами. В соответствии с декретом «О расторжении брака» развод оформлялся с обоюдного согласия супругов на основе их заявления в органы ЗАГС. Становление советской семьи проходило в остром противоборстве с Церковью. Проходивший в августе-сентябре 1918 года Священный Собор осудил свободу развода и гражданский брак [7, с. 226].

В Западной области (белорусские губернии в составе РСФСР) действовал принятый в сентябре 1918 г. специальный Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. Основные положения Кодекса: 1) церковный брак не порождает никаких юридических последствий; 2) уравнивались права полов; 3) отменялся

принцип общности имущества супругов; 4) устанавливался принцип раздельности имущества родителей и детей; 5) запрещалось усыновление; 6) воспитание детей – общественная обязанность родителей, а не их частное дело [9]. Кодекс 1918 года распространил на всех граждан принципы единобрачия, равенства мужчины и женщины. Устранялись такие препятствия вступления в брак, как разная вера, монашество, обет безбрачия [10; 7, с. 226].

Следует заметить, что равенство в правах мужчин и женщин РСФСР было объявлено практически сразу после революционных событий 1917 года, в то время, как в западных странах это было осуществлено во второй половине XX века.

К концу 1920-х годов БССР приобретает свой законодательный опыт. Так, наряду с другими кодексами был принят Кодекс законов о браке, семье, опеке (1927 г.) [11].

Значительные изменения в семейное законодательство внес Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июня 1944 года, который упростил порядок развода по причине без вести пропавшего супруга (супруги) [7, с. 338].

Принимались меры по укреплению статуса женщин и семьи в послевоенный период [6]. По Постановлению Пленума Верховного Совета СССР от 7 мая 1954 года факт нахождения в фактических брачных отношениях необходимо было подтверждать через суд, как и развод [7, с. 266]. Из Уголовного кодекса БССР 1960 года был исключен ряд составов преступлений, в том числе принуждение к аборт [7, с. 358].

Во второй половине XX ст. принимается Кодекс БССР о браке и семье 1969 года, в котором судебный порядок расторжения брака был сохранен, женщины и мужчины имели равные права в этом отношении. Основаниями для развода через органы ЗАГС были определены: взаимное согласие на развод мужа и жены, не имеющих несовершеннолетних детей; отсутствие без вестей или недееспособность мужа или жены; осуждение за уголовное преступление мужа или жены на срок не менее 3 лет. Появилась норма, по которой муж без согласия жены не мог возбудить дело о прекращении брака в период ее беременности и на протяжении года после рождения ребенка [14; 7, с. 368].

В развитии права конца XX ст. можно выделить три тенденции: 1) интенсивное обновление текущего законодательства с целью его приспособления к новым условиям социально-экономической и политической жизни республики; 2) кодификация права; 3) приведение норм национального права в соответствие с нормами международного права. Новый Кодекс о браке и семье вступил в действие в 1999 г., в 2000-

е годы в него вводятся новации. Так, дополнением в ст. 14 стало закрепление права лиц, вступающих в брак, пройти бесплатное медицинское обследование в организациях здравоохранения в целях определения состояния их здоровья и выявления наследственных заболеваний. Порядок такого обследования установлен постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 14 сентября 2006 г. № 40. Также была установлена возможность заключения брака в день подачи заявления при наличии особых обстоятельств (беременность, рождение ребенка, непосредственная угроза для жизни лица, вступающего в брак, и другие особые обстоятельства). По заявлению лиц, вступающих в брак, заключение брака могло производиться по месту проживания одного из них, по месту предоставления стационарной медицинской помощи или в другом месте, если они не могут по уважительным причинам прибыть в орган ЗАГС.

Разрешая коллизию личных неимущественных прав родителей и детей, было установлено, что разрешения родителей несовершеннолетних на их вступление в брак не требуется (ч. 3 ст. 18 КоБС). Снижение брачного возраста производится органом ЗАГС по заявлению лиц, вступающих в брак. Суды не вправе принимать к рассмотрению иски о расторжении брака между иностранными гражданами. Согласно ч. 2 ст. 231 КоБС в редакции Закона, расторжение браков иностранных граждан между собой в Республике Беларусь производится в дипломатических представительствах и консульских учреждениях иностранных государств. Для браков граждан Республики Беларусь с иностранными гражданами или лицами без гражданства сохранен прежний порядок их расторжения: в Республике Беларусь расторжение таких браков производится по белорусскому законодательству.

Данные положения были ориентированы на правовые механизмы, направленные на гуманизацию брачно-семейного законодательства.

Дальнейшие изменения в брачно-семейное законодательство внесены Законом Республики Беларусь от 17 июля 2023 г. № 300-З. В 2024 году внесены поправки в законодательство по регулированию брачных и семейных отношений [13].

Отметим, что в трудовом законодательстве в 2000-е годы уменьшился перечень профессий и работ, запрещаемых для женщин.

В настоящее время в Республике Беларусь действует многосторонняя система правовой поддержки института семьи, женщин–матерей. Накануне Международного дня защиты детей (1 июня) в Беларуси ежегодно проходит вручение орденов Матери многодетным семьям. За последние 10 лет на 11 % сократилось число разводов.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. На протяжении IX–XXI вв. в каждом историческом периоде в белорусском обществе наблюдалась специфика в социальном положении женщины, степени обеспечения и защиты ее прав.

2. Можно утверждать о постепенной динамике относительно стабилизации и улучшения положения женщин.

3. Равенство в правах мужчин и женщин объявлено на белорусских землях составе Советской России в начале XX века.

3. В Республике Беларусь имеются не только существенные гарантии защиты прав женщин, но и потенциальные возможности для изыскания новых форм укрепления статуса семьи и положения женщины.

Библиографические ссылки

1. Аляхновіч, Р. Праваздольнасць жанчын у Вялікім княстве Літоўскім у XVI ст. на прыкладзе жыцця і дзейнасці пані Літаворскай /Р. Аляхновіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 2011. – № 4. – С. 22-27.

2. Аргучинцев, Г.К. История государства и права Республики Беларусь: в вопросах и ответах / Г.К. Аргучинцев. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск: Амалфея, 2017. – 216 с.

3. Вішнеўскі, А.Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах (са стараж. гадоў да нашых дзён): Вучэб. дапам. / А. Ф. Вішнеўскі, І.А. Юхо. – 2-е выд., дап. – Мінск: Акад. МУС Рэсп. Беларусь, 2003. – 320 с.

4. Вішнеўскі, А.Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі /А.Ф. Вішнеўскі. – Мінск: Веды. – 2003. – С. 16-34.

5. Голубева, А.И. Некоторые вопросы рассмотрения дел о расторжении брака в судах Белорусской ССР в XX столетии / А.И. Голубева // Право. by. – 2018. – № 1(51). – С. 12 –17.

6. Дзёрбіна, Г. Права і сям’я ў Беларусі эпохі Рэнесансу / Г. Дзёрбіна. – Мінск: Тэхналогія, 1997. – 175 с.

7. Довнар, Т.И. История государства и права Беларуси: учеб. пособие / Т.И. Довнар, Е.И. Орловская. – 2-е изд. – Минск: Изд. центр БГУ, 2020. – 191с.

8. Доўнар, Т.І. Развіццё асноўных інстытутаў грамадзянскага і крымінальнага права Беларусі ў XV-XVI ст.ст./ Т.І. Доўнар. – Минск: Пропілея, 2000. – 224 с.

9. Иванова, Т.П. К вопросу о семейно-брачном законодательстве первых лет советской власти / Т. П. Иванова // XXV открытая научная сессия профессорско-преподавательского состава: сборник докладов /

Витеб. филиал Междунар. ун-та «МИТСО»; редкол.: А. Л. Дединкин (гл. ред.) [и др.]. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2022. – С. 23–25.

10. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве: принят ВЦИК, 16 сент. 1918 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьян. Правительства. – 1918. – Отд. 1. – № 76–77. – Ст. 818.

11. О введении в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке: постановление ЦИК Белорус. ССР, 27 янв. 1927 г. // Собр. законов и распоряжений Рабоче-крестьян. правительства Белорус. Социалист. Совет. Респ. – 1927. – Отд. 1. – № 7. – Ст. 26.

12. Кунец, А.Г. Историко-правовые аспекты конституционализации права на личную жизнь в Беларуси (1434-1990 гг.) /А.Г. Кунец //Право.ву – 2020. – № 2 (64). – С. 28-33.

13. Кодекс о браке и семье Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 9 июля 1999 г. № 278-З: принят Палатой представителей 3 июня 1999 г.: одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г.: с изм. и доп. от 8 июля 2024 г. № 26-З //Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 10.07.2024, 2/3110.

14. Об утверждении Кодекса о браке и семье Белорусской ССР : Закон Белорус. ССР, 13 июня 1969 г. // Собр. законов, указов Президиума Верхов. Совета Белорус. ССР, постановлений и распоряжений Совета Министров Белорус. ССР. – 1969. – № 17. – Ст. 278.

15. Помалейко, О.Л. Характерные особенности правового положения женщин Беларуси в браке в начале XX в. /О.Л. Помалейко // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2008. – № 1. – С. 27-31.

16. Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588 г. / Перакл. на бел. мову А.С. Шагун. – Мінск: Беларусь, 2002. – 207 с.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ

А. И. Иванцова

Ад'юнкт, навучна-педагагічны факультэт,
Акадэмія Міністэрства ўнутраных дел Рэспублікі Беларусь,
г. Мінск, Рэспубліка Беларусь

У артыкуле разглядаецца парадак фарміравання прававога інстытута асаблівых (надзвычайных) прававых рэжымаў у міжнародным праве. Аналізуецца асноўныя патрабаванні да ўвядзення надзвычайнага і ваеннага становішча, якія змяшчаюцца ў міжнародна-прававых нормах, праводзіцца іх параўнальны аналіз з нацыянальным заканадаўствам Рэспублікі Беларусь.

В статье рассматривается порядок формирования правового института особых (чрезвычайных) правовых режимов в международном праве. Анализируются основные требования к введению чрезвычайного и военного положения, содержащиеся в международно-правовых нормах, проводится их сравнительный анализ с национальным законодательством Республики Беларусь.

The article examines the procedure for the formation of the legal institution of special (extraordinary) legal regimes in international law. The basic requirements for the introduction of a state of emergency and martial law, contained in international legal norms, are analyzed, and their comparative analysis is carried out with the national legislation of the Republic of Belarus.

Ключавыя словы: надзвычайнае становішча; ваеннае становішча; правы і свабоды; абмежаванне правоў.

Ключевые слова: чрезвычайное положение; военное положение; международное право; права и свободы человека.

Keywords: state of emergency; martial law; rights and freedom; restriction of right; international law.

В национальном законодательстве большинства государств мира предусмотрен правовой институт чрезвычайных правовых режимов (далее – ЧПР), выполняющих важную роль в обеспечении национальной безопасности, правопорядка прав и свобод человека. ЧПР представляют собой совокупность правовых режимов, которые могут быть временно введены на территории государства или его отдельных местностях в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств, угрожающих безопасности жизни и здоровью населения, территориальной целостности и существованию государства. На международном уровне механизм реагирования на чрезвычайные обстоятельства при определенных условиях вводится в действие через процедуру отступления от некоторых взятых обязательств в рамках заключенных международных договоров.

Впервые правовой институт ЧПР закреплён в нормах международного права в ноябре 1950 г. с принятием Конвенции о защите прав человека и основных свобод (заключена 4 ноября 1950 г. в г. Рим). В соответствии со ст. 15 Конвенции «в случае войны или при иных чрезвычайных обстоятельствах, угрожающих жизни нации любая из Высоких Договаривающихся Сторон может принимать меры в отступление от своих обязательств по настоящей Конвенции только в той степени, в которой это обусловлено чрезвычайностью обстоятельств при условии, что такие меры не противоречат другим ее обязательствам по международному праву». С принятием данного документа впервые был

закреплен перечень прав, не подлежащих ограничению при отступлении от обязательств, введено обязательное требование об информировании Генерального Секретаря Совета Европы.

Позднее правовой институт ЧПР подвергся расширенному правовому регулированию в нормах Международного пакта о гражданских и политических правах (принят Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 г.). Ст. 4 Пакта гласит: «Во время чрезвычайного положения в государстве, при котором жизнь нации находится под угрозой и о наличии которого официально объявляется, участвующие в настоящем Пакте Государства могут принимать меры в отступление от своих обязательств... только в такой степени, в какой это требуется остротой положения, при условии что такие меры не являются несовместимыми с их другими обязательствами по международному праву и не влекут за собой дискриминации исключительно на основе расы, цвета кожи, пола, языка, религии или социального происхождения». В соответствии с нормами Пакта чрезвычайное положение (далее – ЧП) названо условием для отступления стороной от принятых обязательств, закреплено требование о необходимости официального объявления об отступлении от обязательств по Пакту, определена их степень, расширен перечень прав и свобод, не подлежащих ограничению, указано на недопустимость дискриминации при применении чрезвычайных мер.

В литературе многими исследователями обращается внимание на проблему общего (лаконичного) формулирования терминов и норм о ЧПР в международном праве. В связи с этим высказывается мнение о необходимости их рассмотрения в совокупности с толкованием международных органов по защите прав человека и иными документами экспертного назначения, имеющими рекомендательный характер для государственных органов при возникновении чрезвычайных обстоятельств. Среди таковых наиболее часто упоминаются «Принципы защиты прав и свобод граждан в условиях действия чрезвычайного законодательства» [1], «Сиракузские принципы толкования ограничений и отступлений от положений Международного пакта о гражданских и политических правах» [2, с. 59–69]. В качестве наиболее полных и точных многими авторами предложено рассматривать «Минимальные стандарты норм об основных правах человека при исключительном положении» (далее – Минимальные стандарты) [3]. В связи с вышеизложенным с опорой на положения данного документа определим критерии соблюдения международных стандартов и сравним их с положениями национального законодательства.

1. В соответствии с первым выработанным требованием введение ЧП может быть оправдано лишь действительным наличием критической ситуации для государства или общества, угрожающей жизни нации. Данные правовые режимы в зависимости от обстановки должны быть официально объявлены на всей территории государства или ее части. Исходя из смысла международных документов и рекомендаций, подготовленных международными организациями для введения ЧПР в государстве должна наличествовать чрезвычайная ситуация, которая, во-первых, касается всего населения и всей или части территории государства и угрожает физической целостности населения, политической независимости или территориальной целостности государства либо существованию или нормальному функционированию институтов необходимых для обеспечения и защиты прав и свобод населения. Во-вторых, применение обычных мер или ограничений для поддержания общественной безопасности, здоровья и порядка должно быть недостаточным для ее урегулирования.

В Республике Беларусь базовый конституционный принцип, устанавливающий основания и условия ограничения прав и свобод личности, определен ч. 1 ст. 23 Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция): «Ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц». Указанное находит отражение в п. п. 22, 29 ст. 84 Конституции Республики Беларусь и конкретизируется в ст. 3 Закона Республики Беларусь от 24 июня 2002 г. № 117-З «О чрезвычайном положении» (далее – Закон «О чрезвычайном положении») и ст. 4 Закона Республики Беларусь от 13 января 2003 г. № 185-З «О военном положении» (далее – Закон «О военном положении»). Данные нормы содержат перечень фактических оснований введения ЧПР – обстоятельств чрезвычайного характера. При этом, полагаем, что определяющие критерии чрезвычайности обстоятельств, выступающих в качестве оснований для введения ЧП, закреплены в ч. 1 ст. 3 Закона «О чрезвычайном положении». Во-первых, они должны представлять непосредственную угрозу безопасности жизни и здоровья людей, территориальной целостности и существованию государства. Во-вторых, их устранение должно быть невозможным без применения чрезвычайных мер.

2. Следующее требование заключается в обязательном закреплении правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере ЧПР заранее, до их введения. Наличие и детальная проработанность законодательства о ЧП и ВП в условиях мирного

времени является одной из гарантий оперативной ликвидации возникшей для государства угрозы [4, с. 272]. В литературе определенную совокупность правовых актов, регулирующих общественные отношения в условиях наступления чрезвычайных обстоятельств принято обозначать термином «чрезвычайное законодательство». Последнее является частью системы белорусского законодательства и имеет исключительный характер, так как его «нормы вступают в силу в особых обстоятельствах, носят временный характер и реализуются в соответствии со строго определенными Конституцией и законами условиями при наличии конкретных оснований» [5, с. 7–8].

3. Анализируя следующий стандарт об обязательном определении в конституциях государств процедуры введения ЧП и законодательного контроля, следует отметить, что введение ЧПР исполнительной властью в наибольшей степени отвечает требованию об оперативном принятии чрезвычайных мер. Вместе с тем «законодательная власть должна четко регулировать объем исполнительных полномочий главы исполнительной власти ... законодатель может и должен четко регулировать объем дискреционных полномочий главы исполнительной власти, отменить или не продлить особое положение и, тем самым, жестко контролировать все допустимые методы чрезвычайного реагирования исполнительной власти на исключительные обстоятельства» [6, с. 110]. Весьма показателен в этом плане механизм введения ЧП и ВП в Республике Беларусь. В соответствии с п. п. 22, 29 ст. 84 Конституции решение Главы государства о введении ЧП или ВП подлежит обязательному утверждению Советом Республики Национального Собрания Республики Беларусь. Указ Президента, не одобренный большинством голосов от его полного состава, утрачивает силу. В результате принятия 27 февраля 2022 года решения республиканского референдума об изменении и дополнении Конституции конституционализирован статус Всебелорусского народного собрания. Последнее, как высший представительный орган народовластия, наделено конституционным полномочием по введению ЧП или ВП в случае возникновения конституционно установленных оснований и бездействия Президента по данному вопросу (п. 8 ст. 893 Конституции). Указанное свидетельствует о закреплении в национальном механизме введения ЧП и ВП существенной правовой гарантии, обеспечивающей оперативное и эффективное реагирование на угрозы национальной безопасности.

4. В качестве следующего условия введения ЧПР установлено требование об ограничении сроков введения ЧПР границами периода, строго требуемого для восстановления нормальной обстановки. Максимальный срок действия ЧП (исключая случаи военной агрессии)

должен быть узаконен конституцией. Указанное реализовано в отечественном законодательстве в ч. 1 ст. 9 Закона «О чрезвычайном положении». Так, если в течение установленного срока цели введения ЧП не были достигнуты, срок его действия может быть продлен с соблюдением установленных требований (ч. 2 ст. 9 Закона «О чрезвычайном положении»).

5. В соответствии с положениями Минимальных стандартов, законодательная власть должна в обязательном порядке наделяться правом аннулировать как решение о введении ЧП, так и изменить срок его действия. Каждое продление срока ЧП должно утверждаться органом законодательной власти и декларироваться до момента истечения первоначально определенного срока. В национальном законодательстве полномочие по обязательному утверждению указов Президента о введении ЧПР отнесено к компетенции Совета Республики Национального Собрания Республики Беларусь (п. п. 22, 29 ст. 84, п. 8 ст. 98 Конституции). В обеспечение данной правовой гарантии указано, что в период ЧПР законодательные функции должны оставаться нетронутыми независимо от применения ограничительных мер, проведение выборов должно быть отложено до нормализации обстановки и возможности организации выборов, согласно конституции. В Республике Беларусь данное требование реализуется путем закрепления в национальном законодательстве ряда правых гарантий обеспечения непрерывности действия и независимости органов законодательной власти в период ЧП и ВП, сохранения стабильности демократических институтов в государстве. Системообразующей из них следует признать запрет роспуска палат в период ЧП и ВП (ч. 4 ст. 95 Конституции). Кроме того, предусмотрена возможность продления срока их полномочий, о чем свидетельствует, во-первых, конституционная норма о том, что полномочия Парламента могут быть продлены на основании закона только в случае войны (ч. 1 ст. 93 Конституции). Во-вторых, закреплена возможность продления срока полномочий Парламента конкретного созыва если действие ЧПР хронологически включает период времени, в который заканчиваются их полномочия [7, с.86].

6. Одной из гарантий обеспечения прав и свобод человека служит закрепленный перечень «абсолютных прав и свобод», отступление от которых недопустимо в период ЧПР. Так, например, ст. 4 Международного пакта о гражданских и политических правах устанавливает запрет на отступление от ст. 6, ст. 7, п. п. 1, 2 ст. 8, ст. 11, ст. 15, ст. 16, ст. 18. В Республике Беларусь возможность при чрезвычайных обстоятельствах приостановления действия

конституционных прав и свобод личности в порядке и пределах, определенных Конституцией и законом, согласуется со ст. 63 Конституции. При этом гарантируется сохранение права на жизнь (ст. 24), недопустимость пыток, жестокого, бесчеловечного либо унижающего человеческое достоинство обращения или наказания, проведения над человеком медицинских или иных опытов без его согласия (ст. 25), презумпция невиновности в совершении преступления (ст. 26), самостоятельное определение своего отношения к религии (ст. 31).

7. Критерием соблюдения международных стандартов в сфере ЧПР является также наделение высших судебных органов (органов конституционного контроля) полномочиями по определению соответствия законодательства о ЧПР конституции государства, акта о введении ЧПР и принимаемых мерах национальному законодательству. Названные органы должны обеспечить недопустимость вторжения в сферу «абсолютных прав» граждан и соблюдение принципа пропорциональности в отношении мер, ущемляющих прав и свободы. У органа конституционного контроля должны быть широкие полномочия по объявлению какой-либо чрезвычайной меры (законодательного или исполнительного характера) или какого-либо акта по их применению потерявшим законную силу, если они не отвечают требованиям конституции и законодательства [3].

В Республике Беларусь перечисленные положения реализованы в полномочиях Конституционного Суда Республики Беларусь. В частности, согласно ст. 116 Конституции контроль за конституционностью нормативных правовых актов в государстве в целях защиты конституционного строя Республики Беларусь, гарантированных Конституцией прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства Конституции и ее прямого действия на территории Республики Беларусь возложен на Конституционный Суд Республики Беларусь, который вправе давать заключения о соответствии Конституции законов, указов Президента, постановлений Совета Министров, нормативных правовых актов других государственных органов (ст. 116¹ Конституции).

8. Отмена ЧП влечет за собой автоматическое восстановление всех прав и свобод, которые были ограничены (приостановлены), отмену применения чрезвычайных мер. Акты, принятые для обеспечения данного правового режима, должны утрачивать силу одновременно с его прекращением без специального о том уведомления. В национальном законодательстве установлено, что прекращение (отмена) в установленном законами порядке периода действия ЧПР порождает

следующие юридические последствия: без специального о том уведомления утрачивают силу указы Президента Республики Беларусь и иные нормативные правовые акты, принятые в целях обеспечения данных правовых режимов и связанные с временным ограничением (приостановлением) прав и свобод граждан, а также прав организаций; прекращаются административные производства по делам о нарушениях режима ЧП и ВП; немедленному освобождению подлежат лица, подвергнутые административному задержанию или аресту; прекращают действовать временные государственные органы управления при введении ЧП и ВП, органы военного управления, местные советы обороны (ч. ч. 3, 4 ст. 9 Закона «О военном положении»; ч. 1 ст. 28 Закона «О чрезвычайном положении»).

Таким образом, правовой институт ЧПР, представленный на международном уровне институтом отступления от обязательств по защите прав человека, имеет главным предназначением защиту важнейших прав и свобод человека, национальной безопасности государства. Комплексную систему мер по обеспечению законности и соразмерности при введении ЧПР дополняют и конкретизируют международно-правовые документы регламентательного характера, не имеющие официального статуса, что существенно затрудняет возможность их применения. Конституционно-правовой механизм введения ЧП и ВП в Республике Беларусь соответствует международно-правовым стандартам, что позволяет заключить о наличии в государстве сформированной рациональной системы защиты прав и свобод человека в условиях введения ЧП и ВП, поддержании демократических начал правового государства.

Библиографические ссылки

1. Qnestiaux, N. Study of the implications for human rights of recent developments concerning situations known as states of siege or emergency [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digitallibrary.un.org/record/36782?v=pdf>. – Дата доступа: 08.10.2024
2. Док. ООН E/CN. 4/1985/4. 28 Sep. 1984 // Вестник Московского университета. Серия 11, Право: научный журнал / Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. – 1992. – № 4. – С. 59–69.
3. Пчелинцев, С. В. «Сиракузские принципы толкования ограничений и отступлений от положений международного пакта о гражданских и политических правах» и другие международные документы, не имеющие официального статуса: проблемы применения

[Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2024.

4. Зиборов, О. В. Современное чрезвычайное законодательство: чрезмерная жестокость или единственный способ навести порядок? / О. В. Зиборов // Общество и право. – 2014. – № 2 (48). – С. 272–275.

5. Стаценко, В. Г. «Чрезвычайное законодательство» Республики Беларусь: правовые ограничения личных (гражданских) прав и свобод в условиях особых правовых режимов / Стаценко В. Г., Петров А. П. // Право. Экономика. Психология : научно-практический журнал / учредитель учреждение образования "Витебский государственный университет имени П. М. Машерова". – 2023. – № 2. – С. 3–9.

6. Максимов, Р. А. Механизм действия права в чрезвычайных ситуациях: (общетеоретический аспект): дис. ... канд. юрид. наук : с 12.00.01 Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве / Р. А. Максимов. – Пенза, 2014. – 207 с.

7. Сазон, К. Д. Реализация конституционных обновлений в законодательстве Республики Беларусь / К. Д. Сазон // Современные новеллы Конституции Республики Беларусь : сборник статей по материалам круглого стола, Минск, 11 марта 2023 г. / БГУ, Юридический фак., каф. конституционного права ; [редкол.: Г. А. Василевич (отв. ред.) и др.]. – Минск : БГУ, 2023. – С. 82–88.

НОРМА-ДЕКЛАРАЦИЯ КАК ФОРМА ВЫРАЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ

Е.А. Калинина

Адвокат Коллегии адвокатов «Региональная правовая защита»
Адвокатской палаты Республики Мордовия,
аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин,
Пензенский государственный университет,
г. Саранск, Республика Мордовия, Российская Федерация

У сучасних умовах суверенної нестабільності багатьох країн існують величезні національні ідентичності і загрози суверенітету і національній безпеці. Розглядається питання «національна цікавість», у тому ж числі як невід'ємний елемент сучасної політики-правової думки. Підкреслюється роль декларацій в умовах національної напруженості. Адже існують суттєві патерни декларацій, декларативних норм при викладанні системи об'єктивних значущих патернів асоціації, громадянства і держави з забезпеченні їх абсорбції і усталеного розвитку. На підставі аналізу декларативних положень зроблено висновок, що

менавіта дэкларацыя часта не толькі вызначае лёс дзяржавы, асновы прававой сістэмы, але і з'яўляецца найбольш прымальнай формай выражэння яго нацыянальных інтарэсаў.

В современных условиях мировой нестабильности многие страны стремятся к национальной идентичности и укреплению суверенитета и национальной безопасности. Рассматривается понятие «национальный интерес», в том числе как неотъемлемый элемент современной политико-правовой мысли. Подчеркивается роль деклараций в условиях социальной напряженности. Отмечается существенный потенциал деклараций, декларативных норм при изложении системы объективно значимых потребностей личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития. На основе анализа декларативных положений сделан вывод о том, что именно декларации часто не только предопределяли судьбу государства, основы правовой системы, но и являются наиболее приемлемой формой выражения его национальных интересов.

In the modern conditions of world instability many countries strive for national identity and strengthening of sovereignty and national security. The concept of 'national interest' is considered, including as an integral element of modern political and legal thought. The essential role of declarations in conditions of social tension is emphasised. The essential potential of declarations, declarative norms in the presentation of the system of objectively significant needs of an individual, society and the state in ensuring their protection and sustainable development is noted. On the basis of the analysis of declarative provisions it is concluded that it is declarations often not only predetermined the fate of the state, the foundations of the legal system, but also are the most acceptable form of expression of its national interests.

Ключавыя словы: нацыянальная цікавасць, дэкларацыя, дэкларатыўная норма, патрэбы грамадства.

Ключевые слова: национальный интерес, декларация, декларативная норма, потребности общества.

Keywords: national interest, declaration, declarative norm, needs of society.

В настоящее время мир стремительно претерпевает фундаментальные и необратимые изменения. Происходящие процессы радикальной трансформации затрагивают абсолютно разные сферы, отражаются на мировом порядке изменяя глобальную политику, мировую экономику и сопровождаются беспрецедентным технологическим развитием, характеризующимся экспоненциальными темпами и мощнейшей конкуренцией.

В сложившихся условиях современной мировой действительности многие страны стремятся к национальной идентичности и укреплению суверенитета и национальной безопасности, что проявляется в том числе через самодостаточность государства. Такие устремления государства определяют в качестве своих национальных интересов. Интерес является побудительной, движущей силой. Имея тесную связь с потребностями, интерес указывает на отношение субъекта к окружающей действительности, а также становится индикатором его дальнейшего поведения в ней.

Термин «интерес» происходит от латинского «interest», что означает иметь значение, важно. Под интересом понимается реальная причина социальных действий, событий, свершений, стоящая за непосредственными побуждениями — мотивами, помыслами, идеями и т.д. — участвующих в этих действиях индивидов, социальных групп, классов [1]. И.А. Ильин под интересом понимает отношение человека ко всему тому, что ему необходимо или важно [15, с.78].

Можно сказать, что интерес — это нечто имеющее существенное значение для субъекта, то, что является его потребностью, мотивом совершаемых им действий, приносящий какую-либо выгоду. Однако, интерес может рассматриваться в качестве исходящей от государства установки. В таком случае можно говорить о возникновении производного от термина «интерес» понятия государственный или национальный интерес.

Понятие национальный интерес известно с глубокой древности. С формированием суверенных государств оно использовалось для объединения подданных перед лицом внешних угроз, служило обоснованием завоевательных походов, заключения династических браков и т.п. [7, с.25].

В настоящее время национальный интерес представляется неотъемлемым элементом современной политико-правовой мысли. Национальные интересы охватывают интересы как личности, общества, так и государства в целом. Данный термин активно используется для обозначения притязаний страны при осуществлении своего суверенитета. По мнению некоторых исследователей определение категории «национальные интересы» позволяет сформулировать анализ содержательно-смысловой характеристики понятий «интерес» и «нация». Так, например, по мнению Н.Н. Кулаковой национальные интересы — это совокупность социально осознанных и официально выражаемых государством потребностей общества, обусловленных ценностями составляющих его социальных образований и групп, по

созданию, сохранению и развитию благоприятных условий для стабильного существования и прогресса страны [8, с. 67].

Национальный интерес определяют как мотивированное стремление, притязание государства к достижению значимого для себя результата, основанное на исторически сформированной системе ценностей соответствующего общества и направленное на устойчивое и стабильное его развитие [5, с.341]; как концептуально-идеологическую систему базовых жизненно важных ценностей нации в сфере развития гражданского общества и государства, а также мира в целом, составляющую национально-культурную идентичность, защищающую территориальную целостность и суверенитет государства в мировом сообществе, формирующую доктрину национальной безопасности страны, задающую цель и направление государственного строительства [18, с.15].

Можно сделать вывод, что национальный интерес – это некая система приоритетов политики государства, отражающая наиболее значимые и важные ценности нации определенной суверенной территории. Интересы, ценности, получившие закрепление в правовой норме, приобретают статус государственных интересов и формируют стратегию правовой политики национального государства.

Впервые понятие национальные интересы упомянуто в тексте действующей Конституции РФ в результате внесенных в нее поправок, в частности в п. «ж» ст. 83, одобренных на общероссийском голосовании, состоявшемся 22 апреля 2020 г. [6]. Содержание же этого понятия было раскрыто Президентом РФ в базовом документе стратегического планирования, где под национальными интересами России понимаются объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития [17].

По нашему мнению, национальные интересы представляют собой открытую декларацию потребностей, четко осознанных и неизменных целей и желаний государства, имеющие в своей основе оценку текущей ситуации. Такая декларация, закрепленная в правовой норме, получает статус государственных интересов и формирует систему приоритетов правовой политики государства. Как отмечал О.Е. Кутафин в декларациях формулируются принципы, обязательные для всего конституционно-правового развития государства, провозглашаются новые концепции, определяющие развитие государственности, содержащие принципы, которые признаются необходимыми для политики в определенной сфере [9, с.201].

Исторически декларации представляют собой документы политического характера. Разрабатываясь и принимаясь как

программные политические акты декларации при смене общественного устройства, а также в целях формирования правовой и политической идеологии. Впоследствии именно они становились исходной точкой для реорганизации политического, социального и экономического устройства общества [10, с.30].

Существенный потенциал деклараций, декларативных норм можно отметить и при изложении системы объективно значимых потребности личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития. Прежде всего указанное связано с идеологическим характером присущем декларативным предписаниям. Основанные на идеологии декларации позволяют в яркой и торжественной форме провозгласить значимые для государства и его граждан потребности и идеалы, возникающие в результате оценки, существующей экономической, политической и социальной действительности, которые становятся основой и ориентиром для национальной политики страны.

Так, национальная политика царского правительства в России на протяжении столетий была полностью подчинена интересам государства и осуществлялась исключительно в целях ее безопасности [11, с.210]. При этом дореволюционная Россия характеризуется изменениями в социально-экономической жизни, ростом промышленности, ускорением модернизации и урбанизации. Нарастающее социальное разнообразие диктовало переделённые потребности со стороны общества.

Существенным событием в РСФСР стало принятие 2 (15) ноября 1917 г. Советом Народных Комиссаров Декларации прав народов России отразившая существовавшие надежды и ожидания народа России [2, с.78]. Декларация провозгласила новые принципы государственной политики, основу которой составили существующие объективно значимые потребности общества. Согласно Декларации основополагающим для национальной политики постулатом стало создание добровольного союза равноправных народов России, основанное на следующих принципах отражающих потребности и интересы общества: равенство и суверенность народов России, их право на свободное самоопределение вплоть до образования новых государств, запрет национально-религиозной дискриминации национальных меньшинств и этнографических групп внутри России [13, с.12].

Стоит отметить, что советский период характеризуется главенствующей ролью общественных или классовых интересов, отождествлявшихся с институтами партии и государства. При таких условиях коммунистическая идеология фактически получила статус национальной. То есть содержание и сущность понятия интереса сопряжено с принципом социалистической (коммунистической)

идеологии и поставлено в прямую зависимость от интересов правящей политической партии.

Конституция СССР 1936 г. содержит норму декларативного характера, в которой определено, что в целях достижения интереса увеличения общественного богатства, неуклонного подъема материального и культурного уровня трудящихся, укрепления независимости СССР и усиления его обороноспособности вся хозяйственная жизнь СССР определяется и направляется государственным народнохозяйственным планом [12]. Таким образом, Основным Законом задекларирована общая для всех союзных республик система государственных интересов, ставящая перед собой совершенно конкретные задачи системного характера [16, с.365].

В качестве яркого примера выражения национальных интересов путем их закрепления в декларативных положениях можно привести Декларацию РФ и КНР о повышении роли международного права от 25 июня 2016 г. [3]. Данный документ провозглашает общий для России и КНР подход к современным проблемам международного характера и направлена на то, чтобы подчеркнуть значение, придаваемое указанными государствами важнейшим принципам и нормам международного права в условиях растущей мировой нестабильности [14, с.212].

Согласно Декларации 2016 г. России и КНР разделяют точку зрения, что принцип суверенного равенства является особенно важным для обеспечения стабильности международных отношений. Провозгласили, что государства пользуются своими правами на основе независимости и на равных основаниях и берут на себя обязательства и ответственность на основе взаимного уважения (ст. 2).

Здесь прослеживается национальный интерес России, в том числе при существующих проблемах, связанных с Республикой Крым и международных принципах, закрепляющих право на самоопределение, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним [4].

В свою очередь Пекин, следуя национальным интересам имеющие экономическую составляющую, полагая о наличии исторической несправедливости при установлении морских границ, выражает желание урегулировать конфликт в бассейне Южно-Китайского моря, руководствуясь не только собственными интересами, но и принципами международного права.

Таким образом, декларируя положения об исключительности норм международного права как регулятора отношений между государствами и их народами, РФ и КНР выражают объективно значимые потребности своего общества в обеспечении защищенности и устойчивого развития.

Можно сделать вывод, что декларативные нормы, в содержании которых присутствует как правовой, так и идеологический компонент, являются наиболее приемлемой формой выражения национальных интересов государства, поскольку позволяют убедительно обосновать значимые для него и его граждан потребности и идеалы, возникающие в результате оценки, существующей экономической, политической и социальной действительности, которые становятся основой и ориентиром для национальной политики страны.

Библиографические ссылки

1. Большая советская энциклопедия. Режим доступа: <https://gufo.me>
2. Декларация прав народов России от 2(15) ноября 2017 г. СУ РСФСР. 1917. Ст.18.
3. Декларация РФ и КНР о повышении роли международного права от 25 июня 2016 г. Режим доступа: <https://archive.mid.ru>
4. Декларация РФ и КНР о повышении роли международного права от 25 июня 2016 г. Режим доступа: <https://archive.mid.ru>
5. Ильин, И. А. Теория права и государства / И.А.Ильин. – М., 2014. – 550 с.
6. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». СЗ РФ от 16.03.2020 г. № 11 ст. 1416.
7. Казакова, М.Н. Национальные интересы: к вопросу об определении и содержании понятия / И.Н.Казакова // Вестник Мордовского университета. 2010. – №3. – С. 26-30.
8. Кулакова, Н.Н. Военно-политические интересы РФ и их реализация в современных условиях. Дис. ...канд.полит.наук. – М., 2011. – 178 с.
9. Кутафин, О.Е. Предмет конституционного права / О.Е.Кутафин. – М., 2001. – 443 с.
10. Калинина, Е.А. Правовая декларация как ценность права: теоретический аспект// Право и государство: теория и практика. 2024. № 3(231). С. 29-31.
11. Киор, В.Б. Государственная национальная политика в имперской России / В.Б.Киор // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2010. –№ 4 (47). – С. 205-218.
12. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик 1936 г. Известия ЦИК СССР и ВЦИК. № 283. 1936.

13. Кузнецов, А.А. Национальные и государственные интересы в советской юридической науки / А.А.Кузнецов // Образование и право. – № 4. 2023. – С. 363-368.

14. Кузьмина, Е.Э. Российско-китайская декларация о повышении роли международного права как выражение национальных интересов сторон / Е.Э.Кузьмина // Китай: история и современность: материалы XI международной научно-практической конференции. – Екатеринбург. 2017. – С.210-217.

15. Лагун, Д.А. Национальные интересы государства и их правовое регулирование в Республике Беларусь / Д.А.Лагун // Актуальные проблемы сравнительного правоведения: правовая система и современное государство. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь). 2020. . – С. 339-343.

16. Малыхина, Л.Ю. Декларация прав народов России в истории самоопределения национальных окраин / Л.Ю.Малыхина // Научный вестник Крыма. – № 4(44). 2023. . – С. 1-19.

17. Указа Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской федерации». СЗ РФ от 04.01.2016. №1 (часть II). Ст.212.

18. Студеникина, С.В. Национальные интересы в правовой политике России: автореферат дис. ... канд.юр. наук. – Ростов-на-Дону. 2009. – 23 с.

**ГОСУДАРСТВЕННЫЕ УСЛУГИ КАК ЭЛЕМЕНТ
ЭЛЕКТРОННОГО МУНИЦИПАЛИТЕТА В РЕСПУБЛИКЕ
БЕЛАРУСЬ
Т.М. Киселёва**

Доцент кафедры конституционного права,
кандидат юридических наук, доцент,
Белорусский государственный университет, юридический факультет,
г. Минск, Республика Беларусь

Дзяржаўныя электронныя паслугі – гэта элемент электроннага муніцыпалітэта, які сведчыць аб высокім узроўні ўкаранення інфармацыйных тэхналогій у адносінах паміж насельніцтвам і мясцовымі органамі ўлады. У артыкуле аналізуецца практыка прадастаўлення электронных дзяржаўных паслуг і прапанаваны меры па развіццю адпаведных адносін.

Государственные электронные услуги являются элементом электронного муниципалитета, свидетельствующим о высоком уровне внедрения информационных технологий в отношениях между населением и местными органами власти. В статье анализируется практика предоставления электронных государственных услуг и предложены меры по развитию соответствующих отношений.

Public e-services are an element of e-municipality, indicating a high level of information technology implementation in the relationship between the population and local authorities. The author of the article analyses the practice of providing electronic public services and proposes measures to develop the relevant relations.

Ключавыя словы: дзяржаўныя паслугі; электронныя дзяржаўныя паслугі; электронная дзяржава; электронны муніцыпалітэт; Е-Паслуга.

Ключевые слова: государственные услуги; электронные государственные услуги; электронное государство; электронный муниципалитет; Е-Паслуга.

Keywords: public services; electronic public services; electronic state; electronic municipality; E-Service.

Развитие информационных технологий и их активное использование государственными органами различного территориального уровня позволяет устанавливать новые или совершенствовать уже существующие формы взаимодействия между населением и государством. На местном уровне такое взаимодействие осуществляется в рамках становления и развития электронного муниципалитета.

Электронный муниципалитет в Республике Беларусь можно рассматривать как совокупность отношений по внедрению и использованию информационных технологий, позволяющих эффективно и оперативно решать вопросы местного значения населением соответствующих территорий непосредственно или через местные представительные органы, а также органами местного управления в установленных законодательством и сложившимися на практике формах.

В систему электронного муниципалитета включается система электронного документооборота, система электронных обращений в местные органы власти, системы информирования населения о деятельности местных органов власти и др. Особое место в электронном муниципалитете принадлежит электронным государственным услугам.

Электронную государственную услугу можно рассматривать как осуществление государственным органом управления (республиканским или местным) деятельности по обеспечению потребностей заявителя, осуществляемой в пределах компетенции органа, с учетом требований

законодательства и с использованием информационных технологий. Электронная государственная услуга предполагает возможность удаленного, без личного обращения заявителя, удовлетворения запроса.

Следует отметить, что в законодательстве Республики Беларусь термины «государственные услуги» или «муниципальные услуги» не получили своего закрепления, при этом используется термин «электронные услуги». Согласимся с мнением Г.Г. Куневича, который указывал на то, что «в Беларуси вместо термина «муниципальные услуги» используются термины «социальные услуги» и «административные процедуры» [1, с. 50].

Перевод государственных услуг в электронную форму является естественным результатом развития информационных технологий в современном мире. Такая форма имеет определенные достоинства как для получателей услуг, так и для государства. Автоматизация процедуры предоставления государственных услуг снижает нагрузку на государственные органы и должностных лиц, которые эти услуги предоставляют в традиционной форме, что должно повышать эффективность их деятельности, предоставлять им возможность уделить больше внимания иным вопросам, входящим в их компетенцию. Все это повышает авторитет власти среди населения.

Граждане и организации, получая государственные услуги в электронной форме, экономят временные и иные ресурсы. Особенно важным является наличие таких услуг для тех категорий граждан, для которых личное обращение в государственный орган является затруднительным – лиц с инвалидностью, лиц, осуществляющих уход за малолетними или престарелыми родственниками, лиц, проживающих в отдаленных населенных пунктах и т.п. В данном случае реализуется принцип социального государства, провозглашенный в статье 1 Конституции Республики Беларусь.

При этом важно, чтобы электронные государственные услуги были доступны всем категориям граждан и организаций. В первую очередь необходимо аккумулировать государственные услуги на единой платформе с понятным функционалом, чтобы любое заинтересованное лицо, вне зависимости от навыков использования информационных технологий, смогло получить либо саму услугу непосредственно, либо информацию о порядке ее получения. Считаем вполне допустимым на первых этапах становления электронного государства совмещать предоставление самих электронных услуг с информированием о традиционной процедуре их получения. Такой подход позволит обеспечить принцип равенства для всех граждан, вне зависимости от их

готовности использовать информационные технологии в официальных отношениях с государством.

Еще одной существенной проблемой получения электронных услуг является вопрос идентификации личности. По общему правилу, получение электронных государственных услуг требует подтверждение личности заявителя. И на данный момент большинство населения Республики Беларусь не используют инструменты, которые позволяют провести такую идентификацию в виртуальном пространстве (электронная цифровая почта, ID-карта). Полагаем, что государству следует активизировать просветительскую деятельность, направленную на формирование у граждан доверия к новым инструментам идентификации личности, демонстрировать удобства и преимущества их использования.

Если говорить о практике предоставления электронных государственных услуг в Республике Беларусь, то в первую очередь следует отметить Единый портал электронных услуг «Е-Паслуга» (<https://e-pasluga.by>). На данный момент портал объединяет 254 вида электронных услуг, 327 видов административных процедур и 67 государственных информационных ресурсов.

Данный Портал является единым, т.е. на нем не проводится разграничение между республиканскими и местными (муниципальными) услугами и административными процедурами. Однако на практике такие услуги и административные процедуры осуществляются именно местными органами власти, поэтому его в полной мере можно считать элементом электронного муниципалитета.

Как уже отмечалось, Портал обеспечивает предоставление не только государственных услуг, но и административных процедур, не проводя между ними принципиального различия. Полагаем, что со временем все административные процедуры должны быть включены в государственные услуги, так как по своему содержанию осуществление административной процедуры представляет собой именно государственную услугу. Так, согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь от 28.10.2008 г. № 433-З «Об основах административных процедур» административная процедура представляет собой действия уполномоченного органа по установлению (предоставлению, удостоверению, подтверждению, регистрации, обеспечению), изменению, приостановлению, сохранению, переходу или прекращению прав и (или) обязанностей, совершаемые на основании заявления заинтересованного лица и заканчивающиеся принятием административного решения.

Единый портал электронных услуг прошел в своем развитии несколько этапов. Первоначально Портал (<https://portal.gov.by>) в большей степени выполнял информационную и консолидирующую функции. На нем были размещены ссылки, по которым можно было получить определенные услуги на внешних ресурсах.

В дальнейшем наполнение Портала претерпело изменение. Сам Единый портал электронных услуг определялся как платформа для получения электронных услуг гражданами и бизнесом, единая точка доступа к различным электронным сервисам, а также источник информации об административных процедурах, выполняемых тем или иным белорусским ведомством. Как видно, информационная функция сохранялась, хотя Портал уже предусматривал возможность получения отдельных электронных услуг. В частности, в 2015 году с помощью данного портала можно было получить доступ к Торговому реестру и к Реестру бытовых услуг. Кроме того, предоставлялась возможность получить ссылки на внешние электронные сервисы, затрагивающие права и законные интересы граждан: «Единый государственный реестр сведений о банкротстве», «Предоставление сведений о проводимых аукционах (конкурсах) по продаже земельных участков в частную собственность», «Получения сведений о наличии фактов превышения установленной скорости движения, зафиксированных работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи, на транспортном средстве (ТС), зарегистрированном в Республике Беларусь, штраф по которым не оплачен» и к иным.

Со временем перечень услуг и административных процедур постоянно расширялся, Портал приобретал функцию посредника для получения государственных услуг в электронной форме.

На настоящий момент можно говорить о новом этапе в развитии Единого портала электронных услуг. Портал получил новое название и новый адрес, введено в действие мобильное приложение «Е-Паслуга». Однако определенные сложности в получении государственных услуг сохраняются.

В первую очередь, как уже отмечалось выше, доступность электронных услуг связана с наличием у заявителя электронной цифровой подписи. Специально получать электронную цифровую подпись для разового получения услуги для человека нецелесообразно, что делает систему электронных услуг для него неактуальной.

Также считаем целесообразным расширять перечень услуг, представляемых в электронной форме, включая услуги в сфере брачно-

семейных отношений, образования, здравоохранении и подобных частных сферах. По примеру зарубежных стран полезным считаем закрепить возможность удаленно встать на очередь для получения места в детском саду, зарегистрировать ребенка в школу и подобные услуги.

Кроме того, на данный момент существует ряд услуг, которые граждане и организации могут получить вне Единого портала. В частности, на сайте Министерства внутренних дел Республики Беларусь в разделе онлайн-сервисы (<https://mvd.gov.by/ru/service#!>) есть возможность свободно проверить нахождение автомобиля в розыске, утраченные регистрационные знаки и запрет въезда в Республику Беларусь. При условии регистрации в личном кабинете можно проверить ограничение выезда из Республики Беларусь, наличие неоплаченных штрафов по линии ГАИ, действительность документа (паспорта, вида на жительство). Получение соответствующей информации также следует по своему содержанию относить к государственным электронным услугам.

В Беларуси действует Портал предварительной онлайн-записи на регистрацию заключения брака (belzags.by) в органы ЗАГС на всей территории Республики Беларусь. С помощью портала граждане могут записаться на регистрацию брака в помещении ЗАГС за три месяца до планируемой даты, самостоятельно выбрав ЗАГС и дату регистрации. Для оформления записи не требуется регистрация на портале, необходимо внести только личные данные заявителей.

На сайте Талон (<https://talon.by>) можно удаленно заказать талон к врачу или оформить вызов врача на дом из 302 государственных и частных медучреждений, осуществлять поиск лекарств в сети аптек «Белфармации» в г. Минске и совершать некоторые иные действия. Для этого необходимо зарегистрировать в личном кабинете на самом сайте. Безусловно, запись к врачу не может считаться государственной услугой в полном смысле, так как государственные органы и должностные лица в такой процедуре не участвуют, однако это схожие по своему содержанию отношения.

В связи с этим считаем, что существует необходимость в пересмотре наполнения Единого портала электронных услуг. Следует расширительно понимать государственные электронные услуги, включая в них и получение юридически значимой информации, а также совершение действий, не требующих строгой идентификации личности. С этой целью следует интегрировать в Портал те ресурсы, которые на данный момент размещаются на сайтах государственных органов или в качестве самостоятельных ресурсов.

Таким образом, государственные электронные услуги в Республике Беларусь не исчерпываются только теми услугами и административными

процедурами, которые получили свое отражение на Едином портале электронных услуг. Существование различных порталов и ресурсов свидетельствуют о востребованности института электронных услуг, что определяет необходимость обеспечивать доступность данных услуг для всех групп населения, продолжать работу по расширению перечня услуг и процедур, которые предоставляются удаленно. Особое внимание следует уделять тем услугам, получение которых не требует строгой идентификации личности заявителя, но позволяет гражданам и организациям получать юридически значимую информацию или совершать действий без непосредственного участия государственных органов и должностных лиц.

Библиографические ссылки

1. Куневич, Г. Г. Использование ИКТ для предоставления муниципальных услуг / Г. Г. Куневич // Трансформация государственного управления и местного самоуправления в условиях развития информационного общества : Сборник статей Международного круглого стола, Новополоцк, 15 апреля 2022 года. – Новополоцк: Учреждение образования «Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой», 2023. – С. 49-53.

ДА ПЫТАННЯ АБ ПРАВЯДЗЕННІ ЗЯМЕЛЬНА-АГРАРНАЙ РЭФОРМЫ XVI СТ. НА ЁСХОДНІХ ЗЕМЛЯХ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА

А.В. Кожар

Старшы выкладчык кафедры «Эканоміка і права»,
Беларускі нацыянальны тэхнічны ўніверсітэт,
факультэт тэхналогій кіравання і гуманітарызацыі,
г. Мінск, Рэспубліка Беларусь

У артыкуле разглядаецца пытанне асаблівасцей правядзення зямельна-аграрнай рэформы Жыгімонта Аўгуста 1557 г. на ўсходніх землях Вялікага Княства Літоўскага, асабліва закранаюцца змены ў сялянскім землекарыстанні і падаткаабкладанні пасля мерапрыемстваў па ўраўноўванню грунтаў і ўсталяванню за іх платаў.

В статье рассматривается вопрос особенностей проведения земельно-аграрной реформы Сигизмунда Августа 1557 г. на восточных землях Великого Княжества Литовского, особенно затрагиваются изменения в крестьянском землепользовании и налогообложении после мероприятий по уравниванию грунтов и установлению за них платы.

The article examines the issue of the specifics of the land and agrarian reform of Sigismund August 1557 in the eastern lands of the Grand Duchy of Lithuania, especially the changes in peasant land use and taxation after measures to equalize soils and establish fees for them.

Ключавыя словы: зямельна-аграрная рэформа; падаткаабкладанне; служба; сялянскае землекарыстанне.

Ключевые слова: земельно-аграрная реформа; налогообложение; служба; крестьянское землепользование.

Keywords: land and agrarian reform; taxation; duty; peasant land use.

Вялікае Княства Літоўскае, цэнтральную частку якога займалі беларускія землі, фарміравалася паступова на працягу некалькіх стагоддзяў. У XIV–XV стст. актыўна ішлі працэсы фарміравання сістэмы цэнтральных і мясцовых органаў улады, адбыўся саслоўны падзел грамадства, актыўна фарміравалася падаткова-павіннасная сістэма.

У XVI ст. разнастайныя як знешнія, так і ўнутраныя прычыны, сярод якіх можна адзначыць частыя войны, што выклікала недохоп грошаў у казне, развіццё таварна-грашовых адносін і інш., патрабавалі ўдасканалення сістэмы падаткаабкладання. Гэта прывяло да шматлікіх спробаў рэфармавання зямельных зносін, праведзеных ў 1514, 1527, 1529, 1547 гг. у Віленскім і Троцкім паветах, на Жмудзі, а таксама да рэформы Боны Сфорцы ў Пінскім і Клецкім староствах і на іншых землях Беларускага Палесся ў пачатку XVI ст. Вынікам гэтых дзяржаўных пераўтварэнняў стала зямельна-аграрная рэформа Жыгімонта Аўгуста 1557 года.

Рэформа праводзілася на дзяржаўных землях Вялікага Княства Літоўскага, але па ўзору дзяржаўных зямель пачалося адпаведнае рэфармаванне і прыватнаўласніцкіх, а таксама царкоўных зямель.

Трэба адзначыць, што рэформа праводзілася не аднолькава на тэрыторыі ўсёй дзяржавы. У той час як на заходніх і цэнтральных землях праводзілася валочная памера, на ўсходніх землях рэфармаванне было адкладзена на невызначаны час. Як было замацавана ў арт. 46 Уставы на валокі «з волостей Рускихъ меды и иньшие доходы мають быти по старому браны и по тому, яко на сесь часъ, до иньшого науки и посьтановенья нашего» [9, т.30, арт 46]. Да «волостей Рускихъ» у той час адносіліся землі ўсходняй часткі Беларусі з гарадамі Бабруйск, Орша, Магілёў, Рэчыца, Гомель, Полацк і інш. [5, с.253, 259].

Правядзенне зямельна-аграрнай рэформы і вымярэнне зямель на валокі ў рускіх валасцях пачалося толькі ў канцы XVI – пачатку XVII стст. [8, с. 242]. Да таго часу ў гэтым рэгіёне захоўвалася ранейшая

сістэма землекарыстання і павіннасна-падатковага абкладання, дзе асноўнай адзінкай падаткаабкладання захоўвалася служба [5, с.186].

Першым нарматыўным актам з якога пачалося рэфармаванне падаткаабкладання ўсходніх тэрыторый Вялікага Княства Літоўскага была пастанова Жыгімонта Аўгуста ад 20 жніўня 1558 г. «Аб адпраўленні падводнай павіннасці гарадамі, мястэчкамі і Рускімі валасцямі (дзе яшчэ не праведзена валочная памера), аб падатке на гандль, «шынкь» і рамяство і аб арганізацыі падводнай справы» [9, т.30 с. 592]. Згодна з гэтым актам жыхары Рускіх валасцей вызваляліся ад выканання падводнай павіннасці, але для іх уводзілася грашовая выплата. Адзінкамі падаткаабкладання прызначаліся дым і бортнае дрэва. З кожнага дыму селянін павінен быў выплаціць 2 гроша, а за бортнае дрэва спаганялася па 3 гроша. Калі ў селяніна не было раллі, а толькі агарод, ён павінен быў выплаціць адзін грош. І нават ў выпадку адсутнасці агарода з яго спаганялася поўгроша з дыму.

Як лічыць В. І. Пічэта ў канцы XVI ст. для рускіх валасцей была выдадзена ўстава, як і для ўсходняй часткі дзяржавы, згодна з якой павінна была быць праведзена валочная памера [7, с. 208], але да сённяшняга часу такая ўстава нам не вядома. На тое, што ўстава для ўсходніх валасцей існавала, спасылаюцца і іншыя вучоныя [4 і інш].

Першыя мерапрыемствы па рэфармаванні землекарыстання і падаткаабкладання на ўсходніх тэрыторыях Вялікага Княства Літоўскага пачаліся з ўраўноўвання грунтаў і ўсталявання за іх платаў ў 1560 г. [7, с. 207]. Яны складаліся ў першую чаргу з праверкі правоў феодалаў на валоданне зямлёй і ў выпадку адсутнасці дакументаў, якія даказвалі правамернасць валодання зямлёй, яна забіралася на карысць дзяржаве. Такое частковае рэфармаванне было праведзена ў Бабруйскім, Гомельскім, Прапойскім і Рэчыцкім староствах, а таксама ў Аршанскай, Дубровенскай, Магілёўскай і Свіслацкай валасцях [4, с. 34-35], аб чым сведчаць інвентары гэтых зямель.

Адзінкай падаткаабкладання на гэтых землях працягвала заставацца служба. Як указывае У. І. Пічэта, мерапрыемствы па ўраўноўванню грунтаў не змянялі форм землекарыстання і «служба не зведала ніякіх зменаў» [8, с. 129], з чым нельга пагадзіцца, бо ў дарэформены перыяд да сярэдзіны XVI ст. памер службы не быў дакладна вызначаны, а службы, якія былі ўтвораны па рэформе, мелі дакладны памер у 30 салянак (бочак), якія былі раўны 30 моргам, а гэта значыць складалі адну валокі зямлі.

Асноўнай павіннасцю са службы была грашовая рэнта. Яна спаганялася ў залежнасці ад якасці глебы: з адной службы добрага грунту 1 капа грошаў, за сярэдні грунт – 50 грошаў, за дрэнны – 40 грошаў.

Акрамя таго з кожнай службы браліся платы за сена, мед і інш., і збіралася па бочцы аўса і бочцы жыта.

Акрамя павіннасцей і выплат на карысць дзяржавы насельніцтва ўсходніх валасцей павінна было несці павіннасці на карысць мясцовых службовых асоб, у першую чаргу стараст. Акрамя стараст падаткі маглі спаганяцца на падскарбія земскага, ключніка, падключніка, падцівуна і інш. службовых асоб [2, т.3, с. 246–247]. Інвентары змяшчаюць шматлікія сведкі пра такія падаткі. Так, напрыклад, ў сяле Анісковічы Дубровенскай воласці на ўтрыманне старасты збіралася з кожнай службы па палове бочцы жыта і аўса, а з кожных трох служб па возу сена. Акрамя гэтага стараста атрымліваў 10 % ад усіх платаў, якія паступалі ў даход скарбу [2, т.3, с. 246]. А ў Гомельскім старостве дзяржаўца атрымліваў поў бочцы жыта і аўса, па два вазы сена і два вазы дроў са службы [1, т. 13, с. 343–377]. Замест адпраўлення падаткаў у натуры за іх маглі спаганяцца грошы. Службовым асобам забаранялася накладваць дадатковыя павіннасці, акрамя тых, якія былі вызначаны ў інвентарах. Усё гэта сведчыць аб фарміраванні сістэмы мясцовых падаткаў на карысць мясцовых службовых асоб і абмежаванні самавольнага мясцовай адміністрацыі.

Рэвізоры, у кампетэнцыю якіх уваходзіла вызначэнне платаў і павіннасцяў, складалі рэестры зямель, насельніцтва, якое на іх пражывала і тых плацэжаў, якія павінны былі з іх спаганяцца. Рэвізоры не толькі пісьмова замацоўвалі старажытныя падаткі, якія захоўваліся пасля правядзення рэформы, але маглі і ўводзіць новыя віды і памеры павіннасцей, напрыклад, як ў Гарбавіцкай воласці [6, т.1, с. 131].

Усе падаткі, якія сяляне выконвалі натурай маглі спаганяцца з іх грашыма. Гэта было выклікана тым, што ўсе мерапрыемствы, якія праводзіліся на ўсходніх тэрыторыях ВКЛ, разглядаліся як часовыя, і меркавалася, што будзе праведзена рэформа, па ўзору заходніх абласцей.

Ажыццёвы паўнаўваснае рэфарміраванне сялянскага землекарыстання і падаткаабкладання на ўсходніх тэрыторыях Вялікага Княства Літоўскага атрымалася толькі ў пачатку XVII ст. Як указывае У. І. Пічэта, урад перайшоў да правядзення аграрных рэформ на ўсходзе Вялікага Княства Літоўскага толькі ў 1611 г., а скончына вымярэнне на валокі было ў 1639 г. [8, с. 145].

Такім чынам, можна зрабіць высновы, што мерапрыемствы па ўраўноўванню грунтаў і платаў на тэрыторыі ўсходняй часткі ВКЛ у канцы XVI ст. насілі палавінчаты характар, бо цалкам не змянялі сістэму землекарыстання і павіннаснага абкладання сялян. Яны мелі ў першую чаргу станоўчае значэнне для сялян. Так, былі дакладна вызначаны памеры служб і падаткаў, якія спаганяліся з іх, што не дазваляла

княжацкім намеснікам злоўжываць сваімі паўнамоцтвамі і патрабаваць дадатковых пабораў.

Патрэбна адзначыць і адмоўныя рысы. Так, ў тых валасцях, дзе сяляне былі пераведзены на грашовыя выплаты, а сувязь з рынкам яшчэ не была развіта, становішча сялян пагаршалася. Самавызначэнне канкрэтных межаў надзела, вызначэнне памераў службы і натуральнага падатку ў памеры 30 бочак не дазваляла сялянам павялічыць надзел за кошт распрацоўкі новых зямель, што вяло да абезземельвання сялян.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Акты, издаваемые Комиссией, высочайше учрежденной для разбора древних актов в Вильне : Книга Беларуси (1517–1917) : в 39 т. – 1865– 1915. – Т. 13 : Акты Главного литовского трибунала, [1395–1797 гг. / предисловие С. Шолковича]. – 1886. – XII, 480 с.

2. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского учебного округа: в 14 т. Вильна : Печ. Губ. правления , 1867–1904 – Т. 3 : документы 1442–1785 гг. / предисловие А. Миротворцева. –1867. – XVIII, 365 с.

3. Голубеў, В. Вялікая аграрная рэформа XVI ст. // Зямл Беларусі. – № 1. – 2014. – С. 30–35.

4. Голубев, В. Ф. Сялянскае землеўладанне і землекарыстанне на Беларусі, XVI–XVIII стст. / В. Ф. Голубеў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – 173, [2] с.

5. Довнар-Запольский, М. Очерки по организации западнорусского крестьянства в XVI веке Киев : Киевская 1-я артель печатного дела, 1905. - VI, 307, VIII, 167 с.

6. Документы Московского архива Министерства юстиции. Т. 1 / [поготовил М. Довнар-Запольский]. — 1897. — XXIII, 569 с.

7. Пичета, В. И. Аграрная реформа Сигизмунда – Августа в Литовско – Русском государстве / В. И. Пичета. – Москва : Издательство Академии наук СССР, 1958. – 545, [2] с.

8. Пичета, В. И. Аграрные реформы в восточных областях Литовско-Русского государства во второй половине XVI и начале XVII в / В. И. Пичета // Белоруссия и Литва XV–XVI вв.: (исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития) / В. И. Пичета. – Москва : Издательство Академии наук СССР, 1961. – С. 121–151.

9. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссією: В 40 т. – Т. 30. – СПб.:Сенатская типография, 1914. – 896 с.

10. Устава на волюки и дополняющие ее документы шестой книги Литовских публичных дел Метрики Литовской / Изд. Имп. археогр. комис. – Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1913. – 62 с.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН

Н.М. Кондратович

Доцент кафедры конституционного права,
кандидат юридических наук, доцент,
Белорусский государственный университет, юридический факультет,
г. Минск, Республика Беларусь

Артыкул прысвечаны аналізу ўкаранення новых тэхналогій у выбарчы працэс у асобных замежных краінах. Аўтарам разгледжаны разнастайныя падыходы прававога рэгулявання выкарыстання інфармацыйных тэхналогій на розных стадыях выбарчага працэсу.

Статья посвящена анализу внедрения новых технологий в избирательный процесс в отдельных зарубежных странах. Автором рассмотрены разнообразные подходы правового регулирования использования информационных технологий на различных стадиях избирательного процесса.

The article is devoted to the analysis of the introduction of new technologies into the electoral process in certain foreign countries. The author examines various approaches to legal regulation of the use of information technologies at various stages of the electoral process.

Ключавыя словы: выбарчы працэс; інфармацыйныя тэхналогіі; электронная выбарчая сістэма; электроннае галасаванне.

Ключевые слова: избирательный процесс; информационные технологии; электронная избирательная система; электронное голосование.

Keywords: electoral process; information technology; electronic electoral system; electronic voting.

Избирательное право, избирательный процесс в зарубежных странах регламентируется целым рядом нормативных правовых актов и, в первую очередь, конституцией государства. Конституции либо содержат специальную главу (раздел), посвященную избирательному праву, где закрепляются общие принципы избирательного права демократического государства, либо не содержат таковой, а находят свое закрепление в главах о выборах в представительные государственные органы и органы

местного самоуправления различных уровней. Так, в отличие от ряда конституций зарубежных стран, Конституция Республики Корея содержит седьмую главу, которая так и называется – «Выборы». В ней нашли закрепление положения, которые определяют статус, порядок формирования, систему и компетенцию избирательных комиссий различного уровня.

Детальное правовое регулирование избирательного процесса на всех этапах проведения избирательной кампании является важной правовой гарантией проведения демократических справедливых выборов, отражающих истинное волеизъявление избирателей.

Избирательный процесс должен осуществляться в строгом соответствии с законом и отвечать ряду критериев. Так, Избирательный кодекс Франции устанавливает пять критериев, которые должны быть выполнены: прозрачность выборов, конфиденциальность, анонимность, искренность (отражать волю голосующего), уникальность (один голос должен соответствовать одному человеку).

Избирательный процесс в последние десятилетия претерпел серьезные изменения, связанные с цифровизацией (внедрение автоматизированных систем обработки бюллетеней, подсчета голосов, электронного голосования, систем онлайн-видеонаблюдения, веб-сайтов, выполняющих функции прессы и др.). Внедрение новых информационных технологий существенным образом упрощает избирательный процесс, но, одновременно, требует четко разработанных гарантий реализации конституционных принципов и критериев.

Электронная избирательная система – это совокупность информационных технологий, информационных сетей и средств их программно-технического обеспечения, предназначенных для автоматизации информационных процессов при подготовке и проведении выборов. Используется для составления списков избирателей, выдвижения кандидата на выборную должность, голосования, установления итогов голосования, определения результатов выборов.

Так, выдвижение кандидатов на выборную должность в Венгрии осуществляется путем сбора подписей избирателей в соответствии с Законом об избирательных процедурах от 8 апреля 2013 года. Этап выдвижения начинается с момента подачи запроса на купоны (венг. «ajánlóívet» — рекомендательное письмо), подлежащие заполнению подписями (рекомендациями) граждан, в избирательное бюро, действующее при комиссии, ответственной за регистрацию. На выборах Государственного собрания (парламент Венгрии) кандидату, выдвинутому в округе, необходимо получить подписи 500 избирателей.

Купоны являются документами строгой отчетности: их запрещено копировать и полагается вернуть, если они оказались невостребованными. Избиратель вносит свою подпись в купон самостоятельно, а также указывает свои персональные данные, в том числе фамилию, имя, адрес в Венгрии, персональный идентификационный номер. В 2022 году стала доступна онлайн-проверка сведений, внесенных в купоны, благодаря которой каждый избиратель может определить, не использовал ли кто-либо из кандидатов или политических партий его данные для поддержки выдвижения, минуя гражданина [1, с. 61].

Информация об избирательном процессе в Венгрии, в том числе о законах, определяющих порядок организации и проведения выборов, а также решения, принятые избирательными комиссиями, содержится на официальном сайте Национального избирательного бюро. В соответствии с Законом об избирательных процедурах избирательная комиссия уполномочена вести такие сайты (§ 76) и осуществлять информирование избирателей в других формах (§ 75). Смена избирательного участка, запрос помощи гражданином с инвалидностью, в том числе для голосования вне помещения для голосования, осуществляются через специальные приложения в сети Интернет.

Агитация в Интернете весьма востребована в Венгрии и применяется на выборах уже на протяжении 25 лет. Изначально в формате сайтов политических партий и рассылки электронных сообщений (особенно активно до 2006 года), а теперь — в виде общения с потенциальными избирателями через социальные сети (с 2010 года и до настоящего времени) [1, с. 74].

СМИ принимают участие в избирательном процессе на всех его стадиях. Так, Закон об информационных и коммуникационных сетях и защите информации Республики Корея N14080 от 22.03.2016 г. предусматривает, что Национальная избирательная комиссия должна создать и управлять Комиссией по обсуждению новостей о выборах в Интернете для обеспечения беспристрастности отчетов о выборах, публикуемых на веб-сайтах (включая редакционные статьи, комментарии, фотографии, трансляции, видеоизображения и другие подробности, касающиеся выборов), предупреждению и опровержению недостоверной информации и информации клеветнического характера.

В соответствии с п. 2 ст. 8-5 Закона о выборах комиссия по вопросам освещения выборов в сети Интернет должна состоять не менее чем из 11 комиссаров. Состав комиссии должен быть одобрен политическими партиями, имеющими фракции в Национальном собрании, корейской комиссией по телерадиовещанию, пресс-агентством арбитражной

комиссии, Национальной избирательной комиссией, научными и академическими кругами, ассоциацией интернет-СМИ и общественными организациями.

Заинтересованное лицо, кандидат на выборную должность или политическая партия могут обратиться в комиссию с запросом опротестовать недостоверную информацию в течение 10 дней с момента ее выпуска в сеть Интернет. После получения запроса комиссия должна сразу проверить достоверность спорной информации и, в случае правомерности действий заинтересованного лица, потребовать опровержения у соответствующего интернет-ресурса.

Интернет-СМИ должны стремиться информировать, анализировать и объяснять избирателям суть предвыборных обещаний кандидатов и политических партий, проверять, насколько предвыборные обещания соответствуют реальным политическим взглядам кандидатов, сравнивать и сопоставлять позиции и предвыборные платформы различных кандидатов и политических партий, обращать внимание на неточности и недостоверную информацию в других интернет-ресурсах и требовать по этим вопросам опровержения [2, с. 412].

Под электронным голосованием (e-voting) понимают различные виды голосования, когда используются технические электронные средства голосования и технические электронные средства подсчета голосов, т. е. электронную демократию и электронное голосование объединяет процесс голосования и подсчета голосов с использованием телекоммуникационных средств [3, С. 32]. Применение системы электронного голосования должно отвечать требованиям надежности, точности и эффективности.

Основополагающим условием применения процедур электронного голосования, является условие о том, что в процессе проведения электронного голосования должны уважаться все принципы демократических выборов и референдумов. Рекомендация Комитета Министров Совета Европы государствам-членам «О стандартах электронного голосования» определяет, что электронное голосование должно быть таким же надежным, безопасным, как демократические выборы и референдумы, проводимые без привлечения каких-либо электронных средств или устройств. Это ключевое условие, положенное в основу построения всех последующих 112 правил Рекомендации.

Эстония с 2005 г. стала использовать электронное голосование на местных выборах. Страна стала первой в мире, избиратели которой смогли проголосовать дистанционно с использованием Интернета. Развитие система получила в 2007 году, когда граждане смогли посредством Интернет-голосования избрать парламент страны, а в 2009

году – кандидатов в Европарламент. Для голосования необходима ID-карта с электронной цифровой подписью (ЭЦП). Сегодня e-ID есть у любого гражданина страны.

Вопрос о проведении интернет-голосования в Республике Корея пока не решён, еще в 2012 году была подготовлена система электронного голосования на парламентских выборах. Однако из-за отсутствия законодательной базы решение вопроса было отложено на неопределённый срок. С 2022 года Республика Корея развернула систему онлайн-голосования на основе блокчейн-технологии в рамках правительственного проекта по внедрению инноваций в сфере государственных услуг. Изначально система использовалась только на выборах глав политических партий (праймериз), а также руководителей в государственных учреждениях и школах (в рамках пилотного применения технологии блокчейн). Государство намерено запустить цифровые удостоверения граждан Южной Кореи на базе блокчейна в 2024 году.

Есть свои особенности проведения выборов с использованием электронной избирательной системы в Республике Казахстан. Голосование в Республике Казахстан проводится в соответствии с Конституционным законом Республики Казахстан от 28 сентября 1995 года № 2464 О выборах в Республике Казахстан (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.01.2024 г.). Электронное голосование осуществляется избирателем посредством электронных избирательных бюллетеней в кабине для тайного голосования, в которой запрещается присутствие иных лиц, кроме голосующего, за исключением случаев, предусмотренных законодательством. Избиратель на электронном избирательном бюллетене путем использования элементов управления устройства находит фамилию кандидата, за которого он хочет проголосовать, или строку «против всех» и подтверждает свое голосование. При голосовании за политические партии избиратель путем использования элементов управления устройства для электронного голосования находит наименование политической партии, за которую он хочет проголосовать, или графу «против всех» и подтверждает свое голосование. Проголосовавший избиратель передает устройство для электронного голосования члену избирательной комиссии.

Председатель избирательной комиссии за 30 минут до начала голосования в присутствии членов комиссии: проверяет исправность работы электронной избирательной системы; определяет членов комиссии, ответственных за учет избирателей и выдачу устройств для электронного голосования. До начала голосования председатель избирательной комиссии вскрывает запечатанный пароль запуска

электронной избирательной системы и запускает систему путем его ввода. При этом присутствующим предварительно должна быть обеспечена возможность убедиться в целостности мер защиты пароля. Избиратель допускается к электронному голосованию на основании списков избирателей по предъявлении документа, удостоверяющего личность избирателя (ст. 50-5 КЗ РК).

Вне помещения для голосования избиратели голосуют с помощью переносного устройства, которое должно быть обеспечено возможностью сохранять данные о волеизъявлении всех голосовавших. В переносное устройство для электронного голосования на основании поданных заявлений избирателей заблаговременно вводятся данные о них из списка избирателей.

При использовании электронного голосования подсчет голосов производится электронной избирательной системой. Подсчет голосов начинается в установленное в соответствии с настоящим Конституционным законом время, но не ранее введения в электронную избирательную систему данных, содержащихся во всех устройствах для голосования на данном участке. Данные о подсчете голосов должны быть зафиксированы в устройстве данных о голосовании. Информация о результатах электронного голосования на избирательном участке вносится электронной системой в электронный протокол, который заверяется электронными цифровыми подписями членов комиссии.

Копия электронного протокола на бумажном носителе, подписанная членами избирательной комиссии, вывешивается в помещении избирательного участка в специально установленном месте для всеобщего ознакомления и находится в помещении в течение двух дней. По желанию лица, присутствующего в соответствии с настоящим Конституционным законом при подсчете голосов, ему выдается копия электронного протокола о результатах электронного голосования на бумажном носителе, заверенная подписями председателя и секретаря комиссии и печатью соответствующей избирательной комиссии (ст. 50-6).

При обжаловании результатов голосования с использованием электронной избирательной системы в вышестоящей избирательной комиссии или суде устройство для записи данных о голосовании рассматривается в качестве доказательства. Для целей настоящей статьи устройства для записи данных о голосовании хранятся в соответствующей областной (города республиканского значения, столицы) территориальной избирательной комиссии (с. 50-8).

После подсчета голосов устройство для записи данных о голосовании упаковывается в пакет, опечатывается печатью

избирательной комиссии и передается в соответствующую областную (города республиканского значения, столицы) избирательную комиссию.

Устройства для записи данных о голосовании хранятся в течение одного года со дня окончания выборов (ст. 50-9).

В соответствии с Постановлением ЦИК Республики Казахстан от 18 ноября 2005 г. № 45/90 «Об утверждении Положения об обеспечении информационной безопасности электронной избирательной системы» электронная избирательная система должна быть обеспечена соответствующими мерами безопасности, исключающими несанкционированный доступ к информации, нарушение функционирования программно-технических средств сбора, обработки, накопления, хранения, поиска и передачи информации, выведение указанных средств из строя.

Несмотря на то, что использование электронных систем несет в себе определенные риски (соблюдение тайны голосования, надежность идентификации личности, информационная безопасность и др.), в современном мире наблюдается активная модернизация избирательного процесса в соответствии с развитием общества и ростом использования новых технологий.

Библиографические ссылки

1. Современные избирательные системы. Вып. 18: Венгрия, Казахстан, Тунис / А.Н. Бурова, С.В. Ведяшкин, А.А. Макарец, Д.В. Сенникова, Э.С. Юсубов; науч. ред. А.А. Автономов, В.И. Лысенко. — М.: РЦОИТ, 2023. — 496 с.

2. Современные избирательные системы. Вып. 8: Бразилия, Франция, Чехия, Южная Корея / А.Г. Орлов, М.А. Мещерякова, С.Я. Павлов, Т.О. Кузнецова; науч. ред. А.В. Иванченко, В.И. Лафитский. — М.: РЦОИТ, 2013. — 488 с.

3. Курячая, М. М. Электронное голосование как этап развития непосредственной демократии / М. М. Курячая // Конституционное и муниципальное право. 2017. — № 11. — С. 31–35.

ПЕРАЕМНАСЦЬ САВЕЦКАГА ВОПЫТУ ДАЛУЧЭННЯ ГРАМАДСКАСЦІ ДА АДПРАЎЛЕННЯ ПРАВАСУДДЗЯ Ё РЭСПУБЛІЦЫ БЕЛАРУСЬ

Г.А.Корабава

Аспірант кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права,
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, юрыдычны факультэт,
г. Мінск, Рэспубліка Беларусь

У артыкуле разглядаецца сучаснае становішча далучэння грамадскасці да адпраўлення правосуддзя ў крымінальным працэсе Рэспубліцы Беларусь. Аўтар звяртае ўвагу на пераемнасць савецкай традыцыі далучэння народных засядацеляў у якасці прадстаўнікоў грамадскасці пры адпраўленні правосуддзя. Праводзіцца аналіз прапаноў ўдасканалення дадзенага інстытута, якія маюць паходжанне з савецкага вопыту выкарыстання інстытута народных засядацеляў.

В статье рассматриваются современные направления приобщения общественности к отправлению правосудия в уголовном процессе Республики Беларусь. Автор обращает внимание на преемственность советской традиции приобщения народных заседателей в качестве представителей общественности для выполнения функции отправлении правосудия. Проводится анализ предложений совершенствования данного института, имеющих происхождение из советского опыта использования института народных заседателей.

The article examines the modern directions of public involvement in the administration of justice in the criminal process of the Republic of Belarus. The author draws attention to the continuity of the Soviet tradition of introducing people's assessors as representatives of the public to perform the function of administration of justice. The analysis of proposals for the improvement of this institute, which originate from the Soviet experience of using the Institute of people's assessors, is carried out.

Ключавыя словы: грамадскасць, савецкі крымінальны працэс, удзельнікі крымінальнага працэсу, народныя засядацелі, адпраўленне правосуддзя.

Ключевые слова: общественность, советский уголовный процесс, участники уголовного процесса, народные заседатели, отправление правосудия.

Keywords: the community, the Soviet criminal process, the criminal procedure participants, people's assessors, administration of justice.

Пасля распаду СССР у 1991 годзе большасць былых саюзных рэспублік захавала элементы ўдзелу грамадскасці ў крымінальным

судаводства. Але амаль толькі ў форме ўдзелу грамадскасці ў адпраўленні правосуддзя. Па-першае, варта звярнуць увагу на мадэльнае крымінальна-працэсуальнае заканадаўства Садружнасці Незалежных Дзяржаў, у якую ўваходзяць былыя саюзныя дзяржавы. Паводле арт. 65 Мадэльнага КПК для дзяржаў – удзельніц Садружнасці Незалежных Дзяржаў разгляд крымінальных спраў па абвінавачанні асоб у здзяйсненні цяжкіх, асабліва цяжкіх і выключнай цяжкасці злачынстваў ажыццяўляецца судом першай інстанцыі ў складзе суддзі і калегіі прысяжных засядацеляў альбо, са згоды абвінавачанага, трох суддзяў. Справы аб злачынствах невялікі цяжару разглядаюцца міравымі суддзямі аднаасобна. Іншыя справы разглядаюцца судом першай інстанцыі ў складзе трох суддзяў.

Краіны постсавецкай прасторы пайшлі трыма шляхамі: замацавалі паўнамоцтвы па адпраўленні правосуддзя за адным або некалькімі прафесійнымі суддзямі і выключылі ўдзел грамадскасці ў адпраўленні правосуддзя і ў крымінальным працэсе ўвогуле (Арменія, Азербайджан, Малдова, Літва); увялі суд прысяжных (Расійская Федэрацыя, Казахстан, Кыргызстан); захавалі інстытут народных засядацеляў (Рэспубліка Беларусь, Узбекістан, Таджыкістан, Туркменістан, Латвія, Украіна).

У Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь удзел грамадзян у адпраўленні правосуддзя не з’яўляецца канстытуцыйным палажэннем, як і ў астатніх былых саюзных рэспубліках. Але варта звярнуць увагу, што Канстытуцыйны суд Рэспублікі Беларусь у сваім рашэнні “Аб адпаведнасці Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь Закона Рэспублікі Беларусь “Аб унясенні змяненняў і дапаўненняў у законы Рэспублікі Беларусь па пытаннях судаўладкавання і судаводства” ад 14 снежня 2016 г. № Р-1077/2016 вызначыў, што заканадаўчае замацаванне інстытута народных засядацеляў з’яўляецца адной з формаў механізму рэалізацыі нормы ч. 1 арт. 3 Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь, паводле якой, адзінай крыніцай дзяржаўнай улады ў Рэспубліцы Беларусь з’яўляецца народ, у сістэмнай сувязі з нормамі арт. 37 Канстытуцыі аб праве грамадзян Рэспублікі Беларусь удзельнічаць у вырашэнні дзяржаўных спраў як непасрэдна, так і праз свабодна абраных прадстаўнікоў і аб непасрэдным удзеле грамадзян у кіраванні справамі грамадства і дзяржавы.

Адначасова з гэтым, Канстытуцыйным судом было адзначана, што судовая ўлада з’яўляецца адной з галін дзяржаўнай улады, таму, удзельнічаючы ў дзейнасці суда па ажыццяўленню правосуддзя, народныя засядацелі разам з суддзямі рэалізуюць дзяржаўную судовую ўладу, што выступае найважнейшым элементам дэмакратычнай прававой дзяржавы, дадатковай гарантыяй абароны правоў і свабод грамадзян.

Правовое і працэсуальнае становішча народнага засядацеля вызначаецца Кодэксам аб судаўладкаванні і становішчы суддзяў ад 29 чэрвеня 2006 года № 139-3 (далей — КаСіС) і КПК Рэспублікі Беларусь 1999 года.

Паводле арт. 117 КаСіС, грамадзяне Рэспублікі Беларусь маюць права ўдзельнічаць у дзейнасці суда па ажыццяўленні правасуддзя ў якасці народных засядацеляў у парадку і выпадках, устаноўленых КаСіС і іншымі заканадаўчымі актамі. Народнымі засядацелямі могуць быць грамадзяне Рэспублікі Беларусь, якія дасягнулі 25-гадовага ўзросту, і валодаюць беларускай і рускай мовамі. Таксама дадзеным артыкулам вызначаюцца абставіны, пры якіх асоба не можа прызначацца народным засядацелем. Згодна з арт. 118 КаСіС, колькасць народных засядацеляў усталёўваецца ў наступных суадносінах для раённых (гарадскіх), судаў — не менш за 35 народных засядацеляў на аднаго суддзю, для абласных судаў — за 25 народных засядацеляў, для Вярхоўнага Суда Рэспублікі Беларусь — за дзесяць народных засядацеляў на аднаго суддзю. Падбор кандыдатаў і складанне спісаў народных засядацеляў ажыццяўляюцца тэрмінам на пяць гадоў адпаведным выканаўчым камітэтам, а падбор кандыдатаў і складанне спісаў народных засядацеляў Вярхоўнага Суда Рэспублікі Беларусь — Мінскім гарадскім выканаўчым камітэтам. Папярэдніх кандыдатаў выбіраюць з ліку асоб прапанаваных працоўнымі калектывамі і грамадскімі аб'яднаннямі або вызначаных шляхам выпадковай выбаркі са спісаў грамадзян Рэспублікі Беларусь, якія маюць выбарчыя правы. З ліку асоб, якія далі згоду на іх уключэнне ў спіс народных засядацеляў, выканаўчым камітэтам складаецца спіс народных засядацеляў. Варта заўважыць, што колькасць прадстаўнікоў працоўных калектываў і грамадскіх аб'яднанняў павінна складаць не менш за 30 працэнтаў ад агульнай колькасці народных засядацеляў, уключаных у спіс. Дадзеныя спісы ўзгадняюцца адпаведнай пракуратурай і калегіяй адвакатаў, якія маюць права выключыць са спісу народных засядацеляў да 25 працэнтаў ад іх колькасці, і зацвярджаюцца адпаведным абласным або Мінскім гарадскім Саветамі дэпутатаў, а спіс народных засядацеляў Вярхоўнага Суда Рэспублікі Беларусь зацвярджаецца Прэзідэнтам Рэспублікі Беларусь.

Народны засядацель прыцягваецца да выканання сваіх абавязкаў на тэрмін не больш за 21 дзень у годзе, а ў выпадку, калі час разгляду канкрэтнай справы перавышае ўказаны тэрмін, — на тэрмін разгляду гэтай справы. Парушэнне прадугледжанага парадку прыцягнення народных засядацеляў да ўдзелу ў разглядзе канкрэтнай справы з'яўляецца падставай для прызнання складу суда незаконным, што цягне безумоўную адмену прысуду. Таксама КаСіС прадугледжвае сацыяльныя

гарантыі для народных засядацеляў і замацоўвае роўнасць суддзі і народнага засядацеля [1, с. 156].

Паводле арт. 32 КПК Рэспублікі Беларусь вызначаецца, што крымінальныя справы ў судзе першай інстанцыі разглядаюцца аднаасобна або калегіяльна. Калегіяльнае разгляд крымінальных спраў ажыццяўляецца судом у складзе суддзі і двух народных засядацеляў, якая разглядае справы аб злачынствах, за якія крымінальным законам прадугледжваюцца пакаранне звыш дзесяці гадоў пазбаўлення волі або смяротнае пакаранне, а таксама аб злачынствах непאўналетніх. Па сваім працэсуальным становішчы народны засядацель цалкам прыраўноўваецца да прафесійнага суддзі.

Такім чынам, інстытут народных засядацеляў у Рэспубліцы Беларусь значна пераняў савецкую традыцыю інстытута народных засядацеляў у частцы парадку прызначэння народных засядацеляў, патрабаванняў да народных засядацеляў, іх працэсуальнага становішча.

Вартай увагі мы лічым прапанову І. І. Марціновіч аб прыцягненні пры разглядзе крымінальных спраў аб злачынствах непאўналетніх народных засядацеляў з адмысловага спісу, складзенага з ліку педагогаў, псіхолагаў, сацыёлагаў, дактароў, асоб, якія цікавяцца або займаюцца праблемамі абароны правоў дзяцей і падлеткаў і іх выхавання [2, с. 10]. Такая прапанова цалкам супадносіцца з арт. 430 КПК Рэспублікі Беларусь, паводле якога крымінальныя справы аб злачынствах непאўналетніх падлягаюць разгляду суддзямі, якія маюць спецыяльную падрыхтоўку. Дадзеная прапанова вынікае з савецкай традыцыі і савецкага вопыту спецыялізацыі народных засядацеляў.

Нельга не адзначыць прапановы В. М. Бібіла і Л. Г. Закрэўскага аб мадыфікацыі складу суда і павялічэнні ў складзе калегіі колькасці народных засядацеляў [3, с. 205; 4, с. 56]. Дадзены вопыт таксама вядомы савецкаму крымінальна-працэсуальнаму заканадаўству паводле КПК РСФСР 1922 года.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1.100 лет Верховному Суду Беларуси: право, закон, справедливость. / А. Н. Гайшун [и др.]. — Мн. : Колорград, 2023. — 197 с.

2.Мартинovich, И. И. Создание ювенальной юстиции в Беларуси – требование времени / И. И. Мартинovich // Перспективы создания ювенальной юстиции в Республике Беларусь : сб. ст. и матер. / Представительство Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ) в Респ. Беларусь ; под общ. ред. Г. М. Леоновой. – Мн., 2004. – С. 6–15.

З.Бибило, В. Н. Перспективы развития судебной власти по Концепции судебно-правовой реформы Республики Беларусь // Проблемы юриспруденции: избранные труды развития транспорта и логистики в Республике Беларусь / В. Н. Бибило. – Мн., 2010. – 470 с.

4.Закревский, Л. Г. К вопросу об участии представителей гражданского общества в осуществлении правосудия в Республике Беларусь / Л. Г. Закревский // Сацыяльна-эканамічны і прававы даследаванні : навукова-практычны і інфармацыйна-метадычны часопіс / заснавальнік Прыватная ўстанова адукацыі «БІП — Інстытут правазнаўства». — 2016. — № 2. — С. 53 — 57.

ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕРМИНА ВРЕД И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Е.С. Королева

Аспирант кафедры теории государства и права,
преподаватель кафедры теории государства и права,
Саратовская государственная юридическая академия,
г. Саратов, Российская Федерация

Прадстаўлены комплексны аналіз эвалюцыі ўяўленняў аб сутнасці і змесце паняцця «шкода», а таксама вызначаны перспектывы накіраванага далейшага вывучэння. Зроблена выснова аб неабходнасці пашырэння тэарэтыка-метадалагічнай базы даследавання шкоды з улікам сучасных тэндэнцый і выклікаў.

Представлен комплексный анализ эволюции представлений о сущности и содержании понятия «вред», а также определены перспективные направления его дальнейшего изучения. Сделан вывод о необходимости расширения теоретико-методологической базы исследования вреда с учетом современных тенденций и вызовов.

A comprehensive analysis of the evolution of ideas about the essence and content of the concept of «harm» is presented, and promising directions for its further study are identified. The conclusion is made about the need to expand the theoretical and methodological base of harm research, taking into account current trends and challenges.

Ключевые слова: вред; правовое регулирование; эволюция понятия.

Ключавыя словы: шкода; прававое рэгуляванне; эвалюцыя паняцця.

Keywords: harm; legal regulation; evolution of the concept.

Термин «вред» является одним из ключевых понятий для многих сфер науки и практики – медицины, психологии, юриспруденции, этики и других. Несмотря на широкое использование данного термина, его сущность и содержание остаются предметом активных научных исследований. В связи с этим, проведение историко-теоретического анализа термина «вред» и рассмотрение перспектив его дальнейшего изучения представляется актуальной задачей.

Первые упоминания о вреде как самостоятельной правовой категории встречаются в древнейших правовых источниках. Так, в Законах Хаммурапи (XVIII в. до н.э.) содержались нормы, регулировавшие ответственность за причинение различного рода вреда. Например, при обвинении в колдовстве, ущерб, причиненный одним лицом другому, когда доказательства были невозможны, карался применением «божьего суда» [2, с. 3.].

Историческое развитие представлений о вреде восходит к трудам античных философов, которые заложили основы понимания вреда как негативного явления, причиняющего ущерб индивиду или обществу.

Древнегреческая философия исходила из идеи естественного права, согласно которой существует некий высший, вневременной правопорядок, регулирующий отношения между людьми. Нарушение этого порядка, причинение физического или морального вреда рассматривалось как несправедливость, требующая восстановления и наказания. Так, Аристотель в своем труде «Никомахова этика» рассматривал понятие вреда в контексте несправедливости. Он определял вред как неправомерное и испорченное действие, совершенное человеком по сознательному выбору [1, с.163.].

В Древнем Риме понятие вреда трактовалось преимущественно в узком, материальном смысле. Согласно Законам XII таблиц (V в. до н.э.), вред рассматривался исключительно как физический ущерб или повреждение имущества. Так, в таблице VIII указано, что в случае поступления жалобы на причинение ущерба от домашнего животного, было велено выдать такое животное или возместить стоимость нанесенного вреда [7, с. 29.].

Последующее развитие римского права привело к дальнейшей конкретизации и дифференциации видов вреда, выделению таких его разновидностей, как *damnum emergens* (реальный ущерб) и *lucrum cessans* (упущенная выгода).

В средневековой схоластической философии категория вреда анализировалась через призму христианской этики. Основопологающим был теологический подход, согласно которому вред трактовался как следствие нарушения божественных установлений, отступления от

праведного пути. Фома Аквинский связывал вред со злом, которое возникало в результате «лишенности блага, которое преимущественно и само по себе есть совершенство и актуальность» [6, с.62.].

Эпоха Нового времени ознаменовалась дальнейшей эволюцией представлений о вреде. Философы и правоведы этого периода активно разрабатывали теории, посвященные правам личности, что стимулировало расширение понимания вреда за пределы сугубо материальных потерь. Развивается идея деликтной ответственности за причинение вреда, предполагающая возмещение имущественных и нематериальных убытков. Концепции объективной и субъективной теории вреда закладывают основы для формирования институтов гражданско-правовой и уголовной ответственности. Так, Гюго Гроций связывал понятие вреда с нарушением субъективных прав человека, по его мнению, одним из основоположных предписаний естественного права было возмещение ущерба, причиненного по нашей вине, а также воздаяние людям заслуженного наказания.

В эпоху Просвещения понятие вреда становится предметом пристального внимания юристов и этиков. В произведении «Метафизика нравов» Иммануил Кант отождествлял вред с нарушениями законов, а в особенности он считал, что любое действие, которое противоречило долгу, называлось проступком, нарушая тем самым индивидуальные права человека [4, с.71.].

Утилитаристы, в свою очередь, определяли вред как зло, причинение страданий, снижающих общее благо. Иеремия Бентам высказывал мысли о том, что вред есть минимизация человеческих тягот и максимизация человеческой пользы. По его мнению, источником вреда со стороны государства по отношению к личности было вмешательство в частную жизнь граждан, поскольку законодательное искоренение таких пороков, как пьянство и разврат, вели к принижению моральных норм и правил благоразумия.

Становление и развитие институтов гражданской ответственности в XIX-XX вв. способствовало формированию более комплексного понимания категории «вред». К традиционным имущественным и физическим формам вреда добавились моральная компенсация, защита и возмещение вреда, причиненного деловой репутации и иные виды ущерба.

В научной доктрине также получила распространение концепция «нематериального вреда», выходящего за рамки сугубо экономических потерь. Данная концепция подразумевала страдания, ущерб деловой репутации и других неимущественных благ личности. Так, в советское время был принят ряд законодательных актов, которые закрепляли

защиту чести и достоинства. Примером может послужить нормы, которые защищали сотрудников милиции, к примеру, Уголовный кодекс 1922 года предусматривал ответственность за оскорбление представителя власти, в случае его нанесения публично, при исполнении им служебных обязанностей [5, с. 321].

Также развивающиеся в данный период процессы кодификации гражданского и уголовного законодательства способствовали развитию понятия права с точки зрения возникновения обязательства по возмещению вреда. Расширение сферы нематериального вреда привело к разработке механизмов компенсации морального вреда, в том числе в форме денежной компенсации. В трудовом праве оформилась концепция вреда, связанного с несчастными случаями на производстве и профессиональными заболеваниями.

Новые аспекты понятия вреда были связаны с экологической сферой и защитой прав потребителей. Возникли концепции экологического и потребительского вреда, требующие разработки специальных правовых механизмов возмещения.

В 1992 году был принят Закон «О защите прав потребителей», появление которого было связано с бурным развитием массового потребления, что привело к росту случаев причинения вреда здоровью и имуществу потребителей. Концепция потребительского вреда включала в себя ущерб, вызванный небезопасностью продукции, недостоверной или вводящей в заблуждение информацией, ненадлежащим исполнением обязательств. Ее значение состояло в необходимости правовой защиты граждан, включая возмещение ущерба. Вследствие чего, концепция потребительского вреда стала важным дополнением к традиционному пониманию вреда, отвечая на вызовы массового общественного потребления.

Таким образом, историко-теоретический анализ термина «вред» демонстрирует его эволюцию от узкого понимания как сугубо экономического ущерба к более широкому, включающему нематериальные, экологические, потребительские и другие аспекты. Это отражает общую тенденцию права к всесторонней защите прав и законных интересов личности и общества в условиях развития промышленности, науки и массового потребления. Понятие вреда становится универсальным правовым концептом, интегрирующим в себе различные сферы жизни.

Проведенный анализ понятия «вред» позволяет обозначить ряд перспективных направлений для его дальнейшего исследования. Сюда можно отнести:

1. Разработку универсальной классификации видов вреда с учетом динамики развития общественных отношений. Особое внимание следует уделить выявлению новых, ранее не изученных форм вреда.

2. Исследование проблем возмещения нематериального вреда, включая сложности определения его размера и форм компенсации. Данное направление представляется актуальным в условиях возрастающей роли личных неимущественных прав и свобод.

3. Междисциплинарный анализ категории «вред» с учетом достижений смежных отраслей знаний (экономики, психологии, социологии и др.). Это позволит обеспечить более комплексное понимание данного феномена.

Комплексное изучение категории «вред» с учетом исторического опыта, теоретических дискуссий и современных тенденций развития права является важной научно-практической задачей. Результаты таких исследований будут способствовать совершенствованию механизмов правового регулирования возмещения вреда и защиты прав субъектов правоотношений.

Библиографические ссылки

1. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. – М.: Мысль, 1983. – Т. 4. – С. 54-293.

2. Законы вавилонского царя Хаммурапи. URL: <https://goo.su/enDSt> (дата обращения: 26.09.2024).

3. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 08.08.2024) «О защите прав потребителей» // Российская газета N 8, 16.01.1996

4. Кант Иммануил. Метафизика нравов. Ч. 1. Сочинения на немецком и русском языках Т. 5: под ред. Б. Тушлинга, Н. Мотрошиловой. — М.: «Канон» РООИ «Реабилитация», 2014. — 1120 с.

5. Лукашов, А. О. История института защиты чести достоинства и деловой репутации / А. О. Лукашов // Вопросы устойчивого развития общества. – 2021. – №. 4. – С. 319-325.

6. Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть I. Вопросы 44-74: 5-901620-56-9, 966-521-201-X. Издательство: Киев: Эльга, Ника-Центр, Элькор-МК, Экслибрис. 2003. Перевод Еремеева.

7. Хрестоматия по истории Древнего мира. Т. III. Рим. Под ред. акад. В. В. Струве, – М., 1953. – 280.

ПРАВОВЫЕ СТИМУЛЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ В ИНВЕСТИЦИОННОМ ПРАВЕ

О.М. Куницкая

Доцент кафедры хозяйственного права,
кандидат юридических наук, доцент,
Белорусский государственный университет, юридический факультет,
г. Минск, Республика Беларусь

Правовыя стымулы і прававыя абмежаванні ў механізме прававога рэгулявання ажыццяўлення інвестыцый разглядаюцца ў якасці галіновай разнавіднасці прававых стымулаў і абмежаванняў, грунтуючыся на асноўных крытэрыях, распрацаваных агульнай тэорыяй права. Вызначаюцца напрамкі іх інтэрпрэтацыі ў дачыненні да інвестыцыйнага права. Канкрэтныя прававыя сродкі (правамерныя стымулы і абмежаванні) увасабляюцца ў спецыяльныя прававыя рэжымы ажыццяўлення інвестыцый (інвестыцыйныя рэжымы), нападўняючыся адпаведным (правастымулюючым або праваабмяжоўвальным) зместам.

Правовые стимулы и правовые ограничения в механизме правового регулирования осуществления инвестиций рассматриваются в качестве отраслевой разновидности правовых стимулов и ограничений, основываясь на основных критериях, разработанных общей теорией права. Определяются направления и черты их интерпретации применительно к инвестиционному праву. Конкретные правовые средства (правомерные стимулы и ограничения) воплощаются в специальные правовые режимы осуществления инвестиций (инвестиционные режимы), наполняясь соответствующим (правостимулирующим и(или) правоограничивающим) содержанием.

Legal incentives and legal restrictions in the mechanism of legal regulation of investments are considered as an industry-specific type of legal incentives and restrictions, based on the main criteria developed by the general theory of law. The directions of their interpretation in relation to investment law are determined. Specific legal means (legal incentives and restrictions) are embodied in special legal regimes for making investments (investment regimes), filled with appropriate (law-enhancing or law-restricting) content.

Ключавыя словы: інвестыцыйнае права, прававыя сродкі, механізм прававога рэгулявання, прававыя стымулы, прававыя абмежаванні.

Ключевые слова: инвестиционное право, правовые средства, механизм правового регулирования, правовые стимулы, правовые ограничения.

Keywords: investment law, legal means, mechanism of legal regulation, legal incentives, legal restrictions.

Для эффективного осуществления правотворческой и правоприменительной деятельности необходимы правовые средства. В состав правовых средств входят, в том числе, правовые стимулы и правовые ограничения. Благодаря наличию системы указанных правовых средств, обеспечивается результативное правовое воздействие на общественные отношения и удовлетворение интересов участников инвестиционных правоотношений. Указанная система составляет в общем виде механизм правового регулирования осуществления инвестиций.

А.В. Малько обозначил связь правовых ограничений и правовых стимулов, а также показал их взаимозависимость, заключающуюся в том, что «правовой стимул включает в себя элемент правового ограничения и наоборот» [7, с. 61]. Автор полагает, что «стимул – это правовое побуждение к законопослушному поведению, создающее для удовлетворения собственных интересов субъекта режим благоприятствования» [7, с. 61], а «правовое ограничение есть правовое сдерживание противозаконного деяния, создающее условия для удовлетворения интересов контрсубъекта и общественных интересов в охране и защите; это установленные в праве границы, в пределах которых субъекты должны действовать, исключение определенных возможностей в деятельности лиц» [7, с. 240].

Также справедливо замечается, что «правовые стимулы (в форме льгот, гарантий, поощрений, иммунитетов, привилегий, грантов, преференций) по своей природе являются правовыми исключениями, создающими правовые преимущества своим обладателям» [8, с. 92].

Г.Х. Афзалетдинова предложила «совокупность юридических средств стимулирующей и ограничивающей направленности, создающих специфическую упорядоченность общественных отношений, особые условия для субъектов с целью реализации их законных интересов» именовать «исключительным режимом» и считать его «частью механизма правового регулирования» [2, с. 9].

В современном законодательстве и литературных источниках все чаще используется термин «правовой режим» и исследуется его природа. Отдельные авторы считают, что правовой режим – это «социальный режим определенного объекта, который закрепляется правовыми нормами и обеспечивается совокупностью юридических средств» [3, с. 258-259].

С точки зрения функциональной характеристики правовой

режим определяется как «порядок регулирования, который выражен в комплексе правовых средства, характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений, запретов, а также позитивных обвязываний, и создающих особую направленность регулирования» [1, с. 182], и этот порядок правового регулирования «на основе оптимального сочетания юридических средств ограничительного или стимулирующего характера служат субъектам общественных отношений для беспрепятственной реализации ими своих прав и обязанностей и законных интересов» [5, с. 20-23].

Инвестиционные правовые режимы образуют отдельную группу правовых режимов, которые отражают особенности регулирования отношений в сфере движения инвестиций [4, с. 17]. С учетом выработанной теории правовых режимов в общей теории права относительно классификации правовых режимов указанный автор отмечает, что «инвестиционные режимы относятся к числу вторичных (специальных) правовых режимов, поскольку они вносят либо особые льготы и преимущества, либо особые ограничения» [4, с. 17].

Как нам представляется, важна конечная общая цель установления в нормативном порядке и применения правовых стимулов и ограничений – повышение эффективности механизма правового регулирования общественных отношений, который служит для удовлетворения интересов субъектов права. Применительно к отдельному объекту, субъекту инвестиционных правоотношений и по иным основаниям выделяются дополнительные факторы, влияющие на цель, значение и роль правовых стимулов и ограничений в регулировании соответствующих общественных отношений. Отсюда и выделение специальных правовых режимов в инвестиционном праве.

При регулировании инвестиционных правоотношений широко и целенаправленно используются правовые стимулы и правовые ограничения. Инвестиционное законодательство, по сути, состоит из нормативных правовых актов, специально посвященных регулированию привлечения инвестиций в экономику. Как правило, они касаются специальных правовых режимов осуществления инвестиций стимулирующего характера. И это оправдано, поскольку согласно преамбуле Закона Республики Беларусь от 12.07.2013 г. «Об инвестициях» одними из целей и назначения инвестиционного законодательства определено «привлечение инвестиций в экономику Республики Беларусь». Общественная значимость инвестиций является достаточно высокой. Как нам представляется, данное положение определяет наиболее общие характеристики пределов правовых

стимулов осуществления инвестиций, и сформулировано с учетом интересов общества и государства.

При этом в статье 7 Закона Республики Беларусь от 12.07.2013 г. «Об инвестициях» прописано, что «ограничения при осуществлении инвестиций могут устанавливаться на основании законодательных актов в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав, свобод и законных интересов других лиц. Законодательными актами, регулирующими отношения, связанные с осуществлением инвестиций на основе концессии, в рамках государственно-частного партнерства, могут устанавливаться ограничения в отношении использования объектов гражданских прав в качестве инвестиций, за исключением денежных средств (денег), включая привлеченные (в том числе займы, кредиты).

Данные положения определяют наиболее общие характеристики пределов ограничения основных прав.

Таким образом, инвестиционно-правовые нормы выступают как способ оформления правовых средств, которые в свою очередь могут воздействовать на инвестиционную деятельность стимулирующе или ограничивающе.

Система правовых стимулов в инвестиционной сфере включает в себя права инвестора, гарантии его прав и меры защиты инвестиций.

Рядом и наравне с правовыми ограничениями должны стоять правовые стимулы для установления равновесия (баланса) правотворческого, правореализационного процессов, для того, чтобы в максимально полном объеме удовлетворить интересы участников инвестиционных правоотношений, имеющих порой полярный (противоположный) характер.

Суть правовых стимулов состоит в том, что у инвестора имеется выбор в поведении, и он побуждается к такому поведению, в котором заинтересовано общество.

Правовые ограничения носят негативный характер. Они сдерживают осуществление «собственных» интересов лица, одновременно направляя лицо удовлетворять интересы другие, как правило, публичные интересы.

Несмотря на их взаимосвязь, это отдельные институты (разные функции). При этом следует отметить, что своего максимального эффекта они достигнут лишь в комплексе, в единстве их действия.

Основополагающим при формализации правовых стимулов и правовых ограничений является целеполагание их установления и реализации.

Из правовых норм, содержащих в себе правовые стимулы и ограничения формируются правовые режимы осуществления инвестиций.

Конкретная их система предопределяется потребностью развития государства в целом с целью повышения социальной активности, достижения осуществления социально полезной деятельности.

Назначение, содержание стимулов и ограничений, и их соотношение в инвестиционном законодательстве определяется политикой, проводимой государством в определенном периоде времени.

Библиографические ссылки

1. Алексеев, С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве // С.С. Алексеева. – М.: Юридическая литература, 1987. – 287 с.
2. Афзалетдинова, Г.Х. Исключительные режимы в российском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Г.Х. Афзалетдинова; «Московский гос. юридич. ун-т имени О.Е. Кутафина (МГЮА)». – М., 2016. – 29 с.
3. Исаков, В.Б. Механизм правового регулирования и правовые режимы / В.Б. Исаков // Проблемы теории государства и права: учебник. под ред. С. С. Алексеева. – М, 1987. – 448 с.
4. Лаптева, А.М. Инвестиционные режимы. Правовые аспекты: учеб. пособие для вузов / А.М. Лаптева. – М: Юрайт, 2022. – 284 с.
5. Лиманская, А.П. Специальные правовые режимы: общетеоретический анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / А.П. Лиманская; Рост. гос. эконом. ун-т (РИНХ). – Саратов, 2015. – 30 с.
6. Малько, А. В. Ограничения в праве: проблемы теории, практики, политики / А.В. Малько // Юридическая техника. – 2018. – № 12. – С. 238-248.
7. Малько, А. В. Стимулы и ограничения в праве / А. В. Малько. – М.: Юристъ, 2005. – 250 с.
8. Провалинский, Д.И. Подходы к определению понятия правовой стимул / Д.И. Провалинский // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 4 (53). – С. 90-94.

ИРРИГАЦИОННАЯ КОНЦЕПЦИЯ К. А. ВИТТФОГЕЛЯ В КОНТЕКСТЕ ИНФРАСТРУКТУРНОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

Д.А. Кучугурный

Старшы выкладчык кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права,
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, юрыдычны факультэт,
г. Мінск, Рэспубліка Беларусь

У артыкуле раскрываецца роля і значэнне інфраструктуры для функцыянавання дзяржавы на прыкладзе сувязі працэсу ўзнікнення дзяржаўнасці і неабходнасці будаўніцтва гідраўлічных (ірыгацыйных) збудаванняў ва ўсходніх аграрных таварыствах, выкладзенай у працах К.А.Вітфогеля.

В статье раскрывается роль и значение инфраструктуры для функционирования государства на примере связи процесса возникновения государственности и необходимости строительства гидравлических (иригационных) сооружений в восточных аграрных обществах, изложенной в трудах К.А.Витфогеля.

The article reveals the role and importance of infrastructure for the functioning of the state using the example of the connection between the process of the emergence of statehood and the need to build hydraulic (irrigation) structures in eastern agrarian societies, set out in the works of K. A. Wittfogel.

Ключавыя словы: К.А.Вітфогель, інфраструктура, ірыгацыя, гідраўлічная дзяржава.

Ключевые слова: К.А.Витфогель, инфраструктура, ирригация, гидравлическое государство.

Keywords: K. A. Wittfogel, infrastructure, irrigation, hydraulic state.

Вопросы происхождения государства являются одними из значимых как во всей системе социальных наук, так и в рамках юриспруденции. В частности, в качестве одной из теорий, объясняющих данный процесс, является ирригационная (гидравлическая) концепция К. А. Витфогеля, которая признается рядом ученых одной из основных (А. Б. Венгеров [1, с. 29], М. В. Антонов [2, с. 77], Т. В. Кашанина [3, с. 48], Р. Л. Карнейро [4, с. 57], Ю. Х. Рысбеков [5, с. 202], Э. Остром [6, с. 295], К. Р. Галеев [7, с. 155], Д. М. Перцев [8, с. 116], Р. М. Нуреев [9, с. 97], Ю. В. Латов [10, с. 8], А. В. Мун [11, с. 27], Я. Г. Риер [12, с. 50] и др.).

Согласно данной теории, основные положения которой изложены в фундаментальном исследовании «Деспотизм Востока. Сравнительное исследование тотальной власти» (1957 г.), процесс возникновения

государственности связывается с необходимостью строительства гидравлических (ирригационных) сооружений в восточных аграрных обществах вследствие вынужденного ответа аграрного общества на трудности ведения хозяйства в условиях засушливого климата. По мнению К. А. Виттфогеля, необходимость управления водными ресурсами для орошения сельскохозяйственных земель способствует формированию централизованных властей. Вода становится ключевым ресурсом, требующим координации и контроля, что приводит к созданию сложной инфраструктуры и государственных институтов. Государство в данном контексте выполняет важную инфраструктурную функцию, обеспечивая не только распределение водных ресурсов, но и создание необходимых механизмов для поддержания общественного порядка и управления. Это включает в себя строительство дамб, каналов и систем регулирования, а также разработку правовых норм, направленных на защиту водных источников [13, с. 15–38].

Данная теория подчеркивает важность взаимодействия между экологическими факторами и социально-политическими структурами. Эффективное управление водными ресурсами становится основой для устойчивого развития общества, а роль государства в этом процессе неизменно возрастает, что подтверждается историческими примерами различных цивилизаций (Египет, Месопотамия, Китай, Индия).

При этом создание и обеспечение функционирования ирригационных сооружений требует широкого разделения труда и кооперации, что с точки зрения экономики, является ключевыми условиями любого современного производственного процесса. В гидравлической экономике, по К. А. Виттфогелю, присутствуют три главные и определяющие характеристики, фактически дающие толчок развитию государственности и получению в перспективе прибавочного продукта. Это, во-первых, специфический тип разделения труда, связанный с крупномасштабными подготовительными операциями в виде ирригации и крупномасштабными защитными операциями в виде предотвращения наводнений. Во-вторых, это улучшение обработки земли и, как следствие, повышение урожайности. В-третьих, это необходимость крупномасштабного сотрудничества людей, которое, безусловно, должно быть организованным и управляемым на должном уровне [13, с. 24–28].

Автор теории наглядным образом демонстрирует связь водных сооружений с тяжелой промышленностью, астрономическими наблюдениями, составлением календарей, постройкой акведуков, резервуаров, навигационных каналов, мощных оборонительных структур, дорог и иных объектов необходимых для функционирования

государства, которые могут быть описаны как инфраструктура и общесоциальные дела.

Фактически в описываемой теории речь идет о двух типах инфраструктуры. Во-первых, материальной (здания, сооружения и пр.). Во-вторых, институциональной, включающей систему управления. При этом важнейшим элементом данного типа инфраструктуры выступает развитый класс управленцев, координирующий и контролирующий деятельность по поддержанию материальной инфраструктуры, поскольку ирригационные системы служат не только средством увеличения сельскохозяйственного производства и получения прибавочного продукта, но и формируют институциональные структуры и механизмы власти.

Данные идеи можно экстраполировать и на иные государства и регионы, сооружающие инфраструктурные проекты эпохального масштаба, для которых также характерно наличие как материальной, так и институциональной инфраструктуры. Например, римские дороги допустимо рассматривать в качестве элемента будущей имперской государственности, связывающего центр и периферию. Именно поэтому дорожные стандарты закреплялись в правовых актах: Законами XII таблиц ширина дороги по прямому направлению определялась в 8 футов, а на поворотах – 16 футов [14, С.6].

К подобным выводам приходил и К. А. Виттфогель, который понимал, что возникновение государств не всегда связано с ирригационным земледелием, но порождается в таком случае подражательным переносом соответствующих институтов, возникших в зоне ирригации. В результате ирригационные государства приобретали характер цивилизационных центров по отношению к периферии и полупериферии, что в ином ракурсе осмысливается концепцией мир-системного анализа.

Таким образом, дальнейшее развитие идеи К. А. Виттфогеля приводит к выводу, что создание и обеспечение надлежщего функционирования инфраструктуры является одним из факторов возникновения государственности, и позволяет выдвинуть идею о существовании инфраструктурной функции государства, а также рассматривать деятельность по обеспечению социума надлежщей инфраструктурой в качестве признака государства.

Библиографические ссылки

1. Венгеров, А. Б. Теория государства и права: учеб. для юридических вузов. – 3-е изд. / А. Б. Венгеров. – М. : Юриспруденция, 2000. – 528 с.

2. Антонов, М. В. Теория государства и права: учебник и практикум для академического бакалавриата / М. В. Антонов. – М. : Издательство Юрайт, 2018. – 497 с.

3. Кашанина, Т. В. Происхождение государства и права: учеб. пособие. / Т. В. Кашанина. – М. : Проспект, 2024. – 304 с.

4. Карнейро, Р. Л. Теория происхождения государства / Р. Л. Карнейро // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: сб. ст. / под ред. Л. Е. Гринина [и др.]. – Волгоград : Учитель, 2006. – С. 55–70.

5. Рысбеков, Ю. Х. Нарращивание потенциала интегрированного планирования и управления водными ресурсами Центральной Азии. Блок 3. Международное водное право и политика: Программа и материалы для тренинга, подготовленные в рамках проекта, осуществляемого совместно с UNESCO-IHE – Ташкент, 2012. – 293 с.

6. Остром, Э. Управление общим. Эволюция институций коллективного действия / Э. Остром ; пер. с англ. Т. Монтян. – Киев, 2013. – 400 с.

7. Галеев, К. Р. Теория гидравлического государства К.Виттфогеля и ее современная критика / К. Р. Галеев // Социологическое обозрение. – Т.10. – №3. – 2011 – С. 155–179.

8. Перцев, Д. М. К вопросу о теориях политогенеза / Д. М. Перцев // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2016. – № 407. – С. 115–120.

9. Нуреев, Р. М. Государственная система сельских земледельческих общин – традиционная командная экономика в национальном масштабе / Р. М. Нуреев // TERRA ECONOMICUS, 2011. – Т. 9. – №1 – С. 81-112.

10. Латов, Ю. В. «ВОСТОЧНЫЙ ДЕСПОТИЗМ» К. А. ВИТТФОГЕЛЯ (к 50-летию «странной» книги) / Ю. В. Латов // Историко-экономические исследования. 2007. – Т. 8. – № 2. – С. 8–37.

11. Мун, А. В. Сущность концепции «восточного общества» К.А.Виттфогеля и её истоки / А. В. Мун // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. – №101. – 2009. – С. 27–34.

12. Риер, Я. Г. В поисках исторических закономерностей / Я. Г. Риер // История и современность. – №1. – 2015. – С. 42–62.

13. Виттфогель, К. А. Восточный деспотизм. Сравнительное исследование тотальной власти / К. А.Виттфогель. – М. : «Центрполиграф», 1957. – 724 с.

14. Памятники римского права: Законы 12 таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. - М. : Зерцало, 1997 – 608 с.

ПРАВО И ИСТОРИЯ В СУДЬБЕ ВЛАДИМИРА ГРАБАРА

Д. В. Мазарчук

Проректор по учебной работе,
кандидат исторических наук, доцент,
Университет Национальной академии наук Беларуси,
г. Минск, Республика Беларусь

На матэрыяле творчай спадчыны В. Э. Грабара ў артыкуле разглядаецца значнасць вывучэння гісторыі для асэнсавання сучасных прававых канцэпцый і практык. Аўтар артыкула падкрэслівае важнасць звяроту да спадчыны Грабара для сучасных даследаванняў міжнароднага права, а таксама для разумення гістарычных каранёў юрыдычнай навукі. Адзначана, што архіўныя матэрыялы Грабара з'яўляюцца перспектыўным напрамкам для далейшых даследаванняў.

На матэрыяле творческага наследзя В. Э. Грабара в статье рассматривается значимость изучения истории для осмысления современных правовых концепций и практик. Автор статьи подчёркивает важность обращения к наследию Грабара для современных исследований международного права, а также для понимания исторических корней юридической науки. Отмечено, что архивные материалы Грабара представляют собой перспективное направление для дальнейших исследований.

Based on the creative legacy of V. E. Grabar, the article examines the importance of studying the history of science for understanding modern legal concepts and practices. The author emphasizes the relevance of Grabar's legacy for contemporary research in international law and for understanding the historical roots of legal science. It is noted that Grabar's archival materials represent a promising direction for further research.

Ключавыя словы: Уладзімір Эмануілавіч Грабар; гісторыя дыпламатыі; гісторыя права; міжнароднае права.

Ключевые слова: Владимир Эммануилович Грабарь; история дипломатии; история права; международное право.

Keywords: Vladimir Grabar (Hrabar); history of diplomacy; legal history; international law.

Осмысление достижений любой области наук невозможно без знания её истории и без понимания значения каждого этапа её развития для современности. Юриспруденция как дисциплина формировалась на протяжении веков и её изучение в историческом аспекте важно для понимания того, как концепции и доктрины адаптировались и трансформировались в ответ на социальные, экономические и

политические изменения. Кроме того, знание об учёных-предшественниках не только обогащает теоретическую базу юридической науки, но и является ключевым инструментом для её практического применения в условиях быстро меняющегося мира. В конечном итоге, это знание создаёт основу для формирования правового сознания, которое учитывает как современные реалии, так и сложившиеся традиции и ценности.

Владимир Эммануилович Грабарь (1865-1956 гг.) – видный специалист по международному праву, проявил себя в качестве преподавателя, исследователя, юриста-практика.

После завершения учёбы на юридическом факультете Московского университета Грабарь прослушал курс лекций по международному праву в Сорбонне (1888-89 гг.). Проработав несколько лет землемером и учителем истории, в 1893 г. он занял вакантную должность приват-доцента Юрьевского университета, в котором трудился до начала Первой мировой войны. Его университетская карьера сложилась достаточно успешно: Грабарь защитил магистерскую и подготовил докторскую (текст пропал во время войны) диссертации, стал профессором, издал несколько научных публикаций, на протяжении ряда лет являлся деканом юридического факультета.

Можно с большой долей уверенности утверждать, что научные интересы В. Э. Грабаря оформились в окончательном виде лишь незадолго до начала его преподавательской карьеры. На протяжении времени своей учёбы в Москве он колебался, какой именно области знаний отдать приоритет и по какому профессиональному пути пойти в дальнейшем. На 3 курсе Московского университета Грабарь писал: «Я ещё не покинул намерения своего стать учителем истории, если то поприще, на котором прежде всего думаю испробовать свои силы, окажется для меня почему-либо неудобным. Прежде всего я думаю заняться международным правом, но пока не знаю, выберу ли деятельность теоретическую или практическую. Выберу первую, если окажется достаточно сил; силы же свои хочу испробовать в течение двух лет, которые думаю провести за границей».

В университетские годы интерес Грабаря к истории нашёл выражение в посещении им лекций на историко-филологическом факультете. Большое влияние на него оказали видные историки В. О. Ключевский и М. М. Ковалевский. Следует добавить, что В. Э. Грабарь на хорошем уровне владел латынью. Благодаря этому он мог поддерживать переписку с зарубежными учёными, быть в курсе новейших исследований международного права, а также полноценно участвовать в культурной жизни.

Сохранившиеся студенческие сочинения В. Э. Грабаря обнаруживают его интерес к самым разным областям историко-правового комплекса знаний: право на престол и престолонаследие (1885 г.), положение иностранцев у древних евреев (1888 г.), судоходство по международным рекам (1888-89 гг.). К 1890 г. относится его первая научная публикация (до того времени были журналистские работы и художественная критика): в «Журнале Министерства народного просвещения» увидела свет рецензия на книгу А. Л. Форштетера «Дунай, как международная река».

Преподавая в Юрьевском университете, Грабарь плодотворно занимался научными исследованиями. Он является автором ряда работ по истории, теории и актуальным проблемам международного права (библиография). В фокусе его внимания находились вопросы дипломатического и консульского права, режима международных рек, воздушное право, а также международно-правовые аспекты войн. Продолжая историко-правовые изыскания он исследовал прежде всего также историю науки международного права в России.

Исследования Грабаря составили ему репутацию знатока в различных областях права, которая сопровождала его как в имперский, так и в советский периоды истории. Эта репутация предопределила привлечение правительствами разных политико-правовых режимов, правивших на российской земле, в качестве эксперта. Начало этому было положено летом 1914 г., когда В. Э. Грабарь получил назначение юрисконсультантом в Дипломатическую канцелярию при Ставке Верховного Главнокомандующего (располагавшейся тогда в Барановичах). Экспертная деятельность Грабаря продолжилась после установления советской власти. В 1922 г. он принимал участие в подготовке к Лозаннской конференции, а затем на протяжении почти десяти лет служил на разных должностях в Наркоматах внешней торговли и финансов. В российских и зарубежных архивах сохранились черновики и оригиналы его докладных записок по тем или иным вопросам международного права.

Занимаясь экспертной деятельностью, В. Э. Грабарь не прерывал исследований в области как теории так и истории права; к первой половине 20-х гг. относится ряд его публикаций соответствующей тематики. После прекращения работы в Наркомате внешней торговли и ухода на пенсию в 1926 г. Грабарь продолжил изучение истории международного права, занимавшей его основное внимание как учёного в период работы в Юрьевском университете и первые послереволюционные годы. Новой сферой научных интересов В. Э. стала история науки международного права в России; результатом разработки

этой темы явилась монография «Материалы к истории литературы международного права в России (1647-1917)».

Будет справедливым сказать, что в профессиональной биографии Грабаря право и история постоянно находились рядом, переплетаясь и дополняя одно другое. Как отмечено в одной из посвящённых В. Э. Грабарю публикаций, именно труды по истории международного права «принесли ему мировую известность». Это действительно так. Отметим, что наиболее известным в мировой науке трудом В. Э. Грабаря является подготовленное им издание выдержек из трактатов XIII-XVII вв. об обязанностях послов.

Указанное издание источников не только принесло В. Э. Грабарю известность среди современников, но и позволило ему до настоящего времени занимать достойное место в историографии истории международного права и дипломатии XV-XVI вв. В частности, книгу Грабаря использовали в своих недавних монографиях такие ведущие на настоящий момент специалисты в этой области как И. Ладзарини, К. Флетчер, Д. Феделе [1; 2; 3; 5].

Предварительное изучение связанных с В. Э. Грабарем архивных материалов показывает, что одним из перспективных направлений будущих исследований является изучение наработок учёного по истории международного права Средних веков и раннего Нового времени. В частности, архивный фонд Грабаря в библиотеке Тартуского университета содержит объёмные материалы по этой теме, классифицированные согласно авторской периодизации, и доведённые до XIX в. Особенный интерес представляют выписки из источников XV-XVII вв., заметки и комментарии к ним. По ним видно, что исследования Грабаря по истории международного права этого периода нашли лишь частичное отражение в его публикациях. Безусловно, данное обстоятельство мотивирует к дальнейшим изысканиям в области творческой биографии этого замечательного учёного.

Изучение учёных-предшественников имеет первостепенное значение для понимания исторического контекста юридической науки. Познание их идей не только обогащает науку, но и позволяет юристам более осознанно интерпретировать современные законы и нормы. Кроме того, изучение предшественников помогает понять, как юридическая система формировалась под влиянием различных культур и традиций. Это, в свою очередь, способствует развитию более многообразного и инклюзивного подхода к праву.

Ознакомление с опытом работы Грабаря, одинаково хорошо владевшего историко-филологической критикой источников и актуальными вопросами современного ему международного права,

показывает, насколько важной для исследователя может являться комплексность используемой им методологической базы. Ведь именно сочетание исторического подхода с соответствующими ему методами исследования позволяет более глубоко анализировать текущие правовые вызовы, опираясь на опыт предыдущих поколений. В этом контексте обращение к творческому наследию В. Э. Грабаря может способствовать более точному пониманию эволюции международного права и его актуальных проблем. Полагаем, что его изучение даст нам ещё много интересных и полезных открытий.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПРАВОВАЯ НОРМА: КРИТЕРИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

А.В. Маргарян

Аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин,
Пензенский государственный университет, юридический институт,
г. Пенза, Российская Федерация

У артыкуле раскрываецца роля эксперыментальнай прававой нормы ў сістэме прававога рэгулявання. Звяртаецца ўвага на тое, што для паляпшэння якасці заканадаўства і павышэння яго эфектыўнасці эксперыментальная прававая норма павінна мець шэраг крытэрыяў.

В статье раскрывается роль экспериментальной правовой нормы в системе правового регулирования. Обращается внимание на то, что для улучшения качества законодательства и повышения его эффективности экспериментальная правовая норма должна обладать рядом критериев.

The article reveals the role of the experimental legal norm in the system of legal regulation. Attention is drawn to the fact that in order to improve the quality of legislation and increase its effectiveness, an experimental legal norm should have a number of criteria.

Ключавыя словы: эксперыментальная норма; мэтавая ўстаноўка; крытэрыі ацэнкі ўздзеяння.

Ключевые слова: экспериментальная норма; целевая установка; критерии оценки воздействия.

Keywords: experimental norm; target setting; impact assessment criteria.

Вопросами качества регулирования социальных связей всегда интересовались ученые-правоведы. Данная проблема не потеряла актуальности и в современных условиях, поскольку воздействие нормы

права на общественные отношения оценивается как с позиции определения ее функциональной роли в системе правового регулирования, так и результативности ее реализации в практической деятельности.

В качестве одного из средств правового регулирования в обществе предлагается использовать экспериментальные правовые предписания. Так, В.В. Лапаева считает необходимым оценивать степень влияния правовой нормы на динамику социальных процессов с помощью «специальной методологии экспериментального анализа» [3, с. 59]. В то же время некоторые специалисты рекомендуют подходить с осторожностью к экспериментированию с правовой нормой. В частности, О.И. Цыбулевская призывает крайне вдумчиво относиться к рассматриваемому подходу, основанному на опыте, указывая на первостепенность такой задачи как «овладеть искусством проведения реформы», при этом «полностью исключить любые способы экспериментирования над людьми» [14, с. 52].

В настоящее время сложно отрицать активное применение экспериментов в различных сферах общественной жизни, прежде всего, в экономике и политике, где решения, принимаемые для проведения того или иного испытания, обязательно облекаются в юридическую форму. Такой формой и выступает экспериментальная правовая норма, от качества которой напрямую зависит эффективность регулирования социальных отношений.

Под экспериментальной нормой права предлагается понимать обусловленное усложнением общественных отношений и специализацией законодательства нормативное правовое предписание, принимаемое на определенный период времени, в рамках очерченного пространства и применительно к ограниченному кругу участников общественных отношений, в целях установления научно и практически обоснованного варианта наиболее эффективной модели правового регулирования [4, с. 72].

Экспериментальная правовая норма играет важную роль в системе правового регулирования, поскольку она:

- обусловлена потребностью общества и государства наблюдать правовые явления и процессы не только в их объективном («чистом») состоянии, но и стремлением понять закономерности их развития, причины и условия трансформации и деформации, спрогнозировать появление препятствий на пути к последующей реализации основного предписания;
- вызвана необходимостью изучения государственно-правовых закономерностей в реальных жизненных условиях, при этом с одновременным наблюдением за их эволюционированием, развитием.

Потребность повышения объективности правового регулирования социальных отношений стимулирует законодательные органы на активное использование пробных нормативных установлений, что позволяет впоследствии наблюдать их действие в конкретных условиях и реальном времени с поправкой на возможность изменения;

- за счет способности к разрыву стандартных связей внутри регулируемых общественных отношений, она позволяет вычленить явление из обычных условий и поставить его в другие (как правило, нетипичные), и при этом при необходимости ослабить или усилить воздействие субъективных и объективных факторов;

- научно-продуманная процедура установления и последующей реализации экспериментальной правовой нормы позволяет обеспечить впоследствии фиксацию всех значимых изменений регулируемых социальных явлений. Подобная стадийность, возможность разделить экспериментирование на этапы (с автономной оценкой каждого из них) обеспечивает в целом положительный эффект даже неудавшегося пробного установления в целом.

Для обеспечения качества законодательства, его эффективности с позиции регулирования общественных отношений, экспериментальная правовая норма должна обладать следующими критериями:

- 1) планируемым характером. При этом как совокупность управленческих операций по определению перспективы действия экспериментального правового предписания, важное значение имеют каждый из этапов:

- а) формулирование конкретной целевой установки, которая не только отражала бы мотивы экспериментирования, но и должна быть зафиксирована при помощи средств юридической техники (как правило, в преамбуле нормативного правового акта, а возможно и в отдельной статье, посвященной целям, которые планируются инициаторами пробного установления). Ряд нормативных правовых актов, к примеру, Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ [10], в своем наименовании содержит указание на цели, преследуемые экспериментальным нормативным воздействием, содержательно раскрытые и детализированные в ст. 3. При этом, как думается, цели должны быть зафиксированы максимально конкретно, исключая общие и абстрактные формулировки. Так, вовсе не содержит цели совокупность экспериментальных правовых предписаний, которая определяет установление специального налогового режима «Налог на профессиональный доход». Ст. 1 Федерального закона от 27.11.2018 № 422-ФЗ начинается с отсылки к Налоговому кодексу Российской Федерации: «В соответствии с пунктом 8 статьи 1 Налогового кодекса

Российской Федерации начать проведение эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход”» [11]. Но указанное положение кодифицированного акта целей создания такого особого порядка налогообложения не раскрывает. Поскольку экспериментальная правовая норма носит избирательный характер, то и цели ее установления не могут дублировать общие цели установления правовых предписаний. К примеру, в ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 24.04.2020 № 123-ФЗ три из четырех целей, на которые направлено экспериментальное положение, сформулированы в виде «повышения» чего-либо, в том числе, «качества жизни населения», что полагаем должно осуществляться в рамках общего правового регулирования, принимая во внимание социальную сущность нашего государства;

б) определение путей достижения поставленной цели, включая необходимость информационного, материально-технического сопровождения, выделения соответствующих ресурсов. К примеру, принимая во внимание тот факт, что Российская Федерация обладает колоссальными запасами пресной воды (вторыми в мире после Бразилии) [1], органы исполнительной власти не первый год задумываются, с одной стороны, над усилением контроля за потреблением соответствующих природных ресурсов, а, с другой, - над необходимостью повышения эффективности их использования, сбережения экологии и пр. Положительным примером планирования реализации данного направления государственной политики стала разработка единого информационного ресурса, содержащего сведения о подземных и поверхностных водных объектах, используемых для целей питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения [9];

2) чистотой ее автономного воздействия. Для этого организатору экспериментирования следует минимизировать влияние побочных факторов на сферу применения экспериментального предписания. В противном случае, отграничить качественные и количественные результаты экспериментального режима от типичного станет затруднительно, либо оценка результата будет не корректной. К. Кульчар, например, причину отсутствия широкого внедрения экспериментальных норм объяснял сложностью выделения из естественной среды тех общественных последствий, которые появились в результате экспериментального правового предписания [2, с. 183]. Но в данном контексте не хотелось быть столь категоричными и потому заметим, что более верным будет установление пределов экспериментирования: и по сферам общественных отношений, и по характеру испытываемых норм;

3) четкими критериями оценки воздействия на общественные отношения, основные из которых должны быть определены до начала действия эксперимента. Если сфера правового регулирования не имеет конкретных (как правило, количественных) показателей оценивания, инициатору принятия экспериментальной правовой нормы весьма затруднительно в конечном итоге оценить результаты ее действия. Отдельные критерии оценки экспериментальной нормы могут быть скорректированы в процессе наблюдения за ее реализацией, но генеральные позиции должны быть известны до начала испытаний. Полагаем, основным критерием оценки успешности воздействия на общественные отношения для экспериментального правового предписания, выступает степень соответствия результатов поставленным до начала испытаний задачам. В этой связи от того, насколько предметно и конкретно инициатору удалось их определить, сформировать методику оценки, – настолько объективным будет резюмирование действия экспериментального правового предписания. Примером весьма подробно сформулированного перечня задач для реализации экспериментальной нормы можно назвать положения, которым определяется эксперимент по цифровой трансформации предоставления услуг, мер поддержки и сервисов в целях развития малого и среднего предпринимательства, и в количественном выражении (состоящий из трех объемных задач), и в содержательном аспекте (каждая из трех задач, дополнительно детализируется) [12];

4) контролируемым наблюдением. Стихийность должна претить экспериментам в области права и государства, поэтому экспериментальная правовая норма должна быть объектом планового контроля за реализацией. Подобное требование позволит добиться воплощения ее социальной сущности, а именно гибкого воздействия на общественные отношения, поддающегося своевременной корректировке. В ряде случаев экспериментальная правовая норма по своей сущности сама выступает контрольно-надзорным средством. Это проявилось при проведении эксперимента в области организации и проведения азартных игр. Так, ею определяется возможность «использования тестситуации (ставка, возможность наблюдения развития и исход события, от которого зависит результат пари) в целях оценки соблюдения контролируемым лицом лицензионных требований, установленных <...> ст. 28 постановления Правительства Российской Федерации от 8 октября 2020 г. № 1625» [13];

5) социологической оценкой. Использование данных изучения общественного мнения о том или ином государственно-политическом решении не ново для любого уровня организации власти, и

законодательная сфера здесь не исключение. К примеру, санкционное давление недружественных государств побудило Правительство Российской Федерации на принятие дополнительных мер государственной поддержки предпринимательского сектора, включая, такие экспериментальные организационно-правовые меры, как специальный налоговый режим, механизм использования средств пенсионных накоплений ликвидируемых негосударственных пенсионных фондов и пр. Для своевременной корректировки действия экспериментальных правовых норм предусмотрен навигатор в виде анкеты [5];

б) критическим восприятием результатов действия. Идеализация первичных данных о положительном влиянии экспериментальной правовой нормы, поспешность в выводах о возможности перенесения отдельных данных об ее эффективности на все поле правового воздействия, – все это способно разрушить общие положительные результаты, достигнутые в рамках эксперимента. Так, первоначально в рамках проекта федерального закона № 519530-7 [8], регионы Российской Федерации стали формировать экспериментальную практику привлечения негосударственных поставщиков для оказания услуг в социальной сфере [6]. Сложилась следующая закономерность – для оказания услуг в сфере дошкольного образования многие регионы предпочли пойти по пути конкурентного распределения финансирования, однако в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре сочли такой пилотный вариант преждевременным и выбрали модель с потребительским сертификатом.

Кроме того, критическое восприятие результатов действия экспериментального правового предписания должно отталкиваться от первоначальной гипотезы. Эффективным и научно-обоснованным экспериментированием может быть лишь то, которое опирается на проверку гипотезы инициатора, по возможности, сделанную при максимальном исключении влияния субъективного подхода. Обозначенное требование по критическому восприятию результатов действия экспериментальной нормы, в идеале должно воплощаться в последующую систему контроля за данной сферой общественных отношений. Так, по итогам проведенного в 2012 – 2013 гг. эксперимента по внедрению расширенного информационного взаимодействия крупнейших налогоплательщиков и налоговых органов экспериментальная правовая норма трансформировалась в базовую, закрепленную Федеральным законом от 04.11.2014 № 348-ФЗ [7], а ее содержание свелось во введение в налоговые правоотношения нового института – мониторинга.

Резюмируя вышесказанное, можно заключить, что экспериментальная правовая норма на сегодняшний день выступает эффективным средством оценки качества регулируемых правом общественных отношений при условии соблюдения следующих требований:

а) сформулирована конкретная целевая установка экспериментирования до начала принятия решения о проведении и его утверждения;

б) определены четкие критерии оценки воздействия на общественные отношения со стороны экспериментального предписания;

в) процесс реализации экспериментальной правовой нормы обеспечен чистотой ее автономного воздействия и контролируемым наблюдением;

г) результаты экспериментирования и непосредственно практики реализации экспериментального предписания получили социологическую оценку, осмыслены критически относительно восприятия общего итога действия.

Библиографические ссылки

1. В России проведут эксперимент по созданию единого реестра водных объектов // Российская газета. – 2023. – 16 окт.

2. Кульчар, К. Основы социологии права / с пред. и под общ. ред. В.П. Казимирчука; пер. с венг.: В. Гусев. – М.: Прогресс, 1981. – 256 с.

3. Лапаева, В.В. Конкретно-социологические исследования в праве / В.В. Лапаева. – М.: Юридическая литература, 1987. – 144 с.

4. Маргарян, А.В. Экспериментальная правовая норма как средство регулирования общественных отношений / А.В. Маргарян // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 2 (177). – С. 70-72.

5. Меры Правительства по повышению устойчивости экономики и поддержке граждан в условиях санкций // Официальный сайт Правительства Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.government.ru/sanctions_measures/wizard/. – Дата доступа: 13.08.2024.

6. Методические материалы по организации пилотных проектов по обеспечению доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере (утв. Минэкономразвития России 29.11.2016) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/metodicheskie-materialy-po-organizatsii-pilotnykh-proektov-poobespecheniiu-dostupa/> - Дата доступа: 14.08.2024.

7. О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 4 нояб.2014 г. № 348-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 45. – Ст. 6158.

8. О государственном (муниципальном) социальном заказе на оказание государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере: проект федерального закона № 519530-7 : ред., внесенная в ГД ФС РФ : текст по состоянию на 26 июля 2018 г // Система обеспечения законодательной деятельности – официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/519530-7?ysclid=le2qo0nr19414795687>. – Дата доступа: 13.08.2024.

9. О проведении в 2023-2024 годах эксперимента по созданию единого информационного ресурса, содержащего сведения о подземных и поверхностных водных объектах, используемых для целей питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения (вместе с «Положением о проведении эксперимента по созданию единого информационного ресурса, содержащего сведения о подземных и поверхностных водных объектах, используемых для целей питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения»): постановление Правительства РФ от 7 окт. 2023 г. № 1649 // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 42. – Ст. 7495.

10. О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: федеральный закон от 24 апр. 2020 г. № 123-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 17. – Ст. 2701.

11. О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»: федеральный закон от 27 нояб.2018 г. № 422-ФЗ : в ред. от 8 авг. 2024 г. № 259-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 49 (ч. I). – Ст. 7494.

12. О проведении эксперимента по цифровой трансформации предоставления услуг, мер поддержки и сервисов в целях развития малого и среднего предпринимательства (вместе с «Положением о проведении эксперимента по цифровой трансформации предоставления услуг, мер поддержки и сервисов в целях развития малого и среднего предпринимательства»): постановление Правительства РФ от 21 дек. 2021 г. № 2371 : в ред. от 14 окт. 2023 г. № 1708// Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 1 (ч. I). – Ст. 96.

13. О федеральном государственном контроле (надзоре) за организацией и проведением азартных игр (вместе с «Положением о федеральном государственном контроле (надзоре) за организацией и

проведением азартных игр»): постановление Правительства РФ от 25 июня 2021 г. № 1011 : в ред. от 29 нояб. 2021 г. № 2083 // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 27 (ч. II). – Ст. 5398.

14. Цыбулевская, О.И. Моральный аспект деятельности органов власти / О.И. Цыбулевская // Уважение как принцип деятельности правоохранительных органов: межвузовский сборник / под ред. А.С. Мордовца, А.П. Плешакова. – Саратов: СЮИ МВД России, 2004. – С. 39-53.

ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ – НОВАЯ СРЕДА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА: РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Т.С. Масловская

Доцент кафедры конституционного права,
кандидат юридических наук, доцент,
Белорусский государственный университет, юридический факультет,
г. Минск, Республика Беларусь

У артыкуле разглядаюцца электронныя каналы камунікацыі паміж грамадзянамі і дзяржавай. Звяртаецца ўвага на найбольш распаўсюджаныя інструменты такога ўдзелу, а таксама новыя магчымасці - лічбавыя платформы для электроннага ўдзелу грамадзян. Аналіз праводзіцца на падставе айчыннага і замежнага досведу.

В статье рассматриваются электронные каналы коммуникации между гражданами и государством. Обращается внимание на наиболее распространенные инструменты такого участия, а также новые возможности – цифровые платформы для электронного участия граждан. Анализ проводится на основе отечественного и зарубежного опыта.

The article examines electronic channels of communication between citizens and the state. Attention is drawn to the most common tools of such participation, as well as new opportunities - digital platforms for electronic participation of citizens. The analysis is based on domestic and foreign experience.

Ключавыя словы: дыфравізацыя; лічбавыя платформы; электронная камунікацыя; узаемадзеянне грамадзян і дзяржавы.

Ключевые слова: цифровизация; цифровые платформы; электронная коммуникация; взаимодействие граждан и государства.

Keywords: digitalization; digital platforms; electronic communication; interaction between citizens and the state.

В последнее десятилетие в государствах постсоветского пространства наблюдается расширение электронных каналов коммуникации между гражданами и государством, что обусловлено дальнейшим развитием концепции «Открытого правительства», в целом информационно-коммуникационных технологий, а также наметившимся изменением роли граждан в процессе управления государственными и общественными делами. Учитывая процессы дальнейшей цифровизации, представляется целесообразным развитие имеющихся и внедрение новых цифровых инструментов взаимодействия граждан и государства.

Распространенными инструментами электронного взаимодействия между гражданами и государством выступают системы предоставления электронных государственных услуг, направления электронных обращений, площадки для обсуждения проектов нормативных правовых актов.

Одним из первых инструментов цифрового взаимодействия между государством и гражданами, юридическими лицами в Республике Беларусь, ключевым элементом электронного правительства выступает предоставление государственных услуг в электронной форме, которое реализует Единый портал государственных услуг (e-paslua.by), дающий возможность получения на сегодняшний день (по информации портала) 255 видов электронных услуг, 401 вид административных процедур, содержащий ссылки на 66 государственных информационных ресурсов. Электронные сервисы разделены на тематические рубрики, что облегчает для граждан и юридических лиц поиск необходимой информации для подачи заявления на осуществление любой административной процедуры, переведенной в стране в электронную форму. Отметим, что во многих странах СНГ активно развиваются порталы госуслуг, более 50% госуслуг реализуется в цифровой форме в Азербайджане, Узбекистане, более 90% – в Казахстане.

В Республике Беларусь со 2 января 2023 г. начала действовать Государственная единая (интегрированная) республиканская информационная система учета и обработки обращений граждан и юридических лиц (obrazhenia.bel). Всего за прошедший период по информации, расположенной на сайте, было направлено 957182 обращения. Необходимо отметить, что в некоторых государствах СНГ имеются отдельные информационные системы направления обращений (запросов) (Армения, <https://e-request.am>), единые онлайн платформы для регистрации, рассмотрения и мониторинга обращений (Узбекистан, <https://murojaat.gov.uz>), в иных – они выступают в виде отдельного сервиса портала «Электронное правительство» (Казахстан, egov.kz),

Государственного портала электронных услуг (Кыргызстан, <https://portal.tunduk.kg>).

В некоторых странах СНГ функционируют площадки для публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов. Так, в Кыргызстане создан Единый портал общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов Кыргызской Республики (<http://koomtalkuu.gov.kg>), где проекты законов и подзаконных актов сгруппированы по категориям (семья, здравоохранение, финансы, социальное обеспечение, правовые вопросы, общественный порядок и безопасность и пр.). Кроме участия в обсуждении уже существующих проектов нормативных актов, граждане через Портал могут предложить свои идеи по изменению того или иного закона или подзаконного акта, которые могут быть в дальнейшем поддержаны государственными органами. Это возможно реализовать через отдельную рубрику «Предложения граждан». Следовательно, электронная площадка предполагает двухстороннюю связь.

Сайт «Правовой форум Беларуси» (forumpravo.by) с 1 января 2019 г. выступает официальной площадкой для публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов (в соответствии с Законом Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах»). Кроме этого, сайт используется для проведения мониторинга действующих нормативных правовых актов, сбора предложений по правовому регулированию, а также интерактивного общения, обсуждения по правовым вопросам. Не затрагивая вопросов, связанных с совершенствованием публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов, рассмотренных в литературе [5, с. 31], отметим, что возможности сайта, по нашему мнению, могут быть расширены, например, посредством включения сервисов (рубрик), связанных с консультациями с гражданами, выдвижения со стороны граждан предложений для обсуждения вопросов государственной и общественной жизни и пр. В случае дополнения функционала сайта, включения в него новых ссылок, рубрик и пр. перспективным представляется его преобразование в цифровую платформу.

Новой средой взаимодействия общества и государства, приобретающей особую актуальность на сегодняшний день, выступают цифровые платформы. В соответствии с Государственной программой «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы (утв. постановлением Правительства Республики Беларусь 2 февраля 2021 г. № 66), подпрограмма «Цифровое развитие государственного управления» (гл. 6) предусматривает переход к созданию (формированию) государственных цифровых платформ, в том числе на базе созданных в

предыдущие годы решений, в целях снижения административной нагрузки, экономии трудовых и временных ресурсов, упрощения получения различных документов. Государственная цифровая платформа – комплекс программно-технических средств, обеспечивающий использование информационных ресурсов и функционирующих на них сервисов значительным количеством субъектов информационных отношений и возможность их взаимодействия на основе единых принципов и по общим правилам, создаваемый и (или) приобретаемый за счет средств республиканского или местных бюджетов, государственных внебюджетных фондов, а также средств государственных юридических лиц [2].

Таким образом, в отличие от информационных систем цифровые платформы представляют собой площадки цифрового взаимодействия, предполагающие множественность субъектов (т.е. сетевые площадки), сбор и аккумулирование информации, существование обратной связи.

Учитывая расширение использования цифровых платформ в частной сфере (торговые и иные площадки), представляется, что также будут развиваться цифровые платформы, создаваемые в публичной сфере с целью расширения возможностей граждан принимать участие в управлении делами общества и государства. В ряде зарубежных стран используется понятие электронное участие (E-participation). Более того, Всемирный рейтинг ООН помимо Индекса развития электронного правительства отдельно выделяет Индекс электронного участия. Электронное участие содержит несколько составляющих: электронная информация, электронные консультации и электронное принятие решение. Цифровые платформы, включая в себя три указанных компонента, содействуют вовлечению граждан процесс принятия решения, в том числе к инициированию, обсуждению и совместной разработки и принятию решений.

Зарубежный опыт демонстрирует различные подходы к созданию цифровых платформ для электронного участия граждан. Для этого могут использоваться платформы или сайты государственных органов, либо создаваться государством или независимо от него самостоятельные платформы.

В отношении первого подхода обратимся к опыту Французской Республики. Например, во Франции на сайте Национального собрания Франции имеются ссылки на рубрики: петиции, отсылающей к отдельной платформе (<https://petitions.assemblee-nationale.fr>), консультации с гражданами (<https://www2.assemblee-nationale.fr/consultations-citoyennes/consultations-citoyennes>). На сайте Сената Франции имеются аналогичные ссылки, например, на платформу электронных петиций

(<https://petitions.senat.fr>). Отметим, что 385 петиций граждан было опубликовано, они послужили основой для 1 законодательного предложения и 4 контрольных миссий. Сенат в 2007 году запустил онлайн-пространство для сбора мнений, ожиданий и предложений граждан, желающих внести свой вклад (<https://www.senat.fr/le-senat-et-vous/participer-aux-consultations/consultations-citoyennes.html>). В период с 2018 по 2022 год Сенат провел тринадцать консультаций по различным темам, таким как безопасность дорожного движения, бесплатный общественный транспорт, на которые в среднем поступило около 4000 ответов [6].

Поскольку в соответствии с Конституцией Франции 1958 г. Сенат обеспечивает представительство территориальных коллективов, в 2018 г. была создана онлайн-платформа «Участие» (<https://participation.senat.fr>), полностью обновленная в январе 2024 года, которая позволяет местным выборным должностным лицам делиться с сенаторами реальными фактами из повседневной жизни территорий, а также различным органам Сената узнавать мнение местных выборных должностных лиц по текстам проектов законов, либо по иному любому вопросу, который они хотят решить. Число зарегистрированных местных выборных должностных лиц увеличивается с каждой консультацией и в настоящее время превышает 37000 человек [3]. Представляется, что данный опыт может быть учтен палатами Национального собрания Республики Беларусь.

Правительство Франции создало платформу для участия граждан (<https://www.participation-citoyenne.gouv.fr>), что позволяет государству регулярно организовывать консультации, а гражданам вносить свой вклад в разработку государственной политики. Данная платформа позволяет получить доступ к информации о консультациях с гражданами, организованных государством; знакомиться с предложениями граждан и результатами предыдущих консультаций. Интересно, что недавно во Франции начало функционировать первое приложение для непрерывного демократического диалога между гражданами и Правительством – Агора (<https://www.agora.gouv.fr>).

В отношении второго подхода – создания отдельных цифровых платформ для участия граждан – обратим внимание на несколько аспектов. Во-первых, создателем (владельцем) ресурса может выступать государство или негосударственные структуры. Так, 28 октября 2024 г. в Республике Беларусь начала функционировать новая цифровая платформа «Народная пятилетка» (меркаванне. бел). Проект инициирован патриотическими силами Беларуси – ведущими общественными объединениями и политическими партиями (Федерация

профсоюзов Беларуси, Белая Русь, Белорусский союз женщин, БРСМ и др.). Используя платформу, можно в простой и удобной форме анонимно предложить направления развития важнейших сфер жизни (образование, спорт, культура, сельское хозяйство, здравоохранение, кадровая политика, ЖКХ и др. – всего 20 рубрик), высказать свои идеи, предложения, замечания и ожидания на ближайшую пятилетку. Остается открытым вопрос о владельце ресурса, а также о сроке действия платформы, обратной связи с участниками с учетом того, что предложения высказываются анонимно.

Во-вторых, сфера действия участия граждан, т.е. общенациональные или местные вопросы. В этой связи возможно создание общих платформ участия, включающих в себя рубрики, относящиеся к участию на общенациональном и местном уровнях, либо отдельных платформ.

Цифровые платформы в свою очередь могут быть комплексными или многофункциональными, включать несколько возможностей участия граждан либо узконаправленными или специализированными. Как демонстрирует практика зарубежных стран наиболее распространенными являются специализированные платформы. Например, Российская общественная инициатива (<https://www.roi.ru>) – интернет-ресурс, созданный для размещения общественных инициатив граждан РФ во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 4 марта 2013 года № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива». Общественными инициативами считаются предложения граждан России по вопросам социально-экономического развития страны, совершенствования государственного и муниципального управления. Интернет-ресурс позволяет не только подать свою инициативу, но и ознакомиться с размещенными инициативами, проголосовать «за» или «против» них, а также получить информацию о ходе и результатах реализации общественной инициативы.

В Финляндии действует комплексная или многофункциональная платформа участия граждан – Демократия (<https://www.demokratia.fi>), которая объединяет различные ресурсы: гражданские инициативы, обсуждения, консультации и пр. Ресурсы группируются по территории действия каналов влияния (национальный, местный уровни и ЕС) и позволяют гражданам как узнать об инициативах местных и центральных органов власти, так и принимать участие в обсуждениях, опросах, высказывать свое мнение по ряду вопросов. Особое внимание в Финляндии уделяется участию граждан и их влиянию на принятие

решений в муниципалитете (<https://www.kuntalaisaloite.fi>). Можно констатировать, что здесь функционируют все элементы электронного муниципалитета, выделенные в литературе [4, с. 45-46].

В целом, в зарубежных странах все шире развиваются возможности граждан на местном уровне участвовать в осуждении и принятии решений по местным вопросам, о чем свидетельствует успешный опыт электронных инструментов «Активный гражданин» (РФ, г. Москва, <https://ag.mos.ru>), «Мадрид решает» (Испания, г. Мадрид, <https://decide.madrid.es>) и др. Так, жители Мадрида, зарегистрировавшиеся на упомянутой платформе, могут вносить предложения, голосовать на общественных консультациях, предлагать, поддерживать или голосовать за проекты с коллективным бюджетом, т.е. участвовать в партисипативном бюджетировании, принимать решения по муниципальным вопросам и инициировать дебаты для обмена мнениями.

Как справедливо отмечает профессор Г.А. Василевич, «не только на республиканском, но и на местном уровне следует внедрять, используя информационные технологии, систему «Активный гражданин». Исключительная особенность такой системы – гарантированное рассмотрение предложений» [1, с. 13].

На основании вышеизложенного можно прийти к следующим выводам.

1. Платформы органов власти могут использоваться для электронного взаимодействия с гражданами. В первую очередь, речь идет о сайтах представительных органов власти, где могут быть размещены ссылки на платформы электронной консультации граждан по различным вопросам, позволяющие получать отклик граждан (их мнения, ожидания и предложения).

2. В рамках дальнейшей платформизации представляется возможным постепенное объединение всех государственных информационных систем (возможно, по тематике, а может и в целом для удобства пользователей) в рамках одной либо нескольких цифровых платформ. В этом случае государственные информационные системы будут выступать составными частями, сервисами соответствующей цифровой платформы. Так, возможно преобразование сайта «Правовой форум Беларуси» в цифровую платформу посредством дополнения функционала сайта, включения в него новых ссылок, рубрик, сервисов, связанных с консультациями с гражданами, выдвижения со стороны граждан предложений для обсуждения вопросов государственной и общественной жизни и пр.

3. Цифровые платформы участия могут быть комплексными или многофункциональными, включать несколько возможностей участия

граждан либо узконаправленными или специализированными. Представляется целесообразным в перспективе создание многофункциональной цифровой платформы «Электронное участие граждан», включив в нее сервисы, связанные с инициативой граждан, включая правотворческую инициативу, обсуждением вопросов республиканского и местного значения, проектов нормативных правовых актов, консультациями с гражданами по различным вопросам, голосованием. По нашему мнению, такая платформа должна быть государственной цифровой платформой.

Библиографические ссылки

1. Василевич Г.А. Учет мнения населения – важный фактор общественного консенсуса / Г.А. Василевич // Трансформация государственного управления и местного самоуправления в условиях развития информационного общества : электрон. сб. ст. Междунар. круглого стола, Новополоцк, 16 апреля 2021 г. / Полоц. гос. ун-т ; редкол.: И. В. Шахновская, П. В. Соловьев. – Новополоцк : Полоц. гос. ун-т, 2021. – С. 10-15.
2. Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы: утв. пост. Правительства Респ. Беларусь, 2 февраля 2021 г., № 66 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=c22100066>. – Дата доступа: 07.11.2024.
3. Информация с онлайн-платформы «Участие» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://participation.senat.fr>. – Дата доступа: 07.11.2024.
4. Киселева Т.М. Особенности построения электронного муниципалитета в Республике Беларусь на современном этапе / Т.М. Киселева // Конституционное и муниципальное право. – 2024. - № 3. – С. 45-48.
5. Масловская Т.С., Киселева Т.М. Право на участие в управлении делами государства в условиях цифровизации: теория и практика / Т.С. Масловская, Т.М. Киселева // Журнал Белорусского государственного университета. Право. – 2022. – № 3. – С. 23-34.
6. Сведения с официального сайта Сената Французской Республики // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.senat.fr/le-senat-et-vous/participer-aux-consultations/consultations-citoyennes.html>. – Дата доступа: 07.11.2024.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПРАВА: МНОГООБРАЗИЕ ВЗГЛЯДОВ

С.В. Мирошник

Профессор кафедры теории права, государства и судебной власти,
доцент,
Российский государственный университет правосудия,
юридический факультет,
г. Москва, Российская Федерация

У артыкуле разглядаюцца дыскусійныя пытанні ўзнікнення права. Падтрымліваецца пазіцыя навукоўцаў, якія прызнаюць архаічнае права першым гістарычным тыпам права. Яго ўзнікненне абумоўлена агульнасцю інтарэсаў членаў грамадства. Нягледзячы на сываю прастату, яно ўжо вылодала многімі прыкметамі, уласцівымі сучаснаму праву.

В статье рассматриваются дискуссионные вопросы происхождения права. Поддерживается позиция ученых, признающих архаичное право первым историческим типом права. Его возникновение обусловлено общностью интересов членов общества. Несмотря на свою простоту, оно уже обладало многими признаками, свойственными современному праву.

The article considers the controversial issues of origin of law. The position of scholars who recognize archaic law as the first historical type of law is maintained. Its creation is due to the common interests of members of society. Despite its simplicity, it already had many features of modern law.

Ключавыя словы: права, узнікненне права, архаічнае права.

Ключевые слова: право; происхождение права; архаичное право.

Keywords: law; the origin of the right; archaic law.

В правовой науке нет единства по вопросам происхождения права.

Многие исследователи, воспринимая право с позиции юридического позитивизма, связывают формирование системы норм права исключительно с деятельностью государства, утверждают производность права от политической организации общества.

В то же время все более широкое признание получает и прямо противоположная точка зрения. Так, по мнению М.Н. Марченко, право есть неотъемлемый атрибут человеческого общества – «где общество, там и право» [4, с.329], поэтому имеются все основания для выделения архаичного (обычного) права в качестве отдельного исторического типа права [4, с. 340], исключив таким образом, детерминирующую роль государства в формировании права.

Ю. Семенов считает, что первоначально регулирование отношений в первобытном обществе осуществлялось посредством табу и норм морали, и только потом в связи с возникновением конфликтов между общинами возникает обычное право, субъектами которого выступают роды-общины [5].

С данной позицией трудно согласиться. Почему нормы, регулирующие отношения между членами общины, не распространялись на отношения между членами разных общин? Такое утверждение может быть верным только при одном условии – полной изоляции общины. Такое, конечно, возможно, только как исключение из общего правила, обусловленное, например, особенностями природного ландшафта (например, община проживала в горной местности, далеко от всех остальных). Но в абсолютном большинстве между общинами складывались связи, объективно обусловленные общностью интересов (необходимостью, например, строгого соблюдения запрета инцеста, потребностью совместной защиты родов от набегов недружественных племен). Регулировались они определенными правилами, имеющими устную форму своего выражения, не мешающую их содержательному пониманию членами общин. Каждый из них четко знал границы своего поведения, последствия их нарушения не только для себя, но и для своих соплеменников.

Как точно писал Ф.Э Шершеневич, «где есть общество, там должны быть и правила общежития, или социальные нормы» [7, с. 138], составляющие «единую, крепкую и устойчивую сеть, которая покрывает всех индивидов, принадлежащих к группе» [7, с. 145].

Что это моонормы или архаичное право (обычное право, примитивное право, протоправо – в литературе обозначается по-разному)? Думается, что точнее их совокупность определить как архаичное право, так как данные правила носили общеобязательный характер, подкреплялись общественным принуждением, регулировали разнообразные аспекты внутренней и внешней жизни общины. Более того, они строились на основе принципов равенства членов общины, свободы их волеизъявления (подтверждением данного вывода является наличие достаточно развитой системы наказания, характерной для родовой общины).

Интересную точку зрения о происхождении права высказал В.М. Сырых. Проведенный им системный анализ произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, позволил ему сделать весьма убедительный вывод «о детерминирующей роли экономических материальных отношений в формировании и совершенствовании права» [6, с. 13]. Первым общественным экономическим отношением стал обмен между

конкретными лицами, имевшими в своем распоряжении обладающие определенной потребительной и меновой стоимостью продукты, и желающие получить другие продукты, имеющие такую же потребительную и меновую стоимость.

Заинтересованные лица обмениваются результатами своего труда, между ними складывается устойчивая общественная связь. При этом они взаимно зависимы друг от друга, так как существует постоянная необходимость обмена и меновой стоимости как всестороннего посредника, «каждый преследует свой частный интерес и только свой частный интерес, и тем самым, сам не зная и не желая, он служит частным интересам всех, т.е. общим интересам... частный интерес уже сам есть общественно определенный интерес и может быть достигнут лишь при условиях, создаваемых обществом, и при помощи предоставляемых обществом средств...его содержание, как и форма и средства осуществления даны общественными условиями, независимыми от индивидов» [1, с. 70].

Каждый товаропроизводитель выступает как носитель меновой стоимости, он стремится в обмен на свой товар получить другой, в котором нуждается. «Все товары суть непотребительные стоимости для своих владельцев и потребительные стоимости для своих невладельцев. Следовательно, они должны постоянно перемещаться из рук в руки» [2, с. 95].

Именно поэтому обмен и стал исторически первым и единственным экономическим отношением в условиях простого товарного производства. Он «позволил выявить всеобщие, устойчивые, закономерные связи, признаки правовой формы, действующие на протяжении многовековой истории экономических отношений» [6, с. 16].

Карл Маркс отмечал, что обмен возможен только в том случае, когда товаропроизводители равны и свободны в распоряжении своими товарами. «...они должны признавать друг в друге частных собственников. Это юридическое отношение, формой которого является договор, - все равно закреплён ли он законом или нет, - есть волевое отношение, в котором отражается экономическое отношение. Содержание этого юридического, или волевого, отношения дано самим экономическим отношением» [2, с. 94].

Вывод Карла Маркса имеет глубокий характер. Классик марксизма акцентировал внимание не только на материальные причины, обусловившие появление права, но и реальную независимость права от закона (то есть, от государства).

Экономическое отношение по обмену приобрело правовую форму, основанную на равенстве сторон и свободе волеизъявления.

Обмен означал появление в обществе фактических правоотношений, основанных на общеобязательных для сторон правилах поведения, выработанных самим обществом в целях согласования экономических интересов своих членов.

При этом Карл Маркс подчеркивал, что отношения обмена – это отношения не независимых друг от друга частных собственников. Такой взаимной отчужденности нет между членами общины. «Обмен товарами начинается там, где кончается община, в пунктах ее соприкосновения с чужими общинами или членами чужих общин. Но раз вещи превратились в товары во внешних отношениях, то путем обратного действия они становятся товарами и внутри общины» [2, с. 97].

Возникновение политической организации общества внесло существенные изменения в процесс правового регулирования общественных отношений. Государству необходимо было защитить себя, создать и обеспечить развитие принципиально новых правоотношений – публичных, немыслимых без права, а потому вторичных по отношению к нему. Что же касается сферы частных интересов, то здесь архаичное право продолжало действовать практически без всяких изменений в течение достаточно длительного периода времени.

По мнению В.М. Сырых, государство, не ставя перед собой цель конкурировать с обществом, решилось закрепить частноправовые отношения только с одной целью – защитить частного собственника от неправовых посягательств на него самого, его имущество и семью [4, с. 22]. В письменных источниках правах закрепляются правовые институты, органично сочетающиеся с многими продолжающими действовать нормами обычного права.

Карл Маркс на примере института брака подчеркивает значение индивидуальной воли. Законодатель, по его мнению, должен смотреть на себя как на естествоиспытателя. «Он не делает законов, он не изобретает их, а только формулирует, он выражает в сознательных положительных законах внутренние законы духовных отношений. Мы должны были бы бросить упрек законодателю в безграничном произволе, если бы он подменил сущность дела своими выдумками» [3, с. 162].

Зарождающаяся и развивающаяся правотворческая деятельность государства была обусловлена многими причинами. Появление публичного права отражало объективную потребность государства защитить себя, утвердить новую форму организации общества, новые формы организации власти, отличные от родовой власти. При этом исторический опыт убедительно свидетельствует о том, что законы бессильны перед реальными экономическими отношениями.

Предпринятая, например, царем Хаммурапи попытка использовать писанное право в целях недопущения классового расслоения общества изначально была обречена на провал – законы не могут изменить содержание реальных экономических отношений. Ведь главная задача правотворческого субъекта - адекватно отразить их содержание в принципах и нормах права, согласовать противоречивые интересы членов общества, найдя спасительную для общества «золотую середину».

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Право является важнейшим атрибутом общества (без права нет общества, как и общества нет без права). Процесс его формирования носил, с одной стороны, спонтанный, а с другой, объективный характер.

2. Право не является институтом, навязанным кем-то или чем-то человеку. Его появление было обусловлено, прежде всего, необходимостью установления стабильных отношений в обществе, объективной потребностью в удовлетворении общих интересов.

Появление общеобязательных правил поведения означало, что поведение других людей будет понятным и предсказуемым. Общие правила социального общежития давали возможность выжить членам общины, действуя сообща.

3. Существенную роль в становлении права сыграл обмен – простой и сложный, позволивший сначала в качестве обособленной единицы выступать общине, а затем – отдельным ее членам.

4. В рамках первобытной формации сформировался первый исторический тип права – архаичное право. И хотя оно было простое и примитивное по своему содержанию, архаичное право обладало рядом важнейших признаков, присущих современному праву: оно выступало как система определенных общеобязательных правил поведения, адресованных всем членам рода, обеспеченных силой общественного принуждения. Более того, уже в те давние времена оно строилось на основе принципов равенства и свободы волеизъявления.

Библиографические ссылки

1. Маркс К., Энгельс, Ф. Сочинения / Маркс К., Энгельс Ф. Издание второе. – М.: государственное издательство политической литературы, 1955. – Т. 46. Ч. 1. – 318 с.

2. Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения / Маркс К., Энгельс Ф. Издание второе. М.: государственное издательство политической литературы, 1955. – Т. 23. – 908 с.

3. Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения / Маркс К., Энгельс Ф. Издание второе. М.: государственное издательство политической литературы, 1955. – Т.1. – 699 с.

4. Проблемы теории государства и права: Учебное пособие/ Под ред. М.Н. Марченко. – М.: Юристъ, 2002.– 656 с.

5. Семенов, Ю. Формы общественной воли в доклассовом обществе: табуитет, мораль и обычное право // Скепсис. https://scepsis.net/library/id_123.html. Дата обращения 07.10.24.

6. Сырых, В.М. Основы материалистической теории права. В 4 т. / В.М. Сырых. – Т. I. Объективное право и формы его выражения: монография. – М.: Юрлитформ, 2022. – 568 с.

7. Шершеневич, Г.Ф. Избранное: в 6 т./ Г.Ф Шершеневич – Т.4 включая Общую теорию права / Вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. – М.: Статут, 2016. – 752 с.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В СФЕРЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ

Н.В. Мисаревич

Доцент кафедры теории и истории государства и права,
кандидат юридических наук, доцент,
Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,
юридический факультет,
г. Гродно, Республика Беларусь

Аналізуюцца прававыя традыцыі, якія існавалі на беларускіх землях у перыяд Вялікага княства Літоўскага, у кантэксте рэгулявання дзейнасці органаў гарадскога кіравання на аснове актаў на магдэбургскае права. Іх вывучэнне дазволіць больш глыбока даследаваць гістарычныя асаблівасці дзейнасці інстытута мясцовага ўпраўлення.

Аналізуюцца правовыя традыцыі, якія існавалі на беларускіх землях у перыяд Вялікага княства Літоўскага, у кантэксте рэгулявання дзейнасці органаў гарадскога кіравання на аснове актаў на магдэбургскае права. Іх вывучэнне дазволіць больш глыбока даследаваць гістарычныя асаблівасці дзейнасці інстытута мясцовага ўпраўлення.

The legal traditions that existed on the Belarusian lands during the period of the Grand Duchy of Lithuania are analyzed in the context of regulating the activities of city government bodies on the basis of acts on Magdeburg law. Their study will allow us to more deeply explore the historical features of the activities of the institution of local government.

Ключавыя словы: гістарычная памяць; магдэбургскае права.

Ключевые слова: историческая память; магдебургское право.

Keywords: historical memory; Magdeburg law.

Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196 была утверждена Концепция правовой политики Республики Беларусь (далее – Концепция) [5]. В Концепции подчеркивается важность учета историко-культурных традиций при осуществлении правовой политики в современных условиях и отмечается, что «Беларусь прошла длительный, сложный процесс становления и развития» [5].

На современном этапе государственно-правового строительства в Республике Беларусь уделяется большое внимание сохранению исторического прошлого страны и создана соответствующая конституционная основа для реализации данной задачи:

- в ст. 15 Конституции Республики Беларусь закрепляется обязанность государства сохранять историко-культурное и духовное наследие;

- устанавливается обязанность родителей в процессе воспитания детей прививать им «культуру и уважение к законам, историческим и национальным традициям Беларуси» (ст. 32);

- по результатам республиканского референдума (27 февраля 2022 г.) в Основной закон страны были внесены изменения и дополнения, в частности в ст. 54, следующего содержания: «сохранение исторической памяти о героическом прошлом белорусского народа является долгом каждого гражданина Республики Беларусь» (ст. 54) [3].

Такое пристальное внимание к историческому прошлому белорусского народа, в том числе и к правовым традициям, является актуальным и своевременным. Попытки фальсификации отдельных периодов истории белорусского государства требуют адекватного ответа со стороны политиков, правоведов, ученых, так как недостоверная или умышленно искаженная информация распространяется через информационные системы и, в основном, рассчитана на молодежь. В данном контексте уместно говорить о грамотной трактовке исторических событий с изложением соответствующего материала со ссылкой на исторические документы. Одновременно будут решаться две главные задачи: сохранение исторических достижений и воспитание подрастающего поколения в духе уважения к историческому прошлому своей страны.

Одной из исторических форм белорусской государственности является период Великого княжества Литовского, в рамках которого уже, как представляется, были заложены основы для реализации права

белорусского народа на самоопределение и на существование в виде суверенного государства. Рассмотрим данные аспекты на примере истории функционирования института местного управления в так называемый «магдебург-ский период».

Магдебургское право рассматривается как один из периодов развития института местного управления и самоуправления на белорусских землях (городское самоуправление). Возрастающая роль городов в данный период требовала и соответствующего юридического оформления правового статута жителей (мещан). Как отмечает З. Ю. Копыцкий, в развитии социально-политической жизни городов Беларуси серьезную роль отыграло магдебургское право, в соответствии с которым и складывалась система учреждений городского самоуправления. «Для белорусского феодального города характерно сочетание магдебургского права с нормами городского права, сложившегося в предшествующие столетия в древнерусских городах» [4, с. 188]. Обратим внимание лишь на несколько аспектов.

Магдебургское право в правовой системе Великого княжества Литовского занимало особое место: оно было призвано ликвидировать, во-первых, пробелы в национальном законодательстве в отношении правового статуса жителей городов, получивших акты на самоуправление, и, во-вторых, заменяло собой или отменяло не соответствующие требованиям времени нормы общегосударственного законодательства в этой области. Но это было не прямое «копирование» иностранного права, так как на белорусских землях уже имелся свой опыт решения вопросов местного значения (например, функционирование вече в Полоцке). Магдебургское право помогло лишь четко очертить правовые «границы» деятельности данного института и оформить его место в правовой системе Великого княжества Литовского, сформировать систему местных представительных и распорядительных органов управления и суда, разграничить их компетенцию и т.д.

О том, что данное явление нашло на белорусских землях свою «благодатную почву», говорит тот факт, что уже во второй половине XVI ст. в Статутах ВКЛ мы находим упоминание о жителях «магдебургских» городов. Например, Статут ВКЛ 1588 г. закрепляет норму о привлечении к ответственности на принципах равенства мещанином представителей шляхетского сословия: «также устанавливаем, если бы кому из мещан наших права магдебургского какая обида произошла от князей, панов и земян и подданных их, а они бы добровольно дать удовлетворение не желали или справедливости с подданных своих не осуществили, тогда такого каждого мещанин может в суд земский поветовый вызвать и далее посту-

пать против него согласно порядку права и статуту земскому» [6, разд. 4, ст. 69].

Города получали привилеи на магдебургское право. Именно данные акты играли ключевую роль в социально-политическом развитии городов, как центров ремесла и торговли, а также определяли место и положение горожан, как новой социальной группы феодального общества. Следует отметить, что не было некоего единого «шаблона» привилеев, так как содержательная часть документа зависела и от географического положения города (например, по привилею 1496 г. гродненские мещане получили право построить мельницу на реке Неман, а у жителей Бреста по привилею 1511 г. появилась обязанность к приезду великого князя в город «поромы справовати и мосты мостити» [1, с. 94], и от экономическо-го состояния, и от значения города для государства. Но можно выделить основные положения, которые гарантировали реализацию идеи самоуправления в конкретном городе:

- создание, функционирование и распределение полномочий органов городского управления и суда (магистрат, рада, лава);
- предоставление торговых льгот жителям городов, получивших магдебургское право;
- развитие ремесленной деятельности (создание цеховых братств, которые функционировали на основе собственных учредительных документов).

Т. И. Довнар отмечает, что привилеи на магдебургское право «основывались на собственном обычном городском праве», и поэтому самоуправление было относительным, поскольку города лишь в известной мере освобождались от подчинения воеводам и иным государственным должностным лицам [2, с. 103]. Это еще раз подтверждает тот факт, что на белорусских землях уже был свой собственный опыт местного управления, а магдебургское право лишь «усовершенствовало» некоторые аспекты и это был «прообраз» сегодняшней модели местного управления и самоуправления:

- органы городского управления занимались решением вопросов местного значения;
- их юрисдикция распространялась лишь на определенный круг горожан; именно мещане выбирали четырех кандидатов на должности бурмистров, из которых войт уже избрал одного человека (сочетание принципа выборности и назначаемости);
- «городское правительство» должно было по окончании своей деятельности представить отчет избранной группе горожан;
- мещане создавали комиссии, осуществлявшие контроль за законным и обоснованным расходованием средств «меской скарбонки»

(своеобразный общественный контроль за расходованием городского бюджета) и т. д.

Представляется, что хотя это и было «не совсем самоуправление», все же можно при анализе положений привилеев выделить некоторые общие черты, присущие институту самоуправления. Поэтому; хотя с некоторыми оговорками, к этой системе органов можно применить понятие «самоуправление».

Привилеи на магдебургское право содержали положения, которые были направлены на создание реальных условий для экономического развития города. Для этого глава государства, желая подвести финансовую базу к функционированию и существованию местного самоуправления и управления, старался поддержать жителей города, одновременно предоставляя им различные льготы:

- привилегии и преимущества в торговле. Сюда входили освобождение от таможенных пошлин за право перевозки товаров через границы как внутри государства, так и через государственную границу; установления «графика» проведения ярмарок в конкретном городе. Например, Брест, по подтвердительному привилею 1511 г., получил право на «три ярмарки въ году: первый ярмарокъ на октавы перхъ Кролевъ, другій ярмарокъ по Велицъ дни на святой Войтехъ; третій ярмарокъ въ осень, на святой Балтрмей, а мають тыи ярмарки стоять каждый по две недели, со всимъ добровольствомъ, безмытно, потому какъ и по инымъ местомъ ярмарки держать» [1, с. 94];

- предоставление жителям города права на свободную торговлю «горячими напитками и беспошлинное производство некоторых из этих напитков для личных нужд»;

- запрещение иностранным купцам вести розничную торговлю и устраивать торги и ярмарки.

Как отмечал И. А. Юхо, одной из целей наделения города магдебургским правом было дальнейшее распространение католичества на белорусские земли и ополячивание населения [7, с. 60]. Но это был «мирный способ» решения религиозного вопроса, так как во всех привилеях применительно к формированию магистрата устанавливалось правило: половина мест должна была предоставляться католикам, а половина – православным.

Таким образом, уже в период Великого княжества Литовского были созданы определенные условия для создания и деятельности системы местного управления (самоуправления). Юридической основой для данного явления стали привилеи на магдебургское право. На основе анализа положений городских грамот уже можно говорить об

определенной преемственности правовых норм в современных подходах к функционированию института местного управления и самоуправления.

Представляется, что изучение не только культурных ценностей, но и правовых традиций, существовавших на белорусских землях, позволит более глубоко исследовать исторические особенности деятельности государственных институтов и права не столько с целью сохранения исторической памяти, сколько в рамках воспитания патриотически настроенной личности с активной гражданской позицией, способной ставить государственные интересы выше личных. Ведь именно сохранение исторического прошлого своей страны является неотъемлемым элементом национально-государственного самосознания и самоуважения народа.

Библиографические ссылки

1. Жалованная подтвердительная грамота жителямъ Бреста-Литовского, на Магдебургское право и другія преимущества и льготы, съ дозволеніемъ нмѣть три ярмарки въ году, 20.09.1511 г. // Акты, относящіеся къ исторіи Западной Россіи, собранные и изданные Археографическою комиссіею : в 5 т. – СПб., 1848. – Т. 2. – С. 93 – 95.

2. Доўнар, Т. І. Помнікі права Беларусі феадальнага перыяду / Т. І. Доўнар. – Мінск: ИСЗ, 2001. – 312 с.

3. Конституция Республики Беларусь 1994 г. : с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г., 27 февраля 2022 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnyedokumenty/konstitutsiya-respuki-belarus/>. – Дата доступа : 05.10.2024.

4. Копыцкий, З. Ю. Социально-политическое развитие городов Белоруссии в XVI – XVII в. / З. Ю. Копыцкий. – Минск: Наука и техника, 1975. – 192 с.

5. О Концепции правовой политики Республики Беларусь: указ Пре-зидента Респ. Беларусь, 28 июня 2023 г., № 196; в ред. указа Президента Респ. Беларусь от 14 марта 2024 г. № 96 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P32300196>. – Дата доступа : 05.10.2024.

6. Статут Вялікага княства Літоўскага, 1588 : юбілейн. выд. / Беларус. дзярж. ун-т, юрыд. фак. ; транскр. тэксту падрыхт. С. А. Балашэнка, Т. І. Доўнар, Л. Л. Голубевай. – Рэпр. выд. – Мінск : [б. в.], 2010. – 612 с.

7. Юхо, І. А Крыніцы беларуска-літоўскага права / І. А. Юхо. – Мінск: Беларусь, 1991. – 238 с.

СТАНАЎЛЕННЕ СУДОВАЙ УЛАДЫ Ў СТАРАЖЫТНЫХ КНЯСТВАХ

А.А. Міхневіч

Старшы навуковы супрацоўнік,
Беларускі інстытут сістэмнага аналізу і інфармацыйнага забеспячэння
навукова-тэхнічнай сферы,
г. Мінск, Рэспубліка Беларусь

У артыкуле разглядаецца станаўленне судовай улады на прыкладзе дзяржаўных утварэнняў усходніх славян X – XII стагоддзяў. У ходзе даследавання праведзен аналіз і ацэнка ролі князя і іншых службовых асоб у адпраўленні правасуддзя. Суадносіцца кампетэнцыя дзяржаўных, абшчынных і царкоўных судаў.

В статье рассматривается становление судебной власти на примере государственных образований восточных славян X – XII веков. В ходе исследования проведен анализ и оценка роли князя и других должностных лиц в отправлении правосудия. Соотносится компетенция государственных, общинных и церковных судов.

The article examines the formation of judicial power on the example of the state formations of the Eastern Slavs of the X – XII centuries. The study analyzes and evaluates the role of the prince and other officials in the administration of justice. The competence of state, public and church courts is correlated.

Ключевые слова: суд, судебная власть, решение споров, князь, община.

Ключавыя словы: суд, судовая ўлада, вырашэнне спрэчак, князь, абшчына.

Keywords: court, judicial power, dispute resolution, prince, community.

Працэсуальна-прававыя адносіны непасрэдна звязаны з узнікненнем спецыяльных органаў (судаў), якія на падставе прававых механізмаў, замацаваных на дзяржаўным узроўне, ажыццяўляюць абарону перш за ўсё законных правоў фізічных асоб. З пазіцый сучаснага разумення працэсуальныя адносіны, як і суд на землях усходніх славян (у тым ліку беларускіх) пачалі фарміравацца ў перыяд стварэння першых дзяржаўных утварэнняў – княстваў. У родаплямённым грамадстве не існавала дзяржаўных органаў улады, надзеленых судовымі паўнамоцтвамі, а спрэчкі вырашаліся ўсім грамадствам пры дапамозе інстытута помсты – першага, на наш погляд, працэсуальнага інстытута пасля пасяджэнняў плямённых сходаў [3, с. 69].

Трэба падкрэсліць, што вучоныя да нашага часу не вызначылі ні дакладнай даты ўзнікнення судовай улады ва ўсходніх славян, ні яе юрыдычнага афармлення, хоць шмат хто звязвае ўзнікненне судовай улады са стварэннем першых дзяржаўных ўтварэнняў. Аднак з гэтым пунктам гледжання нельга цалкам пагадзіцца, таму што яшчэ ў дадзяржаўны перыяд старэйшынам племянных аб'яднанняў даводзілася разглядаць спрэчкі, якія ўзнікалі у гэтым асяроддзі. Гэта даказвае Хачатураў Р.Л., які ў сваім даследаванні пазначае, што ўжо на рубяжы VIII – IX ст.ст. на вельмі вялізнай тэрыторыі ўсходніх славян існавалі міжплемянныя саюзы, якія мелі хоць яшчэ і недасканалую, але досыць устойліваю і функцыянальную судовую сістэму [13, с. 43 – 67]. Таксама Рубанік У.Е. у сваю чаргу піша, што ў дадзяржаўны перыяд, калі людзі жылі асобнымі родамі і плямёнамі, суддзёй ва ўсіх спрэчках і рознагалоссях, непасрэднай караючай сілай усіх злачынных учынкаў і праступкаў у межах рода выступаў старэйшына роду, у племені – старэйшына племені, якія ажыццяўлялі свае функцыі аднаасобна або сумесна з галавамі некаторых сем'яў. Суд, у ходзе якога ўсталёўвалася віна пераступіўшай палажэнні звычая асобы, вяршыўся на вачах ва ўсёй абшчыне [9, с. 30]. Да такой жа высновы прыходзіць таксама Кузьмін А.Г. [6, с. 110].

На наш погляд, паднятае пытанне з'яўляецца спрэчным і яго можна разглядаць як з вузкага, так і з шырокага пункта гледжання. Калі разумець пад судом толькі дзяржаўную ўстанову, надзеленую судовымі функцыямі, тады судовая ўлада ва ўсходніх славян, а значыць і на тэрыторыі старажытнай Беларусі, з'явілася толькі пасля ўзнікнення дзяржавы. Калі жа ўспрымаць разгляд спрэчак на родаплямённых сходках як правядзенне судаводства, тады суды на тэрыторыі ўсходнеславянскіх плямёнаў узніклі значна раней, яшчэ ў VIII стагоддзі. Пры гэтым асноўнай мэтай пры вырашэнні спрэчак са спрадвечных часоў было ўстанаўленне справядлівасці. Такім чынам, як нам здаецца, трэба прытрымлівацца другога пункта гледжання

Пазначым, што згодна з падыходам, які сфарміраваўся ў англаамерыканскай сацыялагічнай юрыспрудэнцыі (у асобе такіх яе прадстаўнікоў як Уільям Сігал, Эдвін Сідні Хартленд і інш.) права сваім паходжаннем абавязана такому стану грамадскіх адносін, калі парушаецца сацыяльнае развіццё, суд жа у сваю чаргу дае пачатак існаванню дзяржаўнага ўтварэння. Падобны падыход існаваў і ў расійскай юрыспрудэнцыі. У прыватнасці, Шаршаневіч Г.Ф. адзначаў, што ў той час, калі суд стаў выбіраць з прапанаваных яму дзяржавай правілаў, ці пачаў ствараць новыя правілы шляхам прэцэдэнту, быў «моментом выражэння права» [18, с. 115]. Іншая аргументацыя вышэй

адзначаннага падыходу заключаецца ў абгрунтаванні боскай прыроды судовай улады, неад’емнасці інстытута вырашэння спрэчак чалавецтвам: «людскому суду столько же лет, сколько и человеческому обществу» [5, с. 5, 279].

Суд, або узыходзячы да правобразу суда інстытут вырашэння спрэчак, які мае ў якасці складаных частак ўсе неабходныя элементы – два бакі, «арбітра», рашэнне справы, пачынае фармавацца ў глыбокай старажытнасці і паступова становіцца галоўным інструментам у вырашэнні спрэчак. Пры гэтым, як лічаць шматлікія спецыялісты ў галіне юрыдычнай этналогіі, «основная цель архаического судоприводства – обеспечение гармонии в обществе через примирение сторон» [7, с. 333]. Воля пацярпелага ад злачынства ў старажытны перыяд мела вельмі важнае значэнне пры пакаранні злачынцы. Прымірэння са злачынцам («еднанье») магло адбыцца па любой справе і на любой стадыі судовага працэсу.

Несумненна, што ў дадзяржаўны перыяд судовай уладай валодаў галава сям’і або роду, а таксама язычніцкія жрацы. Водгук гэтага мы знаходзім у пазнейшых дакументах. Так, у грамаце вялікага князя Вялікага Княства Літоўскага Альгерда 1359 г. гаварылася: «Кгды в панстве нашем литовском земляне наши господарские трудность мають в росправе межи себе в спорах и недостатках всеяких, сумежных кривдах и покривдженнях ... мы господар уставуем, ижбы от тол хоружии наши в хоружествах своих таковыи спорности, то самое яко Кревове (языческие жрецы – авт.) с тоуж моцою судили и суды свои в дело вводили, кром одзыву, а одзыв по воле речы и обычаю давнему идеть до нас господаря» [15, с. 53].

З узнікненнем дзяржаў ва ўсходніх славян судовая ўлада пачала канцэнтравацца ў руках князёў. Адначасова ўзнікненне першых дзяржаў падштурхнула гэтых уладароў да стварэння судовых устаноў, або, першапачаткова, – прызначаць службоўцаў, якія будуць дапамагаць выконваць судовыя функцыі. Такія трансфармацыі былі абумоўлены неабходнасцю ажыццяўлення кантроля над усімі аспектамі жыцця старажытных дзяржаў, а таксама падтрымання аўтарытэту князя.

Аднак трэба падкрэсліць, што досыць працяглы перыяд часу ажыццяўленне судаводства ў старажытных княствах застаецца ў кампетэнцыі сходу свабодных людзей – веча і абшчыны. Нават у перыяд «Рускай Праўды» абшчына валодала значнай судовай уладай і яе прадстаўнікі («добрые люди») вырашалі ўзнікаўшыя ў межах абшчыны спрэчкі. Навукоўцы лічаць, што менавіта з мэтай вырашэння спрэчак паміж рознымі абшчынамі не вайной, а з дапамогай судовага працэсу, пачынаецца фарміраванне дзяржаўных органаў судовай улады [2, с. 20].

Пры гэтым, гаворачы аб судовай уладзе ў дачыненні да разглядаемага перыяду (X – XII ст.ст.), нельга пераносіць на яе сучасныя ўяўленні аб падзеле ўлады на галіны, бо ўлада існавала ў недыферыцыраваным стане. Таму досыць правільным будзе выкарыстанне тэрмінаў «суд» і «правасуддзе» у шырокім сэнсе гэтых азначэнняў.

Увогуле, зыходзячы з гістарычнага развіцця, якое папярэднічала дзяржаўнасці, ў старажытных дзяржавах судовая ўлада адрознівалася партыкулярызмам і не належала аднаму толькі князю, хоць вырашэнне судовых спрэчак і з’яўлялася адным з яго абавязкаў. А.Е.Прэснякоў пісаў: «...воздействие княжой власти на судебно-административное дело земли-волости не развилось до такой степени, чтобы она взяло это дело последовательно в свои руки» [8, с. 205].

У сувязі, з тым, што судовая ўлада не была аддзелена ад адміністрацыі, у старажытных дзяржавах суддзямі былі князі, пасапнікі, валасцелі, сцвярдзэнне чаго мы і знаходзім у Рускай Праўдзе. Улічваючы важнасць княжацкага правасуддзя, помнікі права і летапісы пішуць аб гэтым шмат. Адзначым, што па даручэнні князя яго службоўцы таксама маглі ажыццяўляць некаторыя працэсуальныя і судовыя паўнамоцтвы. У гэтым плане цікавасць ўяўляе артыкул 32 Кароткай рэдакцыі Рускай Праўды [11] і артыкул 78 Падрабязнай рэдакцыі [12], якія забараняюць «умучаць» смерда і агнішчаніна «без княжа слова». «Мука» без «княжого слова», – пісаў С.В. Юшкоў, – гэта «нарушение институтов княжеской защиты над элементами, входящими или уже вошедшими в состав княжеского домена» [19, с. 510]. Такім чынам, на наш погляд, князь даваў санкцыю на правядзенне такіх дзеянняў яго прадстаўнікамі. Таксама ў Падрабязнай рэдакцыяй Рускай Праўды падкрэсліваецца роля князя як вярхоўнага судзі ў кожным адасобленым княстве [12].

У больш дробных адміністрацыйных адзінках княства суд адпраўлялі прадстаўнікі мясцовай адміністрацыі – валасцелі (назва іх пасады, зразумела паходзіла ад тэрміна «воласць» – ніжэйшая адзінка адміністрацыйна-тэрытарыяльнага падзелу ў старажытных княствах, а потым і ў ВКЛ). Пасля таго як кіеўскія князі пачалі «сажаць» ў буйныя гарады (дзяржаўныя цэнтры) сваіх сыноў, судовыя паўнамоцтвы перайшлі да іх (фактычна нашчадкі князей пачалі выконваць ролю пасапнікаў).

У дачыненні да Кіеўскага княства навукоўцы адзначаюць, што суд, як правіла, падзяляўся на публічны (дзяржаўны) і царкоўны, што было рэалізавана судовай рэформай Уладзіміра Вялікага [14, с. 59] (праз прыняцце другой часткі Падрабязнай Праўды – Статута Манамаха 1113 года). З самага пачатку ўзнікнення дзяржаў ва Усходняй Еўропе існаваў

суд на палюдзі, які такім жа чынам ажыццяўляўся і на старажытнарускіх землях. Князь, выезджаючы на палюддзе са службовымі асобамі (цівуном і іншымі) у перыяд збору даніны, ажыццяўляў суд на месцах і разглядаў судовыя спрэчкі на падуладных яму землях.

Падкрэслім, што дзяржаўнае свецкае судаводства засяроджвалася ў руках князя і яго адміністрацыі – тысяцкага, пасадніка, валасцелей і іх памочнікаў. Да выключнай кампетэнцыі княжацкага суда адносіліся справы, у якіх хаця б адным з бакоў быў прадстаўнік феадальнага саслоўя.

З прыняццем Хрысціянства на землях Старажытнай Русі ўзнікае царкоўны суд, пад юрысдыкцыю якога спачатку падпадае духавенства, царкоўныя людзі па некаторых справах і свецкія ў справах маралі і веры.

У гэтых судах у залежнасці ад віду злачынстваў і статусу царкоўных людзей судаводства ажыццяўлялі біскупы, архіепіскапы, мітрапаліты, архімандрыты [14, с. 61]. Суд разглядаў як непасрэдна царкоўныя справы, так і накладваў адказнасць за невыкананне рэлігійных абавязкаў, парушэнне шлюбнай вернасці, займаўся высвятленнем ступені сваяцтва пры заключэнні шлюбаў і інш. У кампетэнцыі і дзейнасці царкоўнага суда ў розных землях мелася некаторая спецыфіка, бо ён у сваёй дзейнасці кіраваўся не толькі скруткам Яраслава, але і мясцовымі царкоўнымі звычаямі. Пры гэтым духавенства на канкрэтных землях Старажытнай Русі магло сваім уплывам пашырыць судовую кампетэнцыю. На наш погляд, Праснякоў А.Я. правільна ўказвае, што пытанне аб характары і аб'ёме царкоўнага суда ускладнена няпэўнымі тэкстамі царкоўных статутаў, асабліва найстарэйшых [8, с. 49]. Нягледзячы на спасылкі старажытных зборнікаў законаў (пачынаючы з Падрабязнай рэдакцыі Уладзіміра) на грэчаскі «Намаканон», на «уряжэння» грэчаскіх цароў

і сусветных сабораў, судовыя прывілеі царквы па княжым статутам былі значна шырэй тых, якія былі прадстаўлены самай грэчаскай царквой [8, с. 52]. У цэлым жа аб'ектыўнага ўяўлення аб дзейнасці царкоўных судаў мы не можам мець, бо не існуе доказаў, якія пазнаёмілі б нас з і і сапраўднай судовай практыкай і ў выніку – мы вымушаныя абмяжоўвацца толькі агульнай характарыстыкай гэтых судаў.

Досыць доўгі час публічным судом з'яўляўся таксама абшчынны суд. Чарнілоўскі З.М. адзначаў: «община оказалась настолько универсальным инструментом улаживания коллективных дел и конфликтов, что ее.... удерживает и феодальное право» [17, с. 18]. Аднак суаднясенне кампетэнцый княжацкага і абшчыннага судаў у старажытны перыяд працягвае заставацца спрэчным пытаннем [16, с. 34]. Зыходзячы

з працэдуры судовага разгляду спраў, непасрэднага ўдзелу ў ім бакоў і іх розных, часта даволі шматлікіх прадстаўнікоў (памагатых, паручнікаў, сапрысяжнікаў і інш.), В.Е.Рубанік робіць лагічны вынік, што нармальнае функцыянаванне суда князя без прыцягнення прадстаўнікоў абшчыны было практычна немагчыма, і такі суд адначасова выступаў і як «княжеский», і як «народный», падкрэсліваючы пры гэтым, што вызначэнне іх суаднясення вельмі складана [10, с. 34]. Пры гэтым пазначым, што абшчына ў асноўным разглядала дробныя судовыя спрэчкі, хаця вельмі часта, калі не ўмешвалася княжае правасуддзе, разглядала і іншыя справы, у тым ліку часам і цяжкія злачынствы.

Нельга не пазначыць, што пэўнай разнавіднасцю абшчыннага суда сталі так званыя копныя суды, якія доўгі перыяд часу дзейнічалі на тэрыторыі Беларусі і Украіны. Пры тым на тэрыторыі Беларусі яны існавалі амаль да трэцяга падзелу Рэчы Паспалітай. Судаводства ў іх ажыццяўлялася «копнымі мужамі», «копнымі старцамі», гэта значыць найстарэйшымі і найбольш паважанымі простымі людзьмі. Суд не меў нязменнага складу суддзяў і склікаўся, як правіла, самім пацярпелым у загадзя вызначаным месцы (часцей за ўсё на месцах старажытных язычніцкіх каповішчаў) [4, с. 57]. У кампетэнцыю копных судаў, сфера дзейнасці якіх звычайна ахоплівала некалькі вёсак, уваходзіў разгляд крымінальных і грамадзянскіх спраў сельскіх жыхароў. Характэрнай асаблівасцю копнага судаводства з'яўлялася злучэнне ў адным органе следчых, судовых і выканаўчых функцый.

Такім чынам, судовая дзейнасць у старажытны перыяд ахоплівала найважнейшыя бакі жыцця феадальнага грамадства, таму нават у помніках XIII – XV стагоддзяў, палажэнні якіх рэгламентуюць судовую дзейнасць, былі зафіксаваны ў асноўным старажытныя нормы, што склаліся яшчэ X – XII стагоддзях. Як вызначыў Ю.Г. Аляксееў, нават у эпоху найбольшага развіцця феадальнай раздробленасці і паслаблення палітычнага адзінства Рускай зямлі тут захоўвалася адзінства асноўных прынцыпаў суда, якія склаліся ў часы Рускай Праўды [1, с. 19], што, на наш погляд, з'яўецца справядлівым у пазначаны гістарычны перыяд і для беларускіх зямель. Нягледзячы на тое, што ў тагачасных дзяржаўных утварэннях не існавала цалкам аддзеленых ад іншых галін улады судаў, судовыя установы даволі належным чынам выконвалі свае функцыі. Хоць яны не былі падобнымі на сучасныя суды, аднак гэты пачатковы этап судовай дзейнасці з'явіўся асновай для наступнага ўдасканалення судовай улады.

Бібліяграфічныя ссылкі

1. Алексеев, Ю. Г. Псковская судная грамота и ее время / Ю. Г. Алексеев – Л. : «Наука», 1980. – 55 с.
2. Бибило, В. Н. Судебная власть в уголовном судопроизводстве. / В. Н. Бибило – Минск : «Право и экономика», 2001. – 201 с.
3. Грошев, С. Н. Институт кровной мести в аспекте прав и обязанностей мужчин в Древней Руси / С. Н. Грошев // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 2. – С. 68–70.
4. Ефименко, А. Я. О копных судах / А. Я. Ефименко // Артикулы Археологического съезда. Т.2: Протоколы. – М., 1897. – С. 56–59.
5. Колеандров, М. И. Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее / М. И. Колеандров – М. : Волтерс Клувер, 2006. – 579 с.
6. Кузьмин, А. Г. Об истоках древнерусского права / А. Г. Кузьмин // Советское государство и право. – 1985. – № 2. – С. 108 – 112.
7. Марченко, М.Н. Проблемы теории государства и права: учебник / М.Н. Марченко – М. : Проспект: Велби, 2001. – 650 с.
8. Пресняков, А. Е. Лекции по русской истории .Т.1.Киевская Русь. / А. Е. Пресняков – М.: Государственное социально-экономическое изд-во. – М. 1938. – 248 с.
9. Рубаник, В. Е. О подходах к периодизации истории суда и правосудия в древней Руси IX – XV вв. в новейшей историографии / В.Е. Рубаник // История государства и права. – 2013 – № 3. – С. 28 – 34.
10. Рубаник, В. Е. Суд в Древней Руси: этапы формирования и некоторые проблемы изучения / В. Е. Рубаник // История государства и права. – 2012. – № 20. – С. 29 – 34.
11. Русская Правда: краткая редакция [Электронный ресурс] / Исторический факультет Московского государственного университета. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/RP/krp.htm> – Дата доступа: 08.10.2024.
12. Русская Правда: Пространная редакция [Электронный ресурс] / Библиотекарь.Ру – Режим доступа: <http://bibliotekar.ru/rus/3-2.htm> – Дата доступа: 08.10.2024.
13. Хачатуров, Р. Л. Становление права (На материале Киевской Руси). / Р. Л. Хачатуров – Тбилиси : Изд-во Тбилисск. ун-та, 1988. – 260 с.
14. Довнар Т.И., Орловская Е.И. История государства и права Беларуси : учеб. пособие / Т.И.Довнар, Е. И. Орловская. Минск : Изд. центр БГУ, 2017. 191 с.
15. Чаропка, В. Усталяванне хрысціянства і падзенне крэваў/ В. Чаропка // Беларускі гістарычны часопіс. – 1998. –№ 4. – С. 53 – 61.

16. Чебаненко С. Б. Княжеский и народный суд в Древней Руси : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. – СПб., 2007. – 308 с.

17. Черниловский, З. М. Русская Правда в свете других славянских судебников / З. М. Черниловский // Сборник научных трудов ВЮЗИ. Древняя Русь: проблемы права и правовой идеологии. – М. : РИО ВЮЗИ, 1984. – С. 3 – 35.

18. Шершеневич, С. Ф. Общая теория права : по изд. 1910 – 1912 гг. учеб. пособие : в 2 т. / С.Ф. Шершеневич – 2-е изд. – М. : Юрид. колледж. Моск. гос. ун-та, 1995. – Т. 2. – 814 с

19. Юшков, С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. / С. В. Юшков – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1949. – 546 с.

АБ АКТУАЛЬНЫХ НАПРАВКАХ РАЗВІЦЦЯ НАЦЫЯНАЛЬнай КАНЦЭПЦЫІ ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСКАЙ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ

І.В. Няшкевіч

Дацэнт кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт,
Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны,
юрыдычны факультэт,
г. Гомель, Рэспубліка Беларусь

У артыкуле даецца характарыстыка нацыянальнай канцэпцыі гісторыі беларускай дзяржаўнасці і вызначаецца яе роля для фармавання нацыянальнай ідэнтычнасці. Аўтар прапануе канкрэтныя напрамкі дзейнасці па яе далейшым развіцці і ўдасканаленні.

В статье дается характеристика национальной концепции истории белорусской государственности и определяется ее роль для формирования национальной идентичности. Автор предлагает конкретные направления деятельности по ее дальнейшему развитию и совершенствованию.

The article characterizes the National Concept of the history of Belarusian statehood and defines its role for the formation of national identity. The author offers specific areas of activity for its further development and improvement.

Ключавыя словы: дзяржаўнасць; нацыянальная самаідэнтыфікацыя; ідэалогія беларускай дзяржаўнасці; гісторыя беларускай дзяржаўнасці.

Ключевые слова: государственность; национальная самоидентификация; идеология белорусской государственности; история белорусской государственности.

Keywords: statehood; national self-identification; ideology of Belarusian statehood; history of Belarusian statehood.

У гэтым стагоддзі вучоныя Інстытута гісторыі НАН Беларусі рэзультатыўна папрацавалі на ніве выпрацоўкі нацыянальна-дзяржаўнай ідэалогіі і фарміравання ўласна беларускага бачання гісторыі Беларусі. Не сакрэт, што гістарычная навука выконвае важную практычную функцыю фармавання нацыянальнай ідэнтычнасці, неад'емнай часткай якой з'яўляюцца ўяўленні народа і кожнага яго прадстаўніка аб сваёй дзяржаўнасці. І непазбежна - у крытычна важныя для нацыянальна-дзяржаўнага самавызначэння народа перыяды. Таму навуковае вывучэнне гісторыі беларускага народа і яго дзяржаўнасці мае відавочны ідэалагічны аспект - яно з'яўляецца падмуркам і сродкам развіцця ідэалогіі беларускай дзяржаўнасці. Акадэмічныя навукоўцы прапанавалі наступную характарыстыку дадзенага паняцця: «Идеология белорусской государственности базируется на понимании исторического происхождения и развития белорусского этноса, незыблемости права белорусского народа на осуществление собственной национальной государственности. Высший ценностный ориентир такой идеологии – государственный суверенитет. Исторический опыт однозначно и убедительно свидетельствует, что только в условиях государственной независимости возможно наиболее полно реализовать основные условия развития нации, создавшей свое государство» [3, С. 4-5].

Ідэалогія беларускай дзяржаўнасці заклікана кансалідаваць грамадства на аснове аргументаванага навукай абгрунтавання гістарычнай правамернасці беларускай дзяржаўнасці. Не менш актуальным яе прызначэннем з'яўляецца эфектыўнае супрацьстаянне навязванню яму чужых уяўленняў аб нашым мінулым. З задавальненнем можна канстатаваць, што сваю частку гэтай неабходнай грамадству працы беларускія гісторыкі ў асноўным выканалі: вучонымі Нацыянальнай акадэміі навук была распрацавана нацыянальная канцэпцыя гісторыі беларускай дзяржаўнасці.

У падмурак канцэпцыі была пакладзена прынцыпова новая трактоўка паняцця "дзяржаўнасць". Калектыў вучоных Інстытута гісторыі НАН вызначае яго «как внутреннюю потенциальную способность этнонационального сообщества и его элиты, обеспечивающую право и возможность длительного самостоятельного исторического существования и развития» [3, С. 6.] Сама ж дзяржава з'яўляецца канкрэтна-гістарычным увасабленнем гэтага патэнцыялу. Шматвяковую беларускую дзяржаўнасць дадзеная навуковая канцэпцыя разглядае ў якасці "непарыўнага цэлага", які ўвасобіў падчас сваёй эвалюцыі

гістарычныя формы дзяржаўнасці і нацыянальныя формы дзяржаўнасці. Пры гэтым "вышэйшым пунктам палітычнага, сацыяльна-эканамічнага і культурнага развіцця любога этнасу" выступае незалежная нацыянальная дзяржаўнасць.

Найбольш поўнае сваё ўвасабленне нацыянальная канцэпцыя гісторыі беларускай дзяржаўнасці знайшла ў пяцітомным акадэмічным выданні "Гісторыя беларускай дзяржаўнасці", апублікаваным у 2018-2020 гадах. Працэс навуковага даследавання гістарычнага шляху, пройдзенага нашымі народамі, «...в данном фундаментальном труде получил категориальный статус – закономерное зарождение и развитие белорусской государственности, целостности и неделимости двух ее видов» [3, С. 10.] Аднак сучасныя геапалітычныя рэаліі дыктуюць запыт на ўмацаванне нацыянальнай самабытнасці, незалежнасці і суверэннасці, захаванне гістарычнай памяці. Гэтак жа відавочна гэты грамадска-дзяржаўны імператыву надзвычай актуалізаваў задачу далейшага развіцця і ўдасканаленні нацыянальнай канцэпцыі гісторыі дзяржаўнасці. У праграмным артыкуле, падрыхтаваным адказнымі прадстаўнікамі НАН Беларусі і Савета Бяспекі Рэспублікі Беларусь, справядліва адзначана: «Для Республики Беларусь как молодого суверенного государства нынешний этап становления во многом зависит от реализации собственных национальных концептов, в том числе обусловливающих национальную самоидентификацию, самоопределение, территориальную целостность, принятые социально-политические стандарты» [1, С. 4.]

Уяўляецца, што для дасягнення гэтай мэты неабходны, перш за ўсё, намаганні па далейшым развіцці самой навукі гісторыі беларускай дзяржаўнасці. З іншага боку, трэба нястомна весці пошук спосабаў найбольш эфектыўнага выкарыстання дасягненняў і патэнцыялу гэтай навукі ў інтарэсах беларускага грамадства. Такі падыход дае магчымасць вылучыць наступныя актуальныя напрамкі развіцця нацыянальнай канцэпцыі гісторыі беларускай дзяржаўнасці.

Першае. Паслядоўнае і настойлівае фармаванне ўласна беларускага погляду на гісторыю Беларусі, яе дзяржаўнасці, асэнсаванне гэтай гісторыі з пункту гледжання нацыянальных інтарэсаў. Інэрыцыя навізаных у мінулым чужых нацыянальных канцэптаў (няхай нават і блізкіх суседзяў!) яшчэ мала жывыя ў айчынным гістарыяграфіі. Аўтары згаданага вышэй артыкула, апублікаванага пад рубрыкай "Дзяржаўны інтарэс", нагадваюць: «Беларусь, находясь на геополитическом перекрестке и на духовном разломе европейского пространства, постоянно испытывала то западное, то восточное цивилизационное давление. Эта особенность геополитического местоположения

белорусских земель сдерживала объективные процессы национального культурно-духовного развития народа и его государственности» [1, С. 4.]

Другое. Фарміраванне гістарычнай памяці, гістарычнай самасвядомасці беларускага народа шляхам папулярызацыі яго нацыянальна-культурнага набытку. Нельга не пагадзіцца з тэзай праграмнага артыкула беларускіх дзяржаўнікаў: «Любое искажение идентификационной исторической основы может привести к деградации общества и расколу нации» [1, С. 3.] Відавочна, што гістарычная тэматыка набыла сёння выключнае значэнне ў сферы знешняга інфармацыйна-псіхалагічнага ўздзеяння на беларускае грамадства.

Трэцяе. Далейшае развіццё гісторыі беларускай дзяржаўнасці шляхам нястомнага паглыблення і ўдакладнення раней атрыманых ведаў. "На стол" даследчыка павінна паступаць новая інфармацыя, крыніцавая база даследаванняў - не мець выключэнняў, а трактоўкі і высновы павінны быць прадметам актыўных і свабодных навуковых дыскусій.

Чацвёртае. Фармуляванне гістарычных урокаў на аснове асэнсавання шляхоў і этапаў, пройдзеных нашай дзяржаўнасцю.

Пяты напрамак лагічна звязаны з папярэднім. Гэта – пошук у найбагатым мінулым цікавага досведу, карыснага (а часам і дастасавальнага!) для рашэння сённяшніх актуальных грамадскіх праблем. Заўважым, да прыкладу, наяўнасць у гэтым мінулым супярэчлівага досведу сярэднявечнай інтэграцыі працягласцю ў пяць стагоддзяў. Прыкладное выкарыстанне навуковых распрацовак гісторыкаў беларускай дзяржаўнасці і права прадугледжана Канцэпцыяй удасканалення заканадаўства Рэспублікі Беларусь. Канцэпцыя ставіць перад заканадаўцамі і правапрымяняльнымі органамі задачу ўсведамлення гістарычнай пераемнасці ў развіцці права, уліку папярэдняга вопыту, гістарычных умоў і перадумоў нарматворчасці, а таксама прававога менталітэту беларускага народа. У значнай ступені менавіта ад глыбокіх ведаў айчынай гісторыі дзяржавы і права, адзначае аўтарытэтны беларускі правазнавец Т.І. Доўнар, залежыць далейшае развіццё нацыянальнага права і ажыццяўленне якаснай нарматворчасці [2, С. 412.]

Шостае. Складанай і далёкай ад свайго вырашэння працягвае заставацца праблема інтэгравання канцэпцыі гісторыі беларускай дзяржаўнасці з сучаснымі канцэпцыямі гісторыі дзяржаўнасці нашых суседзяў, канцэптамі еўрапейскай ідэнтычнасці, праблема інтэгравання ў сусветную гістарычную навуку. Яна вылучае комплекс задач, для вырашэння якіх неабходны намаганні не толькі даследчыкаў, але і арганізатараў навукі. Складовай часткай гэтага комплексу ў першую галаву выступае задача мэтанакіраванага вывучэння аб'ектаў нашай

інтэграцыі. У сваю чаргу, гэта дасць магчымасць паспяхова імплементаваць неабходнае і карыснае ў нашу нацыянальную канцэпцыю. Высілкі па арганізацыі сталага дыялогу з прадстаўнікамі навукі суседзяў і іншых замежных краін даюць магчымасць аргументавана крытыкаваць падчас дыскусій тое, што не заслугоўвае даверу і прыняцці, а таксама адстойваць і прапагандаваць свае канцэпты, напрацоўкі і дасягненні. І, зразумела, актыўна і нястомна супрацьстаяць небяспечным маніпуляцыям і фальсіфікацыям.

І апошнія ў пераліку актуальных напрамкаў, але зусім не па сваім значэнні. Такім уяўляецца нам дэпалітызацыя навуковага пошуку і дыскусій, абарона навукі ад палітычна матываваных спробаў падмены навуковых працэсаў дырэктыўным навязваннем штучна створаных гістарычных канцэптаў. Патрабаванні падбору трактовак і высоў пад «карцінку», выгадную таму ці іншаму палітычнаму лагеру, незалежна ад добрых пажаданняў іх прыхільнікаў вядуць да прафанацыі навукі і з'яўляюцца пры гэтым контрпрадуктыўнымі. Далейшае развіццё нацыянальнай канцэпцыі гісторыі беларускай дзяржаўнасці не мае патрэбы ў заказных маніпуляцыях. Яно патрабуе кваліфікацыі, прафесіяналізму і грамадзянскай адказнасці.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Александр Коваленя, Владимир Арчаков, Вячеслав Данилович, Алексей Баньковский. К вопросу об исторической политике // Беларуская думка. – 2019. – № 8. – С. 3 – 11.
2. Доўнар, Т.І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: падручнік / Т.І. Доўнар. – Мінск: Адукацыя і выхаванне, 2014. – 416 с.
3. История белорусской государственности. В 5 т. Т. 1 : Белорусская государственность: от истоков до конца XVIII в. / А.А. Коваленя [и др.]; отв. ред. тома: О.Н. Левко, В.Ф. Голубев; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск: Беларуская навука, 2018. – 598 с.

ВАЛЬНЫЙ СЕЙМ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ

Е.И. Орловская

Доцент кафедры теории и истории государства и права,
кандидат юридических наук, доцент,
Белорусский государственный университет,
юридический факультет,
г. Минск, Республика Беларусь

Разглядаюцца асаблівасці зараджэння і развіцця вальнага сейма як саслоўна-прадстаўнічага органа на тэрыторыі Вялікага княства Літоўскага.

Рассматриваются особенности зарождения и развития вального сейма как сословно-представительного органа на территории Великого княжества Литовского.

The features of the emergence and development of the Valian Sejm as an estate representative body on the territory of the Grand Duchy of Lithuania are considered.

Ключавыя словы: Сойм; шляхта; саслоўна-прадстаўнічыя органы.

Ключевые слова: Сейм; шляхта; сословно-представительные органы.

Keywords: The Sejm; the nobility; the estate-representative bodies.

История зарождения и развития сейма как представительного органа Великого княжества Литовского начинается еще с первых государственных образований. Первоначально сейм представлял собой расширенное заседание рады, и только с течением времени он оформляется в общегосударственный законодательный орган. Этот процесс завершился, когда отдельные земли подчинялись непосредственно центральной власти и вместо областных сеймов возникли местные сеймики, на которых избираются делегаты на общегосударственный сейм. В качестве первого вального сейма чаще всего выделяют Виленский сейм 1401 г., на котором решался вопрос об унии с Польшей, хотя следует отметить, что называются и более поздние даты: Витебский 1433 г., Виленский 1446 г., 1452 года, сейм 1492 г. [1, с. 455].

Главными критериями возникновения сейма выделяют участие в его заседаниях в качестве советников избранных или назначенных послов от сословий. Представители шляхты регулярно участвовали в заседаниях сейма, начиная с первой четверти XVI в. Отметим, что изначально системы представительства не существовало, и на съезд

приглашались все шляхтичи. В Статуте 1566 г. состав сейма определяется в самых общих чертах: в сейм входят кроме радных панов, “представители всех станов, панству належачих”, “всех станов подданных панства нашего”, “всех земель того панства нашего” (р.3, ст.5.). До реформ 60-х годов XVI в. не запрещалось приезжать на сейм любому шляхтичу. Чаще всего представителями от шляхты избирались поветовые чиновники.

Решение о созыве сейма и его составе принималось монархом, исключение составляли сеймы, созванные для избрания великого князя в период его малолетства или для решения вопросов, касающихся отношений с Королевством Польским или другими государствами. В этих случаях инициатива созыва собрания исходила от панов-рады, назначавших его время и место и готовивших проект решений сейма.

Компетенция вального сейма не была чётко обозначена. Решения принимались по любым вопросам, делегированным сейму великим князем или панами-радой. Однако уже Статут 1566 г. к компетенции сейма относит такие вопросы, как обсуждение кандидатуры и выборы великого князя, финансовые и налоговые вопросы, международные дела, касающиеся союзов, договоров, вопросов войны и мира, судопроизводства и, конечно, принятие законодательных актов.

В середине XVI века усилилась борьба шляхты за усиление своего влияния и расширение прав. В 1551 г. создается сеймовая комиссия по пересмотру Статута 1529 г. В течение нескольких лет были приняты Виленский (1563) и Бельский (1564) привилеи, проведена административная реформа (1565-1566), принят привилей 1565 г. В 1566 г. принимается и новый Статут, в котором впервые было регламентировано право самостоятельной законодательной инициативы вальных сеймов. Кроме того, право на ограничение власти монарха перешло от рады к двухпалатному сейму, решающий голос в котором имели представители поветовой шляхты, при этом порядок работы сейма Статутом не оговаривался.

Заседания сейма проходили отдельно по палатам: одна палата состояла из панов-рады и крупных феодалов, вторая – объединяла простых шляхтичей. Каждая палата обсуждала вопросы отдельно, а затем палаты объединялись для принятия общего решения.

В состав вального сейма входили все паны-радные (епископы, воеводы, каштеляны, маршалки земский и дворный, гетман великий, подскарбий земский и другие высшие государственные сановники). Именно эти должностные лица приглашались на сейм персональными приглашениями, остальные, менее значимые (в том числе и представители поветовой шляхты) созывались общими приглашениями.

Главенствующее положение на сейме имели крупные землевладельцы. Боярство, духовенство и мещанство как отдельные сословия своего представительства не имели. Только в 1568 году мещане города Вильно в количестве 2 или 3 бурмистров получили право присутствовать на сейме, но высказываться могли только тогда, когда речь заходила об их городе.

После Люблинской унии представители Великого Княжества Литовского входили в состав совместного вального сейма Речи Посполитой, который иногда назывался коронным, когда проходил в Великом Княжестве Литовском. Статут 1588 г. обозначил, что послы должны были участвовать на сейме обязательно и выступать согласно установленному порядку. Данный порядок был уже использован на Люблинском сейме 1569 г.

Перед принятием унии Великое Княжество Литовское состояло из 10 воеводств, поэтому и в сенат Речи Посполитой вошло по десять воевод и комендантов. Также добавлялись пять чиновников – великий и надворный маршалок, великий канцлер, подканцлер, подскарбий земский, так как только они по рангу соответствовали польским чиновникам. Остальные государственные чиновники остались вне сената. Князь и паны также не вошли в состав нового сейма Речи Посполитой, но могли участвовать в нем индивидуально, выполняя обязанности сенаторов и послов.

Создание административной структуры, в которой важную роль играли поветовые маршалки не пошло на пользу Великому Княжеству Литовскому. Маршалки, которые входили в состав сейма ВКЛ до унии, не вошли в сейм Речи Посполитой. Все иные предложения, которые так или иначе касались этого вопроса, например, создание новых воеводств в Гродно и Каунасе, также отвергались Сигизмундом Августом. Ослабление позиций представителей Великого Княжества Литовского было видно и по составу сейма. В обеих палатах Великое Княжество Литовское могло иметь на сеймах от 71 до 85 своих представителей, от 27 до 35 в сенате и от 44 до 50 в палате послов. Для сравнения Польская Корона имела 112-121 сенатора и 113-127 послов, и это не считая прусского представительства, хотя и незначительного. Кроме сенаторов и послов в заседаниях могли участвовать со специальным правом, по примеру Кракова, представители г. Вильно (2-3) [2, с.607].

Исторически чаще всего сеймы проводились в столице – Вильно, а также в Гродно, Новогрудке, Бресте, Минске и Бельске. Заседания проходили под руководством маршалка земского, который также объявлял принятые решения и ответы великого князя на просьбы. Впервые заседание сейма Речи Посполитой на территории Великого

Княжества Литовского состоялось в Берестье в 1653 г. В 1673 г. послы Великого Княжества Литовского выдвинули ультиматум о проведения каждого третьего сейма в Гродно. Однако первый сейм в Гродно прошел только в середине 1686 г., т.к. из четырех сеймов, проведенных ранее, три имели особый статус, конвакационный, элекционный и королевский, поэтому согласно конституции, они выделялись из общего порядка. Было принято решение, что уже следующий после 1697 г. сейм пройдет на территории Великого Княжества Литовского. Борьба Великого Княжества Литовского за равные с Польской Коронай права на сеймах велась хоть и не регулярно, но приносила положительные результаты. Первым достижением было делегирование кандидата на должность маршалка сейма. Акт унии ничего про это не говорил, но ВКЛ претендовало на то, чтобы ее представитель председательствовал на сейме, тем самым сменяя делегатов Польши. Но данный принцип был приведен в жизнь не сразу. Первым маршалком из Великого Княжества Литовского был писарь польный литовский, каштелян Минский и Смоленский Вацлав Агриппа, который председательствовал на сейме в Кракове в 1574 г. Таким образом, если считать и Люблинский сейм 1569 г., то это случилось только на шестом общем сейме.

Позже, по разным причинам, представители Княжества председательствовали на сейме только в 1582 г., и этим представителем был великий писарь Лев Сапега. Здесь вновь был грубо нарушен традиционный принцип очередности, так как это был уже восьмой сейм после королевского. Следует отметить, что эта проблема иногда возникала в связи с тем, что представители ВКЛ сами не принимали участия в заседаниях 1568 г., а этом году как раз и был предназначенный для них третий сейм. Но уже в 1589 г. и до самого Гродненского сейма 1688 г. ничего не нарушало очередности заседаний.

Предпринимаемые в рамках парламентской системы действия представителей Великого Княжества Литовского определялись разными факторами и их далеко не всегда можно выстроить в единую политическую линию. Рассматривая этот вопрос, нельзя не затронуть проблему отношения самой шляхты к сейму: как они его воспринимали, как участвовали в его работе, каков был их вклад в законотворческий процесс. Исходя из дошедших до нас материалов сеймов, можно сделать вывод, что принятие законодательных актов было далеко не главной функцией вального сейма, задачей послов, скорее всего, было оберегать шляхетские права и свободы. Случалось, что в начале заседания в палате послов никто не представлял ВКЛ, либо было всего несколько сенаторов. Это создавало большие проблемы, особенно когда очередность председательствовать переходила к Великому Княжеству Литовскому.

Целью шляхты было стремление сохранить, а не расширять, имеющуюся позицию в рамках совместного государства. Именно этот ключевой, как нам кажется, фактор, являлся отличительной чертой процессов, касающихся функционирования институтов представительной власти Великого княжества Литовского. С другой стороны, во многих случаях, где их позиция оказалась довольно сплоченной, шляхте Великого княжества удавалось успешно защищать государственные интересы.

Стремление к сохранению своей государственной самостоятельности привело к тому, что продолжал функционировать и сейм самого Княжества, собиравшийся до созыва общего сейма. Он рассматривал вопросы, представлявшие интерес для ВКЛ. Первый такой сейм состоялся в 1623 году, всего же в XVII–XVIII веках было проведено 33 сейма, из них 27 – в XVII веке. Последний сейм состоялся в 1771 году. Следует отметить, что в системе представительных органов Речи Посполитой был выработан институт, который не предусматривался Люблинской унией, но при этом имел существенное значение для функционирования Великого Княжества Литовского. Речь идет о главном (генеральном) съезде ВКЛ, который из неформальных съездов элиты государства преобразовался во вполне сформированный орган, имеющий свою структуру, процедуру и компетенцию. Впервые он собрался в 1572 году во время бескорольева после смерти Сигизмунда II Августа. На таких съездах присутствовала политическая элита всех земель ВКЛ (сенаторы, представители воеводских и поветовых шляхетских собраний, иногда представители духовенства и некоторых городов). Наличие подобного органа, который в период правления Сигизмунда III стал во многом исполнять роль квази-сейма Великого княжества, является отличительной особенностью ВКЛ в структуре государственной власти Речи Посполитой, подтверждающей сохранение им определенной государственной самостоятельности.

Библиографические ссылки

1. Грыцкевіч А. Дзяржаўны і палітычны лад // Вялікае Княства Літоўскае. Эцыклапедыя у 3 т. – Мн.: БелЭн, 2005. – Т. 1: Абаленскі - Кадэццыя. – 684 с.
2. Лаппо, И. И. Великое Княжество Литовское за время от заключения Люблинской Унии до смерти Стефана Батория (1569-1586) : опыт исследования политического и общественного строя. Т. 1 / И. И. Лаппо. – С.-Петербург : Типография И. Н. Скороходова, 1901 – XVI, 780 с.

ПОДДЕРЖАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ В СУДЕ КАК ОБЛАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

О.В. Петрова

Доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора,
кандидат юридических наук, доцент,
Белорусский государственный университет, юридический факультет,
г. Минск, Республика Беларусь

У артыкуле разгледжаны пытанні станаўлення падтрымання дзяржаўнага абвінавачання ў судзе як напрамка дзейнасці пракуратуры, яго сутнасць і змест. Вызначана, што станаўленне падтрымання дзяржаўнага абвінавачання ў судзе звязана з увядзеннем прынцыпу ажыццяўлення правосуддзя на аснове спаборнасці і роўнасці бакоў.

В статье рассмотрены вопросы становления поддержания государственного обвинения в суде как направления деятельности прокуратуры, его сущность и содержание. Определено, что становление поддержания государственного обвинения в суде связано с введением принципа осуществления правосудия на основе состязательности и равенства сторон.

The article examines the issues on background of public prosecution in trial as type of the prosecutor's authorities, its essence and content. It is determined that the establishment of public prosecution in trial is associated with the introduction of the principle of equality of arms.

Ключавыя словы: пракурор; крымінальны працэс; дзяржаўны абвінаваўца; судовасе пасяджэнне; пракурорскі нагляд

Ключевые слова: прокурор; уголовный процесс; государственный обвинитель; судебное заседание; прокурорский надзор.

Keywords: prosecutor; criminal procedure; public prosecutor; court proceeding; directorate of public prosecution.

Одним из направлений деятельности прокуратуры в соответствии со ст.4 Закона Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь» от 8 мая 2007 г. № 220-З является поддержание государственного обвинения в суде. Осуществление такого направления ставит целью не только обеспечение точного и единообразного соблюдения закона, но и решает задачи, стоящие перед уголовно-процессуальной деятельностью – противодействие преступности и защите общества, государства и его граждан от преступных посягательств.

Наука о прокурорской деятельности и теория поддержания государственного обвинения в суде относительно новая отрасль

юридических знаний для Беларуси, что определено историей становления рассматриваемого направления деятельности.

Во времена Российской империи, 12 января 1722 года Указом Петра I утверждена должность генерал-прокурора, который был обязан следить за исполнением законов во всех присутственных местах, включая суды. Таким образом, в указанный период прокурор осуществлял исключительно функцию надзора за деятельностью суда.

Началом становления поддержания государственного обвинения в суде как деятельности прокурора стало утверждение Устава уголовного судопроизводства 1864 года и введение состязательного процесса. Прокурор как государственный обвинитель начал рассматриваться как сторона процесса. Также вводилась презумпция невиновности, разделение уголовно-процессуальных функций. Стороны пользовались равными правами представлять доказательства, заявлять отводы и ходатайства. Кроме того, с данного момента в задачи прокурора стало входить обнаружение преступления и преследование виновных. Участие прокурора требовало особой подготовки и умений, от результатов работы прокурора зависел успех уголовного преследования в целом.

Вместе с тем функция надзора за прокурором в ограниченном объеме сохранилась. Так, прокуроры давали заключения, присутствовали при рассмотрении вопросов управления судебной деятельностью.

После Октябрьской революции 1917 года в уголовном процессе исключается состязательность, однако частично и воспроизводятся положения Устава уголовного судопроизводства 1864 года, который сохранился как основа отправления правосудия в ранний период становления советской власти [1, С.10-11.].

Позже Уголовно-процессуальный кодекс БССР 1960 года предусматривал розыскной процесс и, соответственно, судебное разбирательство по общему правилу без участия прокурора. Как часть прокурорского надзора признавалось участие прокурора в рассмотрении уголовных дел и надзор за рассмотрением уголовных дел в судах. В указанный период участие прокурора рассматривалось обязательным лишь в некоторых случаях и только по инициативе самого прокурора. Несмотря в некоторой степени эпизодический характер участия прокурора в судебном заседании, юридическая наука сформулировала рекомендации по его участию в рассмотрении уголовных дел.

Выделение уголовно-процессуальных функций является двигателем процесса. Уголовно-процессуальные функции – это основные направления деятельности участников уголовного процесса. Традиционно в юридической науке выделяют три функции, важные для организации состязательного процесса: обвинение, защита и разрешение

дела (в суде такая функция именуется законодательно как осуществление правосудия).

Принятие в 1999 году Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) придало новое содержание роли прокурора в судебном рассмотрении уголовных дел, что потребовало методологической и научной основы для эффективной реализации государственным обвинителем полномочий в суде.

Был введен принцип осуществления правосудия на основе состязательности и равенства сторон (ст.24 УПК), в соответствии с которым разделяются функции обвинения, защиты и правосудия, закрепляется равенство сторон обвинения и защиты. Прокурор становится стороной в судебном разбирательстве, а задачей участия прокурора в суде определено как поддержание государственного обвинения.

В соответствии со ст.24 УПК функции обвинения, защиты и осуществления правосудия отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо.

Обязанность доказывания в суде вины лица в совершении преступления возложена на сторону обвинения, т.е. на государственного или частного обвинителя (ст.102 УПК)

Стороны в судебном разбирательстве пользуются равными правами по представлению и исследованию доказательств, заявлению ходатайств, высказыванию мнения по любому вопросу, имеющему значение по уголовному делу, участию в судебных прениях.

Суд создает необходимые условия для осуществления предоставленных сторонам прав и выполнения ими процессуальных обязанностей.

Вместе с тем положение прокурора не является исключительно отстаиванием позиции обвинения. Как орган, осуществляющий надзор за точным и единообразным исполнением законов, государственный обвинитель обязан реагировать на каждый случай нарушения законности в суде. Одновременно он осуществляет такие полномочия как государственный обвинитель в рамках своей позиции стороны в процессе.

В силу состязательности судебного разбирательства прокурор принимает участие по всем делам публичного, частно-публичного, обвинения, по делам частного обвинения возбужденным прокурором, за исключением случаев, предусмотренных ч.2 ст.455 УПК. По делам ускоренного производства прокурор высказывает свою позицию в письменном виде, а рассмотрение дела исключает спор о доказанности обвинения. Участие прокурора в рассмотрении вопроса о применении

принудительных мер безопасности и лечения (глава 46 УПК) не может рассматриваться как деятельность по поддержанию государственного обвинения. В таком случае прокурор реализует лишь свои надзорные полномочия.

Государственное обвинение возникает с момента согласия прокурора с постановлением следователя и направления дела в суд и может рассматриваться как начало государственного обвинения против конкретного лица, т.к. формируется решение об обращении в суд с целью привлечения виновного к ответственности.

Государственное обвинение в настоящее время рассматривается как утверждение, доказываемое в суде, и деятельность по его доказыванию. Так, по мнению Лазаревой, государственное обвинение – сформулированное в процессе предварительного расследования на основе полученных доказательств и официально адресованное суду утверждение о совершении обвиняемым конкретного уголовно-наказуемого деяния с требованием о возложении на него уголовной ответственности [2, С.157-158.]. По мнению В.Ф. Крюкова «государственное обвинение – совокупность процессуальных действий прокурора – государственного обвинителя, который в судебном заседании в состязательном процессе отстаивает перед судом свой взгляд о виновности подсудимого и которому в равных условиях судебного рассмотрения уголовного дела противостоит другая сторона – сторона защиты» [3, С.69.].

Государственный обвинитель самостоятелен в принятии решений, выбирает тактику исходя из своего внутреннего убеждения (ст.293 УПК), однако представляет позицию прокурора, направившего дело в суд, связан процессуальной позицией.

Вместе с тем с учетом того, что государственное обвинение возникает раньше, действия государственного обвинителя, затрагивающие сущность обвинения, не должны противоречить позиции прокурора, направившего дело в суд.

Следовательно, государственный обвинитель выбирает методы осуществления полномочий. Государственный обвинитель отстаивает свое мнение путем приведения (представления) доказательств, иным образом участвуя в их исследовании доказательств, произнесении речи в судебных прениях, реализуя иные полномочия. В целом новая отрасль юридических знаний о прокурорской деятельности предполагает не только процессуальное исследование сущности государственного обвинения в суде для понимания вопросов управления таковым: отказа от обвинения, изменения обвинения и его дополнения и т.д.

Поддержание государственного обвинения требует не только

юридических знаний, но и прикладных знаний для эффективного отстаивания своей позиции. Государственный обвинитель должен получить дополнительные профессиональные навыки.

В науке сформировалось три направления исследований поддержания государственного обвинения в суде: правовые вопросы участия государственного обвинителя в суде; тактические аспекты участия в судебном разбирательстве, в том числе в подготовительной части и судебных прениях, отдельных судебно-следственных действиях; методика поддержания государственного обвинения в суде по отдельных категориях уголовных дел.

Наука о прокурорской деятельности в этом понимании носит как правовой, так и прикладной характер.

Библиографические ссылки

1. Данилевич, А. А. Поддержание государственного обвинения в суде [Электронный ресурс]: пособие / А. А. Данилевич, О. В. Петрова. – Минск: БГУ, 2020. – 1 CD-ROM.

2. Лазарева, В. А. Участие прокурора в уголовном процессе: учебник и практикум для вузов / В. А. Лазарева. – 5-е изд. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 283 с.

3. Крюков, В.Ф. Уголовное преследование на стадии рассмотрения уголовных дел в суде: процессуальные и надзорные аспекты деятельности прокурора: Монография/ В.Ф. Крюков. – Курск.: [Б.и.], 2010. – 419 с.

ДЕТЕРМИНАНТЫ РИСКА В ПРАВОТВОРЧЕСТВЕ

О.В. Пискунова

Доцент кафедры теории и истории государства и права,
кандидат юридических наук,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
г. Саратов, Российская Федерация

У артыкуле разглядаюцца агульнатэарэтычныя праблемы, звязаныя з узнікненнем рызыковых сітуацый у праватворчай дзейнасці. Аўтар вызначае паняцце дэтэрмінантаў праватворчых рызыкаў, асабліва ўвага надаецца аб'ектыўнай і суб'ектыўнай невызначанасці. Аналізуюцца асноўныя фактары, якія служаць каталізатарамі ўзнікнення праватворчай рызыкі і аказваюць негатыўны ўплыў на эфектыўнасць прававога рэгулявання.

В статье рассматриваются общетеоретические проблемы, связанные с возникновением рискованных ситуаций в правотворческой деятельности.

Автор определяет понятие детерминантов правотворческих рисков, особое внимание уделяется объективной и субъективной неопределенности. Анализируются основные факторы, служащие катализаторами возникновения правотворческого риска и оказывающие негативное влияние на эффективность правового регулирования.

The article discusses the general theoretical problems associated with the emergence of risky situations in law-making activities. The author defines the concept of determinants of law-making risks, special attention is paid to objective and subjective uncertainty. The main factors that serve as catalysts for the emergence of law-making risk and have a negative impact on the effectiveness of legal regulation are analyzed.

Ключевые слова: риск, правотворчество, правотворческий риск, детерминанты риска.

Ключавыя словы: рызыка, праватворчасць, праватворчая рызыка дэтэрмінанты рызыкi.

Keywords: risk, law-making, law-making risk, risk determinants.

Современные глобальные изменения поставили мир перед лицом новой социальной реальности, основными чертами которой являются неопределенность и риск, что объясняет актуальность проблем риска применительно к различным сферам общественной жизни. Отмеченное вполне заслуженно относится и к правотворческому процессу.

Ежедневно государство разрабатывает и принимает множество решений, облеченных в форму концепций, программ, законов, подзаконных нормативных актов, ориентированных на достижение определенных целей и задач. Однако существующая действительность вносит свои коррективы, порождает «сбои» и возникает феномен риска, что объясняет необходимость изучения факторов, обуславливающих его возникновение и существование, что в итоге может позитивно отразиться в целом на эффективности правотворческой деятельности.

Детерминация правотворческого риска – сложный процесс многофакторного влияния на деятельность по созданию, изменению, отмене и совершенствованию правовых норм. Факторы риска подвижны, в механизме детерминации может меняться их роль, мощность, полярность и т.д. По справедливому утверждению В.В. Мамчун «детерминация риска представляет собой многообразный процесс воздействия на правотворчество различных факторов, которые носят по отношению к нему внешний и внутренний характер. Поэтому вопрос о детерминации – это во многом вопрос о том, как, в результате чего и под воздействием каких обстоятельств в процессе правотворчества возникают, протекают и разрешаются ситуации риска. Детерминация

характеризует весь «жизненный цикл» риска, начиная с действия факторов, которые только могут привести к возникновению ситуаций риска в правотворчестве, заканчивая действием факторов, оказывающих воздействие на распределение вероятностей и наступление тех или иных последствий. Соответственно факторы риска – это обстоятельства, которые в различной форме оказывают существенное воздействие на содержание, процесс и результат правотворчества, обуславливая возникновение, течение и разрешение ситуаций риска в нем и его последствия» [4].

Многообразие факторов риска объясняется сложность правотворческой деятельности и это определяет необходимость рассмотрения детерминантов риска.

Факторов, способствующих возникновению правотворческого риска немало, что позволяет их классифицировать на основании разных, характеризующихся наиболее ярко выраженным рискогенным характером, критериев. Как и большинство исследователей, полагаем рационально разграничить детерминанты правотворческого риска на три группы:

- социальные;
- общеправовые;
- внутрисистемные.

Поддержим подобную позицию и остановимся на их рассмотрении более подробно. Так, первая обозначенная группа факторов непосредственно связана с объективной неопределенностью социальных отношений, на урегулирование которых направлена та или иная, выступающая итогом правотворчества, правовая норма [3].

Вторая группа факторов находится в тесной взаимосвязи с рядом правовых явлений: источниками права, правосознанием и правовой культурой, степенью развития правовой науки и состоянием юридической практики, особенностями правовой политики государства и т.д. [2].

Третья обозначенная группа детерминантов правотворческого риска выражается в следующих подвидах:

- технико-юридические, связанные с рациональным использованием в процессе создания правовых норм, комплекса средств, правил и приемов юридической техники, юридических терминов, правовых дефиниций, юридических конструкций;
- поведенческие, к числу которых относятся характерные черты правотворческой деятельности, моделирование возможных, подлежащих правовому регулированию, ситуаций;

- процессуальные, включающие в себя ограничение правотворческой деятельности временными границами, а также возможные противоречия социальной основы исследуемого процесса с законодательными процедурами;

- коррупциогенные факторы, выражающиеся в неопределенности положений двоякой интерпретации в тексте нормативного правового акта; необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил – рамках правоприменения.

Особая ситуация риска является следствием комплексного воздействия, локализованных во времени и в пространстве, субъективно-объективных факторов, особое место в ряду которых отводится именно неопределенности. Обобщая изложенное, отметим, что правотворческий риск – это, являющаяся следствием неопределенности, ситуация, в которой обладающие правотворческими полномочиями субъекты, принимают юридически значимые решения, результат которых изначально достаточно сложно однозначно оценить. Более того, неопределенность в правотворческом риске не абсолютна, она характеризуется относительностью, что свидетельствует о возможности его, хоть и частично, но просчитать.

Причинами неопределенности в правотворческой деятельности, в первую очередь, является объективно существующая неопределенность в социуме, выступающая социальной основой правотворчества и одновременно основным объектом воздействия компетентных органов; коллегиальный характер принятия законотворческих решений; неоднородность общественных отношений; быстрая динамика социальных явлений и изменение информации о них. Таким образом, состояние неопределенности характеризуется двумя срезами: внешним и внутренним.

Внешние аспекты отражают особенности объективной, нередко непредсказуемой, не зависящей от воли законодателя, обстановки, в которой создается нормативный правовой акт. Внутренние аспекты, напротив, напрямую зависимы от субъективного восприятия существующей неопределенности. И здесь целесообразно выделить онтологическую неопределенность (внешняя относительно субъекта) и когнитивную неопределенность (внутреннее мышление субъекта). Важно, что последняя признается следствием первой. А комплексное их наличие позволяет отграничивать риски от ошибок. Так, А.Д. Урсул отмечает: «Поскольку объективная неопределенность отображается в знании, то в этом смысле она становится по своей форме субъективной неопределенностью. Помимо такой формы субъективной

неопределенности, существуют и другие формы, которые уже обусловлены не объектом и поэтому имеют не объективное, а чисто субъективное содержание. Это могут быть, например, ошибки, ложные образы, заблуждения» [6].

Все они могут объясняться личными предпочтениями или напротив, недовольствами, неверным истолкованием значения слов, безразличным отношением к чужим высказываниям и позициям. Сказанное вполне относимо и к процессу правотворчества, характеризующемуся наличием у субъектов разных политических установок, научных взглядов, концепций, личных предпочтений, разного уровня правосознания и правовой культуры, жизненного опыта и т.д.

Представляются вполне справедливыми слова Г. Спенсера о том, что «из всех чудовищных заблуждений людей самое чудовищное заключается в том, что для того, чтобы овладеть каким-нибудь несложным ремеслом, например, ремеслом сапожника, необходимо долго учиться, а единственное дело, которое не требует никакой подготовки – это искусство создавать законы для целого народа» [5].

Совершенно не совместимым с проработанностью и осмыслением будущего нормативного правового акта, учетом практики и опыта, видится проблематика так называемого «скоростного режима законотворчества», широкое распространение который приобрел в России в девяностые годы прошлого века, что во многом, было связано с колоссальной недостаточностью законодательных актов, и государственные органы таким образом пытались быстро восполнить этот пробел. Однако, борьба с масштабными отрицательными последствиями подобного «скоростного режима правотворчества» идет до сих пор. В данном случае, речь идет еще об одном серьезном риске – нарушении принципа своевременности.

В юридической литературе советского периода научных трудов, посвященных опережающему правотворчеству немало. Важно, что оно не только априори включает все возможные риски, присущие данному виду деятельности, но и усиливает риски ошибочного прогнозирования. По итогу, подобный нормативный правовой акт подвергается множественным поправкам, и нередко последующие правки изменяют ранее внесенные [1].

К причинам правотворческого риска, следует отнести ряд коррупциогенных факторов. К таковым следует отнести выборочное изменение объема прав; установление общеобязательных правил поведения в подзаконном акте в условиях отсутствия закона; наличие бланкетных и отсылочных норм. Ярким примером выборочного изменения объема прав – установления исключений из общего порядка

для граждан и организаций по усмотрению государственных органов является принятие федеральных законов, направленных на смягчение юридической ответственности определенной социальной категории лиц – предпринимателей, несмотря на существующую конструкцию «ответственности независимо от вины» [7].

В контексте тематики, правотворчество понимается нами как одно из главных, центральных направлений государственной деятельности, осуществляемой компетентными правотворческими органами, и связано с созданием, изменением, совершенствованием, отменой правовых предписаний. В данном юридическом процессе возможны следующие риски: принятие нецелесообразного, не отвечающего уровню и степени развития общественных отношений, решения; различного вида системно-структурные ошибки; игнорирование либо применение с нарушениями компонентов юридической техники и др.

Среди причин объективного характера следует выделить:

- динамика, регламентированных правом общественных отношений, что может объяснить неактуальность нормативного правового акта еще на стадии его принятия;
- недооценка реально существующих общественных отношений, их возможное изменение в будущем.

Среди субъективных причин правотворческих ошибок отметим следующие:

- недостаточный уровень компетентности, профессионализма правотворческих органов. Не секрет, что на сегодняшний день большая часть депутатов Государственной Думы не только не имеет высшего юридического образования, но и необходимого социального-правового опыта;
- поспешность правотворческой деятельности, которая во многом объясняется высокой динамикой общественных отношений и консерватизмом права. Более того, установлены сокращенные сроки для проведения экспертизы нормативных актов, что нередко не позволяет провести ее качественно.
- лоббистская деятельность, продиктованная политическими интересами ограниченного круга лиц. Она тесным образом связана с проблемами коррупции.
- ошибки законодателя, нарушение и несоблюдение комплекса средств, правил и приемов юридической техники.

Подобное утверждение представляется вполне обоснованным, так как в итоге правотворческой деятельности создаются нормативно-правовые акты, основное назначение которых состоит в регулировании общественных отношений, и соответственно, допускаемые в рамках

этого процесса ошибки могут привести к непоправимым последствиям, причинить вред как обществу в целом, так и отдельной личности и подорвать авторитет государственной власти.

Библиографические ссылки

1. Баранова, М.В. Опережающее правотворчество в правовой системе современности / М.В. Баранова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. – № 1 (108). – С. 43-45.
2. Диев, В.С. Управление риском: методологические и ценностные аспекты / В.С.Диев // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2007. Том 5, – Выпуск 2. – С. 92-97.
3. Крючков, Р.А. Риск в праве: генезис, понятие и управление: дис. ... канд. юрид. наук. / Р.А.Крючков – Нижний Новгород, 2011. – 200с .
4. Мамчун, В.В. Риск в юридической деятельности: сущность и детерминация / В.В.Мамчун // Юридическая техника. 2019. – № 13. – С. 243-248.
5. Спенсер, Г. Грех законодателей / Г.Спенсер // Социологические исследования. 1992. – № 2. – С. 129-136.
6. Урсул, Д.А. Проблема информации в современной науке (философские очерки) / Д.А.Урсул – М.: Наука, 1975. – 287 с.
7. Хужин, А.М. Объективное вменение за невиновное деяние: проблема научного переосмысления судебной практики / А.М.Хужин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – № 1 (12). 2010. – С. 187-190.

КАНСТЫТУЦЫЙНАЕ ПРАВА ПА ЗАКАНАДАЎСТВУ ВЯЛІКАГА КНЯТЦВА ЛІТОЎСКАГА

Г.А. Праневіч

Выкладчык кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права,
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, юрыдычны факультэт,
г. Мінск, Рэспубліка Беларусь

У артыкуле даследуецца фармаванне элементаў канстытуцыйнага права ў Вялікім Княстве Літоўскім шляхам аналізу эвалюцыі прававых нормаў ад ранніх прывілеяў да Статутаў. Асабліва ўвага надаецца ролі Статутаў як крыніц канстытуцыйнага права і іх уплыву на канстытуцыйналізацыю прававой сістэмы ВКЛ.

В статье исследуется формирование элементов конституционного права в Великом Княжестве Литовском, анализируя эволюцию правовых норм от ранних привилегий до Статутов. Особое внимание уделяется роли

Статутов как источников конституционного права и их влиянию на конституционализацию правовой системы ВКЛ.

The article examines the formation of elements of constitutional law in the Grand Duchy of Lithuania, analyzing the evolution of legal norms from early Privileges to Statutes. Particular attention is paid to the role of Statutes as sources of constitutional law and their influence on the constitutionalization of legal norms in the Grand Duchy of Lithuania and their influence on the constitutionalization of the GDL legal system.

Ключавыя словы: канстытуцыйнае права; Статуты ВКЛ; прывілеі; канстытуцыяналізацыя; прававая сістэма; феадалізм; шляхта.

Ключевые слова: конституционное право; Статуты ВКЛ; привилегии; конституционализация; правовая система; феодализм; шляхта.

Keywords: constitutional law; Statutes of the GDL; privileges; constitutionalization; legal system; feudalism; nobility.

Актуальнасць даследавання канстытуцыйнага права Вялікага Княства Літоўскага (ВКЛ) абумоўлена ўзрастаючай цікавасцю да гістарычных каранёў беларускай дзяржаўнасці і прававой сістэмы. Сучасная Беларусь, якая будзе сваю дэмакратыю і прававую дзяржаву, мае патрэбу ў глыбокім асэнсаванні гістарычнага досведу, у тым ліку і досведу прававога развіцця ВКЛ. Нягледзячы на значны аб'ём работ, прысвечаных гісторыі ВКЛ, комплекснае даследаванне станаўлення канстытуцыйных прынцыпаў у яго заканадаўстве застаецца недастаткова распрацаваным.

У першую чаргу неабходна адзначыць, што станаўленне канстытуцыйнага права ў ВКЛ прайшло шэраг перыядаў, звязаных з асаблівасцямі крыніц замацавання норм канстытуцыйнага права.

Першы этап у развіцці заканадаўства ВКЛ ахоплівае перыяд з 1230–40-х гг., калі фарміруецца новая дзяржава пад кіраўніцтвам першага вялікага князя Міндоўга, да сярэдзіны 1380-х гг., калі вялікі князь Ягайла заключае 14 жніўня 1385 г. Крэўскую унію з Польскім каралеўствам. На першым этапе на тэрыторыі ВКЛ пераважала звычаёвае права земляў Русі, дзейнічалі нормы кананічнага права і Прасторнай рэдакцыі Рускай Праўды.

На другім этапе, пачынаючы з другой паловы 1380-х гг., з'яўляюцца розныя віды прывілеяў (ад *privilegium*, у перакладзе з лацінскай мовы *privus lex* – асаблівы закон), якія надавалі асобным сацыяльным групам насельніцтва ВКЛ асаблівыя правы [8, с. 240–241].

20 лютага 1387 г. («у самы дзень Папялкоў») у Вільні польскі кароль і вялікі князь літоўскі Уладзіслаў II Ягайла выдаў прывілей феадалам ВКЛ, якія прынялі каталіцкую веру. Прымаючы гэты

заканадаўчы дакумент і шэраг іншых прывілеяў – прывілей каталіцкай царквы ад 22 лютага 1387 г. у Лідзе і прывілей князю Скіргайлу ад 28 красавіка 1387 г. – пачаўся другі этап развіцця заканадаўчых крыніц ВКЛ – «эпоха прывілеяў» [8, с. 240-241].

Прывілеі, даруемыя вялікім князем ВКЛ розным групам насельніцтва, сыгралі значную ролю ў фарміраванні канстытуцыйных асноў беларускага права. Гэтыя акты, часта выдадзеныя ў форме грамат ці пастановаў соймаў, не з’яўляліся ў поўным сэнсе канстытуцыйнымі дакументамі ў сучасным разуменні, аднак яны замацоўвалі пэўныя правы і абавязкі розных саслоўяў, абмяжоўваючы ўладу вялікага князя і спрыяючы фарміраванню прававой дзяржавы ў яе феадальным вымярэнні.

Можна адзначыць прывілеі Вялікага князя Літоўскага і караля Польскага Уладзіслава (Ягайлы) ад 20 лютага 1387 г., 22 лютага 1387 г. і 28 красавіка 1387 г., згодна якіх можна вызначыць актыўны ўплыў Польшчы на беларускія землі. Акрамя таго, з’явіліся юстыцыяр і суддзя, што паспрыяла аддзяленню судовай улады ад заканадаўчай і выканаўчай.

Агульнаязмскія прывілеі 1432 г. і 1434 г. замацавалі раўнапраўе католікаў і праваслаўных у правах. Паявіліся права на публічны суд і права ўдовы атрымліваць спадчыну пасля мужа без умяшання дзяржаўных органаў [9, с. 39]. Гэтыя і іншыя прывілеі, адрасаваныя саслоўю шляхты, якое паступова складалася, пашыралі яе палітычныя правы і ўмацоўвалі яе становішча ў грамадстве. Яны забяспечвалі шляхце права ўдзельнічаць у соймах, гарантавалі права на недатыкальнасць маёмасці і асобы шляхты, накладалі падаткі, кантралявалі дзейнасць вялікага князя і інш. Гэта садзейнічала фарміраванню прынцыпу падзелу ўлад у сваім абмежаваным феадальным варыянце, дзе ўлада вялікага князя абмяжоўвалася правамі прадстаўнічых органаў.

Прывілей Казіміра 1447 г. юрыдычна замацаваў дзяржаўную цэласнасць ВКЛ, а прывілей вялікага князя Аляксандра 1492 г. замацаваў суверэнныя правы і адасобленасць ВКЛ, а таксама змены ў палітычным ладзе дзяржавы, якія характарызаваліся аслабленнем улады вялікага князя, абмежаванай з боку панаў Рады. У кантэксце знешнепалітычных мэтаў, знайшоўшых адлюстраванне ў апошнім акце, звярнем увагу на найважнейшую з іх: гарантыю самастойнасці і дзяржаўнай адасобленасці ВКЛ, акцэнт на незалежнасці ў знешняй палітыцы [10, с. 40].

Акрамя таго, існавалі прывілеі (граматы) для мяшчан і сялян, хаця іх аб’ём іх правоў быў значна меншым. Гарадскія магдэбургскія граматы прадастаўлялі гарадам самакіраванне і судовую аўтаномію, што таксама садзейнічала фарміраванню і развіццю інстытутаў мясцовага самакіравання.

Як справядліва адзначае ў сваёй працы А.Ю. Кізей, агульназемскі прывілей 1506 г. у цэлым замацоўваў правы, пазначаныя ў раней выдадзеных нарматывных актах. Можна адзначыць, што гэты дакумент быў свайго роду завяршальным у прывілейным перыядзе. У канцы прывілея заканадавец дае абяцанне пад прысягай захоўваць усе законы і раней выдадзеныя граматы назаўсёды.

Увогуле прывілеі ўяўлялі сабой асноўныя законы дзяржавы, якія можна назваць своеасаблівымі міні-канстытуцыямі таго часу. Можна сцвярджаць, што заканадаўства было на высокім узроўні, які ўлічваў традыцыйныя асаблівасці грамадства [9, с. 40].

Далейшае развіццё канстытуцыйнага права ВКЛ цесна звязана з выданнем Статутаў 1529, 1566 і 1588 гадоў. Варта пагадзіцца з меркаваннем Безлюдава А.А. пра тое, што статуты ВКЛ можна назваць пратаканстытуцыямі, якія аказалі велізарны ўплыў на жыццё народаў Вялікага Княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага, а таксама Рэчы Паспалітай і жыхароў беларускіх земляў Расійскай Імперыі [1].

Так, элементы канстытуцыйналізму ў Статуце 1529 г. заключаліся ў фармуляванні яго прэамбулы пра добрае намеры надзяліць падданных хрысціянскімі законамі, усіх карэнных жыхароў ВКЛ, незалежна ад іх саслоўя і паходжання, як каталіцкага, так і праваслаўнага веравызнання, як лацінскага, так і грэчаскага абраду, а таксама свецкіх асобаў, і гарантаваць гэтыя правы Вялікім князем [7].

У Статуце 1529 г. юрыдычна замацаваны асновы грамадскага і дзяржаўнага ладу, прававое становішча класаў, саслоўяў і сацыяльных груп насельніцтва, парадак утварэння, склад і паўнамоцтвы некаторых органаў дзяржаўнага кіравання і суда. Абвяшчалася правіла, паводле якога ўсе асобы, «як убогія, так і багатыя», павінны былі судзіцца паводле нормаў, выкладзеных у Статуце. Вялікі князь абавязваўся захоўваць тэрытарыяльную цэласнасць дзяржавы, не дапускаць іншаземцаў на дзяржаўныя пасады ВКЛ, не даваць ім маёнткаў, не адбіраць у мясцовых феадалаў пасады і маёмасць без суда, прытрымлівацца ўсіх старых законаў і звычаяў [11]. Увогуле Першы Статут ВКЛ стаў асновай для наступных прававых рэформаў, якія ўвасобіліся ў Статутах 1566 і 1588 гадоў Ён заклаў фундамент для далейшага развіцця прававой сістэмы.

Да найбольш важных палажэнняў Статута 1566 года адносяцца нормы канстытуцыйнага характару, якія замацоўвалі суверэнiтэт дзяржавы, яе тэрытарыяльную недатыкальнасць, правы і абавязкі насельніцтва. Размяшчэнне гэтых нормаў у першых трох раздзелах Статута сведчыла не толькі пра іх выключную важнасць, але і пра зараджэнне галіны канстытуцыйнага права. Беларускія вучоныя (І.А. Юхо, А.Ф. Вішнеўскі, Т.І. Доўнар і інш.) адзначаюць, што менавіта ў

гэтай сферы Статут апырэджаў у прававым развіцці заходнееўрапейскае права [4, с. 34].

Т.І. Доўнар адзначае, што Статут 1566 года замацаваў прынцып адзінства права на ўсёй тэрыторыі дзяржавы і ў адносінах да ўсіх падданных дзяржавы, прыярытэт пісьмовага закона і дзяржаўны суверэнітэт (у супрацьвагу царкоўнаму касмапалітызму таго часу). У адносінах да дзяржаўнай улады ён не толькі больш дакладна і поўна рэгламентаваў дзейнасць такіх вышэйшых органаў улады, як вялікі князь і рада, але і абмяжоўваў іх паўнамоцтвы соймам. Канчаткова замацаваўшы заканадаўчую функцыю сойма, закон досыць дакладна рэгламентаваў яго склад і кампетэнцыю. У Статуце выявілася тэндэнцыя да развіцця саслоўных правоў і прывілеяў шляхты, чаму спрыяла замацаванне Статутам парадку фарміравання і дзейнасці павятовых соймакаў – органаў так званай шляхецкай дэмакратыі, новых мясцовых судоў (земскіх і падкаморскіх) [5].

Статут 1588 года, захаваўшы асноўныя канстытуцыйныя нормы Статута 1566 года, больш дакладна адлюстравяў дзяржаўны лад і грамадскія адносіны свайго часу, прагрэсіўныя ідэі эпохі гуманізму. Прафесар Бібіла абгрунтоўвае выснову аб тым, што Статут ВКЛ 1588 г. – гэта канстытуцыя ВКЛ. Прычым Статут можна аднесці да канстытуцыі як агульнадзяржаўнага нарматыўнага прававога акта ў сучасным разуменні [3, с. 21]. Яна адзначае, што Статут ВКЛ 1588 г. складаецца з нормаў, уласціўшых прыродзе канстытуцыі, якая мае прамое дзеянне. Сярод іх утрымліваюцца не толькі агульныя нормы права, але і канкрэтныя, у якіх выкладзены сітуацыйныя асаблівасці [3, с. 22].

Як адзначае Т.І. Доўнар, «трэці Статут, які зноў замацаваў суверэнітэт ВКЛ, ствараўся на новых прынцыпах права, уласцівых пераходнаму перыяду ад Сярэднявечча да Новага часу. Яго пранізвала ідэя прававой дзяржавы, адной з асноў якой быў прынцып падзелу ўлады. У Статуце гаварылася, што заканадаўчая ўлада належыць сойму, выканаўчая – вялікаму князю і радзе, судовая – судовым органам» [6, с. 96].

Бічун В.М., у сваю чаргу піша, што «Статут 1588 г. пераўзыходзіў папярэднія законы шырынёй прававой рэгламентацыі амаль усіх, маючых месца ў феадальнай дзяржаве, праваадносін. На думку некаторых навукоўцаў, Статут, па сутнасці, з’яўляўся Канстытуцыйнай дзяржавы. Першыя тры раздзелы яго ў асноўным былі прысвечаны нормам канстытуцыйнага права, утрымлівалі гэтыя нормы і іншыя раздзелы Статута. Закон замацаваў такія важныя канстытуцыйныя прынцыпы, як суверэнітэт дзяржавы і народа, роўнасць усіх свабодных людзей перад законам, права чалавека на ўласнасць, на ахову яго жыцця,

гонару, маёмасці, на судовую абарону і інш. Для шляхты абвяшчалася права свабоднага выезду за межы дзяржавы, права прадстаўніцтва ў органах дзяржаўнай улады і кіравання» [2, с. 141].

Такім чынам, канстытуцыйнае развіццё ВКЛ дасягнула свайго піку ў Статуце 1588 года. Статуты Вялікага Княства Літоўскага, якія з'яўляюцца сістэматызаванымі зборамі права, адыгралі ключавую ролю ў станаўленні і развіцці канстытуцыйных асноў на тэрыторыі Беларусі. Нягледзячы на феадальны характар грамадства і абмежаванасць саміх прынцыпаў у межах Сярэднявечча, аналіз Статутаў дазваляе вылучыць зародкі прынцыпаў вяршэнства права, абмежавання манархічнай улады, абароны правоў і свабод асобы, а таксама фарміравання інстытутаў прадстаўнічага кіравання. Даследаванне паказвае эвалюцыю гэтых прынцыпаў на працягу трох Статутаў, адлюстроўваючы складаны працэс фарміравання дзяржаўнасці і прававой сістэмы ВКЛ.

Вопыт прававога развіцця ВКЛ мае несумненную гістарычную каштоўнасць для разумення фарміравання канстытуцыйных традыцый сучаснай Беларусі, дазваляючы прасачыць генезіс і эвалюцыю фундаментальных прававых прынцыпаў.

Библиографические ссылки

1. Безлюдов, О. А. Теоретико-правовой анализ первых нормативных государственно-правовых актов на территории Беларуси / О. А. Безлюдов, С. Г. Емельянов // ЛУЧШАЯ НАУЧНАЯ СТАТЬЯ 2021 : сборник статей XLII Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 30 мая 2021 года. – Пенза: Наука и Просвещение, 2021. – С. 66-69.

2. Бичун, В. М. Конституционные нормы, содержащиеся в Статуте Великого княжества Литовского 1588 года / В. М. Бичун // Статут Вялікага Княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага 1588 г.: да 430-годдзя выдання : Зборнік навуковых артыкулаў па матэрыялах канферэнцыі, Мінск, 19–20 октября 2018 года / БДУ; Рэдакцыйная калегія: С. А. Балашэнка (гал. рэд.), С. А. Калінін (нам. гал. рэд.), С. М. Сивец, А. І. Малюгін (нам. гал. рэд.), В. А. Шаршун, Т. І. Доўнар (наук. рэд.), А. В. Шыдлоўскі, Л. Л. Голубева, А. І. Арлоўская, В. Ю. Вячорка. – Мінск: Белорусский государственный университет, 2018. – С. 140-143.

3. Бібіла, В.М. Гістарычная легіцімізацыя беларускай дзяржавы па статуту Вялікага Княства Літоўскага 1588 года / В. М. Бібіла // Статут Вялікага Княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага 1588 г.: да 430-годдзя выдання : зб. наук. арт. па матэрыялах канф. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: С. А. Балашэнка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2018. – С. 17-25.

4. Довнар, Т. И. Значение и место Статута 1566 года в правовом развитии Великого Княжества Литовского / Т. И. Довнар // *Аннали юридичної історії*. – Том 1. – Номер 1, січень-березень 2017. – С.30–37.
5. Довнар, Т. И. Статут Великого княжества Литовского 1566 (Второй Статут) / Т.И.Довнар // *Белорусская юридическая энциклопедия*. В 4 т. Т. 3. П-С. - Минск, 2010. - С.569-570.
6. Доўнар, Т. І. Праблема прававых крыніц Беларусі перыяду Вялікага княства Літоўскага / Т. І. Доўнар // *Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні*. – 2008. – №. 2. – Р. 86-103. – EDN UFMVBZ.
7. Дробязко С. Г. Юридическая природа Статута Великого княжества Литовского 1529 г. – 2013.
8. Каун, С.Б. Привилей 20 февраля 1387 г. как исторический источник / С.Б. Каун // *Крыніцзнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. Вып. 9 / рэдкал.: С. М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]*. – Мн.: БДУ, 2014. – с. 240 – 246.
9. Кизей, А. Ю. Привилейный период в развитии права ВКЛ / А. Ю. Кизей // *Белорусское право во времени и пространстве : сборник тезисов докладов по материалам Республиканской научно-теоретической конференции студентов, магистрантов, аспирантов, Минск, 6 декабря 2018 года* / [под ред. И.П. Манкевич, Н.И. Ивуть, Т.М. Пехоты]; УО «Белорусский государственный экономический университет». – Минск : БГЭУ, 2019. – С. 39-40.
10. Николаева, Л. В. Общеземские привилеи и Статуты Великого Княжества Литовского 1529 и 1566 гг. как источники по истории внешней политики Великого Княжества Литовского в конце XIV – середине XVI в. / Николаева Л. В. // *Гуманітарна-эканамічны веснік*. – 2019. – №. 1–2. – С. 38–43.
11. Юхо, І.А. Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. Т. 2. - Мінск: БелЭн, 2006. - С. 630–632.

**ВКЛАД ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА
Т.И. ДОВНАР В ИЗУЧЕНИЕ И ПРЕПОДАВАНИЕ ВАЖНЕЙШИХ
СОБЫТИЙ ИСТОРИИ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО
(АНТОЛОГИЯ)**

С.В. Решетников

Профессор кафедры политологии,
доктор политических наук, профессор,
Белорусский государственный университет, юридический факультет,
г. Минск, Республика Беларусь

Да Любліна 1569 г. былі дзве незалежныя суседкі-краіны - Каралеўства Польскае і Вялікае Княства Літоўскае - доўгія і складаныя два стагоддзі. На іх працягу былі і сумесная барацьба супраць жорсткіх ворагаў, больш за два дзесяткі уній і дагавораў, аднак былі і спрэчкі і супярэчнасці. 1 ліпеня 1569 г. быў прыняты акт Люблінскай уніі, які аб'яднаў дзве дзяржавы ў адну федэрацыю - Рэч Паспалітую. Сярод насельніцтва гэтага поліэтнічнага аб'яднання аказаўся і беларускі народ.

До Люблина 1569 г. были две независимые соседки-страны – Королевство Польское и Великое Княжество Литовское – долгие и сложные два столетия. На их протяжении были и совместная борьба против жестоких врагов, более двух десятков уний и договоров, однако были и споры и противоречия. 1 июля 1569 г. был принят акт Люблинской унии, который объединил два государства в одну федерацию – Речь Посполитую. Среди населения этого полиэтничного объединения оказался и белорусский народ.

Before Lublin 1569, two independent neighboring countries - the Kingdom of Poland and the Grand Duchy of Lithuania - had been together for two long and difficult centuries. During this time, there was a joint struggle against cruel enemies, more than two dozen unions and treaties, but there were also disputes and contradictions. On July 1, 2024, the Act of the Union of Lublin was adopted, which united the two states into one federation - the Polish-Lithuanian Commonwealth. Among the population of this multi-ethnic union were also the Belarusian people.

Ключавыя словы: Т.І. Доўнар, Люблінская унія, Рэч Паспалітая, Вялікае Княства Літоўскае.

Ключевые слова: Т.И. Довнар, Люблинская уния, Речь Посполитая, Великое Княжество Литовское.

Keywords: T.I. Dovnar, Union of Lublin, Polish-Lithuanian Commonwealth, Grand Duchy of Lithuania.

Таиса Ивановна,
И вновь продолжается жизнь,
И сердцу просторно в груди.
Профессор Таиса, душой Вы юная
И лучшие годы у Вас еще впереди.

Большое внимание профессор Т.И. Довнар уделяет взаимоотношениям Великого княжества Литовского с Польшей. Я бы отметил особенности рассмотрения профессором Т.И. Довнар отношениям между ВКЛ и Польшей в XVI в. в части Люблинской унии 1569 г. (1 июля 2024 г. исполнилось 455 лет со дня ее заключения).

Профессор Т.И. Довнар отмечает: «Пасяджэнні Люблінскага сойма распачаліся 10 студзеня 1569 г. Кожны з бакоў меў уласнае папярэдняе ўяўленне аб будучай дамове, і таму адразу ж польскія прадстаўнікі паведамлілі, што жадаюць поўнай ліквідацыі Вялікага Княства, аб чым і гаворыцца ў падрыхтаваным ім дакуменце. Яны запатрабавалі, каб прадстаўнікі Вялікага Княства падпісалі гэты дакумент без усякага абмеркавання на той толькі падставе, што ў ім утрымліваюцца такія палажэнні, якія мелі месца ў шматлікіх папярэдніх актах» [1, с. 118].

Фактически профессор Т.И. Довнар явилась родоначальником изучения и преподавания важнейших событий Великого княжества Литовского.

В двухтомном издании Академии наук Беларуси 1961 г. события, связанные с Люблинской унией, упоминаются мельком [2, с. 116].

В научно-популярном издании «Ці ведаеце Вы гісторыю сваёй краіны?» говорится, что «пасля аб'яднання у 1569 г. Вялікага Княства Літоўскага з Польшчай у адзіную федэратыўную дзяржаву Рэч Паспалітую на тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага захоўваліся асобная дзяржаўная адміністрацыя, судовая сістэма і свае законы. Пазней таксама прымаліся асобныя законы для абедзвюх частак федэрацыі» [3, с. 39].

В научно-популярном издании «Беларусь: страницы истории» о Люблинской унии сказано: «В результате заключения в 1569 г. Люблинской унии на политической карте Восточной Европы появилось новое государство – Речь Посполитая обоих народов, федеративный союз Польского королевства (Ко-роны) и ВКЛ.

Унии ВКЛ с Польшей ведут свою историю с 1385 г., когда великий князь литовский Ягайло заключил соглашение о включении ВКЛ в состав Короны, желая стать польским королем. Фактически был оформлен династический союз между Польшей и ВКЛ. Польская сторона стремилась превратить его в реальное межгосударственное объединение.

Наиболее близкой попыткой стало заключение Мельницкой унии 1501 г., но она не была одобрена в ВКЛ и не получила практической реализации. Вопрос об унии снова возник в 1560-е гг., что было вызвано тяжелым положением ВКЛ в Ливонской войне. Уния была заключена на компромиссной основе. Речь Посполитая стала федеративным государством, состоящим из двух частей – Короны и Княжества. Княжество сохраняло особое законодательство и суды, отдельные высшие административные должности, казну, войско, официальный язык делопроизводства – старобелорусский. В объединенном государстве был единый верховный правитель – король, который сохранял и титул великого князя литовского. Создавался общий законодательный орган – сейм, провозглашалось ведение единой внешней политики» [4, с. 71–73].

В учебном издании «Земля Беларуси. 100 страниц в истории мировой цивилизации» за авторством С.А. Балашенко указано, что в годы после заключения Люблинской унии прилагались «большие усилия по усилению государственной самостоятельности ВКЛ в пределах новообразованной Речи Посполитой и по изменению условий Люблинской унии» [5, с. 19].

Профессор Т.И. Довнар отмечает: «Новы дзяржаўна-прававы саюз паміж Вялікім Княствам Літоўскім і Польшчай можна разглядаць як персанальна-парламентарную унію, пры якой кожная з саюзных дзяржаў захоўвала сваю асобную тэрыторыю, мела ўласныя ўзброеныя сілы, фінансы, органы ўлады і кіравання, самастойнае заканадаўства, якое, пры неабходнасці, дапаўнялася агульнымі пастановамі. У кампетэнцыю ўладных органаў Рэчы Паспалітай у асноўным уваходзілі пытанні міжнароднай палітыкі і абароны дзяржавы. На працягу XVII-XVIII стст. прававы характар дзяржаўна-палітычных сувязяў Вялікага Княства Літоўскага з Польшчай не зведаў карэнных змяненняў. Разам з тым паступова ўзмацняўся працэс акаталічвання і апалячвання насельніцтва Беларусі і Літвы, што садзейнічала ўсё большай залежнасці Вялікага Княства Літоўскага ад Польшчы, нестабільнасці ў грамадстве, узмацненню рэлігійнай варожасці і інш. У рэшце рэшт усё гэта адмоўна ўплывала на жыццяздольнасць Рэчы Паспалітай» [1, с. 122].

Приятно отметить, что за свою многолетнюю научную и педагогическую деятельность профессору Т.И. Довнар присуждена государственная награда – медаль Франциска Скорины. От души поздравляю!

От кафедры политологии и от себя лично, С.В. Решетников!

Библіяграфічныя спасылкі

1. Доўнар, Т.І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : вучэб. дапам. / Т.І. Доўнар. – Мінск : ДІКСТ БДУ, 2011. – 552 с.
2. История Белорусской ССР : в 2 т. / Ред. кол.: Л.С. Абецедарский, В.Н. Перцев, К.И. Шабуня ; под общ. ред. В.Н. Перцева. – Минск : Изд-во Акад. наук Белорусской ССР, 1961. – Т. 1. – 653 с.
3. Голубеў, В.Ф. Ці ведаеце Вы гісторыю сваёй краіны? / В.Ф.Голубеў, У.П. Крук, П.А. Лойка. – Мінск : Нар. асвета, 1994. – 135 с.
4. Беларусь: страницы истории / Нац. акад. наук Беларуси ; Ин-т истории ; редсовет.: А.А. Коваленя [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2011. – 408 с.
5. Балащенко, С.А. Земля Беларуси. 100 страниц в истории мировой цивилизации / С.А. Балащенко. – Минск: РИФТУР, 2019. – 102 с.

АРЕНДНОЕ ЖИЛЬЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Е.А. Реуцкая

Старший преподаватель кафедры гражданского и хозяйственного права

Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
г. Минск, Республика Беларусь

Даследуюцца пытанні прадастаўлення арэнднага жылля маладым спецыялістам з магчымасцю наступнага выкупу жылля за выслугу гадоў.

Исследуются вопросы предоставления арендного жилья молодым специалистам с возможностью последующего выкупа жилья за выслугу лет.

The issues of provision of rental housing for young specialists with the possibility of a buyout for a length of service were examined in the article.

Ключавыя словы: жыллёвы фонд, арэнднае жыллё, інтэрнат, жылое памяшканне сацыяльнага карыстання; спецыяльныя жыллыя памяшканні, вайскоўцы, маладыя спецыялісты.

Ключевые слова: жилищный фонд, арендное жилье, общежитие, жилое помещение социального пользования; специальные жилые помещения, военнослужащие, молодые специалисты.

Keywords: housing stock, rental housing, dormitory, social housing; special premises, military personnel, young specialists.

Впервые понятие арендного жилья появилось в редакции Жилищного кодекса Республики Беларусь от 04.05.2019 г. под которым понимаются жилые помещения государственного жилищного фонда, предоставляемые гражданам на условиях договора найма арендного жилья (далее – ЖК).

В соответствии с положением ст. 72 ЖК продажа арендного жилья, собственно, как и жилых помещений социального пользования, жилых помещений в общежитиях и специальных жилых помещений, а также отчуждение их на безвозмездной основе не допускаются, если иное не установлено Президентом Республики Беларусь.

Статьей 48 Конституции Республики Беларусь предусматривается право граждан Республики Беларусь на жилище. Это право обеспечивается развитием государственного и частного жилищного фонда, содействием гражданам в приобретении жилья.

Так, в целях обеспечения социально-правовых гарантий военнослужащих в области жилищных отношений, в арендное жилье, предоставленное в установленном порядке на условиях договора найма в связи с характером служебных отношений, передается военнослужащим, состоящим на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий, в собственность по их заявлениям с учетом особенностей, установленных Указом Президента Республики Беларусь от 13.02.2023 г. № 37 «Об арендном жилье для военнослужащих» по следующим основаниям: 1) при наличии 20 календарных лет выслуги на службе (далее – выслуга) – на возмездной основе по оценочной стоимости, но не выше рыночной стоимости, которые определяются по результатам независимой оценки, проведенной в соответствии с законодательством об оценочной деятельности; 2) при наличии 25 календарных лет выслуги – безвозмездно. При этом военнослужащим, воспользовавшимся государственной поддержкой, арендное жилье передается в собственность на возмездной основе по оценочной стоимости, но не выше рыночной стоимости, которые определяются по результатам независимой оценки, за исключением случаев, когда право на государственную поддержку в соответствии с законодательными актами может быть реализовано повторно. Следует отметить, что, военнослужащими оплачивается независимая оценка стоимости передаваемого в собственность военнослужащих арендного жилья на возмездной основе, проводимая РУП «Институт недвижимости и оценки» [1], а также само оформление недвижимого имущества.

Такая возможность получения арендного жилья в собственность военнослужащих (офицеров, прапорщиков, солдат и сержантов) Вооруженных сил, других войск и воинских формирований (внутренних

войск МВД, органов госбезопасности, органов пограничной службы, Службы безопасности Президента Республики Беларусь, ОАЦ при Президенте Республики Беларусь), лиц состоящих на государственной службе (МВД, центральный аппарат Следственного комитета, центральный аппарат Государственного комитета судебных экспертиз, МЧС, КГБ) в настоящее время является одним из способов обеспечения социально-правовых гарантий военнослужащих, а также фактором мотивации военнослужащих получить соответствующую выслугу на военной службе.

В условиях нехватки в малых и средних городах, а также сельской местности в школах и иных образовательных учреждениях – педагогического состава, в поликлиниках, больницах и амбулаториях – врачебного персонала, видится необходимым закреплять на местах молодых специалистов этих профессий. Как известно, ст. 111 ЖК, предусматривается предоставление в первоочередном порядке арендного жилья коммунального жилищного фонда определенным категориям граждан, в том числе молодым специалистам, получившим образование за счет средств республиканского и (или) местных бюджетов, прибывшим на работу по распределению, перераспределению, трудоустроенных в счет брони, направленным, перенаправленным на работу в соответствии с договором о целевой подготовке специалиста с высшим образованием, специалиста (рабочего) со средним специальным образованием, рабочего (служащего) с профессионально-техническим образованием.

На наш взгляд, необходимо, как и военнослужащим, предоставлять возможность педагогам и врачам приехавшим работать по профессии в образовательных учреждениях и государственных медицинских учреждениях, получения молодыми специалистами арендного жилья, с последующем его возмездным или безвозмездным получением в собственность, в зависимости от трудового стажа в соответствующей сфере деятельности, например, 20-ти или 25-летнего стажа работы, что будет способствовать заинтересованности и мотивации этих специалистов к работе в государственных образовательных учреждениях и учреждениях здравоохранения, а также воспитанию молодого поколения и здорового общества в целом на благо нашего государства и общества.

Библиографические ссылки

1. Горбатова, Н. А. Передача в собственность арендного жилья для военнослужащих / Н. А. Горбатова // ИПС iLex [Электронный ресурс]

О НАПРАВЛЕНИЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАХВАТА ГРАЖДАНИНОМ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ (СТ. 109 УПК)

С.В. Рыбак

Доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора
кандидат юридических наук, доцент
Белорусский государственный университет, юридический факультет,
г. Минск, Республика Беларусь

Разглядаецца пытанне прававога рэгулявання і практыкі рэалізацыі права грамадзян на захоп асобы (арт. 109 КПК Беларусі). Аналізу падвяргаецца змест названай нормы на прадмет некарэктнасці выкарыстання заканадаўцам асобных тэрмінаў і выразаў. Фармулююцца і абгрунтоўваюцца прапановы па ліквідацыі некаторых недахопаў.

Рассматривается вопрос правового регулирования и практики реализации права граждан на захват лица (ст. 109 УПК Беларуси). Анализу подвергается содержание указанной нормы на предмет некорректности использования законодателем отдельных терминов и выражений. Формулируются и обосновываются предложения по устранению некоторых недостатков.

The article deals with the issue of legal regulation and practice of realizing the right of citizens to seize a person (Art. 109 of the CPC). The content of the mentioned norm is analyzed in terms of incorrectness of the legislator's use of certain terms and expressions. Proposals to eliminate some shortcomings are formulated and substantiated.

Ключевые слова: захват; доставление; уголовный процесс; права и свободы.

Ключавыя словы: захоп; дастаўленне; крымінальны працэс; права і свабоды.

Keywords: seizure; delivery; criminal procedure; rights and freedoms.

Ст. 109 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) закрепляет правомочие любого гражданина на «захват лица, совершившего преступление». Не вызовет острых дискуссий утверждение о том, что данный институт считается «мертвым» в правоприменительной практике. Действительно, примеров реализации рассматриваемого правомочия гражданами отыскать весьма сложно.

Причин неприятия обществом указанных норм немало. Не последнюю роль в этом отношении играет и несовершенство их содержания с точки зрения корректности регулирования соответствующих правоотношений, а также дефекты в употреблении отдельных терминов. Остановимся на некоторых из них.

Для детального анализа отдельных понятий приведем содержание анализируемой статьи:

«Статья 109. Право граждан на захват лица, совершившего преступление

1. Захват лица – действия граждан по задержанию лица, совершившего преступление, либо для пресечения преступления и для передачи его органу власти.

2. Каждый гражданин имеет право захватить и принудительно доставить в орган власти лицо, застигнутое им при совершении преступления или попытке скрыться непосредственно после его совершения.

3. В случае оказания сопротивления лицом, указанным в части первой настоящей статьи, к нему могут быть применены меры подавления сопротивления в пределах мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление. В случаях, если имеются основания полагать, что при захваченном лице находятся оружие либо предметы, имеющие значение для уголовного дела, захвативший его гражданин может осмотреть одежду задерживаемого и изъять для передачи в орган уголовного преследования находящиеся при нем предметы».

В первую очередь обращает на себя внимание сомнительное упоминание в рассматриваемой норме адресата доставления захваченного лица – «орган власти». Исходя из анализа юридической толково-справочной литературы под органом государственной власти (очевидно, что именно о государственной власти идет речь) принято понимать любые организации (учреждения) государственной власти [5]. Такая широкая трактовка не соответствует смысловой нагрузке анализируемой нормы. Очевидно, что доставление захваченного лица необходимо осуществлять в ближайшее место дислокации любого из государственных органов, должностные лица которого компетентны в совершении дальнейших действий с задержанным, способны дать правильную правовую оценку действиям доставленного и обеспечить безопасность субъекту, осуществившему захват и доставление.

Не выдерживает критики и употребление в ст. 109 УПК термина «преступление». Оно, как по субъекту совершения, так и по содержанию, уже понятия «предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние». Так, лицо, не достигшее возраста уголовной

ответственности, не является субъектом преступления. Его преступные действия направлены на совершение предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния. Аналогичная ситуация обстоит и с лицом, о котором идет речь в ч. 1 ст. 442 УПК (это утверждение не распространяется на лицо, заболевшее после совершения преступления психическим расстройством (заболеванием), лишаящим его возможности сознавать значение своих действий или руководить ими). Помимо этого, ряд статей особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь предусматривает наличие специального субъекта. Если же лицо не относится к таковому, то правильнее говорить о совершении им общественно опасного деяния, предусмотренного Уголовным кодексом Республики Беларусь, а не преступления. Требовать от гражданина, осуществляющего захват на основании и в порядке ст. 109 УПК, достоверных знаний о том, что захватываемое лицо является субъектом преступления, видится некорректным.

Вызывает обоснованные вопросы и употребление в ч. 2 ст. 109 УПК словосочетания «застигнуто при совершении преступления или попытке скрыться непосредственно после его совершения». В толковых словарях термин «застигнуть» разъясняется в большей мере однообразно. Так, В.И. Даль определяет его следующим образом: «Застигать кого, где; захватить, застичь, найти нечаянно, исплошить с умыслу или случайно» [2, с. 640]. С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова трактуют исследуемое понятие, как «Внезапно захватить, заставить» [3, с. 220]. Т.Ф. Ефремова и С.А. Кузнецов характеризуют происхождение термина «застигнуть» – от глагола «застигать», обозначающего процесс внезапного, неожиданного обнаружения кого-либо где-либо в каком-либо положении, состоянии [4, с. 527; 1, с. 347]. В обыденном понимании слово «застигнут» подчеркивает внезапность обнаружения кого-либо за совершением каких-либо действий или в определенном месте. Смысловое содержание словосочетания «при совершении преступления» не вызывает острых дискуссий. Выражение «при совершении» указывает на факт обнаружения лица на месте происшествия в момент совершения преступления. Застигнуть при «попытке скрыться непосредственно после» совершения преступления означает, что лицо обнаружено на месте происшествия либо неподалеку (в зоне видимости) от него, в движении по направлению отдаления от данного ме-ста или в ходе преследования сразу после того, как произошло преступное посягательство (преступление окончено; выполнены действия по приготовлению к совершению преступления; состоялось покушение на его совершение). Спорным видится временной промежуток, который характеризуется фразой «непосредственно после». Окончательную

оценку выполнения критерия непосредственности будет осуществлять компетентное должностное лицо, указывающее в соответствующем процессуальном документе на основания задержания, опираясь на свое субъективное восприятие произошедших событий. Однако, исходя из этимологического анализа, вызывает сомнение корректность употребления термина «застигнуть» к случаю захвата лица при попытке скрыться после совершения преступления. По нашему мнению, в данной ситуации более корректно употребить слово «обнаружено» [6, с. 42–43].

И совсем уж субъективным в своей трактовке и неопределенным по содержанию видится используемое в ч. 3 ст. 109 УПК выражение «меры подавления сопротивления в пределах мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление». Очевидно, что у обычных граждан в большинстве случаев объективно отсутствуют должные знания, умения и навыки в области дачи уголовно-правовой оценки происходящих событий и корректного совершения действий, дозволенных законодателем при захвате и доставлении. Определить универсальный перечень мер, которые в каждой ситуации необходимы и достаточны для задержания лица, является сложновыполнимой задачей как для законодателя, так и для правоприменителя. В этой связи словосочетание «в пределах мер..» обречено на субъективную трактовку. Оценивать допустимость объема мер подавления сопротивления будет компетентное должностное лицо органа, осуществляющего прокурорский надзор или ведомственный контроль исходя в большей мере из личного понимания пределов. Разумеется, урегулировать нормами права всевозможные правоотношения, исключив полностью субъективный фактор оценки событий или явлений, видится трудновыполнимой задачей. Вместе с тем, к этому необходимо стремиться в тех случаях, когда речь идет об ограничении конституционных прав граждан. Именно в рамках уголовно-процессуальной деятельности под давлением всей мощи государственного аппарата наиболее зримо и остро ощущается уязвимость правовой защиты лица. Именно эта деятельность в силу объективной необходимости немыслима без вторжения в личную жизнь граждан и применения к ним государственного принуждения, что сопровождается ограничением конституционных прав и свобод. Применение такой уголовно-процессуальной меры принуждения как задержание выступает одним из наиболее актуальных и часто встречающихся в правоприменительной практике инструментов ограничения конституционных прав граждан.

Не поддается единообразной трактовке также и словосочетание «меры подавления сопротивления». В законодательстве не приведен

перечень таких мер. Не определены признаки, идентифицирующие именно эти меры. Требуется дополнительных разъяснений слово «подавление» и его соотношение с такими терминами как «предупреждение», «пресечение». Отсутствие универсального подхода к пониманию указанных категорий неизбежно приведет к нарушению законности при реализации положений ст. 109 УПК. Приведенные аргументы обуславливают необходимость конкретизации законодателем выражения «меры подавления сопротивления в пределах мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление» либо замены его составляющих на устоявшиеся в теории и законодательстве термины и словосочетания.

Проблемным также видится и употребление в ч. 3 ст. 109 УПК словосочетания «оружие либо предметы, имеющие значение для уголовного дела». Вряд ли законодатель рассчитывал на то, что ст. 109 УПК будет применяться исключительно после возбуждения уголовного дела или только в тех ситуациях, которые предполагают принятие компетентным органом или должностным лицом бесспорного решения о возбуждении уголовного дела. Но даже если гипотетически предположить наличие подобного замысла у законодателя, возникает сомнение в доступности соответствующей информации гражданину, реализующему право на захват лица в порядке ст. 109 УПК.

Нельзя не подвергнуть критике и факт наделения в ч. 3 ст. 109 УПК захватывающего лицо гражданина правом «осмотреть одежду задерживаемого и изъять для передачи в орган уголовного преследования находящиеся при нем предметы». Во-первых, захватывающий и захватываемый могут быть разного пола. Осмотр одежды (в том числе и нижней) у противоположного пола вызывает ряд вопросов не только этического, но и правового характера. Во-вторых, изъятие неподготовленным лицом предметов, «имеющих значение для уголовного дела» с большой вероятностью повлечет утрату следов преступления на этих предметах или изменение качественных характеристик этого предмета. При утере потенциальной доказательственной информации под сомнение может быть поставлено и обоснованность захвата в порядке ст. 109 УПК с вытекающими отсюда последствиями уголовно-правового характера. Думается, такие действия целесообразно проводить исключительно компетентному лицу, а в содержании ч. 3 ст. 109 УПК речь должна идти о визуальном осмотре и изъятии колюще-режущих предметов, а также иных предметов, которыми можно нанести травмирующее воздействие при оказании сопротивления.

Для нивелирования отдельных из указанных выше проблем предлагаем в УПК внести следующие изменения»

- изложить ч. 1 ст. 109 УПК в следующей редакции: «Захват лица – действия граждан по задержанию лица, совершившего общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, либо для пресечения такого деяния и для передачи его в компетентный государственный орган».

- изложить ч. 2 ст. 109 УПК в следующей редакции: «Каждый гражданин имеет право захватить и принудительно доставить в компетентный государственный орган лицо, застигнутое им при совершении общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, или обнаруженное при попытке скрыться непосредственно после его совершения».

Вопрос о формулировании содержания ч. 3 ст. 109 УПК, а также о необходимости этой нормы для правоприменительной практики в целом требует отдельного самостоятельного исследования.

Библиографические ссылки

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.

2. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – М.: Рус. яз., 1989. – Т. 1. – 699 с.

3. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка: Толковый словообразовательный: Свыше 136000 словар. ст., ок. 25000 семант. единиц: в 2 т. / Т.Ф.Ефремова. – М.: Рус. яз., 2000. – Т. 1. – 1209 с.

4. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеол. выражений / С.И.Ожегов, Н.Ю.Шведова. – 4-е изд. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

5. Орган государственной власти. Материал из Википедии – свободной энциклопедии. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D1%80%D0%B3%D0%B0%D0%BD>; дата доступа: 14.09.2024.

6. Рыбак, С. В. Подозреваемый в уголовном процессе Республики Беларусь / С. В. Рыбак. – Минск : Акад. МВД, 2014. – 142 с.

У СУКВЕЦЦІ ЗОРАК БЕЛАРУСКАЙ ЮРЫДЫЧНАЙ НАВУКІ

І.А. Саракавік

Прафесар кафедры сацыяльна-гуманітарных і гісторыка-прававых дысцыплін, кандыдат гістарычных навук, дацэнт,
Акадэмія кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь,
Інстытут кіраўніцкіх кадраў,
г. Мінск, Рэспубліка Беларусь

Артыкул прысвечаны доктару юрыдычных навук, прафесару Т.І. Доўнар. На фоне знакамітых беларускіх даследчыкаў гісторыі дзяржавы і права Беларусі паказаны яе вялізны ўклад у развіццё гісторыка-прававой навукі беларускай дзяржавы.

Статья посвящена доктору юридических наук, профессору Т. И. Довнар. На фоне знаменитых белорусских исследователей истории государства и права Беларуси показан ее огромный вклад в развитие историко-правовой науки белорусского государства.

The article is dedicated to the Doctor of Law, Professor T. I. Dovnar. Against the background of famous Belarusian researchers of the history of the state and law of Belarus, its huge contribution to the development of the historical and legal science of the Belarusian state is shown.

Ключавыя словы: юрыдычная навукa; Т. І. Доўнар; адметнасці жыцця; вучоныя; унутраная патрэбнасць даследаваць; дасягненні.

Ключевые слова: юридическая наука; Т. И. Довнар; особенности жизни; ученые; внутренняя потребность исследовать; достижения.

Keywords: legal science; T. I. Dovnar; peculiarities of life; scientists; inner need to explore; achievements.

Жыццё цывілізацыі ў сусвеце мізэрнае па часу, грамадства – імклівае. Што гаварыць тады пра жыццё чалавека ў XXI ст. – яно практычна больш, чым імклівае, нейкі міг. Тым не менш, ёсць асобы ў грамадстве, якія пакідаюць пасля сябе глыбокі след у гісторыі. У розных галінах жыццядзейнасці іх няшмат, як і зорак на небасхіле. Маюцца яны і ў навуцы, не выключэнне і ў юрыдычнай. Для кожнага гістарычнага перыяду свае, адметныя асобы.

Нельга тут не ўспомніць пра нашага слыннага асветніка Францыска Скарыну, які адным з першых вядомых нам сёння асобаў выказаўся пра юрыспрудэнцыю. Галоўнае ён бачыў у тым, што і сёння гучыць актуальна, «абы были права... или закон почтивый, справедливый, можный, потребный, пожиточный подле приращения, подлуг обычаев земли, часу и месту пригожий, явный не имея в себе закрытости, не к пожитку единого человека, но к посполитому доброму написанный» [1,

С. 38]. Гэтага можна дасягнуць, па яму, калі кіравацца палажэннямі натуральнага права, галоўным прынцыпам якога выступала патрабаванне, якое прапаноўвалі сярэднявечныя ерэтыкі: «то чинити иным всем, что самому любо ест от иных всех, и того не чинити иным, чего сам не хочеши от иных имети» [2, С. 136]. Іншымі словамі: не рабі іншым таго, чаго сам не хацеў бы ад другіх атрымаць. Гэты прынцып, як аснова праваадносін, надзённы і сёння, тым больш ён быў актуальны і запатрабаваны ў часы Скарыны, калі на паперы гаварылася аб роўнасці правоў усіх грамадзян, а на справе расквіталі прывілеі феадалаў і бяспраўе асноўнай масы народа.

Гэтае выказванне Ф. Скарыны сведчыць і аб прыярытэце не замежнага права, рымскага, германскага і іншага, а свайго, мясцовага. Характэрна, што гэта палажэнне знайшло сваё адлюстраванне ўжо ў Першым Статуце ВКЛ, хаця не адмаўляецца ў ім і рэцэпцыя замежнага права.

Значнае месца Ф. Скарына надаваў класіфікацыі права, падраздзяляючы яго на натуральнае і пісанае. Пісанае права Ф. Скарына падзяляў на боскае, царкоўнае і паспалітае (земскае). Права боскае, па яму, выкладзена ў Бібліі, царкоўнае – у дакументах Усяленскіх сабораў, земскае (свецкае) – найбольш адукаванымі людзьмі і дзяржаўцамі. Боскае і царкоўнае права ён ставіў на другое месца пасля натуральнага.

Яскравай зоркай на юрыдычным небасхіле канца XVIII - першай паловы XIX ст. з'яўляецца наш зямляк з Беласточчыны Ігнат Мікалаевіч Даніловіч, які заклаў асновы айчыннага прававога крыніцазнаўства. У манаграфіі «Гістарычны агляд Літоўскага заканадаўства», выдадзенай у 1837 г., І.М. Даніловіч прааналізаваў гісторыю развіцця права ў ВКЛ. Упершыню з даследчыкаў ён паспрабаваў высвятліць яго крыніцы, іх сувязь са старажытнаславянскім і заходнееўрапейскім заканадаўствам, падкрэсліў самабытны характар літоўска-беларускага права.

Працы І.М. Даніловіча «Пра літоўскія летапісы» (1840) і «Паведамленне пра сапраўдных літоўскіх летапісцаў» (1841) далі пачатак навуковага даследавання беларуска-літоўскага летапісання і пераканаўча даказалі, што беларусы і літоўцы ўжо ў XV ст. мелі сваіх юрыстаў і гісторыкаў, сваё летапісанне. Ён заклаў асновы гісторыі права Вялікага княства Літоўскага, адшукаў і апісаў большасць рукапісаў Княства.

Нельга не пагадзіцца з І.М. Даніловічам, што «в Истории стократно более заслуживает благодарность тот, кто издает в свет старые акты и Летописи, нежели тот, кто составляет Историю по готовым книгам. Скольких избежали бы ошибок, если б все рукописные Летописи и акты народов были напечатаны; сколько заменили бы они собою ненужных книг, обременяющих письменные столы Ученых» [3, С. 114].

У 1841 г. І.М. Даніловіч выдаў ёмкі артыкул «Взгляд на Литовское законодательство и Литовские статуты», ў якім астанаўліваецца на развіцці права ў Вялікім княстве Літоўскім, асабліва на трох Статутах ВКЛ [4, С. 1 - 46].

Цёпла адгукаўся на працы І.М. Даніловіча вядомы рускі даследчык І.І. Лапо ў сваёй працы «Литовский Статут 1588 года» (Т.1. Ч. 2, 1936). Ён лічыў нашага земляка «... лучшего для своего времени знатока литовского права» [5].

XIX ст. падаравала нам яшчэ адну выбітную зорку: прафесара Уладзіміра Данілавіча Спасовіча з яго падручнікам па крымінальнаму праву [6]. За яго яму была прысуджана вучоная ступень доктара права.

Сваёй «Гісторыяй Беларусі», а, па сутнасці, гісторыяй дзяржавы і права Беларусі вызначаецца Мітрафан Віктаравіч Доўнар-Запольскі. Яшчэ ў 1919 г. ён напісаў і выдаў асобнай брашурай «Асновы дзяржаўнасці Беларусі» на нямецкай, французскай, рускай, польскай і беларускай мовах. Яна мела на мэце пераканаць дзяржавы Антанты ў неабходнасці прызнання і падтрымкі незалежнай Беларускай Народнай Рэспублікі. Ён падкрэсліваў, што «народ, не потерявший своей самостоятельности в течение многих веков... имеющий свою, выработанную веками культуру и литературу, свою этнографическую и языковую обособленность, – имеет все права на государственную самостоятельность» [7, С. 139].

1920-я гады нам далі такіх вядомых даследчыкаў, як прафесара Уладзіміра Іванавіча Пічэту і першага і пакуль па сёння адзінага акадэміка-юрыста Міхаіла Восіпавіча Грэдынгера.

У пасляваенны перыяд вызначаецца яркая зорка гісторыка-правовай навукі Іосіфа Аляксандравіча Юхо, які заклаў добратворныя асновы гэтай навукі і дысцыпліны, і які, па сутнасці, з'яўляецца бацькам гісторыі дзяржавы і права Беларусі.

З апошняй чвэрці XX ст. пачынае ўзыходзіць новая зорка гісторыка-правовай навукі Беларусі – прафесара Таісіі Іванаўны Доўнар. Пераняўшы лепшыя дасягненні папярэдніх даследчыкаў, яна ўнесла вялізны ўклад у развіццё дзяржавы і права Беларусі і па праву стала вядучым спецыялістам у гэтай галіне права нашай дзяржавы. За час навукова-выкладчыцкай дзейнасці Таісія Іванаўна стала аўтарам больш за 400 навуковых і навукова-метадычных публікацый, у іх ліку 10 манаграфій, звыш 20 вучэбных і вучэбна-метадычных дапаможнікаў. Яна з'яўляецца першай, хто выдаў падручнік па гісторыі дзяржавы і права Беларусі з грыфам Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь. Пад кіраўніцтвам Таісіі Іванаўны абаронены адна доктарская і 9 кандыдацкіх дысертацый. Далёка не кожны вучоны мае такі цудоўны вынік сваёй

навуковай дзейнасці. Яна першай з юрыстаў абараніла доктарскую дысертацыю на роднай мове.

Таісія Іванаўна ў навуковым свеце і ў выкладчыцкай дзейнасці аргументавана адстойвае ў адрозненне ад некаторых літоўскіх і расійскіх даследчыкаў гісторыі права палажэнне аб тым, што Вялікае Княства Літоўскае гэта дзяржава не толькі літоўскага, але і беларускага народа. Слушна яе аргументацыя пра тое, што неабходна падкрэсліваць самабытнасць беларускага народа, пачынаючы з яго станаўлення і развіцця, не гледзячы на тое, што гісторыя распадзілася так, што наш народ на розных ступенях свайго гістарычнага развіцця меў розныя назовы. У манаграфіях «Грамадзянскае права феадальнай Беларусі XV–XVI стст.» (1997), «Развіццё асноўных інстытутаў грамадзянскага і крымінальнага права Беларусі ў XV–XVI стагоддзях» (2001), аналізуючы прававыя крыніцы ВКЛ, працы замежных даследчыкаў, практычна ўпершыню ў Беларусі даецца найбольш поўнае станаўленне і эвалюцыя развіцця як у цэлым сярэднявечнага права, так, асабліва, важнейшых інстытутаў цывільнага і крымінальнага права.

Заслугоўваюць увагі і адабрэння яе адносіны да назвы «Белая Русь»; неабходнасці больш глыбокай распрацоўкі пытанняў, звязаных з дзейнасцю на тэрыторыі Беларусі розных рэлігійных канфесій, якія аказвалі, часам, істотны ўплыў на развіццё дзяржаўнасці і права Беларусі. Т.І.Доўнар дала новую перыядызацыю гісторыі дзяржавы і права Беларусі, якой карыстаюцца многія сучасныя даследчыкі. Практычна яна стварыла сваю навуковую школу.

Пералік яе дасягненняў можна прадоўжыць і далей. Лагічна задаешся пытаннем: як, якім чынам Таісія Іванаўна Доўнар змагла ўсяго гэтага дасягнуць? І гэта адносіцца не толькі да часу падрыхтоўкі і абароны кандыдацкай і доктарскай дысертацый, як у многіх даследчыкаў бывае, але і праз дзесяткі гадоў пасля іх абароны. Толькі можна пазайдросціць такой навукова-выкладчыцкай працаздольнасці. Пры гэтым патрэбна ўлічваць, што Таісія Іванаўна не толькі знакаміты даследчык гісторыі права, але і жонка, і маці, і бабуля, і гаспадыня. Тым не менш з усім спраўляецца паспяхова. Адаказ, на мой погляд, патрэбна шукаць у адметнасцях яе жыцця. Яно склалася не вельмі лёгка. Дзяцінства яе, а затым і школьныя гады прыходзяцца на другую палову 1940-х і 1950-я гады.

Між тым пасляваенныя гады сустрэлі людзей разбуранымі гарадамі, спаленымі вёскамі, складанымі праблемамі з забеспячэннем насельніцтва прадуктамі харчавання, рэчамі першай неабходнасці. Школьнікам не хапала вучэбных прыналежнасцяў: падручнікаў, сшыткаў, дзённікаў, а, галоўнае, - прафесіянальных настаўнікаў: адны прадаўжалі ваяваць,

другія – загінулі на вайне. У такіх умовах, калі не хапала ежы, вопраткі, абутку, цяпла, увагі старэйшых, якія былі заняты найперш працай, адбывалася станаўленне характару Таісіі Доўнар. Ёй з маленства прыходзілася дапамагаць бацькам, пераносіць цяжкасці часу. Так фарміраваліся сіла волі, упартасць у дасягненні мэты, пранесеныя праз усе гады жыцця.

Даследаванне пытанняў гісторыка-прававой навукі Беларусі, знаёмства з працамі даследчыкаў у гэтай галіне права, праца з крыніцамі права, гутаркі з прафесарам І.А. Юхо, заняткі са студэнтамі – усё гэта падказвала новыя тэмы навуковых распрацовак. З’явілася ўнутраная патрэбнасць, якая існуе да гэтага часу, выказаць свой пункт гледжання на тую ці іншую праблему гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Унутраная патрэбнасць і стала галоўнай рухаючай сілай, якая прывяла да таго, што Таісія Іванаўна Доўнар па праву знаходзіцца ў суквецці зорак юрыдычнай навукі Беларусі. Доўгіх гадоў жыцця, бадзёрасці духу і новых творчых навуковых здзяйсненняў вам, паважаная Таісія Іванаўна!

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии: избранные произведения XVI – XIX в. – Минск: АН БССР, 1962. – 524 с.
2. Франциск Скорина и его время: энциклопед. справочник. – Минск: Бел. советская энцикл., 1990. – 632 с.
3. Данилович, И. О Литовских Летописях / И. Данилович // Журнал Министерства народного просвещения. – 1840. – № 11. – С. 70 – 114.
4. Данилович, И. Взгляд на литовское законодательство и литовские Статуты / И. Данилович // Юридические записки, издаваемые П. Редкиным. – М.: Университетская тип., 1841. – С. 1 – 46.
5. Лапо, И.И. Литовский Статут 1588 года. Т. 1. Исследование. Ч. 1 // И.И. Лапо. – Ковно: SPINDULIO, 1934. – с. X, 473.
6. Спасович, В.Д. Учебник уголовного права / В.Д. Спасович. – СПб.: Тип. Г. Огризко, 1863. – 432 с.
7. Довнар-Запольский, М.В. Основы государственности Белоруссии / М.В. Довнар-Запольский. – Неман. – 1990. – № 2. – С. 132 – 139.

**ИСТОРИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА
ГРОДНЕНЩИНЕ:
ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ**
В.В. Седельник

Заведующий кафедрой теории и истории государства и права,
кандидат юридических наук, доцент,
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
юридический факультет,
г. Гродно, Республика Беларусь

Разглядаецца крыніцазнаўчы аспект гісторыі юрыдычнай адукацыі ў Гродзенскім рэгіёне. Адзначаецца, што кола выкарыстоўваемых гісторыкам права крыніц павінна ўключаць не толькі права, але і прававую ідэалогію і прававаую псіхалогію, узятыя ў самым шырокім сацыяльна-культурным кантэксце. Паказваецца значнасць нарматыўных актаў, даведачна-энцыклапедычнай літаратуры, навуковых работ і ўспамінаў сучаснікаў для раскрыцця працэсу станаўлення і развіцця юрыдычнай адукацыі на Гродзеншчыне.

Рассматривается источниковедческий аспект истории юридического образования в Гродненском регионе. Отмечается, что круг используемых историком права источников должен включать не только право, но и правовую идеологию и правовую психологию, взятые в самом широком социально-культурном контексте. Показывается значимость нормативных актов, справочно-энциклопедической литературы, научных работ и воспоминаний современников для раскрытия процесса становления и развития юридического образования на Гродненщине.

The source study aspect of the history of legal education in the Grodno region is considered. It is noted that the range of sources used by the historian of law should include not only law, but also legal ideology and legal psychology, taken in the widest socio-cultural context. The significance of normative acts, reference and encyclopedic literature, scientific works and memoirs of contemporaries for revealing the process of formation and development of legal education in the Grodno region is shown.

Ключавыя словы: юрыдычная адукацыя; крыніцаўзнаства; гісторыя; юрыдычны факультэт; Гродзенскі рэгіён.

Ключевые слова: юридическое образование; источниковедение; история; юридический факультет; Гродненский регион.

Keywords: legal education; source study; history; Faculty of Law; Grodno region.

Одним из важнейших компонентов правовой системы любого современного государства выступает юридическое образование, в процессе которого происходит воспитание и обучение личности, передача накопленных юридических знаний новому поколению и обеспечивается необходимая преемственность в правовой культуре общества. Обладание этими знаниями, а также соответствующими умениями и навыками даёт возможность для профессиональной деятельности в данной сфере.

Правовая наука рассматривает высшее юридическое образование в различных аспектах, в том числе историческом. При этом следует заметить, что изучение истории юридического образования имеет одну характерную исключительно для этой отрасли знания особенность, которая касается её источниковедческой основы.

Исследуя прошлое, мы анализируем факты и обстоятельства, которые давно уже сложились и не подлежат изменению. Меняться может не сам по себе исторический факт, а лишь его научная оценка. Какой материал для исследования должен иметь в своем распоряжении историк права, чтобы такая оценка была глубокой, всесторонней и объективной? Какими источниками оперирует исследующий эту тему учёный?

Если специалист, изучающий современную ему систему подготовки юриста-профессионала, чаще всего работает с соответствующим корпусом норм действующего права, то для историка права одной только нормативно-правовой основы того или иного института прошлых лет будет явно недостаточно. Дело в том, что его задача заключается в воссоздании правдивой и достоверной картины правовой реальности, присущей каждой исторической эпохе во всей её полноте и разнообразии. Такое возможно лишь при условии охвата исследователем всех возможных элементов такой картины и поэтому круг используемых им источников намного шире, он включает не только право, но и правовую идеологию и правовую психологию, взятые в самом широком социально-культурном контексте. Только так возможно воссоздать правдивую картину юридической жизни, характерную для общества на каждом отдельно взятом этапе его исторического развития.

Уместно заметить, что в классической исторической науке уже в XIX столетии сложилась самостоятельная ветвь научного знания, предметом которой выступают именно исторические источники. Трудно представить себе историка, не использующего в своих работах источниковедческий анализ. Что касается правовой науки, то в ней, по нашему мнению, источниковедческому аспекту уделяется недостаточно внимания. Научный поиск идет в основном по трем направлениям:

нормативный массив, правоприменительная практика и доктринальные подходы. Полагаем, что в недалеком будущем дифференциация современного гуманитарного знания, в том числе юридического, обязательно приведет к появлению такой его самостоятельной отрасли, как юридическое источниковедение.

Рассмотрим источниковедческий аспект истории высшего юридического образования на примере Гродненщины. Перечень нужных нам источников нормативно-правового характера открывает Постановление Совета Министров СССР 1977 г., которым было принято предложение ЦК Компартии Белоруссии и Совета Министров БССР, согласованное с Министерством высшего и среднего специального образования СССР и Министерством просвещения СССР, об организации в г. Гродно на базе педагогического института Гродненского государственного университета. В том же году Совет Министров БССР принял соответствующее постановление, которым регламентировался процесс открытия университета и определялись перспективы его развития. Гродненский университет стал самым первым в стране региональным вузом, на который была возложена, в том числе и задача по подготовке юристов высшей квалификации. Именно тогда было положено начало формированию высшего юридического образования в нашем регионе. В новом вузе при историческом факультете начало работать отделение правоведения, через три года ставшее полноценным самостоятельным факультетом.

Еще одним важным источником для исследователя, занимающегося историей высшего юридического образования, выступает справочно-энциклопедическая литература. Рассмотрим её в хронологической последовательности.

В 2000 г. увидел свет сборник «Людзі культуры з Гродненшчыны» [1]. Автор сборника А.М.Петкевич подчёркивает, что его книга – первая в Беларуси попытка регионального издания, которое содержит персоналии людей, родившихся в Принеманском крае и оставивших заметный след в культуре этого региона. В книге содержатся сведения о людях науки, литературы, искусства, включая педагогов, чья деятельность связана с высшим юридическим образованием на Гродненщине.

В том же году исполнилось шестьдесят лет со дня основания первого в Западной Белоруссии высшего учебного заведения – Гродненского государственного учительского института. Это пробудило интерес к истории образования на Гродненщине. К юбилейной дате был издан справочник «Выкладчыкі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы». Издание содержит подробные сведения о более чем шестистах преподавателях, (в том числе о преподавателях юридического

факультета), трудившихся в университете в разные годы его существования [2].

Два года спустя была опубликована книга С.А.Габрусевича и И.П.Креня «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы: Гістарычны нарыс» [3]. Книга интересна тем, что в ней даётся краткий исторический обзор образовательных традиций в Принеманском крае, включая эпоху Великого Княжества Литовского. Соответствующее место в ней занимают сведения о становлении и развитии юридического факультета.

В 2005г. появился подготовленный профессором Н.В.Сильченко справочник «Кафедра тэорыі і гісторыі дзяржавы і права» [4]. Издание содержит краткий очерк истории создания этой кафедры, а также имеет ценные для историка права архивные материалы: планы работы, отчёты, протоколы заседаний и т.п. Самостоятельные разделы справочника включают биографические данные сотрудников кафедры, перечень обеспечиваемых кафедрой учебных дисциплин, списки наиболее значимых научных трудов преподавателей и учебно-методических изданий; подготовленные на кафедре и успешно защищенные кандидатские и докторские диссертации, а также защищенные по кафедре дипломные работы студентов.

Деятельности гродненского юрфака был посвящен и написанный в 2011 г. профессором Н.В.Сильченко справочник «Юрыдычны факультэт Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы: імёны» [5]. Книга содержит сведения не только о трех поколениях преподавателей факультета, но и об учебно-вспомогательном персонале факультета и о его выпускниках за период 1983-2010 гг.

В 2011 г. начал издаваться «Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы». Среди научных статей, опубликованных в серии «Правознаўства», можно найти такие, которые представляют несомненный интерес для историка права, например, опубликованная в 2018 г. статья «Кафедра тэорыі і гісторыі дзяржавы і права: ретроспективны выгляд і сучасныя рэаліі» [6]. В ней рассмотрены основные научные достижения кафедры, приведены биографические данные преподавателей, дана характеристика зарубежных связей и ряд других полезных сведений.

При всем том юрист, исследующий историю юридического образования, не может ограничиваться изучением только нормативных и справочных источников. Документы официального характера не могут в полной мере передать то, что принято называть духом учебного заведения, то есть личные и профессиональные качества того или иного преподавателя, особенности учебного процесса, обычаи и традиции

студенческой жизни и т.п. Достоверное представление о юридической повседневности можно составить, если обратиться к такому источнику, как мемуарная литература. Мемуары относятся к тому литературному жанру, который помогает нам лучше понять правосознание людей. Из воспоминаний современников, прежде всего правоведов, учёный-юрист может многое почерпнуть. Такие источники содержат ценные свидетельства, отражающие правопорядок соответствующей исторической эпохи.

Значительный интерес в этом отношении представляют воспоминания профессора Степана Федоровича Сокола. В 2018 г. он издал книгу «Зігзагі лёсу», которая содержит ценные сведения о высшем юридическом образовании в стране, в том числе в Гродненском регионе [7].

Студенческие годы С.Ф.Сокола прошли на юридическом факультете Белорусского государственного университета. Степан Федорович подробно рассказывает о своих сокурсниках, студенческом быте шестидесятих годов прошлого века, дает характеристики университетским преподавателям. Позже он перешел на работу в Министерство высшего образования БССР, где курировал преподавание общественных наук во всех вузах республики независимо от их ведомственной принадлежности. Позже С.Ф.Сокол занимался преподаванием, а в 1985-1990 гг. был деканом юридического факультета Гродненского государственного университета им. Янки Купалы. В те годы профессия юриста стала очень популярной, и после обретения Республикой Беларусь подлинной независимости правоведы высшей квалификации начали готовить не только в государственных, но и в негосударственных вузах. С.Ф.Сокол проявил себя и на этом поприще, создав одно из первых в стране частных высших учебных заведений – Белорусский институт правоведения. Один из его филиалов находился в г. Гродно.

Современный историк права, изучающий юридические памятники прошлого, не может оставаться в рамках позитивистского метода исследования, предполагающего изучение прежде всего догмы права, правоприменительной практики и доктрины. Подобной триады для него недостаточно. Ему необходим как можно более широкий круг разнообразных источников, которые позволят осуществить историческую реконструкцию не только позитивного права конкретно взятой страны, но и воссоздать полную и объективную картину юридической повседневности прошлого, в том числе и высшего юридического образования.

Библиографические ссылки

1. Пяткевіч, А. М. Людзі культуры з Гродзеншчыны: Даведнік. – Гродна: ГрДУ, – 2000. – 356с.
2. Выкладчыкі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы: Бібліяграфічны даведнік / Пад.рэд. В. М.Чарапіцы. – Гродна: ГрДУ, 1999. – 595с.
3. Габрусевіч, С. А. Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы: Гістарычны нарыс / С. А.Габрусевіч, І. П.Крэнь. –Гродна: ГрДУ, 2001. – 174с.
4. Кафедра тэорыі і гісторыі дзяржавы і права: іфарм.- бібліягр. давед. / аўт.-склад. М. У.Сільчанка. – Гродна: ГрДУ, 2005. –155с.
5. Юрыдычны факультэт Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы: імёны: біягр. давед. / М.У.Сільчанка. – Гродна: ГрДУ, 2011. – 293с.
6. Седельник, В. В., Басюк, И. А. Кафедра теории и истории государства и права: ретроспективный взгляд и современные реалии // В.В. Седельник, И. А. Басюк / Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 4. Правазнаўства. – 2018. – №4. – С.6-14.
7. Сокал, С. Ф. Зігзагі лёсу: музыкант, філосаф, юрыст / С. Ф.Сокал – Мінск: Смэлтак, 2018. – 194 с.

ПРАВЫ ШЛЯХТЫ ПА СТАТУТУ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА 1588 Г. І ДЭКЛАРАЦЫІ ПРАВОЎ ЧАЛАВЕКА І ГРАМАДЗЯНІНА 1789 Г.: ПАРАЎНАЛЬНЫ АНАЛІЗ

А.Ю. Сіманаў

Студэнт 4 курса,
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, юрыдычны факультэт,
г. Мінск, Рэспубліка Беларусь

У артыкуле супастаўляюцца канцэпцыі «залатой вольнасці» шляхты і першага пакалення правоў чалавека праз параўнальны аналіз нормаў Статута Вялікага Княства Літоўскага 1588 г. і Дэкларацыі правоў чалавека і грамадзяніна 1789 г. Традыцыя заканадаўчага афармлення правоў чалавека мае на тэрыторыі Беларусі шматвяковую гісторыю.

В статье сопоставляются концепции «золотой вольности» шляхты и первого поколения прав человека путем сравнительного анализа норм Статута Великого Княжества Литовского 1588 г. и Декларации прав человека и гражданина 1789 г. Традиция законодательного оформления прав человека имеет на территории Беларуси многовековую историю.

The article compares the concepts of "golden liberty" of the nobility and the first generation of human rights through a comparative analysis of the norms of the 1588 Statute of the Grand Duchy of Lithuania and the 1789 Declaration of the Rights of Man and Citizen. The tradition of legislating human rights has a centuries-old history in Belarus.

Ключавыя словы: Вялікае Княства Літоўскае; шляхта; правы чалавека; Статут 1588 г.

Ключевые слова: Великое Княжество Литовское; шляхта; права человека; Статут 1588 г.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania; nobility; human rights; 1588 Statute.

У Вялікім Княстве Літоўскім шляхецкі стан канчаткова сфармаваўся цягам XIV-XVI стагоддзяў праз заканадаўчае ўраўняванне сярэдніх і дробных феадалаў з буйнымі. Параўнальна вялікая з суседнімі дзяржавамі колькасць шляхты ў 10-12% насельніцтва тлумачыцца няспыннымі войнамі, у якіх Вялікае Княства брала ўдзел на працягу стагоддзяў.

Юрыдычнае афармленне правоў і прывілеяў каталіцкай шляхты пачалося ў Прывілеях 1387, 1413 гг., а ўжо ў Прывілеях 1432, 1447 і 1492 гэтыя палажэнні былі пашыраныя і на праваслаўных. Канчаткова прававы статус шляхты аформіўся ў Статуце 1588 г., на тэкст якога мы і будзем далей спасылацца.

Шляхецкія вольнасці замацоўвалі культ павагі свабод кожнай асобы шляхецкага стану. Гэтыя свабоды можна ўмоўна падзяліць на:

1. асабістыя (роўнасць усіх шляхцічаў перад законам і судом, недатыкальнасць асобы шляхціча, рэлігійная свабода, права свабоднага выезду за мяжу);

2. палітычныя (права займаць дзяржаўныя пасады – «урады», судзіцца адмысловымі шляхецкімі судамі, мець гербы і званні, удзельнічаць у павятовых сойміках і працы сойму праз сваіх прадстаўнікоў, у тым ліку і ў выбарах манарха, права пратэсту і ўзброенага супраціву тыраніі ў выглядзе рокашаў і канфедэрацый);

3. эканамічныя (права валодаць і распараджацца зямлёй, здзяйсняць ўгоды і іншыя юрыдычна значныя акты) [1, с. 70-72].

Пакаленнем правоў прынята лічыць класіфікацыю правоў чалавека адпаведна з этапамі іх станаўлення. Напрыканцы 1970-х гг. чэшскім юрыстам Карэлам Васакам, першым генеральным сакратаром Міжнароднага інстытута правоў чалавека ў Страсбургу была сфармуляваная канцэпцыя трох пакаленняў правоў чалавека [8, с. 29]. У сваёй тэорыі Васак атаесамляе правы з трыма фундаментальнымі

каштоўнасцямі Вялікай французскай рэвалюцыі: «Liberté, Égalité, Fraternité» (Свабода, роўнасць, братэрства).

Да першага пакалення («Liberté», што адпавядае нашаму разгляду «вольнасцей») адносяцца грамадзянскія і палітычныя свабоды, замацаваныя ў многіх нацыянальна-прававых дакументах канца XVIII ст. [3]. Найбольш лаканічнае адлюстраванне спецыфікі гэтага пакалення правоў чалавека можна назіраць у прэамбуле Дэкларацыі незалежнасці ЗША: «Мы зыходзім з той відавочнай праўды, што ўсе людзі створаны роўнымі, надзелены Тварцом пэўным неад'емным правам, да ліку якіх адносяцца жыццё, свабода, імкненне да шчасця» [4, с. 24] і другім артыкуле французскай Дэкларацыі правоў чалавека і грамадзяніна: «Мэта ўсякага палітычнага саюза – забеспячэнне натуральных і неад'емных правоў чалавека. Гэта свабода, уласнасць, бяспека і супраціўленне прыгнёту» [3].

Такім чынам, да першага пакалення правоў адносіцца абавязак дзяржавы ўтрымлівацца ад замахаў на індывідуальнасць і ствараць умовы для паўнаважнага ўдзелу грамадзян у палітычным жыцці.

Як вядома, прававым інстытутам заўсёды папярэднічаюць пэўныя грамадска-палітычныя і навуковыя ідэі, досвед ранейшай законатворчасці. Першае пакаленне правоў чалавека было натхнёнае шэрагам выбітных навукоўцаў XVII-XVIII стагоддзяў – Т. Гобсам, Ж. Ж. Русо, Дж. Локам і інш. [5, с. 87].

У гэтым артыкуле мы не спрабуем даказаць, што першае пакаленне правоў была натхнёнае старабеларускай заканатворчасцю: потым не значыць у выніку. Мы толькі даводзім, што сучасная ідэя правоў чалавека мае глыбокія карані ў беларускай юрыдычнай культуры і адным з найважнейшых праяваў гэтага ёсць г. зв. «шляхецкія вольнасці». Далей паспрабуем параўнаць тэкст двух нарматыўных дакументаў свайго часу: Трэцяга Статуту ВКЛ 1588 г. і французскай Дэкларацыі правоў чалавека і грамадзяніна 1789 г.

Зварот да ўсіх саслоўяў Вялікага Княства Літоўскага Льва Сапегі: «... прыстойнаму чалавеку няма нічога даражэйшага за свабоду... Аднак ужо мала б і на тым было, каб чалавек ад няволі ад пабочнага непрыяцеля быў свабодны, калі б дамашняга непрыяцеля над сабой павінен быў цягнуць». Гэтае выказванне дзіўным чынам карэлюе з ужо прыведзеным 2-ім артыкулам Дэкларацыі. Азначаныя ў звароце «свабода, добрая слава, маёмасць і здароўе» [7, с. 16].

Дадзенае Львом Сапегам негатыўнае азначэнне свабоды як забяспечанай законам абароненасці ад шкоды з боку іншага чалавека цалкам адпавядае духу 3-га артыкулу Дэкларацыі: «Свабода – гэта

магчымасць рабіць усё, што не наносіць шкоды іншаму... Межы гэтыя могуць быць акрэсленыя толькі законам» [7, с. 16].

Артыкул 7 Дэкларацыі ўтрымлівае наступную норму: «Ніхто не можа быць абвінавачаны, затрыманы або зняволены інакш як у выпадках, прадугледжаных законам і ў вызначаных ім формах» [3]. Аналагічнае палажэнне знаходзім у артыкуле 10-ым III раздзелу Статута: «кожны шляхціц аселя, паводле права не прыцягнуты і не абвінавачаны па суду, ад нас, гаспадара, і ад ніякага ўрада не павінен быць затрыманы і ў турму пасаджаны, акрамя прычын, у іншых артыкулах гэтага статута ўказаных» [7, с. 46]. Артыкул 10 Дэкларацыі сцвярджае, што «Ніхто не мусіць цяпець прыгнёт праз свае погляды, нават рэлігійныя» [3]. Звернемся да артыкула 3-га III раздзелу Статута: «А паколькі ў Рэчы Паспалітай існуе розніца немалая ў адносінах да веры хрысціянскай... аб'яжаем... мір паміж сабой захоўваць, а ў сувязі з розніцай веры і адрозненнем у цэрквах крыві не праліваць і не караць адсуджэннем маёмасці, пазбаўленнем гонару, турэмным зняволеннем і выгнаннем, і ніякаму вяршэнству, ані ўраду, да такога ўчынка ніякім чынам не дапамагаць, і наадварот, хто б яе праліваць захацеў, з той прычыны будзем бараніцца...» [7, с. 43].

І гэта не адзінкавыя супадзенні. Артыкул 14 Дэкларацыі замацоўвае права грамадзян на ўдзел у кіраванні дзяржавай і ўсталяванне падаткаў [3]. Артыкулы 2, 6, 12 усё таго ж III раздзелу Статута надаюць шляхце шырокія палітычныя правы, пад якімі разумеецца і ўдзел ва ўсталяванні падаткаў і павіннасцей [7, с. 42-46]. Артыкул 17 Дэкларацыі кажа пра святасць і недатыкальнасць прыватнай уласнасці [3]. Артыкул 41 III раздзелу Статута дае шляхцічам права «маёнткамі... вечна распараджацца паводле патрэбы, волі і вырашэння свайго» [7, с. 56].

Калі звярнуцца да артыкула 3-га французскай Дэкларацыі, можна ўбачыць такое палажэнне: «Крыніцай суверэннай улады ёсць нацыя. Ніякія ўстановы, ніводзін індывід не могуць мець улады, якая не зыходзіць відавочна ад нацыі» [3]. «Палітычнай нацыяй» Рэчы Паспалітай, яе грамадзянамі – «абывацелямі» фактычна з'яўлялася шляхта, а працэс легітымацыі ўлады адбываўся на соймах і соймаках, падчас выбараў караля і суддзяў адмысловых земскіх, падкаморскіх судоў і Трыбунала [2, с. 152].

Такім чынам, саслоўе шляхты іграла вызначальную ролю ў грамадска-палітычным жыцці Вялікага Княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай. Правы і прывілеі арыстакратыі на працягу існавання гэтых дзяржаўных утварэнняў няспынна пашыраліся, фактычна фарміруючы «палітычную нацыю» на аснове ідэй шляхецкай дэмакратыі. Шматлікія падабенствы ў тэкстах французскай Дэкларацыі правоў чалавека і грамадзяніна 1789 г. і Статута Вялікага Княства Літоўскага 1588 г.

сведчаць пра даўнія карані канцэпцыі правоў чалавека на беларускіх землях.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Доўнар, Т.І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : вучэб. дапам. / Т.І. Доўнар. – Мінск : ДІКСТ БДУ, 2011 – 552 с.
2. Юхо, Я. А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : Вучэбн. дапам. – У 2 ч. / Я. А. Юхо. – Ч. 1. – Мінск : РІВШ БДУ, 2000. – 352 с.
3. Декларация прав человека и гражданина, 26 августа 1789 г. Тихоокеанский государственный университет [Электронный ресурс] – Режим доступа : https://pnu.edu.ru/ru/faculties_old/full_time/isptic/iogip/study/studentsbooks/histsources2/igpzio35/ Дата доступа : 10.10.2024
4. Жидков О.А. Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство. Под ред. О.А.Жидкова. Перевод О.А.Жидкова. М. : Прогресс, Универс, 1993.
5. Права человека : учебное пособие / С.А. Балащенко, И.В. Вегера, М. Гибни и др.; научн. ред.: С.А. Балащенко, Е.А. Дейкало. – Минск : Юнипак, 2015. – 200 с.
6. Станкевіч, В.С. Права шляхты ў кантэксце пашырэння ідэалогіі сарматызму ў Вялікім Княстве Літоўскім. 80-я навуковая канферэнцыя студэнтаў і аспірантаў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта : матэрыялы конф., Мінск, 10–20 сакавіка 2023 г. В 3 ч. Ч. 2 / Беларус. гос. ун-т ; редкол.: А. В. Блохін (гл. ред.) [і др.]. – Мінск : БГУ, 2023. – С. 620-622.
7. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 / Пер. На бел. мову А.С. Шагун. – Мн.: Беларусь, 2002. – 207 с.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИЗМЕНЕНИЯ, ЗАМЕНЫ, ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ И ОТМЕНЫ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР СУДЕБНЫМ ИСПОЛНИТЕЛЕМ

В.П. Скобелев

Заместитель декана по учебной работе и образовательным инновациям,
кандидат юридических наук, доцент,
Белорусский государственный университет, юридический факультет,
г. Минск, Республика Беларусь

Разглядаюцца недахопы ў рэгуляванні пытанняў змены, замены, прыпынення і адмены забеспячальных мер судовым выканаўцам. Зроблены прапановы замацаваць магчымасць змянення забеспячальных мер, прадугледзець неабходнасць удзелу бакоў у разглядзе пытанняў,

звязаных з заменай, прыпыненнем або адменай забеспячальных мер, урэгуляваць, якім чынам павінны афармляцца адмоўныя вынікі вырашэння гэтых пытанняў.

Рассмотрены недостатки в регулировании вопросов изменения, замены, приостановления и отмены обеспечительных мер судебным исполнителем. Сделаны предложения закрепить возможность изменения обеспечительных мер, предусмотреть необходимость участия сторон в рассмотрении вопросов, связанных с заменой, приостановлением или отменой обеспечительных мер, урегулировать, каким образом должны оформляться отрицательные результаты разрешения данных вопросов.

The article examines the shortcomings in the regulation of issues of changing, replacing, suspending and canceling interim measures by a bailiff. Proposals are made to secure the possibility of changing interim measures, to provide for the need for the parties to participate in considering issues related to the replacement, suspension or cancellation of interim measures, to regulate how negative results of resolving these issues should be formalized.

Ключевые слова: исполнительное производство; обеспечительные меры; судебный исполнитель; изменение, замена, приостановление и отмена обеспечительных мер.

Ключавыя словы: выканаўчая вытворчасць; забеспячальныя меры; судовы выканаўца; змена, замена, прыпыненне і адмена забеспячальных мер.

Keywords: enforcement proceedings; interim measures; bailiff; changing, replacing, suspending and canceling interim measures.

Меры по обеспечению исполнения исполнительного документа являются одной из разновидностей правовых ограничений, применяемых в исполнительном производстве. Правовое регулирование вопросов изменения, замены, приостановления и отмены обеспечительных мер судебным исполнителем в Законе Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. №439-З «Об исполнительном производстве» (далее – Закон об ИП) и в Инструкции по исполнительному производству, утвержденной постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 7 апреля 2017 г. №67 (далее – Инструкция по ИП), имеет ряд недостатков, которые недостаточно исследованы в литературе [1–8] и на которые хотелось бы обратить внимание.

Позволяя судебному исполнителю заменять, приостанавливать и отменять обеспечительные меры, ст. 61 Закона об ИП ничего не говорит о том, могут ли данные меры судебным исполнителем быть изменены. Хотя потребность в таком изменении вполне очевидна. Так, в отношении обеспечительных мер, предусмотренных абз.2, 3 ч.4 ст. 60 Закона об ИП

(арест имущества должника, в том числе денежных средств), изменение может заключаться в увеличении или уменьшении размера (объема) арестованного имущества, замене одних арестованных вещей на другие; в отношении обеспечительной меры, указанной абз.5 ч.4 ст. 60 Закона об ИП (запрещение должнику определенных действий), – в изменении вида запрещаемых должнику действий; в отношении обеспечительной меры, регламентированной абз.6 ч.4 ст. 60 Закона об ИП (установление запрета на пользование имуществом или пределов такого пользования), – в изменении запрещаемых должнику способов или пределов использования имущества и т.д. Характерно, что аналогичные по своей правовой природе ограничительные меры – меры по обеспечению иска – действующее законодательство разрешает изменять (согласно ч.1 ст. 257 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) обеспечение иска может быть изменено судом). Безо всяких сомнений подобная возможность должна быть санкционирована законодательством и для мер по обеспечению исполнения исполнительного документа.

Согласно ч.5 ст. 61 Закона об ИП меры по обеспечению исполнения исполнительного документа «могут быть заменены другими мерами, приостановлены, отменены судебным исполнителем в порядке, установленном настоящим Законом и иными актами законодательства». На наш взгляд, под установленным Законом об ИП и иными актами законодательства порядком здесь подразумевается порядок рассмотрения и разрешения судебным исполнителем вопросов о замене обеспечительных мер, их приостановлении или отмене, а не порядок фактической реализации вынесенного судебным исполнителем постановления по данным вопросам, потому что порядку реализации данного постановления судебного исполнителя посвящен совсем другой структурный элемент ст. 61 Закона об ИП – ее седьмая часть, которая гласит, что постановление «направляется сторонам исполнительного производства, а также иным лицам, на которых возложена обязанность исполнения соответствующих мер по обеспечению исполнения исполнительного документа».

В пользу сделанного нами вывода свидетельствует и содержание второго предложения ч.3 п.51 Инструкции по ИП, где говорится, что «замена, приостановление или отмена меры по обеспечению исполнения исполнительного документа производятся посредством вынесения постановления о замене меры по обеспечению исполнения исполнительного документа, постановления о приостановлении принятой меры по обеспечению исполнения исполнительного документа

или постановления об отмене принятой меры по обеспечению исполнения исполнительного документа».

Но тогда придется признать, что слова «и иными актами законодательства» в ч.5 ст. 61 Закона об ИП являются излишними, поскольку иные акты законодательства не устанавливают порядок рассмотрения и разрешения судебным исполнителем вопросов о замене обеспечительных мер, их приостановлении или отмене. Так, Инструкция по ИП (см. ч.3 п.51) фактически лишь дублирует (в несколько иной текстуальной редакции) положения ч.6 ст. 61 Закона об ИП. Более того, первое предложение ч.3 п.51 Инструкции по ИП прямо гласит, что «общие правила принятия, замены, приостановления или отмены мер по обеспечению исполнения исполнительного документа установлены статьей 61 Закона Республики Беларусь "Об исполнительном производстве"». По сути, единственное отличие в содержательном плане ч.3 п.51 Инструкции по ИП от ч.6 ст. 61 Закона об ИП заключается в том, что в ч.3 п.51 Инструкции присутствует прямое указание на подачу стороной исполнительного производства ходатайства о замене, приостановлении или отмене обеспечительной меры в орган принудительного исполнения, на исполнении в котором находится исполнительный документ. Однако подобное указание не является безусловно необходимым, поскольку вывод о том, что стороне следует подавать ходатайство именно в этот орган принудительного исполнения, и так вытекает из общего смысла ч.6 ст. 61 Закона об ИП (ведь никакой иной орган принудительного исполнения соответствующее ходатайство разрешить не сможет).

Думается, что в ч.5 ст. 61 Закона об ИП вполне можно отказаться и от слов «в порядке, установленном настоящим Законом». Ведь данные слова ориентируют на то, что рассмотрение и разрешение судебным исполнителем вопроса о замене, приостановлении или отмене обеспечительных мер осуществляется в каком-то специальном порядке, урегулированном за рамками ст. 61 Закона об ИП. Однако такого специального порядка фактически нет. Так, в Законе об ИП имеется общая ст. 15 «Рассмотрение заявлений, ходатайств участников исполнительного производства». Но она, как видно из ее наименования и содержания, имеет отношение только к случаям рассмотрения ходатайств участников исполнительного производства (причем ходатайств по абсолютно любым вопросам), в то время как вопрос о замене, приостановлении и отмене обеспечительных мер может быть рассмотрен и по собственной инициативе судебного исполнителя. Кроме того, ч.1 ст. 15 Закона об ИП имеет бланкетный характер, поскольку гласит, что ходатайства участников исполнительного производства

рассматриваются судебным исполнителем «в порядке, установленном настоящим Законом». Тем самым здесь имеет место явление, которое было обозначено нами как феномен обратной отсылки [9, с. 20]: ч.5 ст. 61 Закона об ИП фактически отсылает нас к ч.1 ст. 15 Закона об ИП, а ч.1 ст. 15 Закона об ИП – обратно к ч.5 ст. 61 Закона об ИП, создавая тем самым полную неопределенность в регулировании вопроса.

В действительности, однако, порядок рассмотрения и разрешения судебным исполнителем вопроса о замене, приостановлении или отмене обеспечительных мер урегулирован в пределах самой ст. 61 Закона об ИП – данному порядку посвящена совсем небольшая по объему шестая часть данной статьи: «Замена одной меры по обеспечению исполнения исполнительного документа другой мерой, приостановление или отмена принятых мер по обеспечению исполнения исполнительного документа производятся судебным исполнителем по ходатайству стороны исполнительного производства или по собственной инициативе. Соответствующее ходатайство рассматривается не позднее трех дней со дня его поступления».

Стоит сказать, что закрепленный ч.6 ст. 61 Закона об ИП порядок рассмотрения и разрешения судебным исполнителем вопроса о замене, приостановлении или отмене обеспечительных мер не отличается своим совершенством. Прежде всего несовершенство заключается в том, что ч.6 ст. 61 Закона об ИП не предполагает участия в рассмотрении названного вопроса сторон исполнительного производства (прямо об этом в ч.6 ст. 61 Закона об ИП не сказано, в отличие от ч.3 ст. 61 Закона об ИП, посвященной порядку рассмотрения вопроса о принятии обеспечительных мер, однако вытекает из правила о том, что «соответствующее ходатайство рассматривается не позднее трех дней со дня его поступления» – столько короткий срок не позволяет обеспечить участие сторон в рассмотрении вопроса).

Между тем участие сторон в рассмотрении упомянутого вопроса было бы крайне необходимо. Во-первых, потому, что результаты разрешения данного вопроса самым непосредственным образом затрагивают интересы обеих сторон исполнительного производства – и взыскателя, и должника. Причем вероятность нарушения данных интересов повышается ввиду того, что замена, приостановление и отмена обеспечительных мер могут производиться по собственной инициативе судебного исполнителя. Во-вторых, Закон об ИП не закрепляет оснований для замены, приостановления и отмены обеспечительных мер, оставляя разрешение этого вопроса фактически на полное усмотрение судебного исполнителя. При таких обстоятельствах участие сторон в обсуждении данного вопроса было бы важной гарантией

предотвращения ошибок со стороны судебного исполнителя. В-третьих, абз.5 ч.1 ст. 18 Закона об ИП гарантирует сторонам исполнительного производства право «приводить свои доводы по всем вопросам, возникающим в процессе исполнения исполнительного документа». Очевидно, что в число таких вопросов входит и вопрос о замене, приостановлении или отмене обеспечительных мер. В-четвертых, согласно ч.2 ст. 257 ГПК вопрос об изменении или отмене обеспечения иска, о замене одной меры обеспечения иска другой подлежит рассмотрению судом с извещением юридически заинтересованных в исходе дела лиц. Между тем вопрос о замене, приостановлении или отмене мер по обеспечению исполнения исполнительного документа является не менее важным, чем вопрос, которому посвящена ч.2 ст. 257 ГПК.

Еще один недостаток процедуры рассмотрения вопроса о замене, приостановлении и отмене обеспечительных мер связан с тем, что она не регламентирует, каким образом должны оформляться отрицательные результаты разрешения данного вопроса, когда он рассматривался по ходатайству одной из сторон исполнительного производства. Дело в том, что согласно ч.4 ст. 15 Закона об ИП по результатам рассмотрения ходатайства судебный исполнитель выносит постановление только «в случаях, предусмотренных настоящим Законом». Между тем в ст. 61 Закона об ИП (см. ч.7) можно найти упоминание только про «постановление судебного исполнителя о замене одной меры по обеспечению исполнения исполнительного документа другой мерой, о приостановлении или отмене принятых мер по обеспечению исполнения исполнительного документа», о противоположном по содержанию постановлении судебного исполнителя данная статья ничего не говорит.

Получается, что отказ в удовлетворении ходатайства о замене, приостановлении или отмене обеспечительной меры никак оформляться не должен. В пользу такого вывода говорит и то, что Инструкция по ИП в свое время (до того, как все приложения к ней Постановлением №92 были исключены) устанавливала лишь формы постановлений о замене меры по обеспечению исполнения исполнительного документа (приложение 23), о приостановлении принятой меры по обеспечению исполнения исполнительного документа (приложение 24) и об отмене принятой меры по обеспечению исполнения исполнительного документа (приложение 25). Формы постановления об отказе в замене, приостановлении или отмене обеспечительной меры Инструкция по ИП не устанавливала, в ней можно было найти только форму постановления об отказе в принятии меры по обеспечению исполнения исполнительного документа (приложение 22).

Однако с подобным регулированием сложно согласиться. Ведь возникает вопрос, каким образом сторона, заявившая ходатайство о замене, приостановлении или отмене обеспечительной меры, будет поставлена в известность об отрицательном разрешении поставленного ею вопроса. Кроме того, отсутствие соответствующего постановления судебного исполнителя значительно затруднит для стороны, заявившей ходатайство о замене, приостановлении или отмене обеспечительной меры, обжалование действий судебного исполнителя в виде отклонения данного ходатайства, потому что, во-первых, факт отклонения ходатайства, не оформленный в виде постановления, гораздо сложнее будет доказать, во-вторых, неизвестность мотивов отклонения ходатайства (которые должны были бы быть приведены в постановлении судебного исполнителя) создаст для стороны сложности в обосновании причин, по которым действия судебного исполнителя следует признать неправомерными. Отмеченное регулирование тем более удивительно, что применительно к случаям отказа судебного исполнителя в удовлетворении ходатайства о принятии обеспечительных мер в ч.4 ст. 61 Закона об ИП предусмотрено, что такой отказ оформляется постановлением, которое не позднее дня, следующего за днем его вынесения, направляется взыскателю.

Библиографические ссылки

1. Авласович, Р.А. Исполнительное производство до и после 15.07.2021 [Электронный ресурс] [по состоянию на 26.05.2021] / Р.А. Авласович // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2024.
2. Бородулин, А.А. Меры по обеспечению исполнения исполнительного документа: новеллы законодательства и особенности правоприменения / А.А. Бородулин // Судебный вестник Плюс: экономическое правосудие. – 2017. – №8. – С. 41–50.
3. Жданов, В. Исполнительное производство: грядут масштабные изменения / В. Жданов // Юридический мир. – 2021. – №5. – С. 15–29.
4. Исполнительное производство: проблемы правового регулирования: монография / Т.С. Таранова [и др.]; Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь; редкол.: Т.С. Таранова, Д.В. Гапоненко. – Минск: Колорград, 2022. – 349 с.
5. Лещишина, Е.С. Эффективность принимаемых мер по обеспечению исполнительных документов / Е.С. Лещишина // Юстиция Беларуси. – 2024. – №7. – С. 64-68.
6. Проблемы правового регулирования и совершенствование законодательства в сфере исполнительного производства: монография /

Т.С. Таранова [и др.]; Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь; редкол.: Т.С. Таранова, Д.В. Гапоненко. – Минск: Колорград, 2023. – 354 с.

7. Таранова, Т.С. Исполнительные действия, меры по обеспечению исполнения исполнительного документа и меры принудительного исполнения: к вопросу о правовой регламентации понятий / Т.С. Таранова // Проблемы гражданского права и процесса: сб. науч. ст. / ГрГУ им. Янки Купалы; редкол.: И.Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. – Вып.7 – Гродно: ГрГУ, 2022. – С. 322-331.

8. Унукович, Е.А. К вопросу применения обеспечительных мер в гражданском и хозяйственном судопроизводстве / Е.А. Унукович // Правовое регулирование осуществления и защиты прав физических и юридических лиц: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию профессора В.Ф. Чигира (Минск, 4-5 ноября 2014г.) / редкол.: И.Н. Колядко (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Право и экономика, 2014. – С. 476–478.

Скобелев, В.П. Еще раз к вопросу об источниках регулирования цивилистического процесса / В.П. Скобелев // Юстиция Беларуси. – 2019. – №7. – С. 16-22.

РАЗДЕЛЕНИЕ И КОНЦЕНТРАЦИЯ ВЛАСТИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

И.Г. Скороход

Доцент кафедры теории и истории права,
кандидат юридических наук, доцент,
Белорусский государственный экономический университет,
юридический факультет,
г. Минск, Республика Беларусь

У артыкуле праводзіцца аналіз тэорыі і практыкі арганізацыі дзяржаўнай улады ў савецкі перыяд з пункту гледжання канцэпцыі падзелу ўлад. Адзначаецца, што ў названы перыяд дзяржаўная ўлада ажыццяўлялася на аснове падзелу функцый дзяржаўных органаў. Робіцца выснова пра непазбежнасць дамінавання партыйна-адміністрацыйнай улады.

В статье проводится анализ теории и практики организации государственной власти в советский период с точки зрения концепции разделения властей. Отмечается, что в указанный период государственная власть осуществлялась на основе разделения функций государственных органов. Делается вывод о неизбежности доминирования партийно-административной власти.

The article analyzes the theory and practice of organizing state power in the Soviet period from the point of view of the concept of separation of powers. It is noted that during this period, state power was exercised on the basis of the division of functions of state bodies. It is concluded that the dominance of party-administrative power is inevitable.

Ключевые слова: разделение властей; концентрация власти; демократический централизм; советы депутатов; Конституция БССР.

Ключавыя словы: падзел уладаў; канцэнтрацыя ўлады; дэмакратычны цэнтралізм; саветы дэпутатаў; Канстытуцыя БССР.

Keywords: separation of powers; concentration of power; democratic centralism; soviets of deputies; Constitution of the BSSR.

Для того, чтобы белорусское общество стало более демократичным, а государственная власть работала на благо народа, нужно в соответствии с Конституцией Республики Беларусь создать систему управления, которая будет основана на принципе разделения государственной власти.

В этом контексте исторический опыт организации власти в СССР представляет собой наглядный пример для анализа ошибок прошлого и разумного применения положений современной Конституции Республики Беларусь.

Как отмечается в литературе «Определяющей чертой советской политической системы является абсолютная монополия власти правящей партии и практически полное уничтожение разделения между государством и гражданским обществом» [1, С. 14]. В Конституции СССР 1977 г. и Конституции БССР 1978 г. в ст. 3 было определено, что «Арганізацыя і дзейнасць Савецкай дзяржавы будуюцца ў адпаведнасці з прынцыпам дэмакратычнага цэнтралізму які спалучае адзінае кіраўніцтва з ініцыятывай і творчай актыўнасцю на месцах, з адказнасцю кожнага дзяржаўнага органа і службовай асобы за даручаную справу [2, С. 199]. Однако в действительности идея демократического централизма заключается в выстраивании и подчинении всех государственных структур по принципу иерархии. Поэтому в тот период в иерархическую систему были включены местные органы власти, которые были подотчётны вышестоящим органам исполнительной власти.

В основе советской модели организации государственной власти лежали идеи К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. После революции 1917 г. В. И. Ленин говорил, что нужно, чтобы законы и их выполнение были связаны. Он надеялся на специальные комиссии в Советах. В них должно было быть много депутатов., что позволило бы каждому депутату каждый день участвовать в управлении страной.

Марксисты рассматривали государство как «работающую корпорацию», которая одновременно и издаёт законы, и их исполняет. Соответственно разделение государственной власти, которое уже тогда было распространено в Европе, было чуждо марксистам. Они полагали, что необходимо лишь строго разграничить функции государственных органов. Такой упрощённый подход к сложным вопросам организации государственной власти, был основан на простом и очевидном принципе разделения труда. На самом деле, это не привело ни к чему хорошему в управлении страной в советское время.

Теоретики советской науки считали, что разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную приведёт к снижению роли парламента и фактическому господству исполнительной власти. Законодатели не смогут контролировать исполнительную власть, потому что она будет действовать самостоятельно, а судьба законов будет зависеть от исполнительной власти. Считалось, что при разделении государственной власти народ отдалится от реальной власти., т.к. депутаты после избрания будут не зависимы от своих избирателей, а исполнительная власть тем более будет предоставлена сама себе. На их взгляд, выход из этой ситуации – в полномочии выборных коллегиальных представительных органов власти.

Идея о том, что представительные органы власти (Советы) являются воплощением народного суверенитета, была основополагающей.

Важной новацией для советского государства стал «связанный» депутатский мандат – установление постоянной связи между избирателями и депутатами. Эта связь выражалась не только в выборности депутатов Советов, но и в их подотчётности перед своими избирателями. Важным проявлением этой подотчётности была возможность досрочного отзыва депутата, который не оправдал доверия своих избирателей.

В соответствии с советскими конституциями, вся власть в государстве принадлежала народу. Соответственно не было и разделения властей, а формально было полномочие Советов. Поэтому государственная власть осуществлялась через Советы народных депутатов, которые составляли политическую основу государства. Все остальные государственные органы, формально, были подотчётны и подконтрольны Советам, и в своём большинстве формировались Советами.

«Саветы народных дэпутатаў – Вярхоўны Савет Беларускай ССР, абласныя, раённыя, гарадскія, раённыя ў гарадах, пасялковыя і сельскія Саветы народных дэпутатаў – складаюць адзіную сістэму органаў дзяржаўнай улады» – так звучала ст. 78 Конституции БССР 1978 г.

Однако сами Советы были существенно ограничены в своей власти. Коммунистическая партия, которая считалась «руководящей и направляющей силой советского общества», проводила своих представителей в Советы через безальтернативные выборы. При этом партийные организации не только вмешивались в деятельность Советов, но и руководили ими. Реальной властью на местах обладали секретари райкомов, обкомов и крайкомов коммунистической партии. На самом высшем уровне государственная власть была сосредоточена у партийной номенклатуры – членов Политбюро ЦК КПСС (КПБ).

Что касается судебной власти, то она практически все советское время действовала под контролем исполнительной власти, начиная от Наркомата юстиции заканчивая районными исполкомами и райкомами партии. При этом судебные функции также выполняло множество различных неконституционных органов, создаваемых при НКВД, МГБ, ВЧК, воинских частях и т.д. И только в Конституции БССР 1978 г. получил закрепление принцип осуществления правосудия судами (ст. 150). Но реальной самостоятельности и независимости судам это не придало. В ч. 4 ст. 15 Конституции БССР 1978 г. было сказано, что судьи и народные заседатели: 1) несут ответственность перед избирателями или органами, которые их выбрали; 2) судьи обязаны предоставлять им отчет о своей деятельности; 3) судьи и народные заседатели могут быть отозваны гражданами и органами, которые их выбрали. Как видно, о независимости судей и их подчинении закону говорить здесь не приходится.

Фактически законодательную власть в советский период осуществляли Центральный Исполнительный Комитет Белоруссии (ст. 23 Конституции ССРБ 1919 г.), Центральный Исполнительный Комитет БССР (ст. 31–33 Конституции БССР 1927 г.), а в период между сессиями Центрального Исполнительного Комитета БССР высшим законодательным и одновременно распорядительным и контролирующим органом власти являлся избираемый Центральным Исполнительным Комитетом БССР Президиум Центрального Исполнительного Комитета (ст. 34 Конституции БССР 1927 г.).

Как можно видеть из указанных статей конституций, законодательная власть в республике была возложена на исполнительные органы. Лишь в Конституции БССР 1937 г. было юридически закреплено право издания законов за Верховным Советом БССР. Это означало, что законодательная власть принадлежит исключительно Верховному Совету.

Однако и позже, соответственно Конституции БССР 1978 г. исполнительная власть – Правительство (Совет Министров БССР) –

сохранило широкие нормотворческие полномочия. Оно оперативно принимало нормативные акты (постановления и распоряжения), которые по своей сути были законодательными, хотя и не являлись таковыми формально. Это касалось практически всех вопросов, поскольку сфера исключительно законодательного регулирования не была определена ни в Конституции, ни в отраслевом законодательстве. В ст. 118 Конституции БССР 1978 г. так было и сказано, что Совет Министров вправе решать все вопросы государственного управления, отнесенные к ведению Белорусской ССР.

Таким образом, роль законодательной власти в области нормотворчества оставалась незначительной.

В связи с этим подчеркнем, что Президиум Верховного Совета, который был постоянно действующим органом Верховного Совета, издавал нормативные указы в период между сессиями Верховного Совета, а сессии созывались не чаще двух раз в год, а внеочередные – ещё реже и на короткий срок.

Кроме того, отметим, что хотя указы Президиум Верховного Совета приобретали силу закона только после того, как их утверждал Верховный Совет на своей сессии, однако они начинали действовать сразу после их принятия Президиумом. При этом, содержание указов, которые утверждались Верховным Советом, практически никогда не вносилось никаких изменений и дополнений. В системе нормативных актов, принимаемых Верховным Советом, законы об утверждении указов Президиума занимали ведущее место. Эта тенденция сохранялась вплоть до середины 80-х годов XX века.

Таким образом, на примере советского периода развития белорусской государственности можно увидеть, что если в стране отсутствует реальное разделение властей, а местное самоуправление в лице Советов депутатов и их исполнительных и распорядительных органов является частью государственной власти, то это неизбежно приводит к доминированию исполнительной власти. При этом её аппарат неизбежно начинает концентрировать в себе всю полноту государственной власти – законодательной, исполнительной и судебной.

Библиографические ссылки

1. Беккер, В. Я. Эволюция системы политической власти в СССР / В. Я. Беккер // Вестн. Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова. – 2017. – № 22. – С. 13–19.
2. Канстытуцыя нашай дзяржавы (1919, 1927, 1937, 1978, 1994) – Мінск : Маст. літ., – 2011. – 294 с.

НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА ПРАВООТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

П.В. Соловьёв

Декан юридического факультета,
кандидат юридических наук,
Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой,
г. Новополоцк, Республика Беларусь

У артыкуле даследуецца пытанне трансфармацыі суб'ектнага складу праваадносін ва ўмовах цыфравізацыі. У якасці патэнцыйных напрамкаў гэтай трансфармацыі разгледжаны такія суб'екты як электронная юрыдычная асоба (камерцыйныя юрыдычныя асобы, палітычныя партыі, грамадскія аб'яднанні), электронны дзяржаўны орган, лічбавая службовая асоба. Галоўным чынам, раскрыты прававыя аспекты пераходу "тыповых" суб'ектаў права з фізічнай у лічбавую абалонку. Прапанавана ў нарматыўна-правовую плоскасць увесці катэгорыю "электронная юрыдычная асоба", прадугледзеўшы магчымасць юрыдычнай асобе поўнаасцю ажыццяўляць унутраную і знешнюю дзейнасць у лічбавым асяроддзі.

В статье исследуется вопрос трансформации субъектного состава правоотношений в условиях цифровизации. В качестве потенциальных направлений этой трансформации рассмотрены такие субъекты как электронное юридическое лицо (коммерческие юридические лица, политические партии, общественные объединения), электронный государственный орган, цифровое должностное лицо. Главным образом, раскрыты правовые аспекты перехода «типичных» субъектов права из физической в цифровую оболочку. Предложено в нормативно-правовую плоскость ввести категорию «электронное юридическое лицо», предусмотрев возможность юридическому лицу полностью осуществлять внутреннюю и внешнюю деятельность в цифровой среде.

The article shows the problem of transformation of subjects of legal relations in the context of digitalization from the constitutional position. Such subjects as an electronic legal entity (commercial legal entities, political parties, public associations), an electronic government agency, and a digital official are considered as potential areas of such transformation. The article mainly reveals the legal aspects of the transition of "typical" subjects of law from a physical to a digital shell. It is proposed to introduce the category of "electronic legal entity" into the legal area, providing for the possibility of a legal entity to fully carry out internal and external activities in the digital environment.

Ключавыя словы: лічбавая трансфармацыя права; суб'екты прававых адносін; электронны асобы; электронныя юрыдычныя асобы; электронны дзяржаўны орган; лічбавая службовая асоба.

Ключевые слова: цифровизация права; субъекты правовых отношений; электронные лица; электронные юридические лица; электронный государственный орган; цифровое должностное лицо.

Keywords: digitalization of law, subjects of legal relations, electronic persons, electronic legal entities, electronic state body, digital official.

Цифровизация как изменяет привычные общественные отношения (цифровизация экономики, политики, образования и других сфер общественной жизни), так и является катализатором совершенно новых, ранее не существовавших типов связей между членами общества (использование систем искусственного интеллекта, взаимодействие в социальных сетях и метавселенных, создание цифровых двойников объектов и субъектов реального мира и др.). В этой связи в юридической науке активно ведутся исследования проблем о возможном изменении субъектного состава правовых отношений.

Основная часть таких изысканий сконцентрирована на вопросе о потенциальной возможности признания правосубъектности за системами искусственного интеллекта. В этой связи в юридической доктрине активно ведется разработка категории «электронное лицо» [1; 2], под которой понимается юридическая конструкция, предполагающая предоставление определенной правосубъектности системам искусственного интеллекта.

Эта категория уже находит свое воплощение в нормативно-правовой плоскости. Так, Европейским парламентом 16 июля 2017 г. принята резолюция «Гражданско-правовые нормы о робототехнике», в которой предлагается в будущем роботов высокой степени автономности признавать электронными лицами (англ. *electronic person*). В свою очередь, Закон об искусственном интеллекте (Регламент Европейского союза об искусственном интеллекте), принятый Европейским парламентом 13 марта 2024 года и одобренный Советом Европейского союза 21 мая 2024 года, не содержит нормы, предоставляющие какую-либо правосубъектность системам искусственного интеллекта независимо от степени их автономности. Акт, в большей части, направлен на обеспечение безопасности и прозрачности использования искусственного интеллекта, а также соблюдения прав человека в различных сценариях его использования государством и бизнесом. Тема о возможных моделях юридической ответственности за вред причиненный системами искусственного интеллекта является не менее

популярной чем проблема его правосубъектности. Здесь, как правило, исследуются вопросы объективной ответственности, управления рисками, введения системы страхования и др. [3].

В целом, следует констатировать, что в юридической доктрине и нормативно-правовой плоскости отдельных государств и межгосударственных образований отсутствует единая позиция относительно правового статуса систем искусственного интеллекта, в том числе и в оболочке роботов высокой степени автономности.

Как представляется, сегодня перед формированием правовой позиции в отношении новых субъектов правовых отношений, следует закончить правовое оформление цифровой трансформации «типичных» субъектов права. Одним из таких примеров является правовая категория электронного юридического лица, которая созвучна категории «электронное лицо», однако предполагает лишь некоторую цифровую трансформацию такого типичного субъекта правоотношений как «юридическое лицо» и не имеет прямой связи с вопросом правосубъектности систем искусственного интеллекта.

В соответствии с Гражданским кодексом Республики Беларусь от 7 декабря 1998 №218-З (ст.44), юридическим лицом признается организация, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество, несет самостоятельную ответственность по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, исполнять обязанности, быть истцом и ответчиком в суде, прошедшая в установленном порядке государственную регистрацию в качестве юридического лица либо признанная таковым законодательным актом. Категория «юридическое лицо» с вышеупомянутым «электронным лицом» имеет важное сходство: они являются примером юридической фикции, признаются субъектом правоотношений для того, чтобы само правоотношение могло состояться, несмотря на то, что такой субъект в объективной реальности не существует, не имеет сознания и воли.

В условиях современного цифрового общества юридическое лицо может стать еще большей «фикцией», что связано с процессами перехода внешней деятельности юридического лица из физического пространства в цифровое. Ряд видов экономической деятельности не предполагает наличие производственных помещений или офисов, главным образом, в сфере информационных технологий. Договорные отношения с контрагентами оформляются посредством электронного документооборота (институт смарт-контрактов и вовсе минимизирует человеческое участие в договорной работе). В свою очередь, трудовые

отношения с работниками строятся в плоскости дистанционного труда, т.е. когда работник выполняет работу вне места нахождения нанимателя с использованием для выполнения этой работы и осуществления взаимодействия с нанимателем информационно-коммуникационных технологий.

Говорить можно не только о переходе юридического лица из физической оболочки в цифровую с позиций внешней деятельности, но и внутренней организации. Рассмотрим ряд таких основных аспектов:

- учредительные документы электронного юридического лица могут представлять собой электронные документы, доступные для ознакомления и работы с ними на цифровой платформе;

- уставной фонд (для коммерческих юридических лиц) может состоять из цифровых активов: конвертируемые виртуальные валюты, криптовалюты, невзаимозаменяемые токены (NFT), имущество в метавселенных и т.п.;

- органы юридического лица могут представлять из себя цифровую платформу принятия решений и осуществления контроля за деятельностью организации; как в настоящее время предпринимаются попытки проведения судебных заседаний с использованием технологии виртуальной реальности, так и коллегиальные органы юридического лица (собрание, совет, правление и т.д.) могут осуществлять свою работу, например, в метавселенной;

- место нахождение юридического лица из физического адреса может быть трансформировано в цифровое место нахождение: доменное имя, e-mail, никнейм в социальных сетях и др. При этом такие формы коммуникации могли бы считаться надлежащим способом взаимодействия с этим юридическим лицом при направлении обращений физических и юридических лиц (контрагентов, работников), официальным способом взаимодействия с государственными органами при осуществлении контрольно-надзорных функций.

Таким образом, на современном этапе развития цифрового общества категория «юридическое лицо» может быть дополнено такой своей разновидностью как электронное юридическое лицо, которое предполагает переход юридического лица из физической оболочки в цифровую, т.е. внутреннее и внешнее функционирование таких юридических лиц будет осуществляться в цифровой среде. В первую очередь, это касается коммерческих юридических лиц, но в определенной степени применимо и к некоммерческим юридическим лицам, политическим партиям, общественным объединениям, а также государственным органам. Ведь последние формально имеют статус

юридического лица, и фактически – в некоторых моментах схожую внутреннюю и внешнюю деятельность.

Политические партии и общественные объединения соответственно могут трансформировать в электронные политические партии и электронные общественные объединения. Например, определение электронной политической партии можно формулировать следующим образом: общественное объединение людей в цифровом пространстве, которые преследуют политические цели, в том числе посредством участия в выборах, при этом выявление и выражение политической воли граждан осуществляется различными цифровыми инструментами. В первую очередь, само объединение граждан с общими политическими интересами и идеалами, взаимодействие членов партии происходит в цифровой среде (интернет-сообщества, сообщества в социальных сетях и т.п.). Такая политическая партия как и электронное юридическое лицо не нуждается в физической оболочке (проведение офлайн учредительных съездов, наличие физического юридического адреса и т.д.) как этого требует действующее законодательство о политических партиях.

Главным образом, деятельность электронной политической партии: разработка и продвижение политических программ; работа с общественным мнением; проведение собраний членов партии, участие в управлении государственными и общественными делами и др. также предполагает переход в цифровой формат. Так, разработка политических программ, обращений и заявлений к общественности может осуществляться на основе краудсорсинговых технологий, которые предполагают решение каких-либо задач силами достаточно широкого круга заинтересованных лиц, деятельность которых координируется на цифровой платформе. Здесь различные инструменты интернет-общения (голосование за или против проекта текста в целом, его отдельные положения, размещение замечаний к проекту, формулирование к проекту предложений, которые также могут быть оценены другими пользователями и т.п.) позволяют сформировать согласованный с большинством заинтересованных лиц политический документ.

Разумеется, здесь также, как и в случае с электронными юридическими лицами, возникает проблема обеспечения конституционных интересов личности, общества, государства в условиях осуществления партией деятельности в цифровой среде, которая не в полной мере доступна государству для осуществления контроля.

Продолжая линию цифровой трансформации юридических лиц, обращает на себя внимание и вопрос возможного появления электронных государственных органов. Как представляется, возможен переход отдельных государственных органов полностью в цифровую среду, т.е.

государственный орган из физической оболочки (административное здание, почтовый адрес, номера стационарных телефонов, график личного приема и т.д.) будет перенесен в цифровую среду (цифровая платформа взаимодействия государственного органа с гражданами и юридическими лицами, должностных лиц между собой и с другими государственными органами, доменное имя, e-mail, аккаунты в социальных сетях, в т.ч. для обращений граждан и юридических лиц т.д.). В данном случае мы говорим лишь об изменении внутренней организации государственного органа и формы взаимодействия с иными участниками правоотношений, но с точки зрения кадрового устройства – изменений нет: электронный государственный орган состоит из государственных служащих – физических лиц, которые занимают государственные должности и осуществляют посредством цифровых инструментов государственно-властные полномочия.

В то же время, в рамках цифровой трансформации государственных органов речь может идти и о создании цифрового должностного лица, под которым мы понимаем уже не физическое лицо, а систему искусственного интеллекта, осуществляющую государственно-властные полномочия. Например, рассмотрение обращений граждан, осуществление административных процедур и т.п. На наш взгляд, это даже не требует пересмотра парадигмы о субъектах права, так как можно вести речь не о признании искусственного интеллекта субъектом права, а только лишь о признании его инструментом осуществления государственных функций. Правоотношения также будут возникать между государством и гражданами (или юридическими лицами).

Переход к электронным государственным органам и цифровым должностным лицам будет способствовать экономии средств на содержание государственного аппарата, способствовать прозрачности деятельности, минимизации коррупционных проявлений.

Однако в условиях цифровой трансформации государственного аппарата «утилитарное рассмотрение государства на уровне института обслуживания потребностей населения» [4, с.59] неверно. Физическое воплощение отдельных государственных органов: административное здание, материальные атрибуты власти, физический контакт с должностным лицом – выступают важным элементом государственности и позволяет государствам выполнять особую функцию в обществе. Следует признать, что «роль государства нельзя свести исключительно к сервисной деятельности. Существует целый ряд ситуаций, в которых «оцифровка» взаимоотношений человека, общества и государства является недопустимой и разрушающей само понимание государства как

особого общественного института, укорененного в истории и культурной традиции» [5, с.17].

Если деятельность государства представить в таких плоскостях как правотворчество, правоприменение и отправление правосудия, то появление электронных государственных органов и цифровых должностных лиц допустимо в отдельных сферах правоприменительной деятельности органов исполнительной власти, главным образом, в части осуществления административных процедур (разумеется, с сохранением права физического лица на рассмотрение его обращения человеком, а не системой искусственного интеллекта, для исключения формального подхода при разрешении нетипичных жизненных ситуаций и обеспечения справедливого правоприменительного решения).

Библиографические ссылки

1. Морхат, П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд : монография / П.М. Морхат. – Москва : Буки Веди, 2017. – 257 с.
2. Морхат, П. М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо / П. М. Морхат // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2018. – № 2. – С. 61–73.
3. Павлов, В. И. Правосубъектность роботов как электронных лиц и возможные модели их юридической ответственности / В. И. Павлов // Право.by. – 2023. – № 6 (86). – С. 74–84.
4. Ипатов, В. Д. О приоритетных направлениях научно-правовых исследований в условиях цифровизации общества и государства / В. Д. Ипатов, Ю. С. Климович // Право.by. – 2023. – № 6 (86). – С. 54–61.
5. Александров, В. Б. Идея цифрового государства перед лицом русской культурной традиции понимания смысла государственной власти / В. Б. Александров // Управленческое консультирование. – 2020. – № 2. – С. 16–21.

ПРИНЦИП ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Т.С. Таранова

Заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин,
доктор юридических наук, профессор,
Белорусский государственный экономический университет,
факультет права, г. Минск, Республика Беларусь

Артыкул прысвечаны прынцыпу пракурорскага нагляду ў грамадзянскім судаводстве. У артыкуле раскрыты змест дадзенага прынцыпу. Па выніках даследавання зроблена выснова, што нягледзячы на тое, што прынцып пракурорскага нагляду ў грамадзянскім судаводстве заканадаўча не замацаваны ў новым Кодэксе грамадзянскага судаводства Рэспублікі Беларусь сярод іншых прынцыпаў грамадзянскага судаводства, ён з'яўляецца фактычна існуючым прынцыпам грамадзянскага судаводства

Статья посвящена принципу прокурорского надзора в гражданском судопроизводстве. В статье раскрыто содержание данного принципа. По результатам исследования сделан вывод, что, несмотря на то, что принцип прокурорского надзора в гражданском судопроизводстве законодательно не закреплён в новом Кодексе гражданского судопроизводства Республики Беларусь среди других принципов гражданского судопроизводства, он является фактически существующим принципом гражданского судопроизводства

The article is devoted to the principle of prosecutorial supervision in civil procedure. The article reveals the content of this principle. According to the results of the study, it was concluded that despite the fact that the principle of prosecutorial supervision in civil procedure is not legally enshrined in the new Code of Civil Procedure of the Republic of Belarus among other principles of civil procedure, it is actually the existing principle of civil procedure.

Ключавыя словы: прынцып пракурорскага нагляду, грамадзянскае судаводства.

Ключевые слова: принцип прокурорского надзора, гражданское судопроизводство.

Keywords: the principle of prosecutorial supervision, civil procedure.

Принципы гражданского процессуального права – основные положения данной отрасли права, отражающие ее специфику и содержание. Под принципами гражданского процессуального права следует понимать нормативно закреплённые общие начала, отражающие

суть процессуальных норм и институтов, особенности гражданского процессуального права как отрасли права.

Гражданское процессуальное право имеет предметом своего регулирования гражданское судопроизводство [1, с. 24]. Гражданское судопроизводство – деятельность суда по рассмотрению и разрешению гражданских дел в соответствии с нормами гражданского процессуального права и возникающие в связи с данной деятельностью гражданские процессуальные правоотношения.

В юридической литературе также используются термины «гражданский процесс» и «гражданское судопроизводство». Зачастую они употребляются как слова-синонимы. По мнению одних авторов, гражданский процесс – это гражданское судопроизводство [2; 3]. Есть и другое мнение о соотношении гражданского процесса и гражданского судопроизводства, согласно которому гражданское судопроизводство – это составная часть гражданского процесса, который помимо гражданского судопроизводства включает в себя исполнительное производство, третейское производство и нотариат. Гражданское судопроизводство и гражданский процесс соотносятся как частное и общее [4, с. 9]. И.В. Решетникова отмечает, что предмет гражданского процессуального права ограничен судопроизводством по гражданским делам в судах общей юрисдикции [5].

В действующем Гражданском процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – ГПК) ст. 23 кодекса, посвященная прокурорскому надзору в гражданском судопроизводстве, размещена в главе 2 «Принципы гражданского судопроизводства».

В теории гражданского процессуального права принцип прокурорского надзора в гражданском судопроизводстве авторами объединяется с принципом судебного надзора в единый самостоятельный принцип, именуемый принципом судебного и прокурорского надзора за законностью и обоснованностью судебных постановлений в гражданском процессе. Указывается, что данный принцип выступает в качестве гарантии реализации принципа законности и права на судебную защиту [6, с. 81; 7, с. 53]. Характеризуя конституционный принцип судебного и прокурорского надзора за законностью и обоснованностью судебных постановлений В.Г. Тихиня указывает, что согласно данному принципу, вышестоящие суды и органы прокуратуры в установленном законом порядке осуществляют надзор за законностью и обоснованностью судебных постановлений по гражданским делам, а также за соблюдением законодательства при их исполнении [8, с. 38; 9, с. 35].

Принцип прокурорского надзора в гражданском судопроизводстве в белорусской юридической литературе выделяется также в качестве самостоятельного принципа гражданского судопроизводства, реализация которого связана с осуществлением прокурором предоставленных ему полномочий на устранение нарушений закона [1, с. 79-80].

В российской юридической литературе высказывается мнение о соотношении принципов гражданского процессуального права с процессуальным статусом прокурора (но не о принципе прокурорского надзора в гражданском судопроизводстве). Согласно данной позиции, прокурор, а также некоторые другие субъекты (третьи лица, органы государственной власти и органы местного самоуправления) не в полном объеме реализуют принципы гражданского процессуального права (как стороны). Данные лица в силу своего статуса являются субъектами, которые частично реализуют принципы гражданского процессуального права [10, с. 41-46].

Подход о выделении в белорусском гражданском процессе принципа прокурорского надзора в гражданском судопроизводстве может объясняться особенностями национального законодательства.

Принцип прокурорского надзора в гражданском судопроизводстве основывается на положении ст. 125 Конституции Республики Беларусь. Согласно части второй, указанной ст. 125 Конституции прокуратура осуществляет надзор за соответствием закону судебных постановлений по гражданским делам.

Отметим, что в Конституциях многих других государств (в том числе Российской Федерации, Азербайджана, Армении, Казахстана, Киргизии, Молдовы, Таджикистана, Узбекистана, других государств) таких положений не содержится.

Положения Конституции Республики Беларусь об осуществлении прокуратурой надзора за соответствием закону судебных постановлений по гражданским делам развиваются в белорусском отраслевом законодательстве (т.е. гражданском процессуальном законодательстве).

В Законе Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь» (далее – Закон о прокуратуре) о надзоре за соответствием закону судебных постановлений по гражданским делам указано немного. Из содержания ст. 32 данного закона следует, что предметом надзора за соответствием закону судебных постановлений по гражданским делам являются постановления судов (судей) по гражданским делам, а также за соблюдением законодательства при их исполнении являются соответствие закону решений, определений и постановлений судов (судей) по гражданским делам.

Применительно к новому Кодексу гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее – КГС), процессуальные правила которого применяются также при рассмотрении и разрешении дел, связанных с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, предмет надзора прокуратуры за соответствием закону судебных постановлений по гражданским делам охватит надзор за судебными постановлениями по данным категориям дел.

Принцип прокурорского надзора в гражданском судопроизводстве, указанный в ГПК, раскрывается содержанием данного принципа, которое включает следующие элементы:

- субъектом, наделенным государством правом и обязанностью осуществлять надзор за законностью и обоснованностью судебных постановлений по гражданским делам, является Генеральный прокурор и подчиненные ему прокуроры;

- предметом прокурорского надзора в сфере гражданского судопроизводства является соответствие закону судебных постановлений по гражданским делам, в том числе, судебных постановлений, которые принимаются судом в производстве, связанном с исполнением судебных постановлений, иных решений и актов;

- наделение прокурора правом и одновременно наложение на него обязанности на всех стадиях гражданского судопроизводства своевременно принимать предусмотренные законом меры к устранению любых нарушений закона, от кого бы эти нарушения ни исходили;

- в гражданском процессуальном законодательстве указаны средства реагирования прокурора на выявленные нарушения законности и обоснованности судебных постановлений по гражданским делам в целях их устранения (частный, апелляционный протесты прокурора; протест прокурора в порядке надзора, представление прокурора о пересмотре постановлений суда по вновь открывшимся обстоятельствам);

- участие прокурора в делах, рассматриваемых судом по правилам гражданского судопроизводства, обусловлено целью обеспечения законности и обоснованности судебных постановлений;

- обязанность прокурора осуществлять полномочия в гражданском судопроизводстве независимо от каких бы то ни было органов и должностных лиц, руководствуясь только законодательными актами и подчиняясь указаниям Генерального прокурора.

Анализ содержания нового Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь, который вступает в силу с 1 января 2026 г., указывает на то, что в КГС в отличие от действующего ГПК принцип прокурорского надзора не указан среди других принципов гражданского судопроизводства.

Обновление гражданского процессуального законодательства не должно означать, что принцип прокурорского надзора перестает являться принципом гражданского судопроизводства. В нормативном содержании гражданских процессуальных норм и институтов конституционные положения о полномочиях прокуратуры на осуществление надзора за исполнением законов за соответствием закону судебных постановлений по гражданским делам должны находить дальнейшее развитие.

Это обусловлено также тем, что исходя из содержания ст. 70 КГС, права и порядок деятельности прокурора в гражданском судопроизводстве определяются данным кодексом и иными законодательными актами.

В КГС не содержится положения о том, что прокурор на всех стадиях гражданского судопроизводства должен своевременно принимать предусмотренные законом меры к устранению любых нарушений закона, от кого бы эти нарушения ни исходили. О таком полномочии прокурора указано в ч. 2 ст. 23 ГПК. С учетом этого и содержания ст. 33 Закона о прокуратуре, указывающей, что при осуществлении надзора за соответствием закону судебных постановлений прокурор имеет полномочия, которые предусмотрены процессуальным законодательством, возникает вопрос о существовании обязанности прокурора на принятие на всех стадиях гражданского судопроизводства мер к устранению нарушений закона (или освобождению от исполнения такой обязанности с 1 января 2026 г. т.е. после вступления в силу Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь?).

Следует отметить, что обязанность прокурора на всех стадиях гражданского судопроизводства своевременно принимать предусмотренные законом меры к устранению любых нарушений закона не означает надзор за судом. Такой надзор должен осуществляться за соответствием закону судебных постановлений по гражданским делам, которые выносятся судом на всех стадиях гражданского судопроизводства, независимо от участия прокурора в рассмотрении гражданского дела в суде. Данное полномочие вытекает из содержания ч. 2 ст. 125 Конституции Республики Беларусь.

Также, как и в соответствии с действующим ГПК, участие прокурора в гражданском судопроизводстве по правилам КГС может осуществляться в двух формах: во-первых, в форме обращения прокурора в суд с заявлением о возбуждении производства по делу и, во-вторых, в форме вступления прокурора в начатый процесс.

Таким образом, сформировавшиеся и применяющиеся десятилетиями формы участия прокурора в гражданском

судопроизводстве закрепляются и в новом гражданском процессуальном законодательстве, хотя содержание указанных форм претерпело ряд изменений.

Первая из указанных форм участия прокурора в гражданском процессе следует из содержания ч. 1-3 ст. 71 КГС, где предусмотрено, что прокурор, вправе обратиться в суд с заявлением о возбуждении гражданского дела, подведомственного суду, если это необходимо для защиты государственных и общественных интересов (в том числе прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц), а также прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов юридических лиц государственной формы собственности либо юридических лиц, имеющих в уставном фонде долю государственной собственности.

Заявление в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина может быть подано прокурором в случае, если гражданин по состоянию здоровья, возрасту, в силу недееспособности или по другим уважительным причинам не может самостоятельно обратиться в суд. По письменному заявлению гражданина прокурор также вправе обратиться в суд в защиту его нарушенных или оспариваемых прав и свобод либо защиту законных интересов в сфере охраны материнства, отцовства и детства, социального и пенсионного обеспечения.

Вторая форма участия прокурора в гражданском процессе находит свое закрепление в ч. 5 ст. 71 КГС, в которой указано, что прокурор вправе вступить в начатый процесс в целях защиты государственных и общественных интересов (в том числе прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц), а также прав, свобод и законных интересов граждан.

Каждая из указанных форм связана с осуществлением прокурором надзора за законностью судебных постановлений, которые принимаются судом на разных стадиях гражданского судопроизводства.

Несмотря на то, что принцип прокурорского надзора в гражданском судопроизводстве законодательно не закреплен в новом Кодексе гражданского судопроизводства Республики Беларусь среди других принципов гражданского судопроизводства, он является фактически существующим принципом гражданского судопроизводства. Стоит согласиться с мнением о том, что значение принципа для отрасли не связано напрямую с его способом закрепления (текстуальный или смысловой) [11, с. 4-8].

Вместе с тем следует указать, что принцип прокурорского надзора в гражданском судопроизводстве, который может рассматриваться с позиций конституционной и отраслевой принадлежности, заслуживает

своего текстуального закрепления в Кодексе гражданского судопроизводства Республики Беларусь в силу значимости данного принципа для обеспечения закона и дальнейшего развития гражданских процессуальных правоотношений.

Библиографические ссылки

1. Таранова, Т.С. Гражданский процесс. Общая часть: учеб. пособие / Т.С. Таранова. – Минск: БГЭУ, 2011. – 384 с.

2. Потапенко, С.В. Понятие гражданского процесса и гражданского процессуального права / С.В. Потапенко // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pro-sud-123.ru/science/studentu/tezisy-lektsii-po-distipline-grazhdanskoe-protsessualnoe-pravo-ponyatie> – Дата доступа: 15.09.2024.

3. Треушников, М.К. Судебная защита гражданских прав гл. 1 § 1 / Треушников М.К. // Гражданский процесс: Учебник (5-е издание, переработанное и дополненное (под ред. М.К. Треушникова). Статут, 2014. // Справ.-правовая система КонсультантПлюс: Россия. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. М., 2024.

4. Демичев, А.А. Позитивистская классификация принципов гражданского процессуального права Российской Федерации / А.А. Демичев // Арбитражный и гражданский процесс. № 7. 2005. – с. 9.

5. Решетникова, И.В. Гражданский процесс: учеб. для студентов высших юрид. учеб. заведений. 10-е изд., перераб. и доп. разд. 1. гл. 1 / И.В. Решетникова (отв. ред. В.В. Ярков). Статут, 2017 // Справ.-правовая система КонсультантПлюс: Россия. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. – М., 2024.

6. Гражданский процесс: общ. часть: учебник / Т.А. Белова [и др.]; под общ. ред. Т.А. Беловой, И.Н. Колядко, Н.Г. Юркевича. – Минск: Амалфея, 2000. – 576 с.

7. Гражданский процесс: Общая часть: учебник / Т.А. Белова [и др.]; под общ. ред. Т.А. Беловой, И.Н. Колядко. – Минск: Амалфея, 2020. – 379 с.

8. Тихиня, В. Г. Гражданский процесс / В. Г. Тихиня: Учебник: В 2 т. / – Минск, УП Минская печатная фабрика Госзнака, 2002. – Т. 1. – 304 с.

9. Тихиня, В. Г. Гражданский процесс / В. Г. Тихиня. Учебник. – Минск: Право и экономика, 2004. – 546 с.

10. Клабуков И.С. Соотношение принципов гражданского процессуального права и процессуального статуса прокурора, органов государственной власти, органов местного самоуправления / И.С.

Клабуков // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. – № 6. – С. 41-46.

11. Рехтина И.В. Принципы гражданского процессуального права: сохранить основы / И.В. Рехтина // Арбитражный и гражданский процесс. 2024. – № 2. – с. 4-8.

ПАМЯТИ КРАВЧЕНКО НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА КАК ОСНОВОПОЛОЖНИКА ИЗУЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ТРУДОВОГО ПРАВА

К.Л. Томашевский

Заместитель декана юридического факультета по научной работе,
профессор кафедры гражданского и предпринимательского права
Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП),
доктор юридических наук, профессор,
г. Казань, Российская Федерация

У гэтым артыкуле аналізуецца жыццёвы шлях вядомага вучонага-юрыста, спецыяліста ў галіне міжнароднага права, аднаго з першапраходцаў і заснавальнікаў міжнароднага працоўнага права М.М. Краўчанка. Аўтар артыкула абавіраецца як на вынікі даследаванняў расійскіх і беларускіх даследчыкаў, якія цікавіліся жыццём і навуковай спадчынай дадзенага вучонага, так і на архіўныя дадзеныя, сабраныя ў Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь. Артыкул адкрывае раней малавядомыя факты прафесійнага шляху М.М. Краўчанка і паказвае яго першыняў ў даследаванні міжнароднага працоўнага права ў рускамоўнай літаратуры.

В настоящей статье анализируется жизненный путь известного ученого-юриста, специалиста в области международного права, одного из первопроходцев и основоположников международного трудового права Н.Н. Кравченко. Автор статьи опирается как на результаты исследований российских и белорусских исследователей, интересовавшихся жизнью и научным наследием данного ученого, так и на архивные данные, собранные в Национальном архиве Республики Беларусь. Статья открывает ранее малоизвестные факты профессионального пути Н.Н. Кравченко и показывает его первенство в исследовании международного трудового права в русскоязычной литературе.

This article analyzes the life path of the famous legal scholar, specialist in the field of international law, one of the pioneers and founders of international labor law N.N. Kravchenko. The author of the article relies both

on the results of research by Russian and Belarusian researchers who were interested in the life and scientific heritage of this scientist, and on archival data collected in the National Archives of the Republic of Belarus. The article reveals previously little-known facts about the professional path of N.N. Kravchenko and shows his primacy in the study of international labor law in Russian-language literature.

Кравченко Николай Николаевич (1880–1955) представлял собой яркий образец ученого и преподавателя, прошедшего школу многих университетов на современных территориях Беларуси, России. Как замечает В.И. Кривой, он являлся «исконно восточнославянским представителем, сотрудничая в разные годы с многими высшими учебными заведениями Одессы, Томска, Казани, Саратова, Москвы, Минска, Сталинграда, Иваново, Ярославля» [4, С.272].

В свою очередь А.М. Лушников и М.В. Лушникова полагают, что его этнические корни в полной мере выражают восточнославянское единство, хотя в анкетах он и указывал русскую национальность [5, С.262–270].

Родился Николай Николаевич 30.10.1880 г. в г. Могилеве в дворянской семье, где отец его служил преподавателем. До 10-летнего возраста обучался дома матерью. Среднее образование получил в гимназии родного города (1891–1899 г.), по окончании которой поступил в Новороссийский университет (г. Одесса) на юридический факультет, одновременно проходя и курс исторического отделения историко-филологического факультета (1899–1903 гг.). В университете с особым увлечением и интересом занимался государственными науками. Окончив в 1903 г. Новороссийский университет с дипломом 1 степени и золотой медалью за сочинение «Иностранцы в России», был оставлен по кафедре международного права для приготовления к профессорскому званию. В 1906–1907 г. выдержал установленные магистерские испытания и, после прочтения в том же году двух пробных лекций, избирается приват-доцентом. С 1907–1908 учебного года начал преподавательскую деятельность в Новороссийском университете по курсу «История политических учений нового времени».

Затем с осени 1908 г. провел около трех лет в научных командировках, завершая свою научную подготовку, занимаясь ознакомлением с общей постановкой преподавания за границей юридико-политических наук и работал также над диссертацией.

К началу 1912–1913 г. Н.Н. Кравченко занял, согласно избранию, кафедру международного права в Томском университете –

первоначально в качестве приват-доцента (фактически был единственным представителем этой кафедры), а после успешной защиты магистерской диссертации 28.04.1913 г. – ординарного профессора (с 20.08.1913 г.). Читал в Томском университете лекции по курсу международного права, а с 1916 г. – курс лекций по государственному праву.

Тема его магистерской диссертации была: «Идея международно-правовой регламентации фабричного труда в ее историческом развитии до Берлинской конференции 1890 г.» (Томск, 1913). 28 апреля 1913 г. диссертация была успешно защищена в Императорском Томском университете. В том же году данная научная работа была опубликована в форме монографии [1]. По существу, это была первая русскоязычная монография по международному рабочему (трудовому) праву.

Н.Н. Кравченко написал ряд научных статей. Его работы касались тем кодификации международного права.

Помимо публикации серии статей по международному гуманитарному праву, Н.Н. Кравченко продолжал уделять большое внимание в своих научных исследованиях также и истории формирования международного трудового права [2; 3].

Осенью 1917 г. (по другим данным в 1916 г.), избранный на кафедру международного права Казанского университета, Н.Н. Кравченко переехал в г. Казань и с сентября начал читать курс международного права. С 25.09.1918 г. до середины февраля 1919 г. занимал должность декана юридического факультета. Затем после преобразования юридического факультета Казанского университета в факультет общественных наук стал деканом этого факультета и занимал эту должность до весны 1921 г., когда вследствие нездоровья, сложил с себя деканские полномочия. Профессором же Казанского университета оставался до последнего, т.е. до последовавшего осенью 1922 г. закрытия в данном Университете факультета общественных наук. Как писали об этом «казанском» периоде его профессиональной карьеры И.А. Емельянова и В.И. Кривой, профессор Н.Н. Кравченко вел большую организаторскую и административную работу, поднимая совершенно новое учреждение в университете. Кроме того, на его долю выпала трудная задача сохранить трудоспособный коллектив юридического факультета, дать новое направление его деятельности, уберечь традиционное университетское правоведение от «распыления» среди прочих учебных предметов, зачастую не имевших никакого отношения к юриспруденции.

Как пишет Р.Ш. Давлетгильдеев, в 1920 г. Н.Н. Кравченко инициировал внедрение в учебный процесс Казанского университета специального курса «Международное социальное право» [9, С.57].

В 1923 г. Н.Н. Кравченко получил от Научно-политической секции ГУС предложение занять кафедру международного права в Саратовском университете и был туда избран. Тогда же состоялось приглашение его и в Минск – в два года ранее учрежденный Белорусский государственный университет на кафедру международного права. Благодаря интенсивности преподавания (в удвоенном количестве часов) подобное совмещение оказывается возможным без ущерба академическому делу и с 1923 г. профессорская работа Н.Н. Кравченко протекает, таким образом, в обоих названных университетах.

С ликвидацией осенью 1925 г. факультета общественных наук в Минске и открытия взамен факультета хозяйства и права первоначально в составе только 1 курса кафедра международного права (приуроченная к 3 курсу) была расформирована и связь Н.Н. Кравченко с БГУ прервалась до 1927 г. Постановлением Народного Комиссариата Образования по представлению Правления БГУ Н.Н. Кравченко был утвержден на должности профессора кафедры международного права БГУ с 01.11.1927 г. сроком на 7 лет. Помимо преподавания международного права он читал и другие дисциплины: общую теорию государства и права, историю политической мысли, государственное право (русское и иностранное), международные экономические отношения и трудовое право [7].

В 1930-х гг. Н.Н. Кравченко вел занятия в Государственном институте кинематографии, с середины 1930-х гг. трудился в Сталинградском педагогическом институте, а с 1938 – в Ивановском педагогическом институте. Как отмечают А.М. и М.В. Лушниковы, найти постоянную работу в Москве для аполитичного ученого было достаточно сложно, и он охотно выезжал для чтения годовых курсов в провинциальные вузы. В сентябре 1940 г. по собственной просьбе переводится в Ярославский педагогический институт, сначала профессором, а с февраля 1941 г. – заведующим кафедрой всеобщей истории. А.М. и М.В. Лушниковы в этой связи пишут: “Ему предоставили комнату в общежитии, а единственным условием известного ученого было наличие в комнате дивана. После Ивановского педагогического института, где из-за сквозняков и сырости в аудиториях он перенес воспаление легких, условия в Ярославле оказались приемлемыми. С началом Великой Отечественной войны учебный процесс осложнился большой группой факторов, а одно время даже стал вопрос об эвакуации пединститута в тыл в связи с угрозой оккупации. К

началу 1942 ситуация стабилизировалась, но в июле 1943 неожиданно принимается решение о переводе Кравченко в Пензенский педагогический институт «на усиление» кадрового состава. Для уже немолодого профессора, имеющего целый «букет» сердечных заболеваний и проживающую в Москве семью, это было сложное решение» [5, С.268].

Последнее известное место работы Н.Н. Кравченко – Всесоюзный юридический заочный институт, где с марта 1949 по октябрь 1950 г. возглавлял кафедру международного права ВЮЗИ (нынешний Университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)), причем стал первым ее заведующим.

Умер ученый 25 января 1955 г. и похоронен на Введенском кладбище г.Москвы.

Факт внимания и бережного отношения к научному наследию и педагогическому опыту проф. Н.Н. Кравченко, которому в 2025 г. исполнилось бы 145 лет, со стороны ряда российских университетов, вклад в их изучение Р.Ш. Давлетгильдеева, В.И. Кривого, А.М. Лушников и М.В. Лушниковой заслуживает всяческого одобрения и весьма ценен для новых поколений ученых в области трудового и международного права.

Список использованной литературы

1. Кравченко, Н.Н. Идея международно-правовой регламентации фабричного труда в ее историческом развитии до Берлинской конференции 1890 г. / Н.Н. Кравченко. – Томск: Б.и., 1913. – 117 с.
2. Кравченко, Н.Н. Гр. Альберт де-Мэн как поборник идеи международно-правовой защиты рабочих / Н.Н. Кравченко // Право. – 1914. – № 43. – С. 2924–2927.
3. Кравченко, Н.Н. Памяти Э. Вальяна как одного из сторонников международного рабочего права / Н.Н. Кравченко // Право. – 1916. – № 2. – С. 121–124.
4. Кривой, В.И. Профессор-доктор Н.Н. Кравченко – первый преподаватель международного и трудового права в Белорусском государственном университете / В.И. Кривой // В. И. КРИВОЙ: ЧЕЛОВЕК И ТРУД / Под общей ред. Я.В. Кривого, Е.А. Ковалёвой. – Минск «Кнігазбор» 2020. –С.264–321.
5. Лушников, А.М. Российская школа трудового права и права социального обеспечения (сравнительно-правовое исследование):

монография в 2 т. Т.1 / А.М. Лушников, М.В. Лушникова. – Ярославль: ЯрГУ, 2010. – 563 с.

6. Лушников А.М., Лушникова М.В. Н.Н. Кравченко: жизнь и творческое наследие // Lex russica. – 2017. – Вып.2. – С.208–216.

7. Национальный архив Республики Беларусь. Фонд 205. Опись 3. Ед. хр. №4115.

8. Кравченко Николай Николаевич // Летопись Московского университета. – Режим доступа: <http://letopis.msu.ru/peoples/1411> (дата обращения: 30.08.2024).

9. Давлетгильдеев, Р.Ш. Международно-правовая защита трудовых прав человека: учебное пособие / Р.Ш. Давлетгильдеев. – М.: РУДН, 2017. – 509 с.

10. Кравченко Н.Н. // Сайт Казанского Федерального (Приволжского) университета. – Режим доступа: <https://kpfu.ru/law/struktura/kafedry/mezhdunarodnogo-i-evropejskogo-prava/istoriya-prepodavaniya-mezhdunarodnogo-prava/nnkravchenko/nnkravchenko-188813.html> (дата обращения: 30.08.2024).

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР

А.Н.Фиронов

Старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права,

кандидат юридических наук,

Белорусский государственный университет, юридический факультет,
г. Минск, Республика Беларусь

У крызіснйя і пераходнйя перыяды, якія перыядычна перажывае любая дзяржава, пытанні пошуку нацыянальнай ідэі і ўласнай ідэнтычнасці набываюць асаблівую значнасць, актуалізуючы даследаванні феномену «прававая культура» з розных пазіцый, у тым ліку і яе пераемнасці ў адносінах да іншых прававых культур і сістэм.

В кризисные и переходные периоды, которые периодически переживает любое государство, вопросы поиска национальной идеи и собственной идентичности приобретают особую значимость, актуализируя исследования феномена «правовая культура» с различных позиций, в том числе и ее преемственности по отношению к другим правовым культурам и системам.

In crisis and transitional periods, which are periodically experiencing any state, the issues of finding a national idea and their own identity are of particular importance, facilitating the study of the phenomenon of legal culture from diverse perspectives, including its continuity in relation to other legal cultures and systems.

Ключавыя словы: правая культура, пераемнасць, механізм пераемнасці прававой культуры, мадэрнізацыя, уніфікацыя.

Ключевые слова: правовая культура, преемственность, механизм преемственности правовой культуры, модернизация, унификация.

Keywords: legal culture, succession, mechanism of succession of legal culture, modernization, unification.

Процесс глобализации, присущий современному миру, ведет к углублению процессов правовой интеграции, что, приводит к необходимости создания и изучения механизма преемственности правовых культур, который был бы отличен от уже созданных и исследованных механизмов внедрения элементов одной правовой культуры в другую (например, механизма применения иностранного законодательства отечественными судами, механизма сближения национальных правовых систем). Изучение механизма преемственности правовых культур позволит упорядочить процессы обмена элементами правовых культур, придать процессу преемственности планомерный и научно обоснованный характер.

Преемственность правовых культур - это процесс взаимодействия правовых культур различных социумов, которые в зависимости от исторических условий и иных факторов используют различные средства, методы и способы воздействия друг на друга, в результате которого изменяются первоначальные правовые культуры и формируется новые правовые системы и культуры [1].

Исследуется преемственность правовых культур как некий контакт различных правовых культур, носители которых в зависимости от исторических условий взаимодействуют друг с другом разнообразными методами и способами, и в результате которого первоначальные правовые культуры изменяются, а возможно и объединяются в общую правовую культуру, общее правовое пространство.

Преемственность правовых культур представляет собой процесс, включающий в себя определенные стадии.

Первая стадия указанного процесса – определение потребности в преемственности правовых культур. На данной стадии в обществе возникают новые или преобразуются старые социальные и экономические отношения, которые требуют иного правового

регулирования в силу того, что имеющаяся правовая система уже не может эффективно регулировать указанные отношения. На данном этапе законодатель страны, в которой требуется изменение существующего правового регулирования, начинает изучать правовые механизмы и элементы, присущие чужой правовой культуре и регулирующие сходные отношения с целью их дальнейшего заимствования и закрепления в национальной правовой среде. Правовые элементы, успешно функционирующие в иной правовой реальности, кажутся более привлекательными с точки зрения их способности регулировать сходные общественные отношения.

Однако иностранное право является неизвестной системой, для заимствования элементов, которой требуется предварительная тщательная работа. Отечественному законодателю необходимо изучить иностранный язык, менталитет, исторические традиции и идеологию социума, элементы правовой системы которого являются предметом заимствования. Необходимо оценить развитие иностранного законодательства, правоприменительную практику норм, которые предполагается заимствовать, оценить эффективность их применения в отечественной правовой системе. Законодателю необходимо оценить потребность общества в заимствовании чужого правового опыта [2, с. 18].

Вторая стадия преимственности правовых культур - непосредственно заимствование. Данная стадия представляет собой перенос правовых норм и элементов из одной правовой системы в другую. Главной задачей отечественного законодателя в данном случае является согласование принципов и норм иностранного права с внутригосударственным. Законодатель должен оценить и проанализировать информацию о том, как развивалось законодательство в обоих социумах, оценить и сравнить иностранный опыт по применению методов, способов и приемов юридической техники с отечественным опытом. Законодателю необходимо выработать рекомендации по внедрению зарубежных правовых норм в национальную правовую культуру, а также сделать прогноз об эффективности их использования. Необходимо заметить, что преимственность будет иметь места даже тогда, когда предметом заимствования являются правовые нормы, которые использовались предшествующим поколением того же социума.

Третья стадия преимственности культур – адаптация заимствованных элементов. От результатов данной стадии будет зависеть эффективность и успешность функционирования заимствованных правовых норм и институтов в национальной правовой среде. Новые правовые элементы должны стать единым целым с

отечественной правовой культуры, так сказать, адаптироваться. Если же заимствования не смогут подстроиться под имеющуюся систему, то это приведет к возникновению разногласий между старыми и новыми элементами правовой культуры и ожидаемый эффект не будет достигнут.

Однако, необходимо отметить, что для адаптации новых элементов необходимо время. Это связано с тем, что любая целостная, сложившаяся система не стремится принять в себя новые чужеродные элементы в первоначальном их виде. При контакте с другой правовой культуры, каждая правовая культура либо изучит, разъяснит для себя иностранные правовые нормы и институты и адаптирует их с учетом национальных особенностей, обычаев и традиций либо не примет их вовсе или даже заменит своими. Внедрение элементов чужой культуры, как правило, вызывает отрицательную реакцию у общества, ведь в результате этого обязательно произойдут перемены, которые ставят под угрозу уже устоявшийся и привычный образ жизни. Без должной подготовительной работы такой процесс протекает, как правило, длительно и болезненно. Ярким примером может послужить эпоха «перестройки», когда изменения в правовой системе осуществлялись без должной подготовки и без периода их адаптации, не были учтены менталитет, обычаи и традиции общества. Ведь мало просто закрепить зарубежные правовые нормы и институты в отечественном законодательстве, необходимо, чтобы для этого в обществе возникли соответствующие предпосылки, сложилась соответствующая атмосфера и правовое мышление. При заимствовании иностранных правовых элементов законодатель должен учесть национальные особенности, обстоятельства конкретной ситуации, тогда заимствование будет эффективным и успешным [3, с. 12].

На стадии адаптации важную роль играет языковой фактор. Правильный и адекватный перевод иностранных правовых терминов определяет верное их понимание и единообразное толкование при внедрении в национальную правовую культуру. Общеизвестным фактом является то, что язык – это отражение характера общества, его культуры и национальных особенностей, традиций и ценностей, в конце концов, менталитета, которые, в свою очередь, влияют на формирование правовой культуры общества. В связи с этим при заимствовании зарубежных правовых элементов важно не просто дословно перевести отрывок текста, механично преобразовав его в текст на другом языке, важно передать суть правовой нормы или института в условиях существующей реальности, учитывая языковую и культурную ментальность обоих социумов. Таким образом, чтобы добиться успеха на данном этапе, законодателю необходимо предварительно изучить

иностранную культуру и скрупулезно отнестись к осуществляемому переводу.

Если же законодатель не учтет языковой фактор, то становление национального законодательства будет происходить за счет простого перевода текстов иностранного законодательства. Так было в 90-х гг. прошлого столетия, когда многие нормативные правовые акты не учитывали традиции нашего правового менталитета, а появлялись на основе простых переводов текстов с английского языка на русский [4, с. 147].

Нельзя не отметить, что на процесс адаптации заимствований также влияют различия в юридической терминологии, присущей тому или иному социуму. Указанные различия возникают опять же в связи с разными обычаями, традициями и историческими условиями, которые формируют культуру обществ. Ярким примером может послужить англосаксонская правовой система, в которой есть такие юридические термины, аналоги которых нельзя найти в иных правовых системах. В силу отсутствия аналогий они фактически становятся непереводаемыми.

Четвертой стадией преемственности правовых культур является восприятие (усвоение) заимствований. На данной стадии происходит официальное закрепление заимствованных норм и институтов в национальном законодательстве страны, в правовую культуру которых внедряются новые элементы. Таким образом, иностранные элементы правовой культуры получают официальное признание и обязательное применение.

Пятая стадия – это определение результата процесса преемственности правовых культур.

Вся описанная выше работа законодателя должна иметь некий положительный результат для общества. Преемственность должна привести к каким-либо положительным общественным эффектам. Это может проявиться в снижении преступности, повышении уровня законопослушности граждан, уровня их уважения к закону, повышения качества законотворческой деятельности. Немаловажно то, что полученный положительный эффект должен иметь устойчивый характер.

В результате правопреемственности, правовая культура, которая претерпевала изменения, либо только частично изменяется, либо полностью уничтожается и на ее смену приходит совершенно новая, формируется новая правовая среда, например, региональное право.

Однако необходимо отметить, какое бы средство ни использовалось в преемственности правовых культур, нерушим должен быть принцип невмешательства во внутренние дела государства, в противном случае не

будет достигнут консенсус, что может привести к отрицательным последствиям процесса.

На процесс преемственности правовых систем оказывает влияние большое количество объективных факторов. К таким факторам можно отнести политические, экономические, социальные и идеологические факторы и т. д. В меньшей степени, но все же оказывают влияние такие факторы, как географический (климат, природные условия), демографический и религиозный факторы.

В первую очередь на процесс преемственности правовых культур влияет экономический фактор. Экономическое развитие социума, появление и внедрение новых экономических институтов способствует заимствованию правовых норм, регулирующих схожие, уже развитые экономические отношения другого социума, так сказать, способствует принятию зарубежного опыта.

Идеологический фактор предполагает осуществление преемственности правовых культур на основе каких-либо политических идей. Правящий класс, преследуя свои собственные идеи, может стать инициатором заимствования того или иного правового элемента из зарубежной правовой системы. Аналогичную идею мы находим у Ю.А. Тихомирова, который констатирует, что «стабильность законов подрывается поразительным стремлением разных ведомств быстро менять уже принятый закон в угоду своим интересам» [5, с. 11].

Религиозный фактор в меньшей степени влияет на процесс преемственности на сегодняшний день. Но можно привести яркий пример из истории: в результате распространения христианства, распространялись и внедрялись в национальные правовые культуры элементы византийского права. То есть социум с принятием новых религиозных убеждений, принимает и новые правовые нормы и институты.

На преемственность правовых культур может оказывать и исторический фактор – исторические условия существования социума, сохранение институтов, которые использовались предшествующими поколениями.

Географический фактор также влияет на преемственность правовых культур. В первую очередь процесс преемственности затрагивает социумы, которые проживают по соседству. Например, государства-члены Европейского союза.

Демографические факторы оказывают влияние на преемственность правовых культур, например, при массовой миграции населения. На сегодняшний день миграционные процессы приводят к тому, что

представители и носители одной правовой культуры вынуждены жить и взаимодействовать с представителями другой правовой культуры.

Таким образом, преемственность правовых культур – это сложный процесс взаимодействия различных правовых культур, в результате которого имеющиеся правовые системы изменяются, развиваются, приобретают некие новые особенности и свойства, могут образовывать новое единое правовое пространство. Единение правовых культур и создание единых правовых систем способствует сближению различных социумов, побуждая их к взаимовыгодному и плодотворному сотрудничеству.

Библиографические ссылки

1. Сокольская Л.В. Взаимодействие правовых культур в историческом процессе. Орехово-Зуево, 2013.
2. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1999.
3. Балута Г. Возможно ли преодоление правового нигилизма // Государственная служба. 2009. N 5.
4. Гроте Г.-Р. де. Язык и право // Журнал российского права. 2002. № 7.
5. Тихомиров Ю.А. Закон: притязания, стабильность, коллизии // Законодательство России в XXI веке. М., 2002.

СПЕЦИФИКА ОБЪЕКТИВИРОВАНИЯ ОТСЫЛОЧНЫХ НОРМ В НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТАХ

А.С. Хованцев

Соискатель кафедры теории государства и права,
Саратовская государственная юридическая академия,
г. Саратов, Российская Федерация

У артыкуле праводзіцца тэарэтычны аналіз асаблівасцяў фіксацыі адсылачых прадпісанняў у нарматыўных прававых актах. Адзначаецца, што адсылачныя правілы могуць фармулявацца ў юрыдычных тэкстах па-рознаму ў залежнасці ад таго, у якой структурнай частцы нарматыўнага прававога акта яны замацаваны.

В статье проводится теоретический анализ особенностей фиксации отсылчных предписаний в нормативных правовых актах. Отмечается, что отсылчные правила могут формулироваться в юридических текстах

по-разному в зависимости от того, в какой структурной части нормативного правового акта они закреплены.

The article provides a theoretical analysis of the features of fixing reference prescriptions in normative legal acts. It is noted that reference rules can be formulated in legal texts in different ways, depending on which structural part of the normative legal act they are fixed in.

Ключавыя словы: адсылчаная норма; адсылчаны спосаб; нарматыўны прававы акт.

Ключевые слова: отсылочная норма; отсылочный способ; нормативный правовой акт.

Keywords: reference norm; reference method; normative legal act.

Несмотря на дискуссионность отнесения отсылочных норм к самостоятельной разновидности юридических положений, считаем возможным типизировать их в качестве автономного правового предписания. Выделение отсылочных норм права исходит из классического понимания способов соотношения нормы права и статьи нормативного акта. В пользу выдвинутого тезиса свидетельствует наличие в действующем законодательстве значительного количества отсылочных норм. Данная лексема активно используется в правоприменительной и правоинтерпретационной практике.

Отсылочные нормы, будучи самостоятельной разновидностью норм права, находят свое внешнее закрепление в различных формах права, и, прежде всего, в нормативных правовых актах (далее – НПА).

Свою непосредственную формализацию в НПА отсылочные положения получают посредством отсылочного способа. При этом не существует единого понимания отсылочного способа. По мнению одних исследователей, при отсылочном способе норма права излагается в нескольких статьях одного и того же нормативного акта [8, с. 461]. Другие, напротив, считают, что «отсылочный способ предполагает конкретизацию содержания соответствующего элемента нормы права путем отсылки к конкретным статьям (пунктам, абзацам и т.п.) того же самого или иного источника права» [3, с. 26].

Разнообразие точек зрения позволяет прийти к выводу о том, что отсылочный способ всегда предполагает указание на конкретную структурную единицу источника права, в котором находится вся необходимая информация. Вместе с тем нахождение конкретизирующего положения в том или ином источнике права позволяет выделить два подхода к пониманию отсылочного способа. В рамках узкого подхода отсылочный способ предполагает указание на конкретную статью (пункт, часть) одного и того же НПА. С позиции широкого подхода

отсылочный способ предполагает конкретизацию содержания соответствующего элемента правовой нормы путем отсылки к конкретным статьям (пунктам, абзацам и т.д.) того же самого или иного источника права [4, с. 154]. На наш взгляд, последняя точка зрения более последовательная, поскольку именно уровень конкретизации положения является основным отличием отсылочного способа от бланкетного изложения. Последний содержит отсылку «к нормативному акту в целом, группе актов или отрасли законодательства без указания конкретных подразделений текста источника права» [4, с. 154]. Однако объединяет оба способа изложения то, что необходимая информация может находиться как в этом же или ином источнике права.

К сожалению, в действующем законодательстве не содержится определения вида и формы НПА, как в общем и отсутствует их четкий перечень. Более того в теории и на практике сложились две точки зрения, согласно которым вид и форма НПА рассматриваются как синонимы, а, с другой, - как разные понятия. Не вдаваясь в дискуссию по данной проблеме, считаем возможным все-таки различать вид и форму НПА. Если вид НПА позволяет сгруппировать однородные акты по субъекту, его принявшему, то форма отражает наименование конкретного документа. В частности, А.Ф. Ноздрачев пишет, что «именно наименование представляет собой специфическую форму, которая призвана отражать особенности содержания юридических актов» [9]. В соответствии с отмеченным можно выделить отсылочные нормы, содержащиеся в различных законах и подзаконных актах на федеральном, региональном, муниципальном и локальных уровнях.

Отсылочные нормы могут формулироваться в текстах НПА по-разному в зависимости от того в какой структурной части они закреплены. Под структурой НПА понимается взаимосвязанное единство всех структурных единиц документа. Как правило, НПА состоит из преамбулы, статей или пунктов (их частей, подпунктов, абзацев), заключительных положений, примечаний и приложений.

Преамбулой признается вводная часть какого-либо акта, изложенная своеобразным юридическим языком, обладающая нормативным характером [7, с. 7], «содержащая указания на те или иные обстоятельства, послужившие поводом к его принятию (изданию)» [2, с. 5], в которой объясняются цели и причины его принятия. Анализ НПА показал, что данный структурный элемент НПА акта не содержит отсылочных норм.

Поскольку статья или пункт выступают наиболее основополагающей системной единицей внутренней структуры НПА, то одним из самых распространенных вариантов формализации

отсылочных норм является их закрепление в статьях (пунктах). Необходимо отметить, что в данных структурных частях находят свое нормативное объективирование многие правовые феномены, например, исключения в праве, бланкетные нормы. Как правило, отсылочные нормы вербализуются в статьях (пунктах) одного и того же НПА. В качестве примера можно назвать ст. 116 Уголовного кодекса РФ, которая устанавливает уголовную ответственность за нанесение побоев или иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в статье 115 указанного кодекса. Встречается мнение, согласно которому пункт выступает вторичной структурной единицей по сравнению со статьей [5, с. 240]. С этим, как думается, нельзя согласиться, поскольку в подавляющем большинстве случаев подзаконные НПА содержат именно пункты как основные структурные единицы текста, а не статьи. Последние чаще всего встречаются в законах.

Если статья (пункт) имеет внутреннее деление на части (подпункты), то в данных структурных элементах также содержатся отсылки к другим частям статьи (подпунктам пунктов) этого же НПА. Примером может служить подп. 20 ч. 5 ст. 8 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ [17], который направляет к предписаниям части 5 статьи 43 названного закона. Подобная фиксация отсылочных норм в структурных частях НПА выступает наиболее оптимальным вариантом включения их в нормативный текст, поскольку облегчает правоприменительно поиск необходимой информации.

Отсылочная норма находит свое внешнее объективирование и в абзаце как структурной части НПА. В частности, п. 1 ст. 23.1 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ [13] содержит отсылочную норму к абзацам 4, 6 и 7 п. 1 ст. 57 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ [15]. Несмотря на то, что в приведенном примере абзацы не пронумерованы цифрами и не обозначены буквенно, тогда как отсылочная норма предполагает отсылку к конкретному положению, данный случай является типичным образцом отсылочной нормы. В то же время некоторые ученые обращают внимание на неудобство пользования абзацами, поскольку пользователю НПА легко ошибиться при их подсчете [5, с. 223].

Отсылочные нормы права могут излагаться в структурной единице нормативного акта однократно или несколько раз. Так, в соответствии с п. 4 ч. 3 ст. 28 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 206-ФЗ [16] федеральный государственных карантинный фитосанитарный контроль (надзор) в пунктах пропуска через Государственную границу РФ осуществляется путем проведения отбора проб и (или) образцов подкаран-

тинной продукции для проведения лабораторных исследований в области карантина растений в целях установления соответствия ее состояния карантинным фитосанитарным требованиям, экспертизы и других мероприятий, исчерпывающий перечень которых дан в ч. 3 ст. 8 данного закона.

В то же время допускается многократное изложение отсылочных норм. Это выражается в том, что отсылочное положение, с одной стороны, само содержит еще одну отсылку к другой норме права. Примером такой отсылочной нормы выступает ст. 15 Федерального закона от 14 апреля 1999 г. № 77-ФЗ [14], устанавливающая случаи применения специальных средств работниками ведомственной охраны. В силу части 2 данной статьи в качестве специальных средств работниками ведомственной охраны могут применяться специальные технические средства противодействия беспилотным аппаратам в случаях, предусмотренных п. 7 ч. 1 указанной статьи. При этом сам п. 7 ч. 1 ст. 15 содержит отсылочное положение к абз. 10 ст. 11 этого же НПА.

С другой стороны, отсылочная норма может содержать несколько отсылочных положений. Так, ч. 5 ст. 107 Уголовно-процессуального кодекса РФ гласит, что при отказе в удовлетворении ходатайства об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде домашнего ареста судья по собственной инициативе при наличии оснований, предусмотренных ст. 97 данного кодекса и с учетом обстоятельств, указанных в ст. 99 этого кодекса, вправе избрать в отношении подозреваемого или обвиняемого меру пресечения в виде запрета определенных действий или залога.

Указанный вариант изложения отсылочных норм примечателен тем, что показывает ценность рассматриваемой разновидности юридических предписаний, позволяющих обеспечивать компактность изложения нормативных положений, исключая включение в правовой текст повторяющейся информации.

Заключительные положения НПА представляют собой такую структурную часть документа, в которой отражаются сведения о вступлении НПА в силу, внесении изменений в действующее законодательство, признании НПА утратившими силу, распространении действия положений НПА на тех или иных субъектов, об обратной силе документа, об ответственности за нарушение норм данного НПА, о порядке рассмотрения споров и т.д. Таким образом, заключительные положения содержат установления, способствующие поддержанию баланса в правовой системе.

В заключительной части НПА находят свое внешнее выражение и отсылочные нормы. К примеру, ч. 2 ст. 5 Федерального закона от 13 июня

2023 г. № 208-ФЗ [18] устанавливает, что члены семей лиц, указанных в ст. 1 настоящего Федерального закона, не имеют права на пенсию по случаю потери кормильца, если погибший (умерший) кормилец, относился к лицам, указанным в ч. 1 настоящей статьи.

НПА может включать в себя примечания к статьям (пунктам). Между тем данный феномен в юридической литературе воспринимается двояко. С одной стороны, примечание рассматривается как особый прием юридической техники, при содействии которого уточняется смысл нормы права либо конкретизируется, дополняется или изменяется основной текст [1, с. 35], а с другой стороны, - как неотъемлемая часть нормативного акта, которая представляет собой «государственно-властное установление, предназначенное для специального текстового или символического подчеркивания, носящее сопроводительный характер» [10, с. 16]. Учитывая сложную юридическую природу примечаний, подчеркнем, что в контексте рассуждений о специфике объективирования отсылочных норм в НПА, необходимо рассматривать примечания как структурный элемент документа, присоединенного к конкретной статье или пункту, предусматривающего обязательную для применения норму права. Как отмечает Д.С. Кондаков примечание в законодательстве – это «своеобразная, носящая «сопроводительный» характер форма конкретизации, дополнения юридических норм, а также изменения сферы, уровня, состояния либо процедуры «базового» правового регулятора» [6, с. 9]. В этой связи субъект правотворчества для дифференциации и индивидуализации юридических предписаний может использовать отсылочные нормы права.

Действительно, конкретизирующие, дополняющие или исключаяющие положения, содержащиеся в примечаниях к статьям или пунктам НПА, в подавляющем большинстве случаев сопровождаются отсылочными нормами. В качестве примера можно привести примечание к статье 110.2 Уголовного кодекса РФ.

Отсылочные нормы могут находить свое закрепление в приложении к НПА. Согласно п. 45 Разъяснения о применении Правил подготовки НПА федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации [11] приложения к НПА являются его неотъемлемой частью, хотя и не выступают его обязательным элементом. Поэтому, если НПА имеет приложения, то в его тексте должны содержаться отсылочные нормы на соответствующее приложение.

Приложение как структурная единица НПА может содержать рисунки, таблицы, схемы, иллюстрирующие юридические положения законов и подзаконных актов. Однако анализ содержания приложений к НПА показал, что в самих приложениях нередко находят свою

формализацию отсылочные нормы. Так, в разделе III Приложения к Федеральному закону от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ [12] в последнем абзаце указывается, что на лиц, принимавших участие в боевых действиях в государствах (на территории), указанных в разделе III, распространяется действие статей 3 и 4 данного Федерального закона. В этой связи можно прийти к выводу о том, что отсылочные нормы могут содержать отсылку к приложению НПА, а также находить свое закрепление в самом приложении в данном документе. Отсылочные нормы в приложении, с одной стороны, конкретизируют применительно к каким жизненным обстоятельствам, субъектам и объектам применяются положения НПА, а, с другой, - позволяют изложить необходимую информацию в компактной форме.

Анализ формализации отсылочных норм в НПА позволяет сделать следующие выводы. Отсылочные нормы находят свое внешнее объективирование во всем массиве действующего законодательства. Фиксация рассматриваемого вида правовых норм может быть в отдельной статье или пункте НПА или его части, подпункте, абзаце. При этом в структурной единице НПА может быть закреплена одна или несколько отсылочных норм.

Библиографические ссылки

1. Анисимов, П.В. Примечание как инструмент юридической техники / П.В. Анисимов // Юрист-Правоведъ. – 2014. – № 5 (66). – С. 35-37.
2. Болдырев, С.Н. Преамбула как прием юридической техники / С.Н. Болдырев // Юрист-Правоведъ. – 2014. – № 5 (66). – С. 5-8.
3. Демин, А.В., Кипарисов, Ф.Г. Бланкетный и отсылочный способы формирования правовых норм: понятие, систематизация, проблема-тика / А.В. Демин, Ф.Г. Кипарисов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 2. – С. 25-32.
4. Демин, А.В. Бланкетное правотворчество в сфере налогов и сборов: общая характеристика, проблемы тенденции / А.В. Демин // Юридическая техника. – 2011. – № 5. – С. 154-159.
5. Кашанина, Т.В. Юридическая техника: учебник / Т.В. Кашанина. – 2-е изд. – М.: Норма, 2011. – 495 с.
6. Кондаков, Д.С. Примечания в российском законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Д.С. Кондаков; Нижегород. акад. МВД России. – Н. Новгород, 2002. – 27 с.

7. Лутова, Л.К. Преамбула нормативного правового акта (проблемы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Л. К. Лутова; Нижегород. акад. МВД России. – Н.Новгород, 2011. – 37 с.

8. Махотин, А.Н. Законотворчество как динамическая форма права / А.Н. Махотин // Юридическая техника. – 2015. – № 9. – С. 458-462.

9. Ноздрачев, А.Ф. Современная правотворческая деятельность федеральных органов исполнительной власти: анализ практики, оценка правовых форм, предложения и рекомендации / А.Ф. Ноздрачев // Законодательство и экономика. 2014. № 10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wiselawyer.ru/poleznoc/72803-sovremennaya-pravotvorcheskaya-deyatelnost-federalnykh-organov-ispolnitelnoj-vlasti> – Дата доступа: 24.09.2024.

10. Примечания в российском праве: монография / В. М. Баранов, А. П. Кузнецов, С. В. Изосимов, Д. С. Кондаков. – Н. Новгород: НА МВД РФ, 2005. – 300 с.

11. Разъяснения о применении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утв. Приказом Министерства юстиции РФ от 23 апреля 2020 г. № 105 // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.pravo.gov.ru, 27 апреля 2020 г. - Дата доступа: 19.09.2024.

12. О ветеранах: федеральный закон от 12 янв. 1995 г. № 5-ФЗ : в ред. от 8 авг. 2024 г. № 291-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 3. – Ст. 168.

13. Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний : федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ : в ред. от 29 мая 2024 г. № 108-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3803.

14. О ведомственной охране : федеральный закон от 14 апр. 1999 г. № 77-ФЗ : в ред. от 22 апр. 2024 г. № 82-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 16. – Ст. 1935.

15. О несостоятельности (банкротстве) : федеральный закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ : в ред. от 8 авг. 2024 г. № 282-ФЗ, № 298-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.

16. О карантине растений : федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 206-ФЗ : в ред. от 25 дек. 2023 г. № 650-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 30 (часть I). – Ст. 4207.

17. О государственной регистрации недвижимости : федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ : в ред. от 8 авг. 2024 г. № 232-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 29 (часть I). – Ст. 4344.

18. Об особенностях пенсионного обеспечения отдельных категорий граждан Российской Федерации : федеральный закон от 13 июня 2023 г. № 208-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 25. – Ст. 4397.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ТРАНСПОРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

О.А. Хотько

Доцент кафедры государственного управления,
кандидат юридических наук, доцент,
Белорусский государственный университет, юридический факультет,
г. Минск, Республика Беларусь

У артыкуле прадстаўлены прававыя падыходы эфектыўнага прававога рэгулявання бяспекі транспартнай дзейнасці з улікам патрэбнасці ў дасягненні мэт устойлівага развіцця пры трансфармацыі транспартных працэсаў у дзяржавах-членах інтэграцыйных аб'яднанняў.

В статье представлены правовые подходы эффективного правового регулирования безопасности транспортной деятельности с учетом потребности в достижении целей устойчивого развития при трансформации транспортных процессов в государствах-членах интеграционных объединений.

The article presents legal approaches to effective legal regulation of the safety of transport activities, taking into account the need to achieve sustainable development goals during the transformation of transport processes in the member states of integration associations.

Ключавыя словы: гарманізацыя заканадаўства, нацыянальная бяспека, транспартная дзейнасць, Саюзная дзяржава, Еўразійскі эканамічны саюз, Кітайская Народная Рэспубліка.

Ключевые слова: гармонизация законодательства, национальная безопасность, транспортная деятельность, Союзное государство, Евразийский экономический союз, Китайская Народная Республика.

Keywords: harmonization of legislation, national security, transport activities, Union State, Eurasian Economic Union, People's Republic of China.

Со стороны представителей юридической науки транспортное право в контексте функционирования Союзного государства и развития права ЕАЭС является предметом повышенного интереса за последние годы. Такое внимание обусловлено в том числе политико-правовыми

посылами в области безопасности дорожного движения и развития системы страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств.

Интеграционное взаимодействие государств повлекло за собой не только установление мер регулирования транспортной деятельности, но и обозначило вызовы, угрозы и риски в данной области, включая транспортную деятельность. На современном этапе, характеризующемся проникающей цифровизацией в отрасль транспортных отношений, трансформацией транспортной системы, необходимость применения различных высокотехнологичных транспортных средств требует соответствующего правового регулирования на национальном и наднациональном уровнях. Данный аспект имеет теоретико-прикладное значение и рассматривается в целях последующего формулирования мер совершенствования транспортной инфраструктуры в рамках сотрудничества Республики Беларусь и Китайской Народной Республики (далее – КНР), ЕАЭС и КНР для реализации совместных проектов и эффективного взаимодействия в условиях равноправия и открытой благоприятной среды. Так, в Концепции правовой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь 28 июня 2023 г. № 196, в п. 42.1 закреплено следующее: «важно, чтобы законодательство позволяло не только оперативно реагировать на любые вызовы и угрозы, но и профилировать, предупреждать возможные риски», в п. 45.4: «урегулировать вопросы беспилотного транспорта» [5]. В связи с этим особая роль принадлежит разработке эффективных актов в рассматриваемой сфере в рамках региональных объединений на современном этапе с учетом сложившихся актуальных вопросов безопасного развития государств с позиции и климатической повестки с тем, чтобы позже не приходилось констатировать факт о декларативности норм при анализе исторических документов, на что обращает в юридической литературе Т.И. Довнар [2, с. 114].

Соответственно, целью данной статьи является выявление особо значимых направлений, нуждающихся в исследовании, и выработка позиции по дальнейшему совершенствованию законодательства в области обеспечения безопасности при осуществлении транспортной деятельности в условиях взаимодействия правовых систем и согласования общих подходов с учетом социально-политических процессов и явлений, потребности упрочения институтов государственной власти, экономического, социального и экологического правопорядка в рамках региональных объединений.

В научной литературе затрагивается вопрос о соотношении транспортной политики и транспортного права, представлены позиции

ученых. Безусловно, заложить фундамент для развития совместной деятельности в области транспортных услуг и общей транспортной стратегии в рамках региональных объединений возможно благодаря научному обоснованию, включая проведение анализа документов стратегического характера, определяющих угрозы безопасности. Кроме того, особое значение принадлежит разработке отдельных положений, ориентирующих на единообразное применение норм и их концептуальную реализацию.

Поддерживая позицию А.В. Шидловского о том, что «научные исследования должны отвечать потребностям национальной юридической науки и совершенствованию правовой политики, правоприменительной практики» [6, с. 54], стоит отметить, что современные доктринальные подходы в Республике Беларусь формируются и с учетом таких необходимых элементов правового государства, как законность, правовая определенность, соблюдение прав человека, равенство всех перед законом. Так, безопасность осуществления транспортной деятельности уже переходит на новый этап с принятием Указа Президента Республики Беларусь от 25 января 2024 г. № 32 «Об автомобильных перевозках пассажиров», что обусловлено в том числе объявлением Главой государства 2024 Года Годом качества. При выработке комплексных правовых позиций в целях своевременной системной правовой регламентации соответствующих отношений для экономического сотрудничества участников межгосударственных образований и обеспечения баланса интересов национальной безопасности и прав человека следует учитывать то, что «в наднациональном законодательстве уровень защиты прав и свобод граждан был не ниже, чем предусмотрено Конституцией» [5, с. 42].

Представляется актуальным говорить как о безопасности каждого человека, так и о национальной безопасности, включающей несколько сфер (политическая, информационная, экологическая, экономическая и иные). Согласно Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5, понимание национальной безопасности определяется через призму устойчивого развития. Обеспечение безопасности на региональном уровне является многоаспектной проблемой, что предполагает усиление роли и гражданского общества в устранении угроз и контроля за сферами деятельности.

Ученый А.В. Егоров, исследуя вопросы союзного нормотворчества, справедливо указывает о том, что в основных документах, направленных на формирование правовой системы Союзного государства Беларуси и России, «не определены подходы по гармонизации национальных

законодательств относительно функционирования общих систем правотворчества и правоприменения» [3, с. 181]. Вместе с тем в последнее время принимается ряд актов, касающихся безопасности, в частности, Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о взаимном признании и исполнении решений по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения от 8 сентября 2022 г. Предусматривается расширение системы страхования, а именно выдача единых полисов в сфере автомобильного страхования в Республике Беларусь и Российской Федерации с 1 октября 2024 г., что позволит свободно перемещаться по территории Союзного государства, в том числе с использованием электронного документа. Обеспечение функционирования объединенной транспортной системы Союзного государства посредством проведения согласованной транспортной политики включает ряд иных мероприятий наряду с расширением цифровизации: реализация инфраструктурных проектов и норм соглашений по перевозкам белорусских экспортных грузов, мероприятий в сфере транспортного контроля (надзора).

Безопасность каждого может поддерживаться на основании устранения угроз при применении правовых, экономических, организационных и иных мер в целях реализации согласованной политики в транспортной сфере. Угроза – это реально существующая опасность нанесения вреда национальным интересам Республики Беларусь согласно Концепции национальной безопасности Республики Беларусь (заметим, что ранее такое понятие обозначалось как потенциальная или реально существующая возможность нанесения ущерба национальным интересам). Что касается национальных интересов, к ним относятся потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии. Отметим, что в Концепции безопасности Союзного государства как принципиально новом документе, направленном на укрепление отношений России и Беларуси, запланированной к принятию в 2025 году, не только учтены положения доктринально-стратегических документов, но и отражены приоритетные направления обеспечения безопасности Союзного государства.

Угрозы, возникающие в области транспортной деятельности, относятся можно классифицировать на внутренние и внешние. Так, к внешним можно отнести угрозы в политической (столкновение геополитических интересов вследствие нарастания противоречий между субъектами мировой политики, кризис региональной безопасности, экономической (установление барьеров и препятствий при осуществлении внешней торговли и перевозок), экологической

(трансграничный перенос загрязняющих веществ и др.) и иных сферах, что связано с функционированием объектов транспортной деятельности. Внутренние угрозы для Союзного государства не представляют настолько серьезных вызовов, как внешние, так как они являются скорее могут быть преодолимы и устранимы достаточными усилиями органов государственного управления России и Беларуси. Такие угрозы должны быть минимизированы путем своевременного реагирования, что определено в качестве задачи обеспечения транспортной безопасности согласно ст. 2 Закона Российской Федерации от 8 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» с изменениями от 26 февраля 2024 года.

Отметим, что в Российской Федерации правовое регулирование представлено более предметно. Так, 25 марта 2020 г. распоряжением Правительства Российской Федерации № 724-р утверждена Концепция обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования. Полагаем, в связи вызовами геополитического характера требуется согласованное обеспечение информационной и транспортной безопасности. Законодательство Республики Беларусь в рассматриваемой сфере не содержит документа стратегического характера, но включает Указ Президента Республики Беларусь № 297 «О государственном учете и эксплуатации гражданских беспилотных летательных аппаратов» от 25 сентября 2023 года и другие акты в его исполнение. Соответственно, вопросы безопасности при эксплуатации беспилотных автомобильных средств и беспилотных летательных аппаратов являются существенными, что позволит выстроить ключевые приоритеты развития Союзного государства.

В тоже время важно говорить о разработке механизма обеспечения безопасности транспортной деятельности в рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) в связи с обеспечением устойчивого развития государств-членов как необходимого условия для развития скоординированной (согласованной) транспортной политики ЕАЭС, взаимовыгодного интеграционного сотрудничества в данной сфере и одной из ключевых задач евразийской интеграции. В связи с этим следует учитывать и обеспечение бесперебойной работы транспортных коридоров, модернизацию транспортной инфраструктуры, сотрудничество в цифровой сфере между государствами-членами ЕАЭС и КНР и предложенную последней инициативу экологизации «Пояса и пути», что в рамках осуществления транспортной деятельности требует создания соответствующих условий развития указанных направлений в рамках межгосударственного формата. Такими условиями можно

назвать формирование совершенной нормативной правовой базы в рамках ЕАЭС по развитию транспортной инфраструктуры с учетом формулирования единообразного понятийного аппарата в силу потребности понимания целевой установки на стратегию развития направлений транспортной инфраструктуры, гармонизацию норм, касающихся платежей за загрязнение окружающей среды, уточнение технического регулирования, создание цифровых платформ по примеру развития цифровизации в области перевозок, а также создание институционально-правового обеспечения в направлении сближения экологической повестки в ЕАЭС с целью принятия актов и контроля за их реализацией, носящих как рекомендательный, так и обязательный характер, что будет отвечать принципу экологичности транспортной политики ЕАЭС, механизмам, отраженным в Концепции по внедрению принципов «зеленой» экономики в ЕАЭС,

В результате проведенного научного анализа в области обеспечения безопасности транспортной деятельности на региональном уровне можно сделать вывод о том, что на современном этапе особое место следует уделять дальнейшей разработке правовых положений о транспортной безопасности в Союзном государстве с учетом концептуальных угроз национальной безопасности. Результатом данной плодотворной работы уже явились акты, принятые в рамках Союзного государства, но требуется их систематизация. Комплексным ответом на существующие угрозы будет являться обновленная Концепция безопасности Союзного государства. Особое значение будет иметь, например, такой акт, как Основы транспортного законодательства о безопасности при использовании объектов транспортной деятельности. Таким образом, обеспечение безопасности при применении транспортных средств – это деятельность по преодолению угроз в связи с осуществлением транспортной деятельности, направленная на предотвращение умышленного нанесения ущерба национальным и региональным интересам. В то же время гармонизация транспортного и экологического законодательства государств-членов ЕАЭС позволит обеспечить основу для развития сотрудничества с КНР с целью увеличения товарооборота, своевременно содействовать экологизации экономических связей с учетом обмена опытом и наилучшими практиками между государствами-членами.

Библиографические ссылки

1. Александр Вольфович: новая концепция безопасности Союзного государства будет направлена на сохранение мира и стабильности. – URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno->

politicheskie-i-v-oblasti-prava/2024/october/79032/ (дата обращения 06.10.2024).

2. Доўнар, Т. І. Народаўладдзе ў Беларусі ў старажытны перыяд / Т. І. Доўнар // Традиции и инновации в праве: материалы междунар.науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию юрид. фак и 50-летию Полоц. гос. ун-та, Новополоцк, 6-7 окт. 2017 г. : в 3 т. / Полоц. гос.ун-т ; Регион. учеб.-науч.-практ. юрид. центр ; редкол.: И.В. Вегера (отв. ред.) [и др.]. – Новополоцк, 2017. – Т. 1. – С. 110–115.

3. Егоров, А.В. Сравнительное правоведение в Республике Беларусь: интеграционно-правовые основания. – Минск : БГЭУ, 2023. – 223 с.

4. Конституция Республики Беларусь : научно-практ. комментарий / под общ. ред. П.П. Миклашевича, О.И. Чуприс, Г.А. Василевича. – Минск : Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – 2024. – 544 с.

5. Концепция правовой политики Республики Беларусь : утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 28 июня 2023 г., № 196 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 07.10.2024).

6. Шидловский, А.В. Подготовка юридических кадров в условиях современных вызовов / А.В. Шидловский // Белорусское правосудие: исторический опыт и современность: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Верхов. Суда Респ. Беларусь, Минск, 15 февр. 2023 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Л.Л. Голубева (гл. ред.), С.А. Калинин, О.Н. Романова. – Минск : БГУ, 2023. – С. 51– 57.

ГЛОБАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СФЕРЫ ТРУДА И МОДЕРНИЗАЦИЯ ТЕОРИИ ТРУДОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ *С.Ю. Чуча*

Руководитель междисциплинарного Центра правовых исследований в
области трудового права и права социального обеспечения,
главный научный сотрудник сектора процессуального права,
доктор юридических наук, профессор,
Институт государства и права Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация

Даследуецца гісторыя фарміравання працоўнага права як прыватна-публічнай галіны права. Прапанована шляхі мадэрнізацыі тэорыі працоўнай праваадносіны ў сучасных хутка змяняемых умовах чацвёртай прамысловай рэвалюцыі, змены і змяшэння тэхналагічных укладаў і спасабаў арганізацыі працы.

Исследуется история формирования трудового права как частно-публичной отрасли права. Предлагаются пути модернизации теории трудового правоотношения в современных быстро меняющихся условиях четвертой промышленной революции, смены и смешения технологических укладов и способов организации труда.

The history of the formation of labor law as a private-public branch of law is studied. Ways of modernization of the theory of labor legal relations in the modern rapidly changing conditions of the fourth industrial revolution, the change and mixing of technological structures and methods of labor organization are proposed.

Ключавыя словы: працоўнае права; праваадносіна; платформенная праца; запазычаная праца.

Ключевые слова: трудовое право; правоотношение; платформенный труд; заемный труд.

Keywords: labor law; legal relationship; platform labor; agency labor.

В меняющемся мире ученые, исследуя те или иные модификации правового регулирования труда (сейчас скорее принято говорить о сфере труда), приходят к выводу о несовершенстве трудового права. Хуже того – оно не вполне удовлетворяет и основных его «потребителей» – работников и работодателей.

Исследуется влияние на трудовые отношения цифровизации, удаленного труда, допускается все большая дифференциация правового регулирования общественных отношений нормами трудового права. При этом мы фактически устранились от защиты прав лиц, применяющих свой очевидно несамостоятельный труд в отношениях, не вписывающихся в классический предмет трудового права и доктрину единого трудового правоотношения. Новые формы организации несамостоятельного труда (пускай их нередко используют лукавые работодатели) мы «подтягиваем» в предмет трудового права судебными решениями. Но судебная процедура не может подменить собой правовое регулирование сколь либо значительного числа связей типа предприниматель - лицо, применяющее свой труд, да и далеко не все такие связи обладают признаками классического трудового правоотношения. Как можно «вписать» в единое трудовое правоотношение платформенную занятость? Да и самозанятых и индивидуальных предпринимателей – только через судебную практику.

Конституция РФ расширила понятие социального партнерства очевидно за пределы традиционного предмета трудового права. Нормами какой отраслевой принадлежности будут регулироваться эти новые (условно новые – региональные законы о социальном партнерстве много

лет трактуют термин «социальное партнерство» в широком, теперь уже – в конституционном – смысле) отношения? Почему бы трудовому праву не принять на себя бремя правового регулирования отношений, пусть и выходящих за традиционный предмет трудового права, но связанных с трудом, закрепив соответствующие нормы в ТК РФ?

Римское частное и римское публичное право как протоотрасли права на протяжении тысячелетий своего становления экзистенциально не воспринимались как некие относительно самостоятельные комплексы норм и развивались, реагируя на постоянные и постепенные изменения окружающей действительности, усложнение общества, экономики (технологий производства, географии торговли и технологических цепочек) и производственных отношений, посредством совершенствования уже имеющихся нормативных предписаний и характерных (привычных) для каждой из них методов правового регулирования, лишь в ограниченных масштабах подвергаясь взаимной диффузии. К разной жизненной ситуации применялись разные, но в каждом случае – соответствующие с позиции современников правовые инструменты. Картина резко изменилась с вступлением человечества в эпоху капиталистических отношений, машинного производства и углубления разделения труда, требующего привлечения значительных масс среднеквалифицированных (в отличие высококвалифицированных мастеров средневековых ремесленных цехов, владевших навыками полного цикла производства товара, с одной стороны, и, например, бурлаков, от которых ничего, кроме физической силы, не требовалось) работников, обладающих каждый лишь своей частью компетенции по производству товарного продукта. Во-первых, это повлекло резкое развитие имеющихся институтов в рамках частного и публичного права и их усложнение. Итогом стало такое увеличение объема правовой материи и такое ее разнообразие, которые уже не могли существовать в рамках одной отрасли. Следствием этих процессов стало, например, формирование из обособленных групп норм новых отраслей в рамках публичного права: уголовного, административного (полицейского). Во-вторых, ряд этих изменений, реагируя на революционные перемены технологии (например, появление сети железных дорог) и сопутствующую ей гуманизацию общества, имели столь же революционный, но внутриотраслевой характер. В нашем примере реакцией стало обособление в рамках частноправовой ответственности института, который позднее в отечественной юриспруденции получил название ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности, наступающей без вины, т.е., согласно действующей доктрине, в отсутствие необходимого элемента состава

правонарушения, иными словами – без правонарушения. К слову, похожим был ответ и на усложнение организации общества – введение в правовой оборот новых нематериальных абстракций – юридических лиц - и установление ответственности государства за вред, причиненный его должностными лицами. И, наконец, в-третьих, изменения организации производства, вызванные ускоренным технологическим прогрессом, потребовали адекватного правового регулирования организации труда, что вызвало взрывной процесс конвергенции частного и публичного права и, как следствие, полную невозможность правового регулирования этой уже почти системы общественных отношений, сложившейся внутри или частного, или публичного права, исключительно частно- или публично-правовыми отраслевыми методами. Неприменимость же к этой взаимосвязанной группе общественных отношений отраслевых принципов правового регулирования, препятствовало ее дальнейшему развитию в рамках материнской отрасли, одновременно разрушая и саму выверенную отраслевую интегративную структуру – систему отрасли. Результатом стало строительство из элементов, отторгнутых частным и публичным правом, но тяготеющих друг к другу в следствие регулирования ими единой группы общественных отношений (в нашем случае – производственных отношений, которые не позволяли добиться оконченного цикла создания товаров с участием значительных коллективов работников, участвующих в разделении труда по правилам, установленным работодателем), новой – частно-публичной – отрасли, которую мы называем сегодня трудовым правом.

Она стала первой из возникших таким образом сложно структурированных из публичных и частных элементов отраслей. Первоначально, в самом начале своего формирования, трудовое право напоминало отрасль публичного права (Устав о промышленном труде – нормативный акт, в целом относящийся к административному (полицейскому праву) с элементами частного, но почти сразу стало рассматриваться как институт права гражданского, поскольку в основе трудовых правоотношений лежал цивилистический договор найма труда, очень быстро названный трудовым.

Труд на промышленных предприятиях в 19 веке (как и тысячами ранее – договоры найма вещи (рабов) и услуг – *locatio-conductio rei* и *locatio-conductio operarum* соответственно) регламентировался гражданским правом – на основании договоров подряда, возмездного оказания услуг (сегодня эти договоры регламентируются главами 37 (ст. 702-768), 39 (ст. 779-783.1) Гражданского кодекса РФ), личного найма, а впоследствии – и найма труда. Почему в России на рубеже 19 и 20 веков (а в Западной Европе и

Северной Америке фабричное законодательство возникло еще раньше) начали рассуждать о договоре найма труда в качестве института гражданского права, а не административного? Фабричное (промышленное) право включало в себя законодательство, ограничивавшее хозяйскую власть работодателя (охрана труда, ограничение продолжительности рабочего времени), законодательство о социальном страховании от несчастных случаев на производстве и законодательство о нормативных (тарифных) соглашениях. Оно было более объемным, нежели нормы ГК, составляющие институт найма, в них была сведена к минимуму диспозитивность – по современным критериям их с полным правом следовало относить к административному (полицейскому) праву. Третьей «инъекцией» в тело договора найма стало законодательство о профсоюзах для отстаивания работниками своих интересов во взаимоотношениях с работодателями при заключении тарифных соглашений (то, что сегодня мы называем социальным партнерством).

Исторический процесс способствовал становлению новой отрасли – уже в 1918 г. был принят первый Кодекс законов о труде РСФСР («кодекс военного коммунизма»), в 1922 г. за ним последовал новый («кодекс НЭПа»), десятилетиями изменявшийся и дополнявшийся, обраставший массой подзаконных актов. Накопленный нормативный материал позволил Н.Г. Александрову к 1948 г. теоретически обосновать формирование самостоятельной отрасли советского права – трудового.

Действительно, сложное переплетение свободно вступающих в трудовые отношения на основании договора, но вынужденных выполнять обязательства по договору исключительно личным трудом, подчиняясь в процессе трудовой деятельности хозяйской воле работодателя, элементов правоотношений, свойственных и частному, и публичному праву, с тем, чтобы сколь-либо эффективно функционировать, должно представлять собой взаимосвязанную интегративную совокупность, имеющую антиэнтропийный характер, т.е. систему, удаление части элементов из которой влечет разбалансировку системы в целом с возможным последующим разрушением.

Главное сегодня – попытаться решить проблемы, с которыми столкнулось трудовое право в современных быстро меняющихся условиях четвертой промышленной революции, смены и смешения технологических укладов и, как следствие, способов организации труда. Для этого следует модифицировать доктрину трудового права и теорию трудовых правоотношений так, чтобы предмет трудового права распространялся на всякие отношения с применением несамостоятельного труда: платформенные, самозанятых

(индивидуальных предпринимателей), оказывающих услуги одному (единственному) нанимателю и др., существующие и могущие появиться в будущем. Для этого трудовое право, нацеленное сегодня на один определенный тип организации труда (с нюансами и существенной дифференциацией) – труда коллективов работников на индустриальных предприятиях, технологически относимых к третьему и четвертому технологическим укладам - и выработавшее оптимальную систему защиты слабой стороны трудовых отношений, характеризующейся стабильностью этих отношений, отдельными своими институтами распространялось и на другие новые и возможные формы организации труда, которые возникли и еще возникнут в будущем как наиболее соответствующие организации производства с использованием технологий пятого и шестого технологических укладов.

Представляется, что этими институтами, как и в начале века, должны стать охрана труда, социальное страхование и социальное партнерство. Требования первых двух уже сегодня так или иначе фактически охватывают трудящихся независимо от способа организации производства и выходят за рамки классического предмета трудового права. Осталось только распространить на всех нормы института социального партнерства, что вынудит создавать социально-партнерские структуры во всех новых областях применения несамостоятельного труда хотя бы даже для того, чтобы избежать автоматического распространения на них договоренностей классических социальных партнеров, достигнутых на федеральном и отраслевом уровнях.

Итогом распространения института социального партнерства станет постепенное применение к новым отношениям отдельных норм иных институтов трудового права и, со временем, будет полностью регламентироваться нормами ТК РФ об отдельном виде трудо-правового договора.

Полное поглощение со временем правового регулирования новых форм организации предметом трудового права – один вариант развития событий. Второй – появление новых отраслей, как и выход в начале века на арену истории трудового права как комплексной отрасли, впитавшей в себя институты права гражданского и административного с единственным отличием: теперь и трудовое право может стать донором.

В итоге мы приходим к тому, что единственным необходимым и достаточным признаком трудового правоотношения будет несамостоятельность труда, правовая связь между лицом, использующим свой труд по правилам, сформулированным второй стороной, создаст основу трудового правоотношения, комплекс которых, возникших из

разных трудовых договоров (и внедоговорных оснований), образует предмет трудового права.

А возможно – и любой труд станет предметом трудового права, связь любого человека, применяющего свой труд в интересах другого лица, безотносительно его самостоятельности, образует трудовое правоотношение, входящее в предмет отрасли трудового права, покинув предмет права гражданского.

УПЛЫЎ ЛІЧБАВЫХ ІНФАРМАЦЫЙНЫХ ПРАЦЭСАЎ НА ПАКАРАННЕ І ПРАВОВАЕ СТАНОВІШЧА АСУДЖАНЫХ

Д.В. Шаблінская

Дацэнт кафедры крымінальнага права,
кандыдат юрыдычных навук, дацэнт,
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, юрыдычны факультэт,
г. Мінск, Рэспубліка Беларусь

У артыкуле выяўлены асаблівасці ўплыву лічбавых інфармацыйных працэсаў на крымінальна-прававыя і крымінальна-выканаўчыя адносіны. Прапанаваны напрамкі аптымізацыі пакарання ў выглядзе пазбаўлення права займаць пэўныя пасады або займацца пэўнай дзейнасцю, а таксама мадэрнізацыі права на атрыманне інфармацыі ў кантэксце магчымасці выкарыстання асуджанымі да пазбаўлення волі рэсурсаў глабальнай камп'ютарнай сеткі Інтэрнет. Даследаваны асобныя пытанні абароны спецыяльных персанальных даных асуджаных.

В статье выявлены особенности влияния цифровых информационных процессов на уголовно-правовые и уголовно-исполнительные отношения. Предложены направления оптимизации наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, а также модернизации права на получение информации в контексте возможности использования осужденными к лишению свободы ресурсов глобальной компьютерной сети Интернет. Исследованы отдельные вопросы защиты специальных персональных данных осужденных.

The article reveals the features of the influence of digital information processes on criminal-legal and criminal-executive relations. The directions of optimization of punishment in the form of deprivation of the right to occupy certain positions or engage in certain activities, as well as modernization of the right to receive information in the context of the possibility of using the resources of the global computer network Internet by persons sentenced to

imprisonment are proposed. Certain issues of protection of special personal data of convicts are studied.

Ключавыя словы: лічбавыя інфармацыйныя працэсы; пакаранне; права на доступ у сетку Інтэрнэт; спецыяльныя персанальныя даныя; сістэма сацыяльнага кантролю.

Ключевые слова: цифровые информационные процессы; наказание; право на доступ в сеть Интернет; специальные персональные данные; система социального контроля

Keywords: digital information processes; punishment; right to access the Internet; special personal data; social control system.

Рэспубліка Беларусь актыўна ўключаецца ў лічбавую інфармацыйную прастору. Дынамічнае змяненне грамадскіх адносін, іх інфарматызацыя і цыфрызацыя, з’яўленне новых грамадска небяспечных дзеянняў патрабуюць асаблівай увагі да мер, якія прымяняюцца дзяржавай за іх учыненне, – мер крымінальна-прававога ўздзеяння.

У Рэспубліцы Беларусь прыняты шэраг праграмных дакументаў (Канцэпцыя нацыянальнай бяспекі Рэспублікі Беларусь, зацверджаная рашэннем Усебеларускага народнага сходу ад 25 красавіка 2024 г. № 5, Канцэпцыя прававой палітыкі Рэспублікі Беларусь, зацверджаная Указам Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь ад 28 чэрвеня 2023 г. № 196, Канцэпцыя інфармацыйнай бяспекі Рэспублікі Беларусь, зацверджаная пастановай Савета Бяспекі Рэспублікі Беларусь ад 18 сакавіка 2019 г. № 1), што падкрэслівае значнасць цыфравізацыі для ўсіх грамадскіх адносін.

У межах гэтага артыкула ўяўляецца мэтазгодным выявіць канкрэтыя асаблівасці ўздзеяння сучасных тэндэнцый інфарматызацыі і лічбавізацыі на меры крымінальна-прававога ўздзеяння, а таксама на асобныя канстытуцыйныя правы і абавязкі асуджаных у мэтах выпрацоўкі прапанов па ўдасканаленні заканадаўства, якое рэгулюе адносіны ў дадзенай сферы. У прыватнасці, разгледзім магчымыя напрамкі мадыфікацыі пакарання ў выглядзе пазбаўлення права займаць пэўныя пасады або займацца пэўнай дзейнасцю, лічбавыя магчымасці сістэмы сацыяльнага кантролю, права на доступ асуджаных да сеткі Інтэрнэт і некаторыя аспекты абароны персанальных даных асуджаных.

1. Мяркуем, з прызнаннем права на доступ у Інтэрнэт кампанентам прававога статусу чалавека будзе адбывацца трансфармацыя сістэмы мер крымінальна-прававога ўздзеяння. Ужо на сённяшні дзень пэўныя змены адбываюцца ва змесе такога віду пакарання, як пазбаўленне права займаць пэўныя пасады або займацца пэўнай дзейнасцю. Для значнай часткі насельніцтва краіны магчымасць карыстацца рэсурсамі Інтэрнэта з’яўляецца ключавым момантам у прафесійнай, творчай, сацыяльнай і

іншых відах дзейнасці. Адпаведна, пазбаўленне або абмежаванне падобных правоў складзе сур’ёзнае прымусова-карнае ўздзеянне на асобу, якая здзейсніла грамадска небяспечнае дзеянне. Забароны выкарыстоўваць сетку Інтэрнэт, на заняцце пэўных пасадак, на доступ або распаўсюджванне канкрэтнага віду інфармацыі, прымусовае зніжэнне хуткасці Інтэрнэту – далёка не поўны пералік абмежаванняў і пазбаўленняў, якія могуць складаць змест дзяржаўнага прымусу ў крымінальна-прававой сферы.

На сённяшні дзень суды Беларусі ўжо прызначаюць у якасці дадатковага пакарання пазбаўленне права займацца дзейнасцю, спалучанай з выкарыстаннем інфармацыйна-тэлекамунацыйнай сеткі Інтэрнэт, напрыклад, з адміністраваннем розных платформаў і рэсурсаў, забароны размяшчаць звароты і іншыя матэрыялы ў інфармацыйна-тэлекамунацыйных сетках агульнага карыстання і г.д.

2. Яшчэ адзін напрамак, у якім можа развівацца крымінальна-прававое ўздзеянне на аснове інфармацыйных тэхналогій, адлюстроўвае тэорыя сацыяльнага кантролю. Пры дапамозе інфармацыйных тэхналогій і, у першую чаргу, штучнага інтэлекту, можна ўстанавіць поўны кантроль за паводзінамі грамадзян. Вынікі падобнага кантролю могуць утвараць своеасаблівы банк даных, які ранжыруе грамадзян па той ці іншай сацыяльнай шкале, дзе найболей нізкі сацыяльны статус можа быць прыраўnavаны да катэгорыі «правапарушальнік» ці нават «злачынца».

Эксперымент прымянення тэхналогій аналізу Big Data у сістэме сацыяльнага кантролю ўжо больш за 10 гадоў праводзіцца ў Кітаі. У краіне прыняты цыркуляр Дзяржаўнага савета аб друку і распаўсюджванні сх-мы планавання будаўніцтва сістэмы сацыяльнага крэдыту (2014– 2020 гг.). Айчынным аўтары А. Э. Набатава і А. Ю. Гарошка адзначаюць, што сацыяльны крэдыт можа разглядацца як базіс для выбудоўвання сістэмы папярэджалальных, прафілактычных мер у супрацьдзеянні злачыннасці і ўтрыманні пад сацыяльным кантролем асоб, якія дапускаюць розныя дэвіяцыі, і ў цэлым разглядаюць укараненне падобнага досведу вельмі перспектывным [1, С. 61].

3. Працэсы інфарматызацыі і цыфравізацыі, якія закранаюць прававы статус кожнага чалавека, з улікам канкрэтных праваабмежаванняў у розных сферах, якія вынікаюць з факту прыцягнення да крымінальнай адказнасці і неабходнасці перажывання звязаных з гэтым мер дзяржаўнага прымусу, так ці інакш будуць уплываць і на правы, свабоды, законныя і нтарэсы і абавязкі асуджаных. Так, арт. 10 Крымінальна-выканаўчага кодэкса Рэспублікі Беларусь (далей – КВК) у ліку асноўных правоў асуджаных прадугледжана права

на атрыманне інфармацыі, але яе змест абмяжоўваецца інфармацыйнай аб правах і абавязках асуджанага, парадку і ўм-вах адбывання прызначаных судом пакарання і іншых мер крымінальнай адказнасці. Адміністрацыя органа або ўстановы, якія выконваюць пакаранне і іншыя меры крымінальнай адказнасці, абавязана даць асуджанаму ўказаную інфармацыю, а таксама знаёміць яго з усімі яе зменамі.

У КВК няма норм аб спосабах рэалізацыі асуджаным свайго права на атрыманне інфармацыі, роўна як і прамой забароны на яе атрыманне, напрыклад праз выкарыстанне інфармацыйна-камунікацыйных тэхналогій. Што да права асуджаных выкарыстоўваць сетку Інтэрнэт і іншыя інфармацыйныя рэсурсы, то асуджаныя да пакаранняў, не звязаных з ізаляцыяй ад грамадства, могуць свабодна імі карыстацца. Іншая сітуацыя з асуджанымі да пазбаўлення волі. У КВК няма прамого ўказання на магчымасць выкарыстання рэсурсаў сеткі Інтэрнэт такой катэгорыяй асуджаных. Аднак ч. 7 арт. 94 КВК, якая рэгламентуе пытанні матэрыяльна-бытавога забеспячэння асуджаных да пазбаўлення волі, прадугледжана магчымасць выкарыстання грашовых сродкаў і іншай маёмасці, якія перадаюцца бязвыплатна асуджанымі і іншымі фізічнымі асобамі папраўчай установе, у тым ліку для абсталявання памяшканняў для прадастаўлення асуджаным тэлефонных размоў з выкарыстаннем сістэм відэасувязі, аплаты паслуг перадачы даных у сетцы Інтэрнэт і абаненцкай платы.

Літаральнае тлумачэнне прыведзенай нормы дае падставу меркаваць, што асуджаныя да пазбаўлення волі ўсё ж могуць карыстацца Інтэрнетам. Рэалізацыя асуджанымі прадугледжанага арт. 49 Канстытуцыі права на адукацыю істотна спрашчаецца пры выкарыстанні сучасных інфармацыйна-камунікацыйных тэхналогій.

Права на доступ да Інтэрнэту для арганізацыі вучобы асуджаных замацавана ў крымінальна-выканаўчым заканадаўстве. Дадзеная выснова выпякае з аналізу зместу гл. 45 «Умовы правядзення выхаваўчых мерапрыемстваў з асуджанымі і арганізацыя іх вучобы» Правілаў унутранага распарадку папраўчых устаноў, зацверджаных пастановай Міністэрства ўнутраных спраў Рэспублікі Беларусь ад 20 кастрычніка 2000 г. № 174 (далей – ПУР). У гл. 12 ПУР, якая прадугледжвае правілы паводзін асуджаных, устаноўлены забароны карыстацца без дазволу адміністрацыі ўстановы рэсурсамі сеткі Інтэрнэт і выкарыстоўваць падключэнне з вучэбнага месца цэнтра дыстанцыйнага доступу да электроннага адукацыйнага асяроддзя для доступу да інфармацыйных рэсурсаў за межамі афіцыйнага сайта ўстановы адукацыі, у якім асуджаны атрымлівае адукацыю ў дыстанцыйнай форме.

Такім чынам, асобам, асуджаным да пазбаўлення волі, доступ да сеткі Інтэрнэт можа быць прадастаўлены для атрымання адукацыі. Разам з тым, на нашу думку, права асуджанага да пазбаўлення волі на інфармацыю ў кантэксце рэалізацыі права на адукацыю шляхам выкарыстання рэсурсаў Інтэрнэт можа быць пашырана. Самаадукацыя, у тым ліку п-вая асвета, асуджаных да пазбаўлення волі магла б быць рэалізавана з дапамогай інфармацыйных анлайн-рэсурсаў (платформ), распрацаваных спецыяльна для дадзенай катэгорыі асоб.

Больш шырокія магчымасці прымянення інфармацыйных тэхналогій існуюць у частцы рэалізацыі выхаваўчых мерапрыемстваў з асуджанымі. У папраўчым працэсе ўпор павінен рабіцца менавіта на сацыялізацыю асоб, якія адбываюць пакаранне, злучанае з ізаляцыяй ад грамадства. Пры гэтым доступ да інфармацыйных рэсурсаў павінен строга праграмавацца, абмяжоўвацца і кантралявацца супрацоўнікамі папраўчых устаноў.

4. Адным з аспектаў пазначанага прадмета даследавання з'яўляецца пытанне аўтаматызаванай сістэмы ўліку асуджаных і абароны персанальных дадзеных аб судзімасці. У навуковай літаратуры ўжо прапаноўвалася ўвесці адзіны праграмны комплекс «Аўтаматызаваная сістэма ўліку асуджаных» у выглядзе падсістэмы адзінага дзяржаўнага банка даных аб правапарушэннях (гл., напрыклад [2]). Гэты праграмны інструмент забяспечыць доступ да асабістай справы асуджанага, у першую чаргу ў вы-адку ўчынення ім новага злачынства. Лічым абгрунтаваным падтрымаць дадзеную прапанову, бо яе рэалізацыя будзе садзейнічаць скарачэнню тэрміну атрымання інфармацыі аб асобе, зніжэнню фармалізму пры падрыхтоўцы адказаў на запыты і пры прызначэнні новага пакарання дазволіць суду максімальна ўлічыць даныя аб асобе абвінавачанага, які раней адбываў пакаранне ў выглядзе пазбаўлення волі, паслужыць аргументам прызначэння/непрызначэння пакарання ў выглядзе пазбаўлення волі. У далейшым уяўляюцца магчымымі вядзенне электронных асабістых спраў разгляданай катэгорыі асоб і ўкараненне асабістага кабінета асуджанага, які забяспечвае доступ (строга праграмуемы і мэтанакіраваны) да пэўных і неабходных інфармацыйных рэсурсаў, у т.л. да Інтэрнэта.

Згодна з ч. 2 арт. 28 Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь дзяржава стварае ўмовы для абароны персанальных даных і бяспекі асобы і грамадства пры іх выкарыстанні. З улікам норм Закона Рэспублікі Беларусь ад 7 мая 2021 г. № 99-З «Аб абароне персанальных даных» у межах даследавання ўяўляе цікавасць пытанне апрацоўкі даных аб судзімасці як спецыяльных персанальных даных. Артыкулам 1 указанага вышэй Закона да спецыяльных персанальных даных аднесены і персанальныя даныя, якія

тычацца прыцягнення да крымінальнай адказнасці. Лічым, што палажэнні ч. 2 арт. 28 Канстытуцыі адносяцца ў тым ліку да даных аб судзімасці асобы. Асаблівае апрацоўкі спецыяльных персанальных даных заключаецца ў тым, што ў выпадках, спецыяльна прадугледжаных арт. 8 Закона Рэспублікі Беларусь «Аб абароне персанальных даных», яна праводзіцца без згоды суб'екта персанальных даных. Па сутнасці, у межах крымінальных, крымінальна-працэсуальных, крымінальна-выканаўчых праваадносін, а таксама ў апэратыўна-вышуковай дзейнасці выкарыстанне спецыяльных персанальных даных ажыццяўляецца без згоды суб'екта гэтых даных. Разам з тым узнікае пытанне аб магчымасці выкарыстання такіх звестак, напрыклад, у навуковай або адукацыйнай дзейнасці або асвятленні спецыяльных персанальных даных у сродках масавай інфармацыі.

Апрацоўка падобных даных у названых мэтах без згоды асуджаных (а роўна падазраваных, абвінавачаных) прама не замацавана ў арт. 8 Закона «Аб абароне персанальных даных», аднак прыведзеная норма змяшчае адкрыты пералік і адсылае да палажэнняў іншых заканадаўчых актаў. Разам з тым, напрыклад, у Закон Рэспублікі Беларусь ад 21 кастрычніка 1996 г. № 708-ХІІІ «Аб навуковай дзейнасці» змены па пытаннях апрацоўкі персанальных даных (укключаючы спецыяльныя) у навуковых мэтах і іх абароны не ўносіліся.

З улікам палажэнняў Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь аб абароне персанальных даных і бяспекі асобы і грамадства пры іх выкарыстанні, рэалізаваных у нормах Закона «Аб абароне персанальных даных», а таксама ў мэтах папярэджання рызык, якія могуць узнікнуць пры апрацоўцы персанальных даных, у дачыненні да правоў і свабод асуджаных, у КВК мэтазгодна замацаваць палажэнні аб абароне спецыяльных персанальных даных, якія датычацца прыцягнення да крымінальнай адказнасці, пры іх апрацоўцы, а таксама дэталізаваць, кім і ў якіх выпадках яны могуць апрацоўвацца без згоды названых асоб. Трэба кантраляваць выкананне вышэйназваных мэт і не дапускаць распаўсюджвання спецыяльных персанальных даных, у тым ліку аб судзімасці, іншым асобам, не ўпаўнаважаным на атрыманне такой інфармацыі.

Па выніках даследавання можна зрабіць наступныя высновы. Нераспрацаванасць праблем пеналізацыі і прававога становішча асуджаных ва ўмовах інфарматызацыі і лічбавізацыі патрабуе пільнай увагі да вывучэння праблем «лічбавага пакарання» і трансфармацыі правоў асуджаных (у першую чаргу, асуджаных да пазбаўлення волі).

Мяркуем, цыфравізацыя так ці інакш адаб'еца на мадэлі дзяржаўнага прымусу ў крымінальным праве, якое будзе вымушана

трансфармавацца пад новыя ўмовы развіцця ўсіх падсістэм постіндустрыяльнага грамадства. З прызнаннем права на доступ у Інтэрнэт фундаментальным кампанентам прававага статусу чалавека будзе адбывацца трансфармацыя сістэмы мер крымінальна-прававага ўздзеяння, якая выяўляецца ў напаўненні пакарання ў выглядзе пазбаўлення права займаць пэўныя пасады або займацца пэўнай дзейнасцю новым месцам або ў з'яўленні новай прымусовай меры крымінальна-прававага ўздзеяння. Адпаведна, пазбаўленне або абмежаванне падобных правоў складзе сур'ёзнае прымусова-карнае ўздзеянне на асобу, якая здзейсніла грамадска-небяспечнае дзеянне. Забароны выкарыстоўваць сетку Інтэрнэт, зніжэнне хуткасці Інтэрнэту, забароны на заняцце пасадак, звязаных з адміністраваннем розных платформ і рэсурсаў, на доступ або распаўсюджванне канкрэтнага віды інфармацыі – далёка не поўны пералік абмежаванняў і пазбаўленняў, якія могуць складаць месце віды дзяржаўнага прымусу ў крымінальна-прававой сферы.

На сённяшні дзень уносіць прапанову аб увядзенні рэйтынгаў грамадзян на аснове татальнага назірання і маштабнай апрацоўкі дадзенай інфармацыі з прымяненнем тэхналогій аналізу Big Data без дастатковага даследавання і абгрунтавання не ўяўляецца дакладным. Разам з тым, недапушчальна ігнараваць замежны вопыт і імклівыя тэмпы цыфравізацыі ўсіх сфер грамадскіх адносін.

Абмежаванні прававага статусу асуджанага павінны быць накіраваны выключна на дасягненне мэт крымінальнай адказнасці і пакарання. Адным з актуальных напрамкаў трэба прызнаць забеспячэнне абароны спецыяльных персанальных даных пры іх апрацоўцы, а таксама іншых правоў і свабод асоб, якія ўчынілі злачынствы.

Прымяненне інфармацыйных тэхналогій пры рэалізацыі асноўных сродкаў выпраўлення асуджаных уяўляе сабой значную і непазбежную з'яву. Новыя тэхналогіі могуць забяспечыць папраўчы працэс і аказаць істотную дапамогу ў сацыяльнай адаптацыі асуджаных. Разам з тым захаванне правоў чалавека і абарона яго годнасці павінны заставацца «галоўнай тэмай» пры ўкараненні новых складнікаў у крымінальных і крымінальна-выканаўчых адносінах. Лічбавізацыя і інфарматызацыя павінны ажыццяўляцца ў строгай адпаведнасці з заканадаўствам пры ўмове захавання правоў і свабод чалавека.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Набатава, А. Э. Сістэма сацыяльнага крэдыту ў кантэксце крыміналагічнай парадигмы папярэджання злачыннасці (на прыкладзе Кітайскай Народнай Рэспублікі) / А. Э. Набатава, А. Ю. Гарошка // След-

чая дзейнасць: навука, адукацыя, практыка : тэзісы дакладаў III Міжнароднай навук.-практ. канф. (Мінск, 9 чэрвеня 2023 г.) / рэдкал.: С. Я. Аземша (старшыня) [і інш.]. – Мінск: БудМедыяПраект, 2023. – С. 58–61.

2. Шабаль, В. С. Аўтаматызаваная сістэма ўліку асуджаных як элемент барацьбы са злачыннасцю / В. С. Шабаль // Праблемы барацьбы са злачыннасцю і падрыхтоўкі кадраў для праваахоўных органаў: міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 24 студз. 2018 г.: тэз. дакл. / Акад. М-ва ўнутр. спраў Рэсп. Беларусь; рэдкал.: А. В. Яскевіч (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Акад. МУС, 2018. – С. 206-207.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ПО КОНСТИТУЦИИ БССР 1978 Г.

А.В. Шавцова

Доцент кафедры конституционного права,
кандидат юридических наук, доцент,
Белорусский государственный университет, юридический факультет,
г. Минск, Республика Беларусь

У артыкуле разглядаюцца палажэнні Канстытуцыі БССР 1978 г., аналізуецца спецыфіка палітыка-прававой тэрміналогіі, асаблівасці прававога рэгулявання савецкай палітычнай сістэмы і яе элементаў, абумоўленыя палітычным рэжымам, існаваннем савецкай аднапартыйнай сістэмы, рэгулюючай ролю КПСС і ідэалагічнай палітыкай, якая ёю вялася.

В статье рассматриваются положения Конституции БССР 1978 г., анализируются специфика политико-правовой терминологии, особенности правового регулирования советской политической системы и ее элементов, обусловленные политическим режимом, существованием советской однопартийной системы, регулирующей ролью КПСС и проводимой ею идеологической политикой.

The article examines the provisions of the Constitution of the BSSR of 1978, analyzes the specifics of political and legal terminology, the features

of the legal regulation of the Soviet political system and its elements, determined by the political regime, the existence of the Soviet one-party system, the regulatory role of the CPSU and its ideological policies.

Ключавыя словы: Канстытуцыя БССР 1978 г., палітычная сістэма, манопартыйная сістэма, элементы палітычнай сістэмы, палітычная партыя, грамадскае аб'яднанне.

Ключевые слова: Конституция БССР 1978 г., политическая система, монопартийная система, элементы политической системы, политическая партия, общественное объединение.

Keywords: Constitution of the BSSR 1978, political system, mono-party system, elements of the political system, political party, public association.

В отечественной правовой науке большое внимание уделяется исследованиям государственного развития Беларуси. Однако наука сосредоточена, прежде всего, на наиболее важных исторических событиях этого процесса и их отражении в белорусском законодательстве. В то же время полагаем, что правовой науке необходимо не только изучать сам факт закрепления того или иного явления в нормативном правовом акте, но акцентировать большее внимание на законотворческую технику, то есть способ урегулирования, форму, вид акта, его структуру, правовую лексику, терминологию, которые в своей совокупности позволяют судить об уровне нормотворчества в рамках исследуемого исторического периода, влиянии на него идеологических, политических, социально-экономических явлений, внешних политических факторов, в том числе международной обстановки в рамках исторического среза.

Современная юридическая наука, осуществляя исследования в области государственного строительства, преимущественно сосредотачивается на содержании правовых норм, их критической оценке с политической и идеологической точек зрения, реже положительно оценивается правовая природа самих нормативных правовых актов. Однако следует заметить, роль и влияние правовых норм также во многом обусловлено уровнем профессионализма субъектов именно нормотворческого процесса. В этом отношении для правовой науки, в том числе конституционного права, представляется необходимым исследовать, анализировать не только содержание нормативных правовых актов, соотносить их с общественными отношениями, институтами государства и общества на предмет декларативности или реальности отражения. Важно также давать объективную оценку развитию нормотворческой технике, ее уровню

развития, используемым формам и методам, ее способности отражать в законодательстве поставленные цели, задачи в логике построения правового акта, его структуре, последовательности закрепления предметов (их элементов) регулирования, наконец, в структуре самих норм. В этой связи полагаем, анализ положений Конституции БССР 1978 года по провозглашению основ политической системы заслуживает внимания. Абстрагируясь от политической и идеологической составляющих, целесообразно исследование положений данного конституционного акта по использованию юридической техники при закреплении институтов политической системы.

Провозглашение политической системы в нормах Конституции СССР 1977 года и Конституции БССР 1978 года и принципиально отличается от ее закрепления в действующей Конституции Республики Беларусь и подконституционных актах. Советские Конституции были направлены на легализацию приоритета политической модели, целей и задач советского государства, руководящую роль Коммунистической партии и проводимой ею идеологической политики.

Согласно Конституции 1978 года БССР, правовое регулирование политической системы было выделено в самостоятельную главу 1 «Политическая система», которая была включена в раздел I «Основы общественного строя и политики Белорусской ССР» и состояла из 9 статей. Прежде всего, следует отметить, что в названии данного раздела не используется политико-правовой термин «государственный строй». Однако, тем не менее, политико-правовые элементы государственного строя (данный подход к пониманию государственного строя используется и в настоящее время), в основе которого политическая система, экономическая система и социальная основа (система) общества, были закреплены данным разделе в самостоятельные главы. То есть, по своему содержанию структура первого раздела отражала актуальные тенденции развития правовой науки о государственном строе. Вместе с тем, исходя из названия первого раздела Конституции БССР 1978 года, необоснованное с теоретико-правовой точки зрения отнесение политической системы к основам общественного, а не государственного строя, следует расценивать как высокую степень проникновения государственной идеологии и политизации во все сферы жизни общества, как официальную позицию государства по вопросу политического влияния на него.

Отметим, что согласно названию данного раздела законодатель должен был, прежде всего, разместить в Конституции положения об общественном строе. Это свидетельствовало бы о социально ориентированной государственной политике. Но местоположение главы

«Политическая система» в самом начале Конституции, в качестве первой главы первого раздела, кроме того, сам факт обособления ее в самостоятельную главу, являлось отражением идеологической и политико-правовой природы государства, сущности проводимой государственной политики и придавало особое значение именно политической организации государства и общества.

На закрепление каждого элемента политической системы была направлена отдельная статья главы «Политическая система», однако элементы размещены непоследовательно. Это объясняется тем, что порядок их расположения в главе позволял законодателю придать наиболее демократический характер структуре и содержанию главы. Также следует отметить, что законодатель «отождествляет», либо относит элементы государственного и общественного строя к элементам политической системы.

В первой статье Конституции провозглашался общенародный характер государства. Данная статья на первый взгляд носила весьма демократичный характер и закрепляла модель политической организации общества и БССР как государства, интегрирующего все социальные слои, общности, классы. Так, говорилось: «Белорусская Советская Социалистическая Республика есть социалистическое общенародное государство, выражающее волю и интересы рабочих, крестьян и интеллигенции, трудящихся республики всех национальностей». Однако следует обратить внимание на политико-идеологическое провозглашение политического строя – государство «социалистическое» (фактически упор делался на политический режим), а также на последовательность закрепления на высшем конституционном уровне официально признанной государством структуры общества: во-первых, рабочих, во-вторых, крестьян, а на третьем, последнем месте – интеллигенции, из чего следовало их роль и значение в политической организации общества, а так же отношение к ним со стороны государства.

Согласно второй статье: «Вся власть в Белорусской ССР принадлежит народу». То есть народ фактически объявлялся единственным носителем власти, в том числе государственной. Местоположение статьи о народе как элементе политической системы в главе означало признание его первым и важнейшим элементом этой системы. Данная статья носила бы декларативный характер в случае отсутствия норм о формах народовластия. Однако в этой же статье в части второй провозглашался механизм «осуществления народом государственной власти через Советы народных депутатов, составляющие политическую основу Белорусской ССР. Все другие

государственные органы подконтрольны и подотчетны Советам народных депутатов». Таким образом, вторым элементом политической системы можно признать Советы народных депутатов, при этом, учитывая процедуру их формирования как форму представительной демократии, их многочисленность и непосредственную приближенность к населению Советы были провозглашены как «основа», но не народовластия и не системы органов государственной власти, а «политической системы».

возглашения народа и Советов народных депутатов как наиболее важных демократических элементов политической системы в статьях 3 и 4 Конституции БССР закреплялись принципы функционирования политической системы, государства и его политических субъектов: демократического централизма, выборности и подотчетности государственных органов, социалистической законности, обеспечения охраны правопорядка, интересов общества, прав и свобод граждан и др. На основе этих принципов должны действовать иные элементы политической системы, в том числе провозглашенные в последующих статьях Конституции. В соответствии со статьями 3 и 4 это – советское государство и все его органы, в соответствии со статьей 7 – профессиональные союзы, Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи, кооперативные и другие общественные организации, со статьей 8 – трудовые коллективы.

Особым элементом политической системы провозглашался референдум как наивысшая форма непосредственной демократии, участия граждан в решении важнейших вопросов государственной и общественной жизни. Ему в Конституции была отведена статья 5: «Наиболее важные вопросы государственной жизни выносятся на всенародное обсуждение, а также ставятся на всенародное голосование (референдум)». Более того, впервые понятие всенародного референдума появилось в Конституции СССР 1936 года. В ст. 49 указывалось, что «Президиум Верховного совета СССР... производит всенародный опрос (референдум) по своей инициативе или по требованию одной из союзных республик». Важно отметить, что, не смотря на то, что в Конституции БССР 1978 года законодатель хоть и закрепил такие формы непосредственной демократии как «всенародное обсуждение» и «референдум», фактически данная норма носила декларативный характер, так как механизм ее реализации не был в законодательстве урегулирован. И только в принятом 2 февраля 1988 г. Законе «О народном обсуждении важных вопросов государственной жизни Республики Беларусь» и Законе СССР от 27 декабря 1990 г. N 1869-1 «О

всенародном голосовании (референдуме СССР)» был впервые предусмотрен порядок проведения референдума.

Подчеркнем, что в отмеченной главе Конституции БССР 1978 года наибольшее политическое и в идеологическое значение имела норма о роли Коммунистической партии в государстве и обществе. За время существования Конституции статья 6 стала наиболее известной и часто применяемой не только в информационной, общественной, специальной юридической лексике, но и научной литературе для обоснования теоретико-правовых парадигм. Она гласила:

«Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу.

Вооруженная марксистско-ленинским учением, Коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР; руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придает планомерный, научно обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма.

Все партийные организации действуют в рамках Конституции СССР».

Как Коммунистическая партия, составляющая «ядро» политической системы, так и данная статья, находясь почти в середине главы, являлась доминирующей, закладывая вектор развития и определяя место предмета регулирования в государственно-правовой системе. При этом норм, содержащих положения о многообразии мнений, идеологий, политических институтов, тем более допускающих существование многопартийной системы, в главе «Политическая система» не было. Таким образом, генеральная идея Конституции состояла в закреплении руководящей роли в государстве и обществе и идеологической монополии единственной партии – КПСС.

Проводимая советским государством политика, основанная на «руководящей и направляющей силе Коммунистической партии» в государстве и обществе носила монопольный, но при этом всеобъемлющий характер, допуская возможность вмешательства во все процессы жизнедеятельности общества и отдельного человека. Это также вытекает из положений статей 48 и 49, наиболее ярко и очевидно демонстрирующих объем и пределы осуществления наиболее важных политических по своей природе и содержанию политических прав и свобод граждан. В соответствии со статьей 48: «В соответствии с интересами народа и в целях укрепления и развития социалистического

строю гражданам Белорусской ССР гарантируются свободы: слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций...». Так, статья 49 гласит: «В соответствии с целями коммунистического строительства граждане Белорусской ССР имеют право объединяться в общественные организации, способствующие развитию политической активности и самостоятельности, удовлетворению их многообразных интересов. Общественным организациям гарантируются условия для успешного выполнения ими своих уставных задач» (курсив авт.). Таким образом, данные права и свободы могут быть реализованы, только если они соответствуют интересам именно государства и совпадают с его политическими целями.

Завершающей статьёй главы является статья 9, согласно которой «Основным направлением развития политической системы советского общества является дальнейшее развертывание социалистической демократии...». Данная статья не только является итоговой, обобщающей политико-правовое содержание всей главы, но как бы подтверждает, что все ее положения закрепляют организацию, элементы, цели и задачи политической системы. Кроме того, само понятие «политическая система» связано с понятием не государства, а именно общества, тем самым политизируя его. Более того, об этом свидетельствует термин «советское» общество, что подтверждает совершенно конкретный тип его политической организации. Наконец, в качестве основного направления развития общества определяются не его социальный характер, не гуманизация и достижение общечеловеческих ценностей, формирование и совершенствование институтов демократии и гражданского общества, а «развертывание социалистической демократии». То есть подчеркивается идеологическая платформа демократии.

Таким образом, анализ конституционных положений правовой регламентации политической системы Конституцией БССР 1978 года позволяет сделать вывод о проведении советским государством тщательно продуманной государственной политики в области провозглашения на высшем конституционном уровне политического режима, политической системы, основ государственной идеологии, их роли в государстве и обществе, всеобъемлющем характере влияния КПСС. Государство использовало в этих целях уровень нормотворческой техники при определении структуры конституционного акта, последовательности, внутренней согласованности размещения в нем глав, норм, а также достаточно четкие формулировки, в которых нашли отражение как политическая направленность, так и идеологические ценности того времени.

Библиографические ссылки

1. Официальный сайт Президента Республики Беларусь. Основные факты / Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/belarus/numbers/facts#:~:text=Плотность%20населения%20Беларуси%20%202044%20человека,данным%20переписи%20населения%202019%20года>/Дата доступа: 15.11.2024

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В.А. Шаришун

Доцент кафедры конституционного права,
кандидат юридических наук, доцент,
Белорусский государственный университет, юридический факультет,
г. Минск, Республика Беларусь

У артыкуле разглядаюцца пытанні нацыянальнага і міждзяржаўнага прававога рэгулявання прымянення штучнага інтэлекту. Заканадаўства Рэспублікі Беларусь не забяспечвае сістэмнага прававога рэгулявання ў гэтай сферы. У мэтах эфектыўнага і бяспечнага прымянення гэтых тэхналогій мэтазгодна прыняцце Канцэпцыі развіцця штучнага інтэлекту ў Рэспубліцы Беларусь і шэрагу іншых нарматыўных прававых актаў у яе развіццё, у тым ліку прыняцце такіх актаў у парадку эксперыменту.

В статье рассматриваются вопросы национального и межгосударственного правового регулирования применения искусственного интеллекта. В настоящее время законодательство Республики Беларусь не содержит системного правового регулирования в данной сфере. В целях эффективного и безопасного применения данных технологий целесообразно принятие Концепции развития искусственного интеллекта в Республике Беларусь и ряда других нормативных правовых актов в ее развитие, в том числе принятие таких актов в порядке эксперимента.

The article examines issues of national and interstate legal regulation of the use of artificial intelligence. Currently, the legislation of the Republic of Belarus does not contain systemic legal regulation in this area. In order to effectively and safely use these technologies, it is advisable to adopt the Concept of Development of Artificial Intelligence in the Republic of Belarus and a number of other regulatory legal acts in its development, including the adoption of such acts on an experimental basis.

Ключавыя словы: інфармацыйныя тэхналогіі; штучны інтэлект; нарматворчасць; прававое рэгуляванне; акты заканадаўства.

Ключевые слова: информационные технологии; искусственный интеллект; нормотворчество; правовое регулирование; акты законодательства.

Keywords: information technology; artificial intelligence; rule-making; legal regulation; legislative acts.

В настоящее время искусственный интеллект является одним из важнейших факторов общественного и государственного развития. Постоянно происходит расширение сфер его применения, в том числе и в рамках правовой системы. Наряду с существенными преимуществами, предоставляемыми применением искусственного интеллекта, данное явление порождает и определенные риски, которые требуют своей оценки и прогнозирования. Все это обуславливает необходимость адекватного правового регулирования применения искусственного интеллекта.

Понятие «искусственный интеллект» носит «собирательный» характер и определяется учеными в сфере технических наук как программная система, имитирующая с помощью компьютера мыслительную деятельность человека, а также направление информатики, позволяющее пользователю решать свои повседневные задачи с помощью возможностей ЭВМ [1, С. 5]. П.М. Морхат определяет искусственный интеллект как полностью или частично автономную самоорганизующую (и самоорганизирующуюся) компьютерно-аппаратно-программную виртуальную (virtual) или киберфизическую (cyber-physical), в том числе биок cyberнетическую (bio-cybernetic), систему (юнит), неживую в биологическом смысле этого понятия, с соответствующим математическим обеспечением, наделенную / обладающую программно-синтезированными (эмулированными) способностями и возможностями [2, С. 123-124]. В.Б. Наумов рассматривает искусственный интеллект как информационную систему, результаты функционирования которой являются непредсказуемыми для человека по причине способности соответствующей системы

самостоятельно определять порядок решения заданных для нее задач (в том числе в силу применения технологий самообучения) [3, С. 55].

Правовое регулирование применения искусственного интеллекта в Республике Беларусь в настоящее время находится на начальном этапе своего развития. По мнению руководителя рабочей группы для подготовки аналитической записки о правовом регулировании использования и развития технологий искусственного интеллекта при Совете по вопросам правовой и судебной деятельности при Президенте Беларуси С.Н. Касанина вопросы искусственного интеллекта в настоящее время в законодательстве Республики Беларусь фрагментарно отражены примерно в 30 нормативных актах [4].

Так, определение искусственного интеллекта содержится в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 21 апреля 2023 г. № 280 «О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 г. № 136». В соответствии с данным постановлением под искусственным интеллектом понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (в том числе самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека, и включающий в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение, процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений. Согласно приложению 1 к указанному постановлению одним из показателей уровня цифрового развития отраслей экономики и административно-территориальных единиц является уровень цифровой трансформации отрасли при использовании в ключевых бизнес-процессах в качестве одной из современных технологий для работы с информацией технологии искусственного интеллекта.

Использование искусственного интеллекта предусмотрено и в Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2021-2025 годы, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 15 сентября 2021 г. № 348.

Концепция правовой политики Республики Беларусь, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196, не содержит положений относительно системного развития законодательства в сфере искусственного интеллекта. Подпункт 45.4 пункта 45 указанной Концепции предусматривает необходимость урегулировать вопросы обращения цифрового имущества и цифровых имущественных прав, применения искусственного интеллекта, робототехники, киберфизических систем, беспилотного транспорта.

Кроме того, подпункт 41.10 пункта 41 данной Концепции предполагает внедрение передовых информационных технологий и осуществление цифровизации государственного управления, включая нормотворческую деятельность, что позволит повысить оперативность и прозрачность принятия решений.

Перечисленные нормативные правовые акты, по существу, только предусматривают возможность применения искусственного интеллекта в различных сферах, но не детализируют различные аспекты такого применения.

В этой связи представляет интерес зарубежный и международный опыт правового регулирования применения искусственного интеллекта. Так, в Европейском союзе в 2024 г. принят Регламент об искусственном интеллекте [5]. В основе данного нормативного правового акта лежит принцип снижения рисков при использовании искусственного интеллекта. Указанным регламентом предусматриваются различные меры защиты общества: от маркировки изображений, созданных нейросетями без непосредственного участия человека, до полного запрета некоторого контента. Кроме того, строго ограничивается использование индивидуальных, этнических или религиозных характеристик для идентификации людей или распознавания их эмоций.

В ряде стран разрабатываются проекты законов, регламентирующие применение искусственного интеллекта. Так, в Казахстане разработан проект Закона «Об искусственном интеллекте» [6]. Вопрос о создании подобного проекта был внесен в план законодательной работы Государственного совета Китайской Народной Республики на 2023 г. [7, С. 53]

В настоящее время более, чем в 30 странах мира приняты национальные стратегии развития искусственного интеллекта: в Российской Федерации, Японии, Южной Корее, Сингапуре, Великобритании, Канаде, Объединенных Арабских Эмиратах, Руанде, Нигерии, ЮАР и др. Так, в Казахстане постановлением Правительства Республики Казахстан от 24 июля 2024 г. № 592 утверждена Концепция развития искусственного интеллекта на 2024 – 2029 годы. В Российской Федерации в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» реализуется Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Следует отметить, что в Российской Федерации понятие искусственного интеллекта впервые законодательно закрепили в Федеральном законе от 24 апреля 2020 г. «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и

внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных», которым введено экспериментальное регулирование искусственного интеллекта в Москве на пять лет. В соответствии с пунктом 2 статьи 2 указанного закона под искусственным интеллектом понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека.

В рамках Содружества Независимых Государств в настоящее время осуществляется разработка проекта модельного закона «О технологиях искусственного интеллекта». Данный проект был одобрен 18 апреля 2024 г. на заседании Постоянной комиссии Межпарламентской Ассамблеи СНГ по науке и образованию. Целью подготовки данного документа является создание единых правил для регулирования общественных отношений, связанных с использованием искусственного интеллекта. Данные правила должны быть направлены на улучшение жизни людей, обеспечивать безопасность и способствовать развитию экономики и социальной сферы через разработку, внедрение и использование искусственного интеллекта [8].

Таким образом, законодательство Республики Беларусь в настоящее время не содержит правовых норм, регламентирующих вопросы и сферы применения искусственного интеллекта, четко не определены направления развития законодательства в сфере применения искусственного интеллекта. В связи с этим, по нашему мнению, требуется подготовка и принятие программного документа по данным вопросам, например, Концепции развития искусственного интеллекта в Республике Беларусь, которая бы определила основные направления его внедрения в наиболее важные сферы общественных отношений, в том числе и в правовую сферу, ограничения, связанные с применением данных технологий, вопросы обеспечения безопасности граждан, общества и государства в связи с применением искусственного интеллекта и т.д. [9, С. 20]. Полагаем, что в данном документе необходимо определить также и основные направления по развитию правового регулирования применения искусственного интеллекта, в том числе основные нормативные правовые акты, которые необходимо принять в первоочередном порядке, например, Закон Республики Беларусь «Об основах применения искусственного интеллекта». Целесообразно рассмотреть вопрос о принятии некоторых нормативных

правовых актов в порядке эксперимента в соответствии со статьей 8 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах», например, в сфере искусственного интеллекта применительно к беспилотному транспорту, медицине, государственному управлению и др.

Принятие Концепции развития искусственного интеллекта в Республике Беларусь и иных нормативных правовых актов в ее развитие позволит на системной основе обеспечить применения технологий искусственного интеллекта в различных сферах, и создание соответствующего правового регулирования. Это будет способствовать эффективному и безопасному применению указанных технологий, и соответственно, повышению эффективности деятельности в различных сферах государственной и общественной жизни.

Библиографические ссылки

1. Основы искусственного интеллекта: учебное пособие / Е.В. Боровская, Н.А. Давыдова. – М.: Лаборатория знаний, 2016. – 130 с.

2. Морхат, П.М. Право и искусственный интеллект: монография / П.М. Морхат; предисл. д.ю.н., проф. И.А. Близнеца и д.ю.н., проф. И.В. Понкина; под ред. д.ю.н., проф. И.В. Понкина; Российская государственная академия интеллектуальной собственности. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. – 544 с.

3. Новые горизонты развития системы информационного права в условиях цифровой трансформации: монография / отв. ред.: Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев, В.Б. Наумов. М.: ИГП РАН, 2022. – 368 с.

4. В СНГ в 2025 году завершат разработку модельного закона о технологиях искусственного интеллекта [Электронный ресурс] / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2024/september/78713/>. – Дата доступа: 09.10.2024.

5. Регламент Европейского союза об искусственном интеллекте [Электронный ресурс] / Википедия. – Режим доступа: <https://clck.ru/3DpHyP>. – Дата доступа: 09.10.2024.

6. В Казахстане разработан проект закона «Об искусственном интеллекте» [Электронный ресурс] / SPUTNIK Казахстан. – Режим доступа: <https://ru.sputnik.kz/20240716/v-kazakhstane-razrabotan-proekt-zakona-ob-iskusstvennom-intellekte--45668565.html>. – Дата доступа: 09.10.2024.

7. Филипова, И. А. (2024). Правовое регулирование искусственного интеллекта: опыт Китая // Journal of Digital Technologies and Law/ - № 2(1). – С. 46-73.

8. Одобрен проект модельного закона [Электронный ресурс] / ОИПИ НАН Беларуси. – Режим доступа: http://uiip.bas-net.by/news/?ELEMENT_ID=8642. – Дата доступа: 09.10.2024.

9. Шаршун, В.А. Применение искусственного интеллекта в нормотворческой деятельности: современное состояние и перспективы // Юстиция Беларуси. – 2023. – № 8. – С. 16-21.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

И.В. Шахновская

Заведующий кафедрой конституционного и уголовного права,
кандидат юридических наук, доцент,
Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой,
юридический факультет,
г. Новополоцк, Республика Беларусь

У артыкуле разглядаюцца асаблівасці і прынцыпы дзейнасці мясцовага самакіравання ў лічбавую эпоху. Аналізуюцца арганізацыйна-прававыя формы дзейнасці мясцовага самакіравання ў Рэспубліцы Беларусь. У артыкуле разглядаюцца перспектывыя напрамкі развіцця мясцовага самакіравання ва ўмовах цыфравізацыі, абгрунтоўваюцца прапановы па ўдасканаленні заканадаўства.

В статье рассматриваются особенности и принципы деятельности местного самоуправления в цифровую эпоху. Анализируются организационно-правовые формы деятельности местного самоуправления в Республике Беларусь. В статье рассматриваются перспективные направления развития местного самоуправления в условиях цифровизации, обосновываются предложения по совершенствованию законодательства.

The article discusses the features and principles of local government in the digital age. The organizational and legal forms of activity of local self-government in the Republic of Belarus are analyzed. The article examines

promising directions for the development of local self-government in the context of digitalization, substantiates proposals for improving legislation.

Ключавыя словы: мясцовае самакіраванне; лічбавае развіццё; дыфравізацыі; арганізацыйна-правовыя формы; прынцыпы.

Ключевые слова: местное самоуправление; цифровое развитие; цифровизация; организационно-правовые формы; принципы.

Keywords: local government; digital development; digitalization; organizational and legal forms; principles.

Местное самоуправление – самостоятельная параллельная ветвь власти на местах (наряду с органами местного управления), главная задача которых состоит в обеспечении качественного взаимодействия населения с органами местного самоуправления, налаживания «диалога» в рамках решения вопросов местного значения. В связи с этим именно процессы внедрения цифровых технологий должны стать фактором, улучшающим такой информационный взаимообмен.

Местное самоуправление в Республике Беларусь следует рассматривать сквозь призму двух важнейших организационных форм: 1) система органов местного самоуправления (местные Советы депутатов и органы территориального общественного самоуправления); 2) форма организации и деятельности населения соответствующей АТЕ (местные собрания, местные референдумы, инициативы граждан по принятию решений Советов и др.).

Вторая форма местного самоуправления определяет отдельного субъекта конституционно-правовых отношений – население соответствующей АТЕ, которое обладает правом участвовать в принятии решений местного значения. Самоуправление может осуществляться как в единоличной (например, направление электронных обращений с предложениями о развитии местной территории), так и в коллегиальной форме (инициативы граждан, проведение местных собраний). В последних научных исследованиях выделяется новый элемент конституционно-правового статуса данного субъекта – «право на цифровое самоуправление» [1].

Определение организационно-правовых форм местного самоуправления позволяет сформулировать некоторые аспекты цифровизации местного самоуправления, подлежащие оценке:

1) внедрение и реальное использование цифровых технологий в деятельности органов местного самоуправления (местных Советов и органов территориального общественного самоуправления);

2) наличие механизмов участия населения в управлении делами общества на местной территории, степень вовлеченности населения в решение практических задач.

В условиях цифровизации важное значение для исследования занимают принципы деятельности местного самоуправления, особенности их содержательного переосмысления под воздействием цифровых технологий. Одним из принципов нормотворческой деятельности, в том числе, органов местного самоуправления является принцип цифровизации. К практической реализации данного принципа ряд авторов относится весьма скептически, обуславливая свою позицию ограниченным применением информационных технологий в различных регионах. В целом такие подходы направлены на сохранение традиционного нормотворчества с привлечением цифровых инноваций [2].

В научных исследованиях актуальным стало раскрытие принципа открытости и транспарентности в деятельности органов местного самоуправления. При этом содержание данных принципов не носит синонимичного характера.

В то же время с транспарентностью связываются также вопросы открытости к взаимодействию с населением, проведение общественного контроля за деятельностью органов местного самоуправления, достоверность предоставляемой информации [3].

Под цифровизацией местного самоуправления следует понимать процесс постоянного внедрения информационных технологий в деятельность органов местного самоуправления, а также постепенный переход к механизмам прямой и косвенной демократии на местном уровне в цифровой формат.

Основными задачами в области цифровизации местного самоуправления в Республике Беларусь должны стать:

1) внедрение новых форм и механизмов взаимодействия населения АТЕ с местными органами власти;

2) повышение вовлеченности местных граждан в процесс управления делами общества на соответствующей территории;

3) ликвидация цифрового разрыва в регионах (реального доступа к информационным технологиям всего населения);

4) повышение уровня доверия населения к электронным формам взаимодействия.

В российской науке конституционного права имеются подходы, в которых отражается негативная сторона внедрения цифровых технологий на уровне местного самоуправления. К примеру, О.Л. Казанцева критически относится к внедрению дистанционного

электронного голосования на местных выборах, высказывает негативную позицию к переходу публичных обсуждений местных актов в он-лайн формате [4, с. 23]. Свою точку зрения автор обосновывает созданием состояния отдаленности населения от решения вопросов местного значения, делает невозможным совместное присутствие граждан, отстраняет их от реального участия в управлении местными делами. В целом, такая позиция вызывает сомнение. По причине массового внедрения информационных технологий во все сферы жизни общества, общей настроенности государств на проведение цифровизации государства весьма сомнительно делать «шаг назад», идти «не в ногу со временем», возвращаясь к доцифровым формам взаимодействия населения и государства. На уровне высших должностных лиц как в Республике Беларусь, так и в Российской Федерации постоянно озвучиваются позиции о необходимости перехода «в цифру». Так председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькин обозначает, что «сегодня зарождается новое право – «право второго модерна», регулирующее отношения в контексте мира цифр и искусственного интеллекта» [5].

А.А. Шишкин видит возможности развития местного самоуправления в Республике Беларусь в условиях цифровизации посредством проведения местных собраний в он-лайн режиме с использованием цифровых платформ [6]. О перспективах развития местного самоуправления с использованием цифровых платформ автором статьи ранее проводилось отдельное исследование [7]. Анализу значимости цифровых платформ в «умном городе» посвящены и иные научные труды (М.С. Абломейко, С.В. Кругликов и др.) [8].

В целом поддерживая предложение А.А. Шишкина, считаем более правильным начать внедрение «электронных форм принятия решений» на уровне территориального общественного самоуправления в Республике Беларусь. В частности, согласно законодательству Республики Беларусь о местном самоуправлении в АТЕ может создаваться только один коллегиальный орган территориального общественного самоуправления как с образованием юридического лица, так и без него. Именно в работу таких коллегиальных органов стоит внедрять использование информационных технологий при реализации своих полномочий (к примеру, при изучении, анализе и учете мнения граждан по вопросам экономического и социального развития, в случае содействия благотворительности, содействия в осуществлении нормотворческой инициативы граждан по вопросам местного значения и др.).

Новой формой местного самоуправления с 2023 года становится институт гражданских инициатив граждан. Такие инициативы могут быть поданы как на бумажном носителе, так и в электронной форме. Согласно нововведениям, гражданские инициативы, прошедшие конкурсный отбор, могут претендовать на финансирование из средств республиканского бюджета. Следовательно, можно вести речь о расширении способов финансирования местного самоуправления. В науке схожая идея была изложена Г.А. Василевичем, где предлагалось вводить предоставление субвенций, проведение конкурсов на реализацию социально значимых проектов среди органов территориального общественного самоуправления [9].

Таким образом, в области оценки цифровизации местного самоуправления важно учитывать следующие аспекты: а) анализ использования информационных технологий органами местного самоуправления; б) наличие действующих цифровых механизмов, позволяющих местному населению участвовать в управлении АТЕ. Сформулирован вывод о низкой заинтересованности населения в решении вопросов местного значения посредством использования отдельных электронных механизмов.

Проведение цифровизации местного самоуправления приводит к сближению органов местного самоуправления с органами государственной власти, теряется признак самостоятельности в участии в цифровом развитии регионов.

Библиографические ссылки

1. Чертков, А.Н. Местное самоуправление: субъект права на «цифровое самоуправление» / А.Н. Чертков // Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора Ф.М. Рудинского. – Москва, 2021. – С. 182-185.
2. Воропаев, Д. А. Принцип цифровизации нормотворческой деятельности / Д. А. Воропаев // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 18–19 мая 2023 г.) : тез. докл. : [к 65-летию Акад. МВД Респ. Беларусь] / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; [редкол.: П. В. Гридюшко (отв. ред.) и др.]. – Минск, 2023. – С. 12–13.
3. Тажитдинов, И.А., Атаева, А.Г., Шатунова, А.И. Транспарентность органов местного самоуправления в условиях цифровой экономики / А.Г. Атаева, А.И. Шатунова // Муниципалитет: экономика и управление. – 2020. - № 3 (32). - С. 48–58.

4. Казанцева, О.Л. Цифровые технологии в местном самоуправлении / О.Л. Казанцева // Алтайский юридический вестник. – 2022. - №2. – С. 20-24.

5. Зорькин, В. Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума / В.Д. Зорькин // Российская газета. - 2018. - № 7578. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchatcifrovye-prava-grazhdan.html>. – Дата доступа: 12.11.2023.

6. Шишкин, А.А. Перспективы развития непосредственного (прямого) участия граждан в осуществлении местного самоуправления в контексте региональной цифровой трансформации [Электронный ресурс] / А.А. Шишкин // Эталон ONLINE. – Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=u02201484&q_id=9294725. – Дата доступа: 09.11.2023.

7. Шахновская, И.В. Особенности развития местного управления и самоуправления в условиях цифровизации государства / И.В.Шахновская // Юстиция Беларуси. – 2021. - №7. – С. 54-57.

8. Кругликов, С.В., Абломейко, М.С. Цифровая платформа как основа управления умным городом / С.В. Кругликов, М.С. Абломейко // Проблемы управления. – 2021. - №3. – С. 43-51.

9. Василевич, Г.А. О некоторых направлениях развития непосредственной и представительной демократии на местном уровне: организационные и правовые вопросы / Г.А. Василевич [Электронный ресурс] // Эталон ONLINE. – Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=u02200319&q_id=9294725. – Дата доступа: 11.11.2023.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ И СТАТУТЫ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

О.Н. Шупицкая

Доцент кафедры международного права,
кандидат юридических наук, доцент,
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
юридический факультет,
г. Гродно, Республика Беларусь

У артыкуле даследуецца пытанне нарматывнага афармлення ў пісаных крыніцах беларускага права XV - XVI стагоддзяў, і перш за ўсё, у Статутах Вялікага княства Літоўскага 1529, 1566 і 1588 гадоў, канстытуцыйных прынцыпаў, якія рэалізавалі ідэі-дактрыны

канстытуцыяналізму: свабоду, роўнасць, справядлівасць, падзел улад і інш.

В статье исследуется вопрос нормативного оформления в писаных источниках белорусского права XV - XVI веков, и прежде всего, в Статутах Великого княжества Литовского 1529, 1566 и 1588 годов, конституционных принципов, реализовавших идеи-доктрины конституционализма: свободу, равенство, справедливость, разделение властей и др.

Abstract: The article examines the issue of normative design in written sources of Belarusian law of the XVth - XVI th centuries, and above all, in the Statutes of the Grand Duchy of Lithuania of 1529, 1566 and 1588, constitutional principles that implemented the ideas-doctrines of constitutionalism: freedom, equality, justice, separation of powers, etc.

Ключавыя словы: крыніцы права; Статуты; канстытуцыйныя прынцыпы; ідэі-дактрыны канстытуцыяналізму; нарматыўнае афармленне.

Ключевые слова: источники права; Статуты; конституционные принципы; идеи-доктрины конституционализма; нормативное оформление.

Keywords: sources of law; Statutes; constitutional principles; ideas-doctrines of constitutionalism; normative design.

Конституционные принципы, реализующие идеи-доктрины конституционализма, представляют собой основополагающие положения, правовые правила, сформировавшиеся естественным путем, в ходе развития общественных отношений, оказывающие на них нормативно-организующее воздействие. Конституционные принципы по-разному оформляются законодательными правилами в условиях той или иной конституционной модели (национальной правовой системы). Анализ источников белорусского права XV- XVI веков, включающих, в том числе, и привилеи, и статуты, позволяет утверждать, что они последовательно, в определенной мере, воплощали в себе отдельные идеи-доктрины конституционализма, закрепляя те или иные конституционные принципы.

Привилей Александра Казимировича» 1492 года [2] – общеземский привилей, содержащий нормы, согласно которым власть великого князя ограничивалась. Он не мог обойти решения рады – коллегиального законодательного органа. Ему запрещалось вмешиваться в работу судов. Согласно Привилея шляхтичи получили право на скорое и справедливое судебное разбирательство. В 1506 году в Великом княжестве Литовском был принят Привилей Сигизмунда I Старого, подтвердивший ограничение власти великого князя, в том числе, на право издавать

законодательные акты. Иными словами, в некоторой мере такие конституционные принципы, как разделение властей, независимость судей получили на белорусских землях своей нормативное оформление уже в конце XV- начале XVI веков.

Следующий этап развития позитивного права Великого княжества Литовского – так называемый «статутный» этап – в еще большей степени характеризовался попытками нормативно закрепить определенные конституционные принципы. К числу выдающихся белорусских источников позитивного права относятся принятые в XVI веке статуты: «Статут Великого княжества Литовского 1529 года» [3], «Статут Великого княжества Литовского 1566 года» [4] и «Статут Великого княжества Литовского 1588 года» [5]. Названные источники белорусского писаного права включали в себя принципы и нормы, касающиеся организации государственной власти и правового положения личности, а также гражданские, уголовные, процессуальные и пр. правила. Их структура отличалась от других источников позитивного права. Она включала в себя заглавие, преамбулу, разделы. Причем, сначала в них излагались более важные положения, затем – менее важные. Указанное позволяет высказать суждение о том, что по своей сущности Статуты Великого княжества Литовского представляли собой акты конституционного значения.

Статут Великого княжества Литовского 1529 года являлся сводом законов, содержащим нормы семейного, наследственного, уголовного, процессуального, земельного, гражданского, лесного, охотничьего и др., говоря сегодняшним языком, отраслей права. По мнению профессора Т.И.Довнар, он «возвысился над своим основным содержанием (положениями материального гражданского и уголовного права), включив нормы конституционного характера, которые регулировали и гармонизировали государственно-правовой строй Великого княжества Литовского» [1, С,127].

Согласно статьи 9 раздела 1 Статута 1529 года все подданные государства, как богатые, так и бедные, какого бы положения и сословия они не были, «ровно и одинаково» должны были судиться по статутным нормам. В состав судов вводились присяжные шляхетские представители. Ограничивался размер судебных пошлин. К участию в суде допускались адвокаты. Другими словами, Статут 1529 года нормативно оформлял такие конституционные принципы, опосредующие идеи конституционализма, как справедливость, равенство, идея обеспечения прав и свобод индивида и др.

В Статуте 1529 года в определенной мере нашел свое закрепление и конституционный принцип разделения властей. Т.И. Довнар полагает,

что в указанном нормативном правовом акте нашел свое закрепление не конституционный принцип, а идея разделение властей, которая, по ее мнению, «пронизывает весь законодательный акт» [1, С.138]). Конечно, современное его понимание – самостоятельность ветвей власти: законодательной, исполнительной и судебной – и взаимное их сдерживание друг друга – несколько условно может быть применено к XVI веку. Между тем, положения, согласно которым великий князь принимал решения не один, а вместе с панами-радой (советом), а в некоторых случаях требовалось и утверждение данного решения сеймом; на судей возлагалась обязанность судить справедливо и в соответствии с законом; за проявления неуважения к судьям предусматривалась уголовная ответственность, можно рассматривать как аспекты проявления разделения властей как конституционного принципа.

Идея обеспечения прав и свобод индивида (вновь несколько условно) также получает некоторую свою реализацию в Статуте Великого княжества Литовского 1529 года. В разделе III указанного правового акта, в частности, закреплялось положение о неприкосновенности личности, которое, в первую очередь касалось дворянства – шляхты. Достаточно подробно в Статуте регламентировался статус феодалов, их прав. Статут содержал и нормы об имущественном обеспечении прав женщин, свободном вступлении последних в брак.

Еще более конституционным в смысле содержания конституционных принципов и норм стал Статут Великого княжества Литовского 1566 года (далее – «Статут 1566 года») [4]. Представляется, что он явился еще более прогрессивным актом с точки зрения нормативного закрепления идей конституционализма. В нем в определенной мере нашли свое воплощение конституционные принципы демократизма, парламентаризма, обеспечения прав и свобод индивида.

По сути, Статут 1566 года представлял собой переработанный текст Статута 1529 года. При этом в качестве приложений он включал в себя общеземские привилегии 1563 года, 1564 года и 1565 года, которые также включали конституционные нормы. Конституционные положения, которые содержались в первом разделе Статута, закрепляли государственный суверенитет Великого княжества Литовского, определяли территорию государства, порядок формирования и деятельности государственных органов.

Согласно статьи 2 раздела 3 Статута 1566 года сохранялись права всех землевладельцев, а также мещан и «всех людей посполитых в Великом княжестве Литовском и во всех землях того государства... в которых они, как люди свободные, свободно выбирая со времен своих

предков себе господ и Великих князей Литовских, жили и работали» [6, С.77-78]. Таким образом, в выборах великого князя могли принимать участие и простые люди. Реально эта норма не действовала, но ее включение в Статут позволяет сделать вывод о том, что она являлась своего рода ориентиром на будущее прогрессивное развитие правовой системы.

Статут 1566 года регламентировал деятельность великого князя, рады (совета), сейма. Он окончательно закрепил законодательную функцию последнего [5]. Сейм давал согласие князю на объявление войны, введение новых налогов, принятие новых законов (разд. II, ст. 2). Статут достаточно подробно определял состав и порядок формирования сейма, а также порядок деятельности поветовых (повет – административная единица княжества) сеймиков.

Еще одно несомненное достоинство Статута 1566 года состояло в том, что он, как верно указывается в научной литературе, фактически впервые закрепил «принципы отделения суда от администрации и выборности судей. Закреплялись принципы гласности и состязательности судебного процесса с участием адвокатов, в первую очередь, в сфере деятельности земских судов» [1, С. 131].

Третий Статут белорусско-литовского феодального государства – Статут Великого княжества Литовского 1588 года [5]. Он был напечатан подканцлером Великого княжества Литовского Львом Сапега, который в своем обращении к кандидату на королевский трон Речи Посполитой шведскому королевичу Сигизмунду III и всему народу княжества ссылался на авторитет Аристотеля и Цицерона. Почти дословно он цитировал слова Аристотеля: «Кто требует, чтобы властвовал закон, очевидно, требует, чтобы властвовали божественность и разум, а кто требует, чтобы властвовал человек, привносит в это животное начало... Закон – это свободный от бессознательных позывов разум» [5]. Ссылаясь затем на Цицерона, Л.Сапега утверждал, что закон является мундштуком или удилами, которые сдерживают бесправие и злых несдержанных людей. Далее он указывал, что «люди являются рабами закона для того, чтобы они могли свободно пользоваться своими свободами в государстве. По его мнению, даже сам государь должен действовать в рамках закона» [5]. Фактически уже в своем обращении Л.Сапега обосновал необходимость реализации таких идей конституционализма, как правовое государство и верховенство права.

Статут Великого княжества Литовского 1588 года [5] структурно состоял из 14 разделов, которые включали в себя 488 статей. Уже в статье 1 раздела 1 названного правового акта содержалось положение о принятии единого для всех права. Иными словами, речь шла о

закреплении равенства всех субъектов права перед законом. Конституционный принцип равенства еще несколько раз упоминается в Статуте 1588 года применительно к различным категориям индивидов. Например, в разделе 5 закреплялось равенство мужчин и женщин и право женщин свободно выбирать себе супруга. Еще одна норма, посредством которой реализовывался принцип равенства, – это норма, согласно которой в случае убийства шляхтичем простого человека он также подвергался смертной казни, как и простой человек. Согласно правилам, закрепленным в Статуте, законодательная власть в Великом княжестве Литовском принадлежала сейму, исполнительная – великому князю и раде, судебная – судебным органам, созданным в результате судебной сейма, его взаимоотношение с радой и князем. Таким образом, нормативно оформлялся конституционный принцип разделения властей, реализовывавший соответствующую идею конституционализма.

Идея конституционализма, связанная с обеспечением в государстве прав и свобод индивида, воплощалась в Статуте 1588 года посредством названного выше конституционного принципа равенства, а также иных принципов: презумпции невиновности (в первую очередь отсутствия заочного обвинения и привлечения к ответственности без судебного разбирательства); индивидуализации ответственности; обязательности судебных постановлений.

Такая идея конституционализма как гуманизм воплощалась в положениях Статута 1588 года, закреплявших обязанность пана (господина) содержать своих крестьян. Согласно статьи 20 раздела 12 названного правового акта в случае, если пан выгонял своих крестьян в голодную пору, то они получали навечно статус вольных.

Таким образом, Статуты Великого княжества Литовского XVI века представляют собой одни из первых источников права, которые посредством конституционных принципов нормативно оформляли прогрессивные идеи-доктрины конституционализма: свободу, равенство, справедливость, разделение властей, верховенство права и др.

Библиографические ссылки

1. Доўнар, Т.І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : падручнік / Т.І. Доўнар. – 2-е выд., выпраўл. і дап. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2021. – 432 с.

2. Прывілей вялікага князя Літоўскага Аляксандра 1492 года: Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstyutsyynae-prava-belarusi/letapisy-gramaty-pryvilei-khii-khvi-st-st/gramaty-khv-khvi-stst->

vyalikaga-knyastva-lito-skaga/priviley-vyalikaga-knyazya-lito-skaga-alyaksandra-1492-goda/. – Дата доступа: 06.10.2024.

3. Статут Велікога княжества Літовскаго 1529 года: Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo.by/upload/pdf/pamjatniki-prava/Statut_Vielikjgo_Kniazestva_Litovskogo_1529_s.131-217.pdf. – Дата доступа: 06.10.2024.

4. Статут Велікога княжества Літовскаго 1566 года: Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo.by/upload/pdf/pamjatniki-prava/Statut_Vialikaha_Kniastva_Litouskaha_1566_g_ctr.37263_nbrb_optim.pdf. – Дата доступа: 06.10.2024.

5. Статут Велікога княжества Літовскаго 1588 года: Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo.by/upload/pdf/pamjatniki-prava/Statut_1588_g_perevod_sovrem_rus_str.348-454.pdf. – Дата доступа: 06.10.2024.

6. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / Т.І. Доўнар, У.М. Сатолін, Я.А. Юхо; рэдкал. Т.І. Доўнар і інш. – Мінск: Тесей, 2003. – 352с.

ЭВАЛЮЦЫЯ УЗАЕМАСУВЯЗІ НАЦЫЯНАЛЬнай І САЦЫЯЛІСТЫЧнай ІДЭЙ У ІДЭАЛОГІі БЕЛАРУСКІХ САЦЫЯЛІСТЫЧНЫХ АРГАНІЗАЦЫЙ КАНЦА ХІХ - ПАЧАТКУ XX СТАГОДДЗЯ

Д.В. Шчэрбік

Дацэнт кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права,
кандыдат юрыдычных навук, дацэнт,
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, юрыдычны факультэт,
г. Мінск, Рэспубліка Беларусь

Праблема суадносінаў нацыянальнага і сацыялістычнага ў ідэалогіі беларускага рэвалюцыйнага руху цесна звязаная з вызначэннем яго месца ў стадыяльнай класіфікацыі нацыянальных рухаў і развіцця нацыяналізму. Першая стадыя развіцця нацыяналізму як раз і вызначаецца сінтэзам нацыянальнага і дэмакратычнага. Росквіт народа, прадстаўнікі адпаведных ідэйных накірункаў, звязваюць з дэмакратызацыяй грамадскага ладу, забеспячэннем суверэнітэту народа як унутры краіны ў форме рэспублікі, так і вонкі – у форме незалежнага яе існавання, якое пры гэтым, як тады ўяўлялі, будзе знаходзіцца ў цеснай дабраахвотнай і раўнапраўнай сувязі (федэрацыі) з іншымі свабоднымі

народамі. Другая ж стадыя прыводзіць да разрыву дэмакратычных і нацыянальных ідэй, дрэйфу апошніх у бок аўтарытарызму і нават, часам, ксенафабічнага вырашэння сацыяльных і палітычных праблемаў, якія ўзнікаюць перад пабудоваўшымі свае незалежныя дзяржавы нацыямі.

Відавочна, што беларускі рэвалюцыйны рух у канцы XIX - пачатку XX стст. адносіцца да першай стадыі ў выкладзенай вышэй класіфікацыі. І гэта абумоўлена задачамі, якія стаялі перад ім, як і ў агульным перад усім рэвалюцыйным рухам у Расійскай імперыі – звяржэнне самадзяржаў і яе дэмакратызацыя.

Менавіта таму беларускі сацыялістычны рух яшчэ з часоў «гоманаўцаў» у сваёй ідэалогіі цесна спалучаў нацыянальны і сацыялістычны кампаненты. Так, у абодвух нумарах «Гомону» выразна выяўлена ўяўленне пра беларускі народ як пра аб'ектыўную рэальнасць [1; 2]. Азначэнне нацыі ва ўяўленнях аўтарах часопіса ўключае, на думку Л.І.Шыманскай, такія прыкметы як адзінства кліматычных і энтаграфічных умоў, агульнасць псіхалагічнага склада людзей, агульнасць эканамічнага жыцця, мова [3, С. 22.].

Спрачаючыся з Л.Ціхаміравым, аўтары «Гомону» адзначалі, што ўяўная штучнасць нацыянальнага, як формы грамадскіх адносін, насамрэч з'яўляецца вынікам «практычнай творчасці людзей», выцякае з натуральных патрэб людзей уладкавацца лепш, шчаслівей і інш. [2, С. 84.]. Указваючы на з'яўленне нацыянальнага пытання яшчэ ў перыяд племянных сутыкненняў, аўтары знаходзяцца на пазіцыях першай хвалі нацыяналізму перыяду рамантызму, пры гэтым ужо заўважаючы негатыўныя аспекты ідэй яго другой хвалі, якія прыходзяць з Еўропы, з іх апеляцый да сацыял-дарвінізму, аб'ектыўнасці гвалту, прыгнёту і асіміляцыі. Падобныя ідэі за іх «вузкі нацыяналізм» «гаманаўцамі» рэзка адпрэчваюцца [2, С. 109.].

З другога боку, беларускія народнікі цалкам арганічна для сябе дэкларуюць сувязь з рэвалюцыйнай і сацыялізмам: «Мы беларусы, так как мы должны бороться во имя местных интересов белорусского народ и федеративной автономии страны; мы революционеры..., мы социалисты, потому что нашей главной целью является экономическое улучшение страны на началах научного социализма» [2]. Падобныя ідэі былі натуральны для рэвалюцыянераў з акраінаў Расійскай імперыі. Так, польскі рэвалюцыйны дэмакрат Б.Ліманаўскі, які ў тыя ж гады перайшоў на пазіцыя сацыялізму, ў 1881 г. пісаў, што патрыятызм і сацыялізм не супярэчаць адзін аднаму, а ўзаемна адзін аднаго ўмацоўваюць, а таксама што сапраўдны патрыятызм звяртаецца да працоўных, як асновы сілы народа, і таму павінен быць сацыялістычным. А сацыялізм, які вынікае з любові да народа, павінен, у сваю чаргу, быць патрыятычным.

Сацыялістычная перабудова грамадства пасля звяржэння царызму, павінна была цалкам натуральна спалучацца з развіццём асобных народаў, вылучаных у асобныя адзінкі ў межах федэрацыі. Так, ідэя федэралізму для беларускіх народнікаў з'яўляецца аб'ектыўнай неабходнасцю барацьбы з самадзяржаўем, а пасля яго звяржэння барацьбы з буржуазіяй, бо яна дазваляе лепш разумець інтарэсы народа і забяспечваць павышэнне яго свядомасці ў адзінстве з інтэлігенцыяй у яе сацыялістычных ідэалах, а таксама абумоўлена патрэбай забяспечыць наступнае свабоднае развіццё культурных формаў, а роўна свабоды асобы і самастойнасці працы, якія немагчымыя ва ўмовах нацыянальнага прыгнёту [1, С. 69; 3]. У надрукаваным у другім нумары «Гамону» артыкуле аб нацыянальным пытанні абвяшчаецца: «Гістарычны прагрэс заключаецца ў тым, што чалавецтва, уваходзячы ўсё ў больш і больш блізкую сувязь, у той жа час дыферэнцыруецца для свабоднага развіцця і праявы ўсякай нацыі ў цэлым чалавецтве, усякай грамадскай самастойнай групы ў кожнай нацыі і ўсякай чалавечай асобы ў гэтай грамадскай групе. Без усведамлення сваёй асобы кожным чалавекам народ быў бы статкам; без усведамлення сваіх асаблівасцяў кожным народам такім статкам было б усё чалавецтва» [2, С. 109].

Узнікшая з народніцкай традыцыі БСГ таксама спалучала ў сваёй дзейнасці нацыянальнае пытанне з сацыялізмам. Так, адзін з лідараў БСГ А.Луцкевіч у артыкуле «Кудой ісці?» у 1914 г. («Наша ніва», 26 чэрв.) адзначаў, што кожны народ мае місію ўдзельнічаць у развіцці ўсяго чалавецтва, але можа яе рэалізаваць толькі ў рамках развіцця сваёй уласнай культуры. Поўнае самаразвіццё ж народа магчыма выключна ў дэмакратычных формах, пры сацыяльна-эканамічным забеспячэнні працоўных людзей [4].

На Канферэнцыі расійскіх нацыянальна-сацыялістычных партый, якая адбылася ў 1907 г. у Гельсінгфорсе БСГ падпісалася пад рэзалюцыяй, якая абвяшчае неабходнасць у межах Расійскай дзяржавы забяспечыць рэалізацыю як тэрытарыяльных аўтаномій народнасцям, так і стварэнне экстэрытарыяльных органаў народнага самакіравання [5, С. 119-120]. У праграмных дакументах пачатку XX ст., ставячы перад сабой мэты звяржэння самадзяржаўя і замены яго дэмакратычнай федэрацыяй са свабодным самавызначэннем і культурна-нацыянальнай аўтаноміяй народнасцяў, беларускі рух гэтак жа адстойваў каштоўнасць нацыянальнага развіцця [6, С.65]. Патрабаванні федэрацыі, заканадаўчага сейма для Беларускага краю ў Вільні захоўваецца і ў праграме БСГ 1917 г. [7].

Адзін з лідараў левага крыла БСГ (пасля аднаўлення яе дзейнасці ў 1917 г.) Ф.Шантыр, які пасля займаў пасады камісара па нацыянальным пытанні Часовага ўрада БССР, супрацоўніка Мінскага губернскага ваенкамата і Асобай харчовай камісіі Заходняга фронту і інш., у сваёй

працы «Патрэбнасць нацыянальнага жыцця для беларусаў і самаадзначэння народа» (1918 г.) таксама адзначаў, што «паступовы рост народу у сторону культуры і цывілізацыі у дзевяці дзесятых сябе залежыць ад эканамічнага багацця і сацыяльных парадкаў данага народу. І камуж ня вядома, што як эканамічныя багацця, так і карысныя для народу сацыяльныя парадкі даны народ, як нацыя, зможа здабываць і устаўляць толькі тады, калі ён уладарстваваў сам сабою, будучы свядомым сябе, ня залежна ад другіх народаў» [8, С. 18].

Трэба пры гэтым адзначыць, што адносная дэмакратызацыя Расійскай імперыі пасля Першай рускай рэвалюцыі 1905 г. і магчымасці для некаторай легальнай барацьбы за мэты нацыянальнага адраджэння і сацыяльнага пераўтварэння, праблемы нацыянальнай агітацыі ў канкурэнцыі з іншымі нацыянальнымі партыямі краю і агульнарасійскімі палітычнымі арганізацыямі, а таксама ўплывы заходнееўрапейскага нацыяналізму другой хвалі, прыводзілі да некаторых зменаў акцэнтаў у ідэалогіі беларускіх рэвалюцыянераў. Яны пачыналі прыбліжацца да мяжы, пасля якой былі бы вымушаны выбраць, што для іх важнейшае - нацыя ці сацыялізм.

Па першае, у ідэі беларускіх рэвалюцыянераў пачынае пранікаць не толькі культурнае, але і біялагічнае вызначэнне нацыі, ідэі ўзаемасувязі яе біялагічных і культурных асаблівасцяў. Так, А.Луцкевіч у сваім артыкуле «Родная мова і яе культурнае значэнне» пісаў: «Вось, па такому ж закону прыроды ў душы чалавека заложана схлоннасць выражаць свае думкі і перажыванні тымі самымі зыкамі, а ў далейшым развіцці і славамі, якімі карысталіся ад няпомных часоў папярэднія пакаленні. Навука кажа нам, што калі родзіцца дзіця, то яго мазгі так ужо нарыхтаваны, што кожную думку, кожнае паняццё найлягчэй знаходзіць там сабе месца, калі ўводзіцца яму ў галаву пры помачы матчынай мовы» [9, С.63-64]. У Ф.Шантыра мы таксама знаходзім прымардзіялісцкія аргументы: «нацыя — гэта ня прадукт творчасці чалавечай, а прадукт творчасці прыроды, што штучнай ані мовы, ані псыхофізічны тып чалавека ніхто ня можа стварыць і, што нармальна палітычная уладарства можа быць толькі там, дзе ёсць аднародная маса па свайму бытоўнаму, культурнаму і грамадзянскаму укладу» [8, С. 1]. В.Ластоўскі ў сваёй брашуры «Што трэба ведаць кожнаму беларусу?» (1918) таксама згадвае біялагічны чыннік сярод іншых пры вызначэнні нацыі: «Беларус той, у чых жылах цячэ беларуская кроў, чые прадзеда, дзяды і бацькі былі беларусамі... Народ, або нацыя, гэта людзі, каторыя гавораць адной мовай, заселяючы супольны край і праз гэта складаючы адну вялікую сямью, народ, нацыю» [10, С. 1-2].

Аднак, як бачым, у беларускіх аўтараў таго часу ўсе ж большы акцэнт робіцца на культурнае вызначэнне нацыі, а не на біялагічныя

чыннікі. Так, той жа Ф.Шантыр адзначае: «Нацыя — гэта сбор (сынтэз) праяу быту групы аднародных асоб, творучы з сябе так званую душу народа, котарая у цэлым ест самабытная жывела, маючая свае нязменныя законы быту аснованныя на цвердуй падставе натуры. Законы гэтыя — мова, абыхай, а адчасці гістарычная прошлая і вера данаго народу: натура — краябраз, клімат і у некаторуй часці дауленьня суседніх народау. Першая выпцякая з другога і творыць цэльнасць быту народу ня залежна ад яго волі» [8, С. 15].

Узнікае ў публіцыстыцы і некаторае разачараванне дэмакратыяй, думкі пра існавання каштоўнасцей, якія просты народ пакуль не здольны цалкам усвядоміць з-за забітасці і ашуканства. Асабліва моцна гэтая думка гучыць у брашуры Я.Лесіка «Аўтаномія Беларусі» (1917), дзе неразуменне сялянамі неабходнасці аўтаноміі і нацыянальнага адраджэння ён параўноўвае з ранейшымі адносінамі простага народа да рэвалюцыйнай барацьбы ці забойствамі народам дактароў у перыяды халеры [11, С. 5-6]. Аднак падобныя думкі не змянялі ў агульным дэмакратычную пазіцыю аўтара. Дзеля справядлівасці заўважым, што і сярод інтэрнацыяналістычных рэвалюцыянераў дадзеная тэндэнцыя заўважняя ў Еўропе яшчэ з XIX ст., што потым і рэалізавалася з сярэдзіны 1918 г. ў практыцы бальшавікоў і ідэях «дыктатуры пралетарыяту», а фактычна партыі.

Заўважым пры гэтым, што ва ўзгаданых творах Ф.Шантыра і Я.Лесіка, выданных пасля рэвалюцыі 1917 г., большы акцэнт робіцца на фармаванне свайй дзяржаўнасці на базе найшырэйшай аўтаноміі, хай і ў федэрацыйнай сувязі з іншымі народамі, а не на сацыяльныя пераўтварэнні, якія звязваюцца з наступнай незалежнай унутранай палітыкай аўтаномнага Беларускага Краю.

Лагічным следствам для беларускіх сацыялістаў стала эвалюцыя ў бок ідэй незалежнасці, якая выявілася ў абвяшчэнні БНР, альбо, у мякчэйшым варыянце, адстойвання ідэй беларускай савецкай дзяржаўнасці і федэрацыі ў СССР. Відавочна, аднак, што калі б рэалізавалася першая з згаданых формаў беларускай дзяржаўнасці, ці існавала большая палітычная самастойнасць і дэмакратычная дыскусія ў у межах СССР, то беларускія рэвалюцыянеры абавязкова прыйшлі б да такога ж расколу, які адбыўся ў міжваеннай Польшчы, ці ў іншых краінах, з эвалюцыяй часткі іх у бок інтэрнацыяналістычнага сацыялізму, а другіх – у бок аўтарытарнай дзяржаўнасці, хай і з шэрагам сацыяльных пераўтварэнняў.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. Гомон. Белорусское [социально]-революционное обозрение №1 // Публицистика белорусских народников: нелегальные

издания белорусских народников (1881—1884) / [составление и подготовка текстов : С.Х. Александрович, И.С. Александрович]. - Минск : Издательство БГУ, 1983. - С.33-59.

2. Гомон. Белорусское социально-революционное обозрение №2 // Публицистика белорусских народников: нелегальные издания белорусских народников (1881—1884) / [составление и подготовка текстов : С.Х. Александрович, И.С. Александрович]. - Минск : Издательство БГУ, 1983. - С.59-122.

3. Шиманская, Л.И. Общественно-политические и социологические взгляды революционных народников Белоруссии : автореф. дис. ... канд. философск. наук : 09.00.08 / Л.И. Шиманская ; Институт философии и права АН БССР. - Киев, 1982. - С.22.

4. Луцкевіч, А. Кудой ісьці / А.Луцкевіч // Наша Ніва : першая беларуская газета з рысункамі : [штотыднёвая газета]. Вып. 5 : 1912—1915, 1920.- Мн. : Тэхналогія, 2009. - 698 с.

5. Резолюции конференции российских национально-социалистических партий, состоявшейся 16–20 апреля 1907 г. в Гельсингфорсе // Национальный вопрос в программных документах политических партий, организаций и движений России. Начало XX в.: Документы и материалы: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. / сост., автор введений и ред. И.В. Нам. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. - С.119-120.

6. Программа Белорусской социалистической громады (1903-1906 гг.) // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. - Мінск : Універсітэцкае, 1993. - № 1. - С. 65.

7. Программа Белорусской социалистической громады (принята III партийным съездом 14-25 октября 1917 г. в Минске) // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. - Мінск : Універсітэцкае, 1993. - № 1. - С. 67-68.

8. Шантыр, Ф. Патрэбнасць нацыянальнага жыцця для беларусаў і самаадзначэння народа / Ф.Шантыр. - Слуцк : Друкарня З.Барнака, 1918. - 21 с.

9. Луцкевіч, А. Родная мова і яе культурнае значэнне / А.Луцкевіч // Наша Ніва : першая беларуская газета з рысункамі : [штотыднёвая газета]. Вып. 3 : 1910.- Мн. : Тэхналогія, 1998. -С.644-646.

10. Ластоўскі, В. Што трэба ведаць кожнаму беларусу? / В.Ластоўскі. - Мінск : Вольная Беларусь, 1918. - 19 с. // Што трэба ведаць кожнаму беларусу [Мікраформа] : зборнік артыкулаў розных аўтараў: М. Міцкевіча, Я. Лёсіка, В. Ластоўскага, М. Багдановіча, Пётры з Арленят і інш. - Мінск : НББ, 1992. - 1 мікрафільм рулонны.

11. Лёсік, Я. Аўтаномія Беларусі / Я.Лёсік. - Мінск : Вольная

Беларусь, 1917. – 16 с. // Мінск : НББ, Ксеракопія з рэпрэнтнага выд. 1990 г. - 1 мікрафільм рулонны.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЫВІТАЛЬНЫЯ ВЫСТУПЛЕННІ.....	6
Раздзел I. ПЛЕНАРНЫЯ ДАКЛАДЫ.....	10
ЭТАПЫ, СУЧАСНЫ СТАН І ПЕРСПЕКТЫВЫ РАЗВІЦЦЯ ГІСТОРЫКА-ПРАВАВОЙ НАВУКІ БЕЛАРУСІ <i>Т.І.Доўнар</i>	10
ГІСТОРЫКА-ПРАВАВАЯ НАВУКА БЕЛАРУСІ І ЎКЛАД У ЯЕ РАЗВІЦЦЕ ГІСТОРЫКА ПРАВА, ДОКТАРА ЮРЫДЫЧНЫХ НАВУК, ПРАФЕСАРА Т.І.ДОЎНАР <i>Л.Л. Голубева</i>	21
ИСТОКИ БЕЛОРУССКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА <i>Г.А. Василевич</i>	29
НАУЧНАЯ ШКОЛА ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА: ВКЛАД В ЮРИДИЧЕСКУЮ НАУКУ И СОВРЕМЕННУЮ ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ <i>Т.И. Макарова</i>	35
РЕЦЕПЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В СВОДЕ ЗАКОНОВ ГРАЖДАНСКИХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ <i>Р.С. Тараборин</i>	40
МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ: ПОИСК ОПТИМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ <i>О.М.Рой</i>	47
КАНДЫЦЫЙНАЕ РЭГУЛЯВАННЕ: ГІСТОРЫЯ І СУЧАСНАСЦЬ <i>Н.Л. Бандарэнка, Ю.Р. Кананевіч</i>	54
ОБ ОСНОВАХ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СФЕРЕ СИСТЕМАТИЗАЦИИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА <i>С.А. Калинин</i>	60
ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОГО И РЕЛИГИОЗНОГО ВЛИЯНИЯ ВИЗАНТИИ (НА ПРИМЕРЕ ПОСТАВЛЕНИЯ КИЕВСКИХ МИТРОПОЛИТОВ ВСЕЛЕНСКИМ ПАТРИАРХАТОМ) <i>В.И. Павлов</i>	67
Раздзел II. НАВУКОВЫЯ АРТЫКУЛЫ	77
ПРАВОВОЙ СТАТУС ОПЕРАТОРА ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВОЙ ПЛОЩАДКИ И СОДЕРЖАНИЕ ЕГО РЕГЛАМЕНТА ДЛЯ ЦЕЛЕЙ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК <i>Ю.А. Амельчэня</i>	77

БИЛИНГВИЗМ В ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ <i>Н.А. Антанович</i>	82
ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ПРАВОВОЙ МЫСЛИ Г. КОНИССКОГО НА ИДЕИ Г.С. СКОВОРОДЫ И С.БОГУШ- СЕСТРЕНЦЕВИЧА <i>С.Б. Антоненко</i>	89
ЧАЛАВЕК ЯК СУБ'ЕКТ ПРАВОЎ І ЧАЛАВЕЧЫ КАПІТАЛ ЯК АБ'ЕКТ ПРАВОЎ <i>М.С. Бандарэнка</i>	94
ДЕФЕКТЫ ПРАВОВЫХ НОРМ КАК ПРИЧИНА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА <i>С.Г. Василевич</i>	98
СУДОВАЯ ўлада ў рэспубліцы беларусь: станаўленне і развіццё <i>У. А. Волкаў</i>	102
ПРАДМЕТ І МЕТАД ПРАВАВОГА РЭГУЛЯВАННЯ ЯК КРЫТЭРЫ ВЫЛУЧЭННЯ ГАЛІНЫ ПРАВА <i>В.Ю. Вячорка</i>	107
ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА С КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ (НА ПРИМЕРЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА БГУ) <i>А. В. Гавриленко</i>	114
ПЕРВЫЕ НОРМАТИВНЫЕ АКТЫ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА, РЕГУЛИРУЮЩИЕ ВОЗДУШНЫЕ ПОЛЕТЫ И ИХ БЕЗОПАСНОСТЬ <i>И.В. Гринев</i>	120
НАРМАТЫЎНАЯ РЭГЛАМЕНТАЦЫЯ АДВАКАЦКАЙ ДЗЕЙНАСЦІ ПАСЛЯ ПРЫНЯЦЦЯ СТАТУТА 1529 ГОДА <i>А.А. Гур'ева</i>	125
К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ БРАКА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ <i>Н.В. Денисенко</i>	132
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБРАЗОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТА ИЗ АКТА КАЗУАЛЬНОГО ТОЛКОВАНИЯ И ПРЕДЕЛЫ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ <i>Г.Н. Дудко</i>	139
ВИДЫ ОСОБОГО ПРАВОВОГО ПОРЯДКА: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КРИТЕРИЕВ КЛАССИФИКАЦИИ <i>С.И. Ежикова</i>	144
УЧАСТИЕ РОССИЙСКИХ И БЕЛОРУССКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ В ИЗУЧЕНИИ ПРАВА СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕРБИИ <i>В.И. Ермолович</i>	150

ЗАЩИТА ПРАВ ЖЕНЩИН: ИСТОРИЯ ВОПРОСА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЧАСТНОГО ПРАВА БЕЛАРУСИ <i>Т.П. Иванова</i>	162
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ <i>А. И. Иванцова</i>	169
НОРМА-ДЕКЛАРАЦИЯ КАК ФОРМА ВЫРАЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ <i>Е.А. Калинина</i>	177
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ УСЛУГИ КАК ЭЛЕМЕНТ ЭЛЕКТРОННОГО МУНИЦИПАЛИТЕТА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ <i>Т.М. Киселёва</i>	184
ДА ПЫТАННЯ АБ ПРАВЯДЗЕННІ ЗЯМЕЛЬНА-АГРАРНАЙ РЭФОРМЫ XVI СТ. НА ЎСХОДНІХ ЗЕМЛЯХ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА <i>А.В. Кожар</i>	190
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН <i>Н.М. Кондратович</i>	195
ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕРМИНА ВРЕД И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ <i>Е.С. Королева</i>	206
ПРАВОВЫЕ СТИМУЛЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ В ИНВЕСТИЦИОННОМ ПРАВЕ <i>О.М. Куницкая</i>	211
ИРРИГАЦИОННАЯ КОНЦЕПЦИЯ К. А. ВИТТФОГЕЛЯ В КОНТЕКСТЕ ИНФРАСТРУКТУРНОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА <i>Д.А. Кучугурный</i>	216
ПРАВО И ИСТОРИЯ В СУДЬБЕ ВЛАДИМИРА ГРАБАРЯ <i>Д. В. Мазарчук</i>	220
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПРАВОВАЯ НОРМА: КРИТЕРИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ <i>А.В. Маргарян</i>	224
ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПРАВА: МНОГООБРАЗИЕ ВЗГЛЯДОВ <i>С.В. Мирошник</i>	240
ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В СФЕРЕ ПРАВОВОГО	245
РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ <i>Н.В. Мисаревич</i>	245

СТАНАЎЛЕННЕ СУДОВАЙ УЛАДЫ Ё СТАРАЖЫТНЫХ КНЯСТВАХ <i>А.А. Міхневіч</i>	251
АБ АКТУАЛЬНЫХ НАПРАМКАХ РАЗВІЦЦА НАЦЫЯНАЛЬнай КАНЦЭПЦЫІ ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСКАЙ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ <i>І.В. Нямкевіч</i>	258
ПОДДЕРЖАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ В СУДЕ КАК ОБЛАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ <i>О.В. Петрова</i>	268
ДЕТЕРМИНАНТЫ РИСКА В ПРАВОТВОРЧЕСТВЕ <i>О.В. Пискунова</i>	272
КАНСТЫТУЦЫЙНАЕ ПРАВА ПА ЗАКАНАДАЎСТВУ Вялікага Княцтва Літоўскага <i>Г.А. Праневіч</i>	278
ВКЛАД ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА Т.И. ДОВНАР В ИЗУЧЕНИЕ И ПРЕПОДАВАНИЕ ВАЖНЕЙШИХ СОБЫТИЙ ИСТОРИИ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО (АНТОЛОГИЯ) <i>С.В. Решетников</i>	285
АРЕНДНОЕ ЖИЛЬЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ <i>Е.А. Реуцкая</i>	288
О НАПРАВЛЕНИЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАХВАТА ГРАЖДАНИНОМ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ (СТ. 109 УПК) <i>С.В. Рыбак</i>	291
У СУКВЕЦЦІ ЗОРАК БЕЛАРУСКАЙ ЮРЫДЫЧНАЙ НАВУКІ <i>І.А. Саракавіч</i>	297
ИСТОРИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ГРОДНЕНЩИНЕ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ <i>В.В. Седельник</i>	302
ПРАВЫ ШЛЯХТЫ ПА СТАТУТУ Вялікага Княства Літоўскага 1588 Г. І ДЭКЛАРАЦЫІ ПРАВОЎ ЧАЛАВЕКА І ГРАМАДЗЯНІНА 1789 Г.: ПАРАЎНАЛЬНЫ АНАЛІЗ	307
<i>А.Ю. Сіманаў</i>	307
О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИЗМЕНЕНИЯ, ЗАМЕНЫ, ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ И ОТМЕНЫ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР СУДЕБНЫМ ИСПОЛНИТЕЛЕМ <i>В.П. Скобелев</i>	311

РАЗДЕЛЕНИЕ И КОНЦЕНТРАЦИЯ ВЛАСТИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД <i>И.Г. Скороход</i>	318
НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА ПРАВООТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ <i>П.В. Соловьёв</i>	323
ПРИНЦИП ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ <i>Т.С. Таранова</i>	330
ПАМЯТИ КРАВЧЕНКО НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА КАК ОСНОВОПОЛОЖНИКА ИЗУЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ТРУДОВОГО ПРАВА <i>К.Л. Томашевский</i>	337
ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР <i>А.Н. Фионов</i>	342
СПЕЦИФИКА ОБЪЕКТИВИРОВАНИЯ ОТСЫЛОЧНЫХ НОРМ В НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТАХ <i>А.С. Хованцев</i>	348
ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ТРАНСПОРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ <i>О.А. Хотько</i>	356
ГЛОБАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СФЕРЫ ТРУДА И МОДЕРНИЗАЦИЯ ТЕОРИИ ТРУДОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ <i>С.Ю. Чуча</i>	362
УПЛЫЎ ЛІЧБАВЫХ ІНФАРМАЦЫЙНЫХ ПРАЦЭСАЎ НА ПАКАРАННЕ І ПРАВАВОЕ СТАНОВІШЧА АСУДЖАНЫХ <i>Д.В. Шаблінская</i>	368
КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ПО КОНСТИТУЦИИ БССР 1978 Г. <i>А.В. Шавцова</i>	375
О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА <i>В.А. Шаршун</i>	382
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ <i>И.В. Шахновская</i>	388
КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ И СТАТУТЫ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО <i>О.Н. Шупицкая</i>	393

ЭВАЛЮЦЫЯ УЗАЕМАСУВЯЗІ НАЦЫЯНАЛЬнай І САЦЫЯЛІСТЫЧнай ІДЭЙ У ІДЭАЛОГІ БЕЛАРУСКІХ САЦЫЯЛІСТЫЧНЫХ АРГАНІЗАЦЫЙ КАНЦА ХІХ - ПАЧАТКУ ХХ СТАГОДДЗЯ <i>Д.В. Шчэрбік</i>	399
---	-----